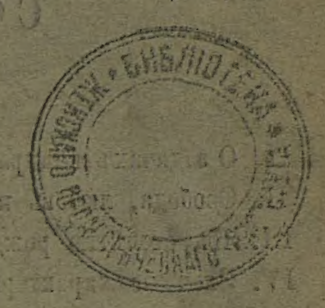
РУССКАЯ БЕСѢДА

ЯНВАРЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

СОДЕРЖАНІЕ.

БЛАГОВѢСТЪ

Январь

1895

Кормчій Ѳ. Четыркинъ.

Приложеніе къ «Русской Бесѣдѣ».

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 23 сентября 1894 года.
Цензоръ Протоіерей **А. Автономовъ.**

Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

Е. К. Апостолиди.

Древнехристіанскіе церковные писатели объ изученіи греческихъ классиковъ.

Приступая къ изложенію взглядовъ древнецерковныхъ писателей на изученіе классиковъ, мы находимъ возможнымъ лишь въ нѣсколькихъ словахъ коснуться съ современной точки зрѣнія борьбы тѣхъ двухъ направленій въ образованіи юношества, которыя давно принято называть у насъ классическимъ и реальнымъ. Итакъ,—классицизмъ или реализмъ? Этотъ, слишкомъ старый, вопросъ, снова появившійся на страницахъ исторіи, принадлежитъ къ числу такихъ вопросовъ, которые рѣшаются цѣлыми столѣтіями и въ то же время никогда не могутъ считаться безусловно теоретически рѣшенными въ одномъ какомъ либо строго опредѣленномъ смыслѣ. Подобнаго рода вопросы, возникая не разъ и не два, а безконечное число разъ, по долгу, обыкновенно, занимаютъ умы современниковъ и, не находя окончательнаго рѣшенія въ своей сущности, на время остаются открытыми, принимая только уже въ самой жизни то или другое рѣшеніе,—но съ тѣмъ, однако, чтобы снова черезъ нѣкоторое время появиться на обновленной сценѣ исторіи. Дѣло такимъ образомъ продолжается до тѣхъ поръ, пока, подъ вліяніемъ какихъ нибудь требованій и необходимыхъ условій жизни, старый вопросъ не вырождается, такъ сказать, въ новый, который въ свою очередь переживаетъ подобную же судьбу. Причину такого, на первый взглядъ весьма страннаго, явленія, по нашему мнѣнію, должно усматривать въ необычайной сложности и широтѣ съ одной стороны, съ другой въ неопредѣленности того круга понятій, который захватывается даннымъ вопросомъ.

Споръ о классицизмѣ и реализмѣ ранѣе чѣмъ гдѣ либо возникъ впервые въ той же самой Германіи, гдѣ и теперь онъ волнуетъ умы. Еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія явились тамъ, на ряду съ классическими школами стараго схоластическаго типа, школы съ новымъ, реалистическимъ направленіемъ обученія. Но окончательно утвердились онѣ тамъ лишь въ началѣ текущаго столѣтія; именно 6-го октября 1839 года прусское правительство особымъ постановленіемъ признало эту новую категорію школъ и утвердило за ними то названіе (Realschülen), которое благосклонно принято въ настоящее время почти во всей Европѣ. Вмѣстѣ съ появленіемъ этихъ школъ возникъ и вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ и значеніи реальнаго новаго и стараго классическаго образованія [1]). Едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что вновь возникшій споръ былъ только продолженіемъ и видоизмѣненіемъ давнишняго, стараго спора объ отношеніи классическаго и христіанскаго образованія, начало котораго слѣдуетъ относить къ первымъ вѣкамъ христіанства. Главные защитники и проповѣдники реализма въ дѣлѣ обученія, естественно, вышли изъ обширнаго круга противниковъ классическаго образованія и старались доказать, что эта послѣдняя система образованія не удовлетворяетъ запросамъ жизни вообще и требованіямъ истинно-христіанскаго воспитанія въ особенности; если же классическое образованіе не удовлетворяетъ насущнымъ потребностямъ жизни, то оно должно уступить свое мѣсто другому, болѣе цѣлесообразному, которое вполнѣ отвѣчало бы столь законному требованію; но таковымъ именно и является реальное образованіе. Съ другой стороны, если классицизмъ, по своему общественно-воспитательному значенію стоитъ ниже реализма и не даетъ въ развитіи учащихся желаемыхъ плодовъ, то онъ не можетъ быть совмѣстимъ и съ христіанскимъ воспитаніемъ, цѣль котораго состоитъ въ стройномъ развитіи всѣхъ лучшихъ и высшихъ сторонъ человѣческой природы въ духѣ христіанской религіи. Словомъ, классицизмъ, по мнѣнію его противниковъ, долженъ быть совершенно изгнанъ изъ школъ, какъ безполезное и тяжелое бремя для юношества, и всюду долженъ быть замѣненъ той единственно разумной системой обученія, которая весьма удачно охарактеризована въ словѣ „реализмъ".

Въ виду сказаннаго нами, избранный предметъ нашего изслѣдованія представляется не лишеннымъ не только научнаго инте-

---

[1]) Вл. Плотниковъ,—«Вопросъ о классикахъ», стр. 115, Каз. 1884 г.

реса вообще, но и значенія современности. Безъ всякаго сомнѣнія, реальное образованіе имѣетъ всѣ законныя права на существованіе: польза и необходимость его слишкомъ очевидны. Но въ то же время не менѣе законныя права на существованіе имѣетъ и классическая система образованія. Помимо того, что потребность въ классическомъ образованіи (точно также какъ и въ реальномъ) глубоко коренится во всемъ общественномъ строѣ образованнаго человѣчества и даже въ самихъ задачахъ и цѣляхъ всякаго образованія, въ его пользу слишкомъ краснорѣчиво говоритъ вся исторія христіанской науки и просвѣщенія. Нельзя, однако, не выразить сожалѣнія по поводу того, что историческія данныя для рѣшенія вопроса о достоинствѣ и значеніи классическаго образованія затруднительно считать вполнѣ выясненными наукой.

Задавшись цѣлью изложить взгляды на изученіе классиковъ отцовъ и учителей Церкви, т. е. прослѣдить въ нѣкоторомъ смыслѣ исторію классическаго образованія въ Церкви христіанской, мы, впрочемъ, намѣрены заключить поле нашего изслѣдованія въ сравнительно узкіе предѣлы, а именно: ограничимся изложеніемъ взглядовъ на этотъ предметъ отцовъ и учителей только наиболѣе древнихъ, точнѣе отцовъ и учителей Церкви первыхъ пяти вѣковъ христіанства и при томъ исключительно происхожденія греческаго.

Голосъ отцовъ и учителей Церкви первыхъ пяти вѣковъ пользуется вообще глубокимъ уваженіемъ въ нашей Православной Церкви, предпочтительно предъ отцами и церковными учителями всѣхъ другихъ вѣковъ. Но особенно важное значеніе этотъ голосъ долженъ имѣть по вопросу о классическомъ образованіи потому, что святость и ученость никогда не соединялись въ такомъ стройномъ сочетаніи, какъ въ лицѣ этихъ отцовъ и учителей Церкви. „Никакой другой періодъ церковной исторіи не выставилъ столько великихъ, вселенскихъ учителей вѣры и благочестія, какъ четвертый и пятый вѣка. Безсмертныя ихъ творенія, памятники ихъ генія, учености и святости, безспорно, представляютъ золотой вѣкъ христіанской литературы. Поэтому, авторитетъ св. отцовъ и учителей Церкви этой эпохи въ дѣлѣ христіанскаго ученія и христіанской дисциплины долженъ имѣть гораздо большее значеніе, чѣмъ церковныхъ учителей послѣдующаго времени. Голосъ ихъ—голосъ самой Каѳолической Церкви“ [1]). Съ другой стороны, громадное боль-

---

[1]) Влад. Плотниковъ.—«Исторія христ. просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности». Періодъ второй. Стр. 3. Казань 1890 г.

шинство наиболѣе уважаемыхъ за святость жизни и ученость отцовъ и учителей Церкви за указанный періодъ времени принадлежитъ греческой народности. Какъ же смотрѣли отцы и учители древней греческой церкви на классическое образованіе? Отвергали они древнюю греческую науку и литературу, или, напротивъ, покровительствовали имъ? Вотъ вопросы, которые и должны составить предметъ нашего изложенія въ дальнѣйшемъ.

I.

Взглядъ древнихъ іудеевъ на изученіе древнихъ классиковъ.

Исторія отношеній іудейства къ древней греческой образованности представляетъ много аналогичныхъ чертъ съ отношеніями къ послѣдней исповѣдниковъ Христа. Это сходство объясняется съ одной стороны одинаковыми культурно-историческими условіями, въ какихъ Божіимъ Промысломъ поставлены были какъ іудеи предъ пришествіемъ Христа, такъ и христіане на первыхъ порахъ своего существованія, а съ другой стороны—несомнѣннымъ вліяніемъ на христіанство самаго іудейства, къ которому христіанство исторически примыкало непосредственно, среди котораго впервые оно возникло и окрѣпло. Въ виду этого, для полнаго уясненія взгляда христіанской древности на классическое образованіе, намъ представляется совершенно необходимымъ начать наше изслѣдованіе съ изложенія взглядовъ на тотъ же предметъ, господствовавшихъ среди іудеевъ времени предъ пришествіемъ Христа, и тѣхъ условій, среди которыхъ сложились эти взгляды.

Пока Іудея сохраняла свою политическую самостоятельность, между народами древняго міра не было никакихъ сношеній, ни торговыхъ, ни политическихъ, ни духовно-культурныхъ. Причины такой обособленности царства Іудейскаго Іосифъ Флавій вполнѣ справедливо усматриваетъ въ экономическихъ и географическихъ условіяхъ обѣтованной земли: въ отсутствіи безопасныхъ гаваней на іудейскихъ берегахъ Средиземнаго моря, въ неудобствахъ сообщенія чрезъ сухопутныя границы, которыя представляли безпрерывную цѣпь высокихъ горъ и обширныхъ пустынь,—въ изобиліи естественныхъ богатствъ, которое устраняло нужду въ торговыхъ сношеніяхъ съ другими странами и т. п. [1]) Но безъ вся-

---

[1]) Проф. Ловягинъ. «Объ отношенія писателей классическ. къ библейск. по воззрѣнію христ. апологетовъ». Стр. 65, СПБ., 1872 г.

каго сомнѣнія, несравненно болѣе важнымъ и непредолимымъ, чѣмъ естественныя неудобства границъ Іудейскаго царства, средостѣніемъ между іудеями и языческимм народами древняго міра служили вѣрованія и учрежденія іудеевъ, имѣвшія рѣшительное вліяніе на всѣ стороны ихъ національной жизни. Такъ именно смотрѣли на законъ Моисеевъ, опредѣлявшій всѣ отправленія частной и общенародной жизни Авраамова потомства, и сами іудеи. „Мудрый законадатель нашъ“—(писалъ Арист. къ Филокр.) законодатель, наученный отъ Бога всякому познанію, оградилъ насъ несокрушимою оградою и какъ бы желѣзными стѣнами, чтобы мы ни въ чемъ не смѣшивались ни съ однимъ изъ другихъ народовъ, оставаясь чистыми по тѣлу и душѣ, чуждыми суетныхъ мнѣній и почитающими Единаго надъ всѣми тварями и всемогущаго Бога“ [1]). Законъ Моисеевъ, имѣя въ виду сохранить неприкосновенную чистоту богодарованной религіи, строго запрещалъ іудеямъ входить въ какое либо общеніе съ языческими народами какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ, настойчиво внушая имъ мысль объ ихъ исключительномъ положеніи въ средѣ народовъ древняго міра [2]). И хотя мысль эта предавалась забвенію народомъ каждый разъ, какъ онъ измѣнялъ Іеговѣ, но она всегда и воскресала въ сознаніи народа вмѣстѣ съ его обращеніемъ. Со времени Александра Македонскаго Іудею начинаютъ время отъ времени поражать тѣ грозные удары, которые столѣтіе спустя заканчиваются ея политическою смертью.

Славные походы македонскаго завоевателя на Востокѣ проложили въ Азію путь мирнымъ завоеваніямъ древней греко-римской цивилизаціи. Съ этого времени начинается вліяніе ея и на замкнутую въ себѣ страну народа Божія. Впрочемъ, размѣры этого вліянія могли быть здѣсь только самыми незначительными, и именно вотъ почему: главнымъ препятствіемъ для всякаго рода стороннихъ вліяній на избранный народъ былъ, разумѣется, Моисеевъ законъ, столь ревниво оберегавшій Израиля отъ вредныхъ совнѣ приражений; но причины этого явленія, конечно, менѣе важныя и значительныя, скрываются также и въ самихъ историческихъ судьбахъ, которыя пережилъ народъ іудейскій. Извѣстно, въ какомъ состояніи находилась Іудея предъ пришествіемъ Христа въ міръ. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ она выдерживала борьбу за свою неза-

---

[1]) Ibid., стр. 66.
[2]) Второз. IV, 6—20, Ездр. IX, 12. Неем. XIII, 23.

висимость съ могущественными сосѣдями своими, народами Сиріи и Египта. Возстаніе и побѣды братьевъ Маккавеевъ были не болѣе, какъ только самымъ героическимъ эпизодомъ этой почти непрерывной и сомнительной борьбы. Когда же появились въ обѣтованной землѣ страшные всему міру римляне, борьба оказалась невозможной, и народъ избранный раздѣлилъ участь другихъ порабощенныхъ народовъ. Однако этотъ живучій и стойкій народъ кромѣ своихъ городовъ и селъ ничего не хотѣлъ уступить побѣдителямъ: съ самой непоколебимой твердостью онъ отстаивалъ и сохранялъ свои вѣрованія, свои законы и обычаи. Онъ поневолѣ покорился ярму, тяготѣвшему на немъ, и не падалъ духомъ. Надежда на лучшее будущее ободряла и утѣшала его среди скорбныхъ обстоятельствъ настоящаго. Онъ ждалъ избавителя, сильнаго царя потомства Давидова, ждалъ Мессію, который представлялся его, напуганному военными погромами, воображенію не иначе, какъ въ видѣ счастливаго побѣдителя, имѣвшаго доставить Израилю то положеніе въ мірѣ, какое тогда занималъ могущественный Римъ. Отъ времени до времени изъ толпы выходили самозванцы, объявлявшіе себя подобными мессіями и тѣмъ еще болѣе усиливавшіе напряженность ожиданій появленія истиннаго, издревле обѣщаннаго, Мессіи; но всѣ предпріятія этихъ смѣльчаковъ оканчивались обыкновенно ихъ казнями. Не смотря на это, весь народъ отъ старѣйшины до послѣдняго бѣдняка, не переставалъ вѣрить въ скорое пришествіе Избавителя. Обѣтованія Божественнаго откровенія на этотъ счетъ были слишкомъ опредѣленны и ясны и не могли остаться безъ исполненія: рано или поздно Мессія придетъ и народъ Богомъ избранный станетъ во главѣ всѣхъ другихъ народовъ. Богъ отцовъ самъ знаетъ, какъ и когда настанетъ время избавленія его первенца. Что же было дѣлать до наступленія этого желаннаго времени? Оставалось терпѣливо ждать велѣній Промысла, вѣрно сохраняя законъ Іеговы; оставалось, съ одной стороны, всѣми мѣрами противиться вліянію чужеземныхъ вѣрованій, нравовъ и обычаевъ, съ другой—предупреждать и подавлять возмущенія толпы противъ побѣдителей, потому что эти возмущенія обыкновенно самымъ плачевнымъ образомъ отзывались на всемъ народѣ, на его свободѣ и благосостояніи. Эти двѣ задачи и поставила для себя знаменитая въ исторіи іудейства послѣднихъ временъ секта, которая играла столь важную роль въ евангельской исторіи, и въ которой весьма рельефно воплотился консервативный духъ націи. Вездѣ и всякимъ способомъ эти руководители народа старались

запечатлѣть въ его памяти всѣ постановленія закона и побудить его къ ихъ исполненію. Іудей долженъ былъ имѣть единственнымъ критеріемъ своихъ дѣйствій законъ, ему одному повиноваться, по его указаніямъ устраивать всю свою жизнь. Для него должно было сдѣлаться привычкою „почиваніе на законѣ“, отступленіе отъ него нравственною невозможностью. По свидѣтельству исторіи, таковы, дѣйствительно, и были іудеи. „Если бы мы были лишены богатства городовъ и другихъ благъ“, говоритъ Іосифъ Флавій, —„то у насъ все таки на вѣки остается законъ. И никакой іудей, какого бы свирѣпаго владыку ни имѣлъ, никогда не убоится этого послѣдняго болѣе, чѣмъ закона“ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ народѣ іудейскомъ воспитывалась боязнь и отвращеніе ко всему иноземному, въ особенности ко всему греческому. Въ данномъ случаѣ внушенія народныхъ руководителей находили для себя самую благодатную почву въ томъ чувствѣ ненависти, какое развилось у іудеевъ къ греческой націи подъ вліяніемъ историческихъ событій, „Іудейская территорія, какъ извѣстно была театромъ военныхъ дѣйствій, гдѣ цари Египта и Сиріи рѣшали оружіемъ свои безконечныя распри. Какая бы сторона ни одержала верхъ, несчастная Іудея всегда страдала при этомъ, и перемѣна правительства не приносила ей никакой пользы; а такъ какъ обѣ державы были греческія, то естественно, что вообще эллинское господство должно было быть ненавистно іудеямъ. Но особенную ко всему греческому ненависть вызвали у нихъ Селевкиды, вовремя своего господства надъ Іудеею; народное же негодованіе достигло крайней степени, когда Антіохъ Епифанъ въ своемъ произволѣ дошелъ до того, что захотѣлъ принудить іудеевъ отказаться отъ своей національности и принять греческіе нравы и религію“ [2]). Какъ мы видимъ стремленія партіи, стоявшей во главѣ іудейскаго народа, какъ нельзя болѣе отвѣчали народнымъ симпатіямъ: здѣсь мы находимъ объясненіе популярности этой партіи и того огромнаго вліянія, какое она оказывала на всѣ стороны жизни іудеевъ. Въ особенности вліяніе фарисеевъ должно было отразиться на организаціи школьнаго образованія, гдѣ они, естественно, чувствовали себя полными хозяевами.

[1]) Contra Apionem II, 38; I, 8.
[2]) Вл. Плотниковъ. Исторія отн. хр. просв. къ г-р. обр., пер. 1, стр. 7 съ незнач. проп.

Все воспитаніе, какъ домашнее, семейное, такъ равно и школьное, синагогальное, имѣло въ виду сдѣлать изъ народа іудейскаго исключительно народъ завѣта. На шестомъ году возраста іудей долженъ былъ читать Библію, на десятомъ—знакомиться съ Мишною, на тринадцатомъ уважать и исполнять 613 заповѣдей закона, а на пятнадцатомъ—заниматься гемарою [1]). На греческое образованіе и литературу іудей смотрѣлъ съ отвращеніемъ и страхомъ, видя въ нихъ источникъ невѣрія и всякаго нечестія. Народные вожди угрожали отлученіемъ отъ храма и синагоги и лишеніемъ вѣчнаго спасенія всякому, кто вздумалъ бы смотрѣть на это дѣло иначе и самъ изучать или обучать дѣтей греческой мудрости. Въ вавилонскомъ талмудѣ разсказывается, напримѣръ, слѣдующее: „Бенъ-Димма, племянникъ раввина Измаила, спросилъ однажды своего дядю—можно ли ему послѣ того, какъ онъ изучилъ все св. Писаніе, приступить къ изученію іонической мудрости. На это дядя отвѣтилъ ему словами Писанія: да не отступитъ книга закона отъ устъ твоихъ, и да поучаешися въ ней день и нощь. Греческую же мудрость изучай въ тотъ часъ, который не принадлежитъ ни ко дню, ни къ ночи". Совершенно одинаковый съ этимъ отзывомъ относительно изученія и употребленія древнихъ классиковъ даетъ раввинъ Іисусъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ іерусалимскій талмудъ. Въ томъ же вавилонскомъ талмудѣ содержится такое поясненіе къ этимъ отзывамъ: „этотъ отвѣтъ равносиленъ совершенному запрещенію и означаетъ: никогда нельзя, потому что подобный часъ не существуетъ". Мотивы къ изгнанію изъ іудейскихъ школъ греческой науки и литературы раввинъ Азарія указываетъ слѣдующіе: „отцы синагоги, говоритъ онъ,—запрещаютъ книги вредныя для вѣры, каковы сочиненія греческихъ философовъ, которые своими ложными принципами и ошибочными разсужденіями приводятъ къ невѣрію и нравственному развращенію". Раввинъ Обадія Бартенорскій вноситъ въ индексъ, кромѣ философскихъ сочиненій, „также поэтическія и эротическія пѣсни и любовные разсказы" грековъ. Но само собою разумѣется, что это раввинское предписаніе во всей своей строгости не могло быть сдѣлано безусловно обязательнымъ для всѣхъ. Когда Іудея была независимымъ царствомъ и замкнута отъ всѣхъ окружающихъ народовъ въ своихъ естественныхъ гра-

[1]) Mischna. VI. 116 и IV 482.

ницахъ, тогда, конечно, безнаказанно можно было трактовать объ остальномъ мірѣ, какъ о совсѣмъ неважныхъ, пустыхъ и вдобавокъ страшныхъ и опасныхъ предметахъ. Но теперь политическія обстоятельства были совершенно иныя: Іудея вошла въ предѣлы всемірной греко-римской монархіи; съ греками и съ греческою культурою приходилось сталкиваться лицомъ къ лицу и прежнія отношенія къ нимъ были, безъ сомнѣнія, немыслимы, по крайней мѣрѣ для всего народа вообще. Явилась жизненная необходимость въ компромиссѣ, уступкахъ и ограниченіяхъ общаго безусловно выраженнаго принципа, которыя, дѣйствительно, и были сдѣланы. Исключеніе было сдѣлано, во-первыхъ, для старѣйшинъ народа, на обязанности которыхъ лежало между прочимъ опровергать языческія заблужденія и тѣмъ предохранять отъ увлеченія ими своихъ соотечественниковъ, и во-вторыхъ для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя служили при дворѣ государя или правителя-грека, потому что имъ, въ виду ихъ собственныхъ выгодъ и пользы, надо было такъ или иначе приспособиться къ образу жизни, нравамъ и воззрѣніямъ своихъ повелителей. Въ Гемарѣ ставится и рѣшается слѣдующій вопросъ: „какъ можетъ быть запрещаемо изученіе греческой мудрости, когда раввинъ Симеонъ, сынъ Гамаліила, говорилъ: „въ нашемъ семействѣ была тысяча молодыхъ людей, изъ которыхъ пятьсотъ изучали святой законъ, а другіе пятьсотъ—греческую мудрость". Отвѣтъ: „Семейство раввина Гамаліила было въ исключительномъ положеніи, какъ принадлежащее ко двору государя". Дѣйствительно, извѣстно, что отцы синагоги позволили этому семейству изученіе греческой мудрости, потому что оно жило при дворѣ. Въ вавилонскомъ талмудѣ говорится: „члены Синедріона должны быть свѣдущи въ наукѣ магіи и въ языческомъ богословіи [1]).

Не напрасно секта фарисейская поставила своей задачей такъ ревниво оберегать народную жизнь и культъ отъ всякихъ чуждыхъ вліяній; опасность съ этой стороны не была просто выдумана ими, а существовала на самомъ дѣлѣ, и притомъ опасность большая. Постоянно возроставшій приливъ иноземныхъ ученій и обычаевъ грозилъ, при малѣйшей оплошности кормчихъ, совершенно потопить святой ковчегъ завѣта іудеевъ съ Іеговой. Уже ессеи изъ закона Моисеева сдѣлали нѣчто въ родѣ устава пиѳагорейской общины. Ѳерапевты искали высшаго откровенія

[1]) Обѣ цитаты заимствов. изъ соч. Вл. Плотникова, стр. 13.

истины, вмѣсто боговдохновенныхъ писаній пророковъ, въ восточномъ экстазѣ. И другія секты, не менѣе опасныя, процвѣтали тогда въ Іудеѣ. Но особенно вредною для чистоты и прочности народной вѣры была секта садукеевъ, которые ради эллинской мудрости измѣнили вѣрѣ отцовъ. Частныя увлеченія всѣмъ греческимъ начались среди іудеевъ, какъ нужно думать, очень рано, едва ли не съ первыхъ дней политическаго соприкосновенія съ греками и съ теченіемъ времени только учащались, пока не отлились въ форму особой секты. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что рѣшительныя мѣры, предпринятыя Антіохомъ Епифаномъ противъ іудейской религіозной и національной обособленности, усиливая ненависть къ греческому имени въ простомъ классѣ іудейскаго народа, въ тоже время проложили путь къ болѣе значительному, чѣмъ прежде, эллинскому вліянію на іудеевъ. Явились среди избраннаго народа лица, которыя или изъ желанія пріобрѣсти благосклонность Антіоха, или же изъ страха разнаго рода гоненій съ его стороны, рѣшились подчиниться его велѣніямъ. Такъ, въ самомъ Іерусалимѣ положено было начало образованію особой партіи, извѣстной въ исторіи подъ именемъ іудеевъ эллинистовъ. Впрочемъ, можно указать и болѣе общую причину появленія на сценѣ исторіи этой партіи. Если іудейскій народъ, вообще, враждебно былъ настроенъ по отношенію ко всему иноземному, то въ массѣ, разумѣется, не мало оказывалось и такихъ лицъ, на которыя окружающій языческій міръ долженъ былъ производить совершенно другое вліяніе. Всякій мыслящій, внимательно вглядываясь въ окружающее его, скоро могъ замѣтить, что не все здѣсь такъ безсмысленно, нечестиво и достойно отвращенія, какъ представляли себѣ фанатическіе чтители закона—книжники, но что отъ лучшихъ представителей языческихъ народовъ можно было даже и самимъ поучиться многому. Прекрасныя созданія искусства, могучій полетъ философской мысли, совершенство литературныхъ формъ, удобства частной и общественной жизни: все это—такіе предметы, которые не могли не привлечь сердца многихъ. Прибавимъ ко всему этому еще то обаяніе, которымъ окружено было греческое имя во всемъ древнемъ мірѣ той эпохи, и для насъ станетъ понятнымъ, почему противъ его обаянія не устоялъ даже іудей, привыкшій смотрѣть на все окружающее съ презрѣніемъ и свысока. Такое безмолвное и вовсе незамѣтное вліяніе жизни часто бываетъ самымъ прочнымъ, и никакая исключительность не могла всецѣло закрыть

глаза более интеллигентныхъ сыновъ Израиля на важность и значеніе богатѣйшей цивилизаціи. Увлеченіе эллинистовъ-іудеевъ было такъ велико, что вскорѣ они отказались отъ соблюденія закона Моисеева, выстроили греческую гимназію въ Іерусалимѣ, дали греческую форму своимъ именамъ и усвоили всѣ греческіе обычаи. Это была, конечно, крайность, достойная всякаго осужденія, почему партія садукеевъ и не пользовалась популярностью и сочувствіемъ массы и не имѣла будущности. Въ общемъ, слѣдовательно, іудеи, населявшіе Палестину, съ ненавистью относились, какъ къ греческимъ вѣрованіямъ и обычаямъ, такъ и къ греческому образованію, къ изученію памятниковъ древне-греческой науки и литературы.

Совершенно иной взглядъ и другія отношенія къ греческому образованію сложились, подъ вліяніемъ судебъ историческихъ, у тѣхъ евреевъ, которые были разсѣяны по разнымъ странамъ всемірной греко-римской имперіи. Здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій іудеи находились подъ прямымъ и непосредственнымъ вліяніемъ греческой культуры, греческаго образованія, и понятно, вліяніе это должно было сказаться въ несравненно болѣе сильной степени, чѣмъ въ отдаленной Палестинѣ.

Когда послѣдовательные удары сначала ассирійскаго, затѣмъ вавилонскаго плѣненія разрушили всѣ надежды іудейскаго народа на политическое могущественное существованіе, то теченію его жизни было дано затѣмъ новое направленіе. Съ тѣхъ поръ въ Палестинѣ обитала сравнительно самая незначительная часть іудейскаго народа, большинство же оставалось на чужбинѣ, наводнивъ собою едва ли не весь извѣстный тогда міръ.

„Трудно найти такое мѣсто въ мірѣ, говоритъ Страбонъ, гдѣ бы не были они въ силѣ“ [1]). Тоже самое свидѣтельствуетъ объ іудейскомъ народѣ кумейская сивилла, относимая обыкновенно ко второму вѣку до Р. Х. [2]) Въ странахъ, прилегавшихъ къ Евфрату, іудеи водворились въ качествѣ плѣнниковъ во времена ассиро-вавилонскаго плѣненія и занимали тамъ обширныя области. Здѣсь дарована была имъ полная религіозная свобода въ отправленіи своего религіознаго культа и многія другія, весьма важныя, привилегіи, такъ что положеніе ихъ вовсе на казалось имъ стѣснительнымъ. А когда извѣстнымъ указомъ Кира дозволено имъ было

---

1) Іосифъ Флавій. Древности іудейскія, XIV, 7. 3.
2) Sib. III, 271 и дал.

возвратиться на родину, большая часть предпочла чуждую страну своему отечеству [1]). Жизненныя выгоды, здѣсь имъ предоставленныя, и богатые дары роскошной природы приевфратскихъ странъ пересилили въ данное время ту глубокую тоску по родинѣ, какая овладѣла іудеями на первыхъ порахъ ихъ плѣна и которая столь краснорѣчиво была выражена пророкомъ въ его „Плачѣ". Вмѣсто возвращенія на родину іудеи въ большинствѣ случаевъ остались на „рѣкахъ вавилонскихъ" и съ этого времени стали разселяться по всѣмъ областямъ гостепріимно пріютившей ихъ страны. Въ качествѣ плѣнниковъ переселены были жители Палестины и во многія другія страны, потомъ вошедшія въ составъ Римской имперіи: при Антіохѣ Великомъ въ малоазійскія области Лидію и Фригію—въ количествѣ 2000 семействъ [2]), при Александрѣ Македонскомъ въ Ѳиваиду 8000 человѣкъ и частью въ Александрію[3]), — при Птоломеѣ Лагѣ—въ Египетъ въ количествѣ 100 тысячъ человѣкъ, а при Помпеѣ—и въ самый Римъ [3]) Но еще въ несравненно большемъ количествѣ іудеи добровольно и по собственной инпціативѣ выселялись изъ Палестины въ многочисленныя, всюду разсѣянныя македонскія и римскія колоніи, куда кромѣ весьма важныхъ привилегій привлекали ихъ также благопріятныя условія для торговли. Только ради этого они во множествѣ переселились въ Антіохію, Дамаскъ и во всѣ Сирійскія провинціи, въ Александрію, гдѣ изъ 5 частей города главнѣйшія двѣ были заняты исключительно ими [4]), въ Египетъ, Ливію и Киренаику, гдѣ они составляли четверть всего населенія, даже въ Грецію, Италію, Испанію и наконецъ, на всѣ острова Средиземнаго моря. Въ тоже самое время шла усиленная колонизація грековъ въ восточныя области имперіи. Это соприкосновеніе іудея съ грекомъ повлекло за собой въ высшей степени важныя послѣдствія какъ для арійскаго, такъ и семитическаго племени. Правда, огромное различіе въ нравахъ, обычаяхъ, стремленіяхъ, религіозныхъ вѣрованіяхъ и характерѣ этихъ двухъ великихъ семействъ человѣческаго рода возбуждало въ нихъ чувства взаимнаго недовѣрія и почти отвращенія. Но постоянно входя въ сношенія, благодаря совмѣстной жизни, общности торговыхъ дѣлъ и одинаковости защищавшаго ихъ интересы законодательства, эти два столь разнородные эле-

---

[1]) 4 царствъ XVII, 6 и друг.
[2]) Христ. чтеніе—1870 г., ч. 2, стр. 124 и дал.
[3]) Jidem.
[4]) Philo, in Tlaccum.

мента не могли, конечно, невольно не позаимствовать многаго одинъ у другаго. Справедливость требуетъ сказать, впрочемъ, что такое положеніе вещей на грекѣ сказалось меньше, чѣмъ на іудеѣ, причиной чего, по всей необходимости, нужно считать іудейскую религіозную нетерпимость и національное высокомѣріе. Отъ этихъ сношеній іудейское болѣе эллинизировалось, чѣмъ эллинизмъ окрасился іудействомъ. Въ особенности это вліяніе эллинизма на іудейство обнаружилось въ сферѣ духовной, въ сферѣ умственнаго развитія.

Въ то время центромъ греческой образованности и всемірной торговли служилъ знаменитый городъ Александрія. Сюда стекались всѣ народы разныхъ странъ и націй, не преминули въ огромномъ количествѣ явиться сюда и предпріимчивые іудеи. Здѣсь то именно и произошло одно изъ замѣчательныхъ явленій въ исторіи умственнаго развитія человѣчества—сліяніе іудейскихъ религіозныхъ вѣрованій съ идеями древне-греческой философіи, которому суждено было играть весьма важную роль въ исторіи христіанскаго просвѣщенія. Между тѣмъ какъ палестинскіе іудеи во II вѣкѣ до Р. X., почти совершенно потерявшіе политическую самобытность, все больше и больше старались замкнуться въ себя самихъ, чтобы жить одною только надеждою на пришествіе Мессіи и свѣтлое будущее,—все тверже и сильнѣе старались оградить себя отъ вліянія языческой цивилизаціи, языческихъ нравовъ и обычаевъ разнаго рода строгими правилами и предписаніями, доходившими до скрупулезныхъ подробностей, и съ теченіемъ времени получившими у нихъ обязательную силу закона,—между іудеями разсѣянія или какъ иначе называли ихъ въ Палестинѣ—эллинистами въ это же самое время замѣчается движеніе, никогда не бывалое въ предыдущей жизни избраннаго народа; многіе изъ нихъ, особенно іудеи александрійскіе, ревностно предались изученію греческой науки, греческой поэзіи и философіи, и мало по малу, пришли къ убѣжденію, что греческая философія въ основныхъ своихъ положеніяхъ представляетъ значительное сходство съ ихъ собственною религіею, что Платонъ, Аристотель, стоики—проповѣдуютъ того же единаго Бога, котораго признаютъ и они сами, учатъ той же добродѣтели, какой учитъ ихъ и Моисей, и считаютъ эту добродѣтель, какъ и они сами, единственнымъ условіемъ счастія какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ обществъ и народовъ. Отсюда въ средѣ іудеевъ-эллинистовъ стали являться попытки примирить религію іудеевъ съ философіей гре-

ковъ, сблизить и найти точки соприкосновенія между ученіемъ Моисея и міровоззрѣніемъ Платона, котораго они считали и называли греческимъ Моисеемъ. Начало этихъ попытокъ обыкновенно относятъ еще къ III вѣку до Р. Х. и высказываютъ мнѣніе, что уже переводъ LXX и въ особенности книга премудрости Соломона носятъ на себѣ весьма замѣчательные слѣды вліянія греческой науки и греческой философіи [1]). И дѣйствительно, нѣкоторыя представленія, излагающіяся въ книгѣ Премудрости Соломоновой, по крайней мѣрѣ по образу выраженія своего, носятъ на себѣ несомнѣнные слѣды идей Платона. Такъ, напр., писатель этой книги (безспорно не Соломонъ, царь израильскій, а кто либо изъ іудеевъ, жившихъ несравненно позднѣе и, во всякомъ случаѣ, не ранѣе IV-го вѣка до Р. Х.), изображая природу и свойства премудрости, какъ силы Божественной, посредствующей между Богомъ и міромъ, говоритъ, что она есть дыханіе силы божественной, свѣтоносное изліяніе всемогущества Божія, [2]) вѣчный духовный свѣтъ, исходящій изъ Первосущаго, [3]) Который, будучи по существу своему единиченъ и простъ, [4]) въ то же время какъ полнота всѣхъ идей есть свѣтъ многообразный и многочастный, [5]) что, пребывая постоянно въ самомъ себѣ, [6]) Онъ свѣтоносными лучами своихъ идей въ тоже время проникаетъ всюду [7]) и всему даетъ новый видъ, сообразный съ своими идеями, [8]) но самъ ничѣмъ не проникается и не измѣняется, [9]) и наконецъ, какъ всеобщій чистѣйшій свѣтъ вѣдѣнія, проходитъ сквозь всѣ духовныя существа, [10]) и, отражаясь въ ихъ сознаніи, сообщаетъ имъ высшее, чисто мысленное и созерцательное вѣдѣніе вѣчныхъ истинъ міра духовнаго—божественнаго: въ этомъ изображеніи его нельзя не видѣть слѣда вліянія на него извѣстныхъ идей Платона о міровой душѣ и логосѣ. Точно также, когда писатель разсматриваемой книги, говоря о немощи ума человѣческаго въ познаніи божественныхъ истинъ, главную причину ея поставляетъ въ томъ, что духъ человѣческій, въ настоящемъ его состояніи здѣсь, на землѣ, отягощенъ тлѣннымъ тѣломъ, вслѣдствіе чего разумная сила его постоянно обременена и развлечена не свойственными ей заботами и попеченіями объ удовлетвореніи потребностей тѣлесной жизни [11]), то и въ этомъ

---

[1]) Вл. Плотниковъ, Отн. древн. іуд. обр., къ греч. в. I, стр. 21.

[2]) Вл. Плотниковъ, Отн. хр. пр., в. I, VII, стр. 24—25; [3]) Ibid, 27 стр., [4]) Ibid, 22, 27; [5]) Ibid., 22; [6]) Ibid., 27; [7]) Ibid., 24 стр.; [8]) Вл. Плотниковъ, Отн. хр. пр., в. I, стр. 27; [9]) Ibid., стр. 25.

[10]) Ibid. стр. 23.

[11]) Вл. Плотниковъ, Ист. хр. пр., в. I, IX, 13—19.

взглядѣ его на тѣло человѣка, какъ на главное препятствіе къ надлежащему развитію и раскрытію силъ человѣческаго духа и къ познанію истинъ духовныхъ въ особенности, можно видѣть отображеніе идеалистическихъ воззрѣній Платона, равно какъ и въ мысли о тождествѣ добродѣтели и знанія, [1]) о предсуществованіи души [2]) и объ „образованіи", а не твореніи въ строгомъ смыслѣ, Богомъ міра изъ предсуществовавшаго, „безобразнаго вещества" [3]).

Изъ всего этого не слѣдуетъ, однако, заключать, чтобы іудейскій писатель этой книги усвоилъ себѣ эти идеи вслѣдствіе глубокаго и отчетливаго изученія Платоновой философіи, послѣ строгой оцѣнки внутренняго достоинства ея воззрѣній и яснаго понятія о ея согласіи съ нравственно-религіозными истинами іудейской вѣры и еще менѣе, чтобы онъ внесъ эти философскія воззрѣнія въ свою книгу съ ясно сознаваемою цѣлью—провести ихъ путемъ литературы въ общественное сознаніе своего народа и такимъ образомъ содѣйствовать постоянному сближенію и объединенію его съ греческою культурою, какъ это несомнѣнно имѣли въ виду нѣкоторые изъ александрійскихъ ученыхъ богослововъ-философовъ. Принимая во вниманіе неопредѣленность тѣхъ выраженій книги Премудрости, въ которыхъ мы замѣтили слѣды Платоновыхъ идей, мы полагаемъ, что на писателя этой книги, когда онъ говоритъ языкомъ извѣстной философіи, нельзя смотрѣть, какъ на точнаго и строгаго мыслителя, который даетъ себѣ полный отчетъ въ выраженіяхъ своихъ мыслей, что въ немъ видѣнъ скорѣе не столько вѣрный и сознательный послѣдователь какой-либо философской системы, собственнымъ разумомъ провѣрившій и потому сознательно и твердо убѣжденный въ ея началахъ и выводахъ, сколько просто образованный человѣкъ, пассивно и безотчетно подчиняющійся вліянію извѣстной, ему современной философіи, вліянію господствующихъ въ окружающей его средѣ и духовной атмосферѣ понятій, которыя своимъ исключительно религіозно-нравственнымъ складомъ и спиритуалистическимъ характеромъ возбуждаютъ его сочувствіе и, повидимому, довольно легко мирятся съ его собственными вѣрованіями. Если же писатель кн. Премудрости во многихъ мѣстахъ своей книги обнаруживаетъ довольно замѣтное сочувствіе, преимущественно, къ нѣкоторымъ воззрѣніямъ именно философіи Платона, то въ основаніи этого

---

[1]) Ibid., VII, 19—20; [2]) Ibid., XIV, 12, 27; XV, [3]) Ibid. 11, 18, 21.

сочувственнаго отношенія его къ Платоновой философіи лежало отнюдь не обаятельное вліяніе на него славнаго имени философа, но болѣе или менѣе ясное чувство нѣкотораго согласія его воззрѣній съ его собственными нравственно-религіозными представленіями, или лучше сказать, съ ученіемъ Божественнаго откровенія, какъ оно отражалось въ сознаніи іудейскаго писателя этой книги, такъ какъ оно одно было для него такимъ авторитетомъ, предъ которымъ онъ безусловно преклонялся. Но на этомъ широкомъ основаніи, сочувствуя идеямъ Платоновой философіи, онъ въ тоже время, нисколько не стѣсняя духовной свободы своего чувства и самостоятельности своего сознанія, конечно, также свободно и легко могъ переносить свое сочувствіе и на ученіе другихъ философскихъ школъ Греціи, которыя казались ему согласными съ его нравственно-религіозными убѣжденіями. По всему этому намъ кажется, что мы гораздо вѣрнѣе выразимъ отношеніе писателя кн. Премудрости Соломоновой къ греческой философіи, если скажемъ, что при общемъ сочувственномъ отношеніи своемъ къ ней, онъ не прилѣплялся, однако же, ни къ той, ни къ другой философской системѣ съ тою, исключительностью, какая свойственна раболѣпному ученику и вѣрному послѣдователю. Таково же въ сущности, хотя и въ различныхъ оттѣнкахъ и степеняхъ, было отношеніе къ греческой философіи и всѣхъ почти извѣстныхъ намъ, какъ іудейскихъ, такъ въ послѣдствіи и христіанскихъ, богослововъ александрійскихъ. Судя по тому, какимъ философскимъ теоріямъ, по первоначальному ли то своему образованію, или по особенностямъ личнаго настроенія своего ума, они наиболѣе сочувствовали, ихъ называютъ часто, то платониками, то перипатетиками, то стоиками; но сами они, въ глубинѣ своего самосознанія никогда не признавали себя послѣдователями ни Платоновъ, ни Аристотелей, ни Зеноновъ, а учениками только самой Божественной Истины, самого вѣчнаго Слова Божія, благоволившаго изречь себя въ своихъ книгахъ Божественнаго Писанія,—хотя по самой любви своей къ Божественной Истинѣ, они умѣли дорожить и самыми слабыми отраженіями ея, самыми элементарными выраженіями или, какъ они сами любили выражаться, сѣменами ея, гдѣ бы и у кого бы они ихъ ни находили.

Но само собою понятно, что дѣло здѣсь не обошлось и безъ сильныхъ увлеченій, такъ какъ трудно было соблюсти должную мѣру въ сближеніи языческой философіи съ Богооткровенною религіей. Воспитанное всею исторіей іудеевъ убѣжденіе въ истин-

ности Богооткровенной религіи, естественно породило въ ученыхъ іудеяхъ стремленіе возвысить во что бы то ни стало ученіе своей религіи предъ всѣми языческими философскими системами, доказать, что ученіе Моисея стоитъ неизмѣримо выше ученія всѣхъ философскихъ школъ. Но такъ какъ общественное мнѣніе того времени признавало большую истинность за тѣми религіями, которыя были древнѣе, то это стремленіе вызвало настоятельную необходимость доказать древность еврейской религіи. И вотъ одинъ изъ александрійскихъ іудеевъ, задавшійся такою цѣлью, (Артапанъ), отождествляетъ въ интересахъ своего вѣроученія законодателя Моисея съ миѳическимъ Музеемъ, котораго греки называли древнѣйшимъ стихотворцемъ. Онъ утверждаетъ, что Моисей первый изобрѣлъ алфавитъ, и что именно его древніе ошибочно чтили подъ именемъ Гермеса. Приписывая глубочайшую древность еврейской религіи, представители сынов разсѣянія утверждали, „что все, что есть лучшаго въ языческой миѳологіи, есть ничто иное, какъ замутившійся потокъ отъ чистаго ручья ветхозавѣтнаго Богооткровенія“.

Платонъ воспользовался нашимъ законодательствомъ, какъ образцомъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ зналъ его во всѣхъ его частностяхъ. Тоже нужно сказать о Пиѳагорѣ, который также очень многія изъ своихъ ученій заимствовалъ у насъ [1]. И когда въ противовѣсъ подобнымъ заявленіямъ сынов Израиля греки указывали на своего „вѣчнаго Гомера“, то іудей смѣло отвѣчалъ: „поэтъ Хіоса заимствовалъ мои стихи и мои слова, потому что прежде всего онъ имѣлъ подъ руками мои книги. Для большаго сближенія своей религіи съ греческой философіей іудеи шли и еще дальше. Они желали представить факты своей исторіи и учрежденія своей религіи въ такомъ видѣ, чтобы они менѣе возбуждали удивленія и презрѣнія тѣхъ народовъ, среди которыхъ приходилось имъ жить. Но хотя это и можно было сдѣлать съ полною добросовѣстностью, однако же, все это несомнѣнно приводило нѣкоторыхъ изъ нихъ къ принятію незаконныхъ прибавленій къ своей исторіи, даже къ вѣроученію, и незаконныхъ объясненій св. Писанія; однимъ словомъ,—къ тому методу толкованія (аллегорическому), который, какъ допускавшій возможность выводить все изъ всего, уничтожалъ дѣйствительный смыслъ священныхъ книгъ. Такъ сдѣланъ былъ въ высшей

---

[1]) Ibid—13. 12.

степени опасный шагъ, открывшій доступъ въ святое святыхъ іудейской религіи нечистымъ привраженіямъ языческой философіи. Нечего, поэтому, удивляться тому, что эта александрійская теософія, эти аллегорическія толкованія, этотъ духъ полной терпимости ко всѣмъ языческимъ системамъ, въ глазахъ строгихъ іудеевъ, и были вполнѣ справедливо, измѣною Моисееву обрядовому закону, прикрытой довольно прозрачнымъ слоемъ библейской фразеологіи.

Начало указанному направленію въ умственномъ движеніи іудеевъ разсѣянія было положено, кажется, александрійцемъ Аристовуломъ, жившимъ приблизительно за 150 лѣтъ до Р. Х. Аристовулъ первый изъ іудеевъ ясно и опредѣленно поставилъ вопросъ о близости іудейской религіи съ греческою философіею, о сходствѣ между ученіемъ Платона и Моисея; онъ объясняетъ эту близость и это сходство знакомствомъ греческихъ философовъ съ іудейской религіею; по его мнѣнію, Платонъ никогда не пришелъ бы къ тѣмъ чистымъ и возвышеннымъ воззрѣніямъ, которыя проходятъ въ его системѣ среди множества поэтическихъ бредней и языческихъ заблужденій, если бы онъ не былъ основательно знакомъ съ ученіемъ Моисея [1]). О другихъ іудейскихъ ученыхъ, дѣйствовавшихъ въ указанномъ направленіи одновременно или непосредственно послѣ Аристовула, мы не имѣемъ никакихъ историческихъ извѣстій; исторія іудео-александрійской школы отъ Аристовула прямо переноситъ насъ къ самому главному представителю и выразителю этой школы къ александрійцу же Филону, жившему уже во времена Спасителя, при самомъ основаніи Христовой Церкви.

Собственно говоря, міровоззрѣніе Филона не представляетъ собою ничего новаго и самобытнаго. Основная тенденція, которая проходитъ чрезъ все его міровоззрѣніе и сообщаетъ ему извѣстный характеръ, таже самая, какую мы отмѣтили у Аристовула, это стремленіе примирить и привести къ единству Платона съ Моисеемъ, философію грековъ съ религіею іудеевъ. Что касается содержанія его міровоззрѣнія, то оно заимствовано частію изъ Богооткровеннаго ученія, частію изъ философіи Платона и другихъ философскихъ системъ. И методъ, которому онъ слѣдуетъ въ своихъ изысканіяхъ, не принадлежитъ обыкновенно

---

[1]) Nicolas, ibid., p. 128—134 и д., ср. В. Плотн., ibid., 17 и др. стр.

ему; это извѣстный аллегорическій способъ толкованія, которому слѣдовалъ Аристовулъ и другіе александрійскіе ученые той же категоріи. Значеніе Филона состоитъ главнымъ образомъ въ томъ только, что онъ является болѣе систематичнымъ, послѣдовательнымъ и яснымъ выразителемъ идей и тенденцій, получившихъ свое начало въ средѣ его соотечественниковъ еще ранѣе. Не довольствуясь буквальнымъ пониманіемъ библейскаго текста и доискиваясь въ немъ сокровеннаго, таинственнаго смысла, Филонъ выводитъ изъ книгъ Моисея всѣ главные и основные черты своего міровоззрѣнія,[1]—ученіе о Богѣ и божественныхъ силахъ, о Логосѣ и ангелахъ, о мірѣ и человѣкѣ, о нравственности, добродѣтели и проч. У него вездѣ, во всемъ пятокнижіи, на первый планъ выступаетъ идея; событіе, фактъ, по его мнѣнію, только образъ, внѣшняя оболочка какой-нибудь идеи; писатель пятокнижія является у него не простымъ только „быто-писателемъ“, но самымъ величайшимъ, самымъ глубокимъ мыслителемъ и философомъ. Ни одного факта, ни одного событія, записаннаго Моисеемъ, онъ не принимаетъ буквально; буквальный смыслъ, по его мнѣнію, назначается только для людей, которымъ тайны высшей мудрости не доступны. И весь этотъ аллегоризмъ является у Филона дѣломъ первой необходимости; онъ былъ естественнымъ слѣдствіемъ основной тенденціи всей его философіи, только при помощи аллегорическаго способа толкованія можно было примирить и объединить не соединимое по существу дѣла философію Платона и ученіе Моисея, вставить Платоновы воззрѣнія въ рамки простаго библейскаго разсказа.

Само собою, разумѣется, что при такомъ отношеніи къ Библіи, истинно-библейскихъ чертъ въ системѣ Филона осталось весьма мало, чтобы не сказать болѣе того. И хотя религіозный элементъ остается преобладающимъ, и Богъ съ цѣлымъ рядомъ зависящихъ отъ Него силъ занимаетъ центральное положеніе въ системѣ Филона, но при всемъ томъ въ основу его ученія о Богѣ легла уже чисто языческая, точнѣе—философская идея о безконечномъ различіи между Существомъ высочайшимъ и тварію, о непримиримости между безконечнымъ и конечнымъ, о противоположности между духомъ и матеріею, словомъ—не библейскія-монистическія, а платоновскія дуалистическія воззрѣнія. Послѣдовательное, логическое развитіе этой идеи необходимо вело къ отрицанію всего того, что говоритъ о Богѣ Моисей и вся исторія

избраннаго народа. Это уже было полной измѣной закону Моисея ради греческой философіи [1]).

Находя много общаго въ воззрѣніяхъ греческихъ философовъ и поэтовъ съ собственными религіозными вѣрованіями, признавая даже, что и нѣкоторымъ изъ язычниковъ при божественномъ руководствѣ былъ доступенъ истинный, аллегорическій смыслъ Писанія [2]), александрійскіе ученые, какъ и слѣдовало ожидать, относились къ греческой образованности совсѣмъ не такъ пренебрежительно и враждебно, какъ соплеменные имъ обитатели Палестины. Если философія и Откровеніе проповѣдуютъ въ существѣ дѣла одну и ту же истину, только подъ различными символическими образами, то ясно, что если послѣднее имѣетъ право на полное вниманіе и тщательное изученіе, то и первая, т. е. греческая философія, имѣетъ точно такое же право. Философія служитъ дополненіемъ къ Откровенію, и изученіе ея поэтому, ни въ какомъ случаѣ и смыслѣ, не можетъ быть признано опаснымъ и вреднымъ для чистоты іудейскихъ вѣрованій; напротивъ, тщательное изученіе поэтовъ и философовъ должно быть признано весьма полезнымъ и необходимымъ для полнаго научнаго раскрытія религіозныхъ истинъ.

Наиболѣе полнымъ и яснымъ выразителемъ этихъ воззрѣній ученыхъ александрійскихъ іудеевъ на изученіе языческой философіи и вообще наукъ, входившихъ въ циклъ общественнаго образованія у древнихъ грековъ, является опять таки извѣстный Филонъ.

Но если Филонъ рекомендовалъ изученіе греческой философіи и другихъ наукъ, то не потому, что въ нихъ должно или можно искать высшей мудрости, чего александрійскій ученый еврей не могъ допустить, а потому, что это изученіе возбуждаетъ потребность высшаго знанія о Богѣ и образуетъ способность философскимъ путемъ удовлетворять этой потребности. Изъ такого взгляда вытекало постоянное сочувственное отношеніе александрійскихъ іудеевъ къ философской и вообще научной дѣятельности язычниковъ, побуждавшее ихъ къ ревностному усвоенію образовательныхъ элементовъ греческой культуры. Этотъ же взглядъ опредѣлялъ собою какъ значеніе, какое они приписывали греческому образо-

---

[1]) Прав. Соб. 1881 г., Дек. стр. 281 и д.; В. Плотниковъ, ibid.. 18 стр. и далѣе.

[2]) Nicolas, ibid., p. 109 и дал.

ванію, такъ и способъ, какъ они пользовались имъ. Ставя мѣриломъ пользы и достоинства каждаго предмета отношеніе его къ религіозному принципу, іудеи, естественно, смотрѣли на философскія и научныя занятія только какъ на средство для достиженія извѣстной цѣли, а не какъ на нѣчто, имѣющее цѣну само по себѣ, безъ отношенія къ чему нибудь другому. Они дорожили философскимъ и научнымъ образованіемъ главнымъ образомъ по двумъ соображеніямъ: частію потому, что оно даетъ возможность лучше уяснять и доказывать истины религіи. Такое значеніе даетъ научнымъ занятіямъ Филонъ, когда называетъ ихъ „посредствующими"; признавая несомнѣнную ихъ пользу, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ жалуется на безразсудство тѣхъ, которые ради средства забываютъ о цѣли, ради служанки пренебрегаютъ госпожей. Отношеніе философіи къ религіи онъ обыкновенно сравниваетъ съ отношеніемъ между Саррою и Агарью; онъ, такимъ образомъ, первый высказываетъ мысль, заключающуюся въ извѣстномъ схоластическомъ положеніи: „philosophia ancilla theologiae". Ученіе Филона объ отношеніи между вѣрою и наукою составляетъ главный предметъ его сочиненія „De congressu quaerendae eruditionis gratia". „Есть люди,— говоритъ онъ въ этомъ сочиненіи — которые подъ обаяніемъ прелестей служанки забываютъ о госпожѣ, божественной философіи. Одни проводятъ всю свою жизнь въ сочиненіи стиховъ, другіе— въ занятіяхъ математикою, третьи—живописью, иные—тысячью другихъ дѣлъ, и не могутъ перейти къ госпожѣ, потому что каждое искусство и каждая наука имѣютъ свои привлекательныя особенности, къ которымъ многіе такъ привязываются, что довольствуются исключительно ими, забывая о связяхъ, соединяющихъ всѣ науки и искусства съ небесною философіей; но люди благоразумные, стремящіеся къ этой послѣдней, все дѣлаютъ къ своему благу". Въ этихъ словахъ ясно выразилось отношеніе александрійскаго іудейства къ греческому образованію [1]).

Итакъ мы видѣли, что до появленія христіанства, въ средѣ народа іудейскаго существовали два совершенно противоположные взгляда на изученіе греческихъ классиковъ: одинъ преобладалъ въ Палестинѣ, другой среди іудеевъ разсѣянія и, главнымъ образомъ, въ Александріи. По первому взгляду, изученіе греческой литературы было не только безполезнымъ, но и прямо вреднымъ, опа-

---

[1]) Вл. Плотниковъ.—Ист. хр. просв. въ его отношеніи къ др. г.-р. обр., в. I, стр. 23—25.

сымъ, какъ вещь совершенно несовмѣстимая съ ученіемъ Откровенія и положительно ими отвергаемая; по другому, это изученіе было въ высшей степени полезно не только для умственнаго и нравственнаго развитія вообще, но и въ частности для надлежащаго развитія религіознаго сознанія человѣка. Вмѣстѣ съ другимъ наслѣдствомъ эти два взгляда изъ іудейства перешли и въ христіанскую церковь, и тѣмъ легче, что послѣдователями новой религіи явились прежде всего многіе изъ іудеевъ. Посмотримъ же теперь, какимъ образомъ отношенія іудейства къ эллинизму отразились на первыхъ памятникахъ христіанской письменности, такъ какъ первые христіанскіе писатели были іудеи.

РУССКАЯ БЕСѢДА

ЯНВАРЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 Февраля 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Приложеніе **БЛАГОВѢСТЪ.** Январь 1895 г.

Содержаніе: „Древнехристіанскіе церковные писатели объ изученіи греческихъ классиковъ“. Статья *Е. Апостолиди.*

Господи, благослови!

О задачахъ и направленіи «Русской Бесѣды».

Названіе нашего изданія почти избавляетъ насъ отъ необходимости объяснять его цѣль и направленіе. Въ 1856—60 гг. «Русскую Бесѣду» издавалъ въ Москвѣ, А. И. Кошелевъ. Въ этомъ изданіи участвовали и имъ руководили: незабвенной памяти А. С. Хомяковъ, Аксаковы, Кирѣевскіе, Ю. Ѳ. Самаринъ, И. Д. Бѣляевъ, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, и здравствующій понынѣ Т. И. Филипповъ. Имена эти достаточно говорятъ русскому уму и сердцу. Въ 1871—72 гг. въ той-же Москвѣ выходила «Бесѣда» С. А. Юрьева, оставившая по себѣ такой-же добрый слѣдъ и такую-же добрую память, какъ и «Русская Бесѣда» Кошелева. Мы будемъ вести нашу «Русскую Бесѣду» въ томъ-же духѣ и направлять ее къ тѣмъ-же цѣлямъ, какія были у прежнихъ двухъ одноименныхъ съ нашимъ изданій. Наша задача—выясненіе пользъ и нуждъ Родной Земли, Родного Народа, завѣтныхъ его думъ и желаній. Велики и многообразны вещественныя нужды нашего народа; но онъ живетъ не о хлѣбѣ только единомъ, и польза его не въ одномъ только стяжаніи. Первѣе всего ищетъ и алчетъ

онъ царства Божія и правды Его, и цѣль всѣхъ его желаній и помысловъ, это—расположить свою жизнь по законамъ правды Божіей, согласовать съ нею свой церковный, государственный и общественный строй и свои отношенія къ другимъ странамъ и народамъ. Эта завѣтная цѣль нашего Святорусскаго Народа будетъ путеводной звѣздой, руководящимъ началомъ нашей «Русской Бесѣды».

«Русская Бесѣда», будетъ органомъ русскаго народнаго направленія. Но, высказавъ это положеніе, мы должны его пояснить, ибо къ этому направленію относятъ нерѣдко такія явленія жизни и мысли, которыя ему прямо противоположны.

Русское народное направленіе, какъ мы его понимаемъ, прежде всего опредѣляется искреннимъ исповѣданіемъ православнаго христіанства, принадлежностью къ единой истинной Церкви Христовой, не внѣшнею только, формально - обрядовою принадлежностью, а такою, которая опредѣляетъ всю жизнь христіанина, всѣ отношенія его къ другимъ людямъ,—которая, повелѣвая: «Бога бойтеся, Царя чтите!» и требуя повиновенія властямъ предержащимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ограждаетъ свободу человѣческой личности, даетъ несокрушимую твердость человѣческому духу.

Государственное зданіе Россіи вѣнчается свободнымъ въ своихъ рѣшеніяхъ царскимъ самодержавіемъ; зданіе-же это представляется намъ свѣтлымъ и просторнымъ храмомъ, являющимъ собою стройное сочетаніе разноличныхъ красокъ и частей. Въ этой величавой государственной храминѣ должно господствовать хоровое начало, въ которомъ не теряются отдѣльные голоса; вѣковѣчнымъ-же и незыбле-

мымъ основаніемъ всему этому государственному строенію служитъ народъ.

На заглавномъ листѣ прежней «Русской Бесѣды» стояли слова Окружной грамоты Москвы: «Помяните одно: только коренью основанье крѣпко, то и древо неподвижно; только коренья не будетъ, къ чему прилѣпиться». Этотъ драгоцѣнный завѣтъ русской старины, это мудрое предостереженіе предковъ не должно забываться и современными русскими государственными и общественными дѣятелями и особенно служителями мысли и слова. Все наше вниманіе, всѣ усилія должны быть направлены къ тому, чтобы сохранить корни нашего государственно-народнаго древа, т. е. тѣ христіанскія начала и историческія преданія и завѣты, которыми только и крѣпко основаніе этого древа — міръ-народъ. О немъ должны быть всѣ наши помыслы, ему должна быть отдана вся наша любовь.

Церковнымъ и государственнымъ нашимъ идеаломъ опредѣляется уже и отношеніе наше къ другимъ народамъ.

Славянство представляется намъ единымъ и цѣлостнымъ племеннымъ организмомъ, прекраснымъ, какъ все живущее, разновидностью составныхъ своихъ частей: не въ стадномъ однообразіи, не въ подведеніи всѣхъ подъ одну мѣрку и одинъ образецъ видимъ мы совершенствованіе и красоту, а въ сочетаніи разнообразныхъ частей въ одно стройное цѣлое, основанномъ на свободномъ, хоровомъ началѣ братства и любви.

Отношенія наши къ единовѣрнымъ съ нами иноплеменникамъ опредѣляются словами апостола, что «во Христѣ Іисусѣ нѣтъ ни еллина, ни іудея». Родство по духу не

меньшее имѣетъ значенiе, нежели родство плотское, ибо, по слову того-же апостола: «всѣ мы однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло, iудеи или еллины, рабы или свободные, и всѣ напоены однимъ Духомъ». (I Коринѳ. XII, 13).

Наконецъ, наши отношенiя къ иноплеменникамъ-иновѣрцамъ должны опредѣляться правиломъ естественной справедливости: «каждому свое». Огражая и словеснымъ и вещественнымъ оружiемъ ихъ посягательства на нашу, т. е. всего православнаго и славянскаго мiра—племенную, хозяйственную и духовную свободу, да не переступимъ и мы въ отношенiи ихъ предѣловъ необходимой обороны и не лишимъ никого изъ нихъ того, что намъ самимъ свято и дорого!

Таковы въ своей основѣ наши вѣрованiя, которыми будетъ опредѣляться направленiе «Русской Бесѣды». Остаться вѣрными этому направленiю при обсужденiи всѣхъ вопросовъ и частностей жизни—да поможетъ намъ Господь Богъ! Аминь.

Аѳ. Васильевъ.

Свобода, любовь и вѣра.

По поводу толковъ о терпимости и нетерпимости.

„Терпимость—превосходное личное качество, удостовѣряетъ г. Л. Тихомировъ въ началѣ одной изъ своихъ статей. Терпимость, необходимый принципъ политики, особенно въ странѣ, гдѣ живутъ люди различныхъ вѣроисповѣданій и народностей. Терпимость, сверхъ того, національное свойство, отъ котораго русскій человѣкъ даже не можетъ отдѣлаться. Но, продолжаетъ г. Тихомировъ, переходя къ главной цѣли и задачѣ разбираемой нами статьи, терпимость есть также понятіе, которымъ у насъ до чрезвычайности злоупотребляютъ люди безпринципные и безразличные съ одной стороны и люди, эксплуатирующіе эту безпринципность съ другой. Понятіе гибкое, легко поддающееся подтасовкѣ софистовъ, терпимость дѣлается у насъ любимымъ орудіемъ въ рукахъ многихъ, кто добивается напудобнѣйшихъ способовъ дѣйствія для подрыванія той самой Россіи, къ терпимости которой взываютъ". (Къ вопросу о терпимости. „Русск. Обозрѣніе" 1893 г. іюль).

Начавъ во здравіе „терпимости", г. Тихомировъ тотчасъ же переходитъ, какъ видно, къ похоронному ей напѣву. Едва произнеся похвальное слово, онъ начинаетъ уже и обвинительную рѣчь. Какъ увидимъ далѣе, отнюдь не въ пользу терпимости клонятся и всѣ дальнѣйшія развитія и соображенія его статьи. Но теперь мы хотимъ сказать нѣсколько словъ только о самой его похвалѣ.

„Терпимость превосходное личное качество". Полно, такъ ли это? или всегда ли и во всякомъ ли случаѣ это такъ? Приведемъ только нѣсколько пояснительныхъ примѣровъ. Кому не извѣстно знаменитое изреченіе Фамусова:

Будь честный человѣкъ, будь нѣтъ—
Для насъ ровнехонько: про всѣхъ готовъ обѣдъ.

Большаго проявленія общественной терпимости въ нравственномъ отношеніи нельзя, кажется, даже и представить себѣ, а, однако, въ такомъ видѣ терпимость безспорно является подрывомъ всякаго общественнаго преуспѣянія, общественною язвою, отвратительнымъ и преступнымъ личнымъ качествомъ каждаго изъ членовъ живого общества. „Моя хата съ краю“, говоритъ равнодушный и безразличный къ благосостоянію общества и благу ближняго человѣкъ, себялюбецъ, знающій только свое частное матеріальное, умственное или даже духовное благо. Здѣсь выражается также ясное и явное примѣненіе чистой и безпримѣсной терпимости. И, однако, обладающій такими личными качествами человѣкъ клеймится позоромъ и порицается нами, а отнюдь уже не почитается за превосходнаго. Истины нѣтъ, заключаетъ скептикъ, если только онъ въ правѣ вообще заключать, а потому по его предположенію всѣ убѣжденія и всѣ вѣрованія человѣческія — только виды и степени большаго или меньшаго заблужденія. Въ виду этого всѣ убѣжденія человѣческія—безразличны и держащіеся одного убѣжденія столь же правы, какъ и держащіеся другого, а потому и не должны стремиться воздѣйствовать другъ на друга. И въ этомъ случаѣ проявляется принципъ самой чистой безпримѣсной терпимости, но неужели терпимость, зиждущуюся на скептицизмѣ и вытекающую изъ скептицизма, слѣдуетъ почитать превосходнымъ личнымъ качествомъ человѣка? Терпимостью, безразличнымъ ко всему отношеніемъ, переходящимъ въ нравственную безстрастность, въ безразличное ко всему отношеніе, объясняется и принципъ laissez faire, laissez aller, далеко не всегда истекающій изъ нравственно-добраго источника, далеко не всегда имѣющій нравственное добро своею цѣлью и далеко не всегда приводящій къ нравственно-добрымъ послѣдствіямъ. Отъ принципа безусловной терпимости или отъ принципа терпимости вообще весьма не далеко и до принципа après mois le déluge—послѣ меня хоть потопъ, которому у русскаго народа вполнѣ соотвѣтствуетъ поговорка: „а по мнѣ хоть трава не расти“. Во всѣхъ этихъ случаяхъ терпимость объясняется сосредоточенностью человѣческой особи на собственныхъ только ея интересахъ, стремленіяхъ, выгодахъ и вожделѣніяхъ съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ ко всему остальному и съ полнѣйшимъ равнодушіемъ ко благу ближнихъ, къ судьбамъ общества, народа, а пожалуй, и всего міра, къ торжеству или пораженію истины. И во всѣхъ этихъ случаяхъ—а подобрать ихъ можно еще какое угодно число, терпимость отнюдь не „превосходное личное качество“, какъ удостовѣряетъ для начала г. Л. Тихомировъ, а напротивъ, качество глубоко отвратительное, безусловно зловредное.

Столь же, однако, несправедливымъ и неправильнымъ было бы и утвержденіе, что терпимость есть худое, порочное и злое личное каче-

ство человѣка и его природы. Нравственное достоинство составляетъ принадлежность не личныхъ качествъ, а только и исключительно личной воли, дающей „качествамъ“ или свойствамъ то или другое примѣненіе или направленіе, обрекающей ихъ на то или иное служеніе, смотря по поставляемымъ ею цѣлямъ. Всякое личное качество, не будучи сложнымъ, т. е. не заключая въ себѣ элемента воли, не имѣя еще прикладнаго значенія, само по себѣ нравственно безразлично, ибо можетъ быть подчинено различнымъ цѣлямъ, получать отъ воли различное назначеніе и направленіе. Трусость, робость является безспорно худымъ и порочнымъ личнымъ качествомъ человѣка; но трусость сама по себѣ, въ нравственномъ значеніи этого слова, а отчасти и въ психологическомъ, есть только ограниченіе самодѣятельности чувствомъ страха, робостью, боязнью. Страхомъ передъ чѣмъ и передъ кѣмъ? Страхомъ за что и за кого? Въ этомъ-то и вся суть вопроса, и весь источникъ оцѣнки. Страхъ за себя передъ сильнымъ, въ качествѣ опредѣляющаго самостоятельность и сдерживающаго волю момента, безспорно позоренъ, порочень и подлежитъ осужденію. Но страхъ Божій, боязнь оскорбить олицетвореніе нравственнаго добра, робость въ этомъ именно отношеніи имѣютъ безспорно иное совершенно значеніе. Боязнь потерять гнусные свои животишки, понести ущербъ личному своему благосостоянію и страхъ передъ учиненіемъ вреда ближнему имѣютъ несомнѣнно различное совершенно нравственное значеніе, хотя психологически и составляютъ тоже самое подчиненіе себя чувству страха. Боязнь „затушить ленъ курящійся“, соблазнить одного изъ малыхъ сихъ, вырвать вмѣстѣ съ плевелами пшеницу имѣетъ несомнѣнно высокое нравственное достоинство, хотя бы и обращалась она въ привычку, личное качество, но — только по прикладному значенію этого качества, по цѣли, которая поставляется ей. Сами по себѣ личныя качества нравственной оцѣнкѣ въ строгомъ смыслѣ не поддаются и не могутъ быть вообще ни превосходными, ни отвратительными, если къ нимъ не присоединяется еще въ качествѣ направляющаго ихъ и руководящаго ими начала воля, которая одна придаетъ и творитъ значеніе зла и добра. Въ равной степени относится все сказанное нами и къ „терпимости“, которой произноситъ г. Тихомировъ похвальное слово, чтобы потомъ подкопаться подъ самый принципъ ея примѣненія.

„Понятіе гибкое, легко поддающееся подтасовкѣ софистовъ“... Такъ еще характеризуетъ терпимость г. Тихомировъ. Но въ томъ-то и дѣло, что терпимость вовсе не есть понятіе или по крайней мѣрѣ не есть понятіе, о томъ значеніи, въ какомъ онъ ее понимаетъ. Терпимость, какъ видно изъ самого слова, есть свойство предмета, а отнюдь не свойство лица, не свойство и не качество нравственнаго субъекта. Существуютъ или могутъ существо-

вать предметы терпимые и нетерпимые по самому существу своему или по слагающимся условіямъ общественнаго строя. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ „терпимость“ имѣетъ чисто условное значеніе, вполнѣ отрѣшенное отъ всякой нравственной оцѣнки по достоинству. Предметъ общественной или государственной терпимости можетъ не имѣть никакого оправданія передъ судомъ нравственнымъ, передъ судомъ совѣсти, хотя государство и общество должно снисходительно и покорно его терпѣть какъ въ виду отсутствія средствъ для борьбы, такъ и ради предпочтенія меньшаго зла большему. Условное общество и государство должны зачастую терпѣть то, чего не можетъ и не должна терпѣть ни личная совѣсть, ни нравственное чувство единицъ и народовъ. Но, повторимъ это, слово „терпимость“ составляетъ только самостоятельное (внутреннее) или условное (внѣшнее) качество или свойство только самихъ предметовъ, которые имѣютъ на него право по существу или пріобрѣтаютъ его въ силу условій; для нравственныхъ единицъ, для личнаго міра существуютъ только терпѣніе, какъ дѣятельность, и терпѣливость, какъ свойство и качество. Всегда ли и во всякомъ ли случаѣ нравственно хорошо терпѣніе, какъ дѣятельность или какъ отсутствіе вмѣшательства, т. е. какъ высшее бездѣйствіе?

Убитъ нуждой, убитъ трудами,
Мой братъ и чахъ и погибалъ—
Я закрывалъ лицо руками,
Я плакалъ, плакалъ и—молчалъ,

т. е. другими словами: я терпѣлъ, терпѣлъ, не оставался даже равнодушнымъ, перенося страданія, но не выступая на помощь, оставаясь бездѣйственнымъ, сохраняя свое невмѣшательство, а вслѣдствіе того и не совершая никакого подвига самопожертвованія, ревностно охраняя цѣлость и сохранность своего я. Хорошо ли это? Разумѣется, нѣтъ. А однако, такое невмѣшательство, такое терпѣніе можетъ обращаться въ привычку, въ свойство и качество лица, становиться терпѣливостью, не вызывающею ни плача уже, ни страданія. Можно и равнодушно терпѣть всякое зло, если оно только лично насъ не затрогиваетъ, и укорепяться въ привычкѣ такого терпѣнія, вырабатывать или допускать ее въ себѣ какъ свойство, какъ качество. Хорошо ли это? Разумѣется, нѣтъ. Ближній мой заблуждается въ вѣрѣ или падаетъ нравственно. Я равнодушно терплю его заблужденіе и его паденіе или даже сожалѣю о немъ, но не подаю ему руки помощи, предоставляя ему заблуждаться и погибать. И въ томъ и въ другомъ случаѣ я терплю, но хорошо ли въ нравственномъ смыслѣ мое терпѣніе? Хорошее ли качество составляетъ моя терпѣливость? Разумѣется, нѣтъ. И, однако, мы знаемъ, что „высшій подвигъ въ терпѣньи, любви и мольбѣ“. И, однако, Евангеліе непрестанно говоритъ намъ о

терпѣніи, внушаетъ намъ снисходить къ ближнимъ, т. е. терпѣть ихъ несовершенства, нести тяготы другъ друга, терпѣть обиды, лишенія и т. п. Очевидно вся разница и весь вопросъ заключаются въ томъ, *что* терпѣть, во имя *чего* терпѣть, ради чего терпѣть, и какими средствами выражать свое нетерпѣніе. Нравственная оцѣнка примѣнима только къ проявленіямъ самодѣятельности или воли, которая одна ставитъ и способна ставить себѣ цѣли, чего не могутъ дѣлать ни чувства, ни привычки, ни свойства и качества. Терпѣніе и самая способность терпѣть. т. е. терпѣливость или „терпимость", если уже употреблять это слово, получаютъ нравственное достоинство только отъ служебнаго значенія, придаваемаго имъ волею, отъ цѣлей, которыя она имъ ставитъ и которымъ она ее подчиняетъ.

Такова первая ошибка г. Л. Тихомирова, отражающаяся, какъ увидимъ далѣе, и на всемъ ходѣ его разсужденій и нападеній на мыслящихъ не одинаково съ нимъ. Похвальное слово „терпимости", съ котораго начинаетъ онъ свою статью, точно также лишено истиннаго смысла и значенія, какъ тѣ порицанія или ограниченія, къ которымъ далѣе онъ приходитъ. Съ самаго уже начала явствуетъ совершенно ложная постановка вопроса.

Иначе, чѣмъ г. Л. Тихомировъ, приступаетъ къ дѣлу г. В. Розановъ. ставящій себѣ въ сущности ту же самую задачу, стоящій въ сущности на той же самой почвѣ и въ добавокъ еще ратующій противъ той же самой статьи В. С. Соловьева „Историческій сфинксъ", противъ которой выступилъ и вышепомянутый авторъ. Г. Розановъ въ изложеніи своемъ держится преимущественно описательной формы, сыплетъ подобіями, сравненіями и аналогіями, тщательно избѣгая логической формы опредѣленій и выводовъ, вслѣдствіе чего и сужденія его весьма трудно поддаются точному и строгому анализу. Вдохновляющею стихіею для г. Розанова, какъ и для г. Тихомирова, служитъ вражда къ свободолюбію вѣка, къ требованіямъ или пожеланіямъ свободы въ какомъ бы то ни было видѣ или ради какихъ бы то ни было цѣлей. Это-то враждебное отношеніе и побудило г. Розанова слить вопросъ о терпимости или нетерпимости съ вопросомъ о свободѣ нравственной и политической, съ которымъ въ сущности не имѣетъ онъ ничего общаго. Но развѣ терпѣть что-либо значитъ уже непремѣнно уважать нравственную или политическую свободу ближняго, а нетерпѣніе непремѣнно уже подразумѣваетъ посягательство на свободу ближняго? Преступникъ, дѣйствующій подъ гнетомъ страсти, нравственно не свободенъ. Если мы терпимъ его дѣятельность, направленную на насъ или на другихъ, не полагаемъ ей препятствія, то мы оказываемъ уваженіе и поддержку не свободѣ его, а нравственно не-

свободному его состоянію. Творящій зло есть рабъ грѣха; не препятствуя злому совершать злое, мы охраняемъ не нравственную его свободу, а именно несвободное его состояніе, аффектъ, временно овладѣвшій имъ или постоянно имъ владѣющій, сдѣлавшійся личнымъ его качествомъ и упразднившій или оковавшій, ограничившій въ немъ нравственную свободу. Клевретъ Нерона или міроѣдъ, по общественному своему положенію и гнетущей нуждѣ находящійся въ полнѣйшей зависимости отъ вожделеній какого нибудь современнаго Кита Китовича, творятъ въ той или иной области неисчислимое количество зла. Не противодѣйствуя имъ, т. е. примѣняя къ нимъ и дѣйствіямъ ихъ принципъ терпимости, охраняемъ ли мы политическую ихъ свободу, оказываемъ ли ей соотвѣтствующую дань уваженія? Разумѣется, нѣтъ. Политическая свобода тутъ точно также не причемъ, какъ *нравственная* свобода въ предшествующемъ примѣрѣ. Мы можемъ терпѣть, примѣнять принципы „терпимости", не охраняя ни политической ни нравственной свободы. Въ такой же степени и на такомъ же точно основаніи и нетерпимость, какъ нетерпѣніе по отношенію къ проявленію того или другого зла, къ осуществленію той или другой злой дѣятельности, не тождественна еще и по самому существу своему съ посягательствомъ на свободу ближняго. Нетерпимость, понаскольку она можетъ имѣть нравственное значеніе и нравственное оправданіе, есть только отрицательная форма ревности. Въ положительномъ смыслѣ ревность есть точно то же самое, что нетерпимость въ отрицательномъ. Ревновать о благѣ, о нравственномъ добрѣ, о вѣрѣ, о дѣлѣ Божіемъ мы, конечно, должны и ревность эта, или, что то же самое, нетерпимость имѣетъ безспорно нравственное достоинство и значеніе, но слѣдуетъ ли изъ этого, что всякая ревность и всякая нетерпимость всегда и во всякомъ случаѣ хороша или, по крайней мѣрѣ, нравственно оправдываема? Не даромъ же говорится о ревности паче мѣры. Терпимость, какъ страдательное качество или состояніе, поддается нравственной оцѣнкѣ только въ зависимости отъ *предмета* терпимости и отъ *цѣли*, такъ какъ въ дѣйствіе оно не переходитъ. Нетерпимость или ревность, какъ переходящія въ дѣйствіе, находятся въ зависимости и отъ *средствъ*, которыми достигается ихъ удовлетвореніе. Пастырь добрый, полагающій душу свою за овецъ своихъ, не относится равнодушно къ гибели каждой изъ нихъ и проявляетъ ревность и нетерпѣніе свое тѣмъ, что оставляетъ девяносто девять овецъ, чтобы искать одну заблудившуюся, а нашедъ сосредоточить на ней всю свою заботу, всѣ свои попеченія, употребить всѣ средства къ спасенію ея и уврачеванію. Вотъ величайшій примѣръ христіанской ревности и нетерпимости, если уже употреблять это слово. Слѣдуетъ ли изъ этого примѣра, чтобы ревнующій и нетерпящій долженъ былъ бы

непремѣнно достигнуть успѣха, настоять на *своемъ*, достигнуть намѣченной *цѣли*, какимъ бы то ни было средствомъ, хотя бы и путемъ посягательства на свободу ближняго или спасаемаго? Отвѣтъ на этотъ вопросъ почерпаемъ у Златоуста. „Если призываетъ Богъ и призываетъ Самъ, то могутъ ли быть достойны прощенія не обращающіеся къ Нему? Пусть никто не обвиняетъ Бога. Ибо не отъ Призывающаго происходитъ невѣріе, а отъ неповинующихся. Но, скажешь: можно было бы привести и не желающихъ? Нѣтъ; Богъ не дѣлаетъ насилія или принужденія. И кто, призывая къ почестямъ, вѣнцамъ, пиршествамъ и торжествамъ, станетъ влечь кого нибудь противъ воли и связаннаго? Никто; потому что это свойственно принуждающему. Въ геену Онъ посылаетъ противъ воли, а въ царствіе призываетъ добровольно; въ огонь ведетъ связанныхъ и плачущихъ, а къ безчисленнымъ благамъ не такъ, ибо самыя блага не были бы вождѣленны, еслибы они по свойству своему не были бы таковы, чтобы къ нимъ стремились добровольно и по сознанію великаго ихъ достоинства“ (Толкованіе на 1 Кор. Русск. пер. I стр. 24) Кириллъ Іерусалимскій въ томъ именно и видитъ отличіе дѣятельности злаго духа отъ воздѣйствія Духа Святаго, что злой духъ принуждаетъ, овладѣваетъ насиліемъ, всецѣло подчиняетъ себѣ человѣка, а Святой Духъ влечетъ и призываетъ его къ себѣ, оставляя ему полную свободу и возможность самоопредѣленія. Аѳанасій Александрійскій, осуждая всякое стремленіе къ принужденію и приневоливанію въ дѣлѣ вѣры, указываетъ на совершенно противуположный образъ дѣйствій Христа, который только „стучится въ каждую душу съ любовною рѣчью жениха Пѣсни Пѣсней: Душа Моя, невѣста Моя, отвори!—и терпѣливо ждетъ, когда Ему не отворяютъ“. Основной законъ вѣры и нравственности христіанской есть законъ свободы и свободнаго самоопредѣленія въ согласованіи съ Божественнымъ призывомъ и предначертаніемъ. „Дивишься ты, пишетъ Исидоръ Пелузскій, почему Христосъ не убѣдилъ предателя признавать добродѣтель благомъ, хотя не рѣдко слышалъ онъ бесѣду о добродѣтели, вѣрнѣе же сказать, и не было бесѣды, въ которой онъ не слыхалъ о ней. А я удивляюсь, почему ты, зная, что такое свобода, могъ дивиться сему. Ибо не насиліемъ и самоуправствомъ, но убѣжденіемъ и добродушіемъ уготовляется спасеніе человѣковъ. Посему всякій полновластенъ въ собственномъ своемъ спасеніи, чтобы и увѣнчиваемые и наказываемые справедливо получали то, что сами избрали“ (II, 129 Русск. пер. т. I, стр. 394.

Итакъ, если и божественная ревность о благѣ и спасеніи, и божественная, если можно такъ выразиться, „нетерпимость“ зла не стремится быть безусловной и безграничной, но останавливается на грани человѣче-

скаго самоопредѣленія, отступаетъ передъ посягательствомъ на свободу, какъ условіе человѣческаго спасенія, то еще болѣе должно стѣснять и сдерживать себя тѣми-же предѣлами воздѣйствіе людей другъ на друга или воздѣйствіе человѣческаго общества на каждаго изъ своихъ членовъ, понасколько оно видитъ въ каждомъ изъ этихъ членовъ самостоятельную цѣль, а не средство. Правда, г. Розановъ говоритъ объ обереганіи Церкви „грѣшными руками" и задается вопросомъ: что же грѣшнымъ рукамъ, оберегающимъ церковь, дѣлать, слыша хулу на оберегаемое изъ тысячи устъ"? Владѣльцамъ таковыхъ рукъ, если бы они, а не г. Розановъ, задавались такимъ вопросомъ, отвѣтъ могъ бы быть только одинъ: покаяться, повинуясь словамъ Писанія: врачу, исцѣлися самъ! Не дѣло „грѣшныхъ рукъ", да и не дѣло рукъ вообще оберегать Церковь, которая не даромъ называется нерукотвореннымъ храмомъ и въ защитѣ рукъ, разумѣется, не нуждается. Владѣльцамъ же „грѣшныхъ рукъ", кто бы они ни были, и подавно слѣдуетъ только сказать: руки прочь!

Но для г. Розанова ревность и нетерпѣніе или „нетерпимость" необходимо соединены, по самому существу своему, съ какимъ нибудь актомъ рукоприкладства, и безъ такого акта рукоприкладства и посягательства на чужую свободу утрачиваютъ свой смыслъ и значеніе. „Терпимость" потому именно и противна ему, что она ни съ такимъ посягательствомъ, ни съ такимъ рукоприкладствомъ представляется не совмѣстимою. „Терпимость, говоритъ онъ,—это только символъ окончательнаго разъединенія людей, какъ свобода — символъ ихъ глубочайшаго сліянія (Будто бы уже и сліянія?); ты братъ мнѣ, отчего же не *ударилъ* меня, когда я дѣлалъ мерзко"—вотъ свобода; „я дѣлаю мерзко, но что же тебѣ до меня"—вотъ терпимость. Итакъ, мы утверждаемъ, свобода не исключаетъ величайшей борьбы, напряженія всѣхъ силъ въ этой борьбѣ; она тѣснитъ людей, въ стремленіи ихъ къ одной мысли, и, тѣснясь всѣ къ одному завершенію, они сталкиваются; блудный сынъ и о немъ скорбящій отецъ, хотя бы и наказующій,—оба въ свободѣ" и т. д. (Свобода и вѣра стр. 275 „Русскій Вѣстникъ"). Гдѣ же это христіанскій законъ разрѣшаетъ или предписываетъ *ударять* ближняго, когда онъ творитъ мерзкое и гдѣ же христіанское ученіе признаетъ ударъ единственнымъ видомъ братскаго назиданія? „И послѣдній нищій, стоящій въ притворѣ храма, можетъ, возревновавъ о Богѣ, разогнать клюкой своей народную толпу, собравшуюся поскучать въ немъ часъ, два; тотъ же нищій высочайшаго іерея можетъ, взявъ его лошадей подъ устцы, привести къ гнѣзду разврата и нищеты и сказать: иди и смотри и вспомни, кто ты и зачѣмъ". Все мнѣ возможно, но не все полезно, разсуждаетъ апостолъ. Но ужели не пони-

маетъ г. Розановъ великой разницы между физически или даже и юридически возможнымъ и должнымъ или нравственно-добрымъ, ибо все нравственно-доброе составляетъ долгъ для человѣка? Между *можно* и *должно* существуетъ еще цѣлая пропасть. Мы не сомнѣваемся, что нищій равно какъ и всякій другой *могутъ* совершать и не такія еще виды рукоприкладства и посягательства на человѣческую личность, но будетъ ли нравственно правымъ, соотвѣтствующимъ духу и выраженію христіанскаго ученія такое посягательство и такое рукоприкладство—вотъ вопросъ.

Г. Розановъ не понимаетъ христіанской ревности и нетерпимости къ злу безъ рукоприкладства и безъ посягательства на человѣческую свободу, какъ будто подчиненіе, насиліе, рукоприкладство и лишеніе свободы представляетъ единственный видъ воздѣйствія на человѣческую душу. „Только не вѣруя болѣе ни во что, можно требовать для всего свободы. *Какъ могу я, излагая свои мысли, усиливаясь распространить ихъ, исходя изъ своего* субъективнаго содержанія, желать свободы и для такого субъективнаго содержанія, котораго сущность состоитъ въ томъ, чтобы вообще не было никакихъ мыслей (гдѣ это розыскалъ г. Розановъ такое „субъективное содержаніе“?).? Какъ могу я вѣрить, не отметая того, что посмѣвается моей вѣрѣ? Какая есть истина, которая не отвергаетъ никакой лжи? И какъ я, всякій субъектъ, можемъ сохранять вѣру въ истинность *своего* содержанія, не требуя для него свободы жизни, движенія, распространенія, — и ограниченій для всего, что этому мѣшаетъ, хотя бы оно также жило по своимъ особымъ законамъ; но я, живущій, въ эти законы заглянуть не могу и не долженъ, насколько я вѣрю и хочу жить“. (Стр. 269).

Мы стоимъ у самаго источника къ разгадкѣ или развязкѣ спутаннаго узла туманныхъ и сбивчивыхъ разсужденій. Вѣра для г. Розанова представляется только субъективнымъ содержаніемъ его самого, какъ и всякаго мыслящаго субъекта. Вѣра есть субъективное содержаніе, сопровождаемое убѣжденностью въ его истинности. Таковы подлинныя слова г. Розанова. Но откуда же берется, какъ возникаетъ въ насъ это субъективное содержаніе? Неужели же это безразлично и не опредѣляетъ собою сущность вѣры? Всякое мнѣніе наше, такъ или иначе въ насъ вырабатывающееся и возникающее, составляетъ субъективное наше содержаніе, нами выработанное или намъ привитое, а если мы по какимъ бы то ни было причинамъ, хотя бы напр. по ограниченности, по самолюбію или по тщеславію, признаемъ его единственно возможнымъ мнѣніемъ, становится для насъ и увѣренностью и убѣжденіемъ. Въ формальномъ отношеніи это, пожалуй, и вѣра, какъ всякое суевѣріе въ формальномъ отношеніи вполнѣ не отлично отъ вѣры или мало отъ нея

отличается. Въ этомъ именно смыслѣ г. Розановъ говоритъ о *вѣрѣ* Джорджано Бруно, по существу не отличая ее отъ вѣры христіанской, церковной. Но здѣсь-то и кроется великая рознь. „Свое субъективное содержаніе“, о которомъ разсуждаетъ г. Розановъ, хотя бы и обращалось оно черезъ убѣжденіе въ истинности его въ вѣру, вырабатывается или по крайней мѣрѣ избирается и контролируется самимъ вѣрующимъ, какъ субъектомъ. Вѣра же не есть *моя* вѣра, но вѣра мнѣ данная, во мнѣ производимая. Содержаніе вѣры не мною дается, не мною вырабатывается, не мною провѣряется. Вѣруя, я скорѣе отрекаюся отъ себя, подчиняя себя и стремяся подчинить себя данному или вѣроятному содержанію. Данному или преданному черезъ что? Черезъ божественное откровеніе, дѣйствующее на меня посредственно черезъ исторію и внѣшній для меня міръ и непосредственно во мнѣ самомъ, какъ свѣтъ, освѣщающій всякаго человѣка, приходящаго въ міръ, и не прекращающаго въ немъ своего дѣйства. Вѣра наша не есть субъективное чувство, а внутреннее ощущеніе производимаго на насъ внѣшняго воздѣйствія. Вѣра, какъ и само содержаніе вѣры, не производится нами, не зависитъ отъ насъ всецѣло, но дается намъ, производится въ насъ, какъ готовое уже содержаніе, которое мы можемъ воспринимать съ большею или меньшей ясностью и отчетливостью, къ которому можемъ оказываться только болѣе или менѣе воспріимчивыми. Неужели г. Розановъ не понимаетъ простого различія между внутреннимъ и субъективнымъ?

„Никто не приходитъ ко Мнѣ, если не призоветъ его Отецъ“, говоритъ Спаситель. Подобно тому и всѣ святые отцы смотрятъ на вѣру, какъ на данную намъ, вызванную въ насъ божественнымъ откровеніемъ. Златоустъ, напр., такъ истолковываетъ выраженіе, званнымъ святымъ: „И то самое, что вы спасетесь вѣрою не отъ васъ, говоритъ: ибо не вы первые приступили, но были призваны, такъ что и это малое не принадлежитъ вамъ. Хотя вы приступили, бывъ виновны во множествѣ золъ, но и этимъ обязаны не себѣ самимъ, а Богу. Посему въ посланіи къ Ефесеямъ онъ говоритъ: благодатію есте спасени черезъ вѣру. (Еф, II, 8), и вѣра не вполнѣ принадлежитъ вамъ; ибо вы не сами, предваривъ Бога увѣровали, но послушались когда были призваны“. (Бесѣды на I Посл. къ Кор. Русск. пер. I, 9). „Не вполнѣ“, говоритъ онъ, потому, что отъ насъ зависитъ быть болѣе или менѣе воспріимчивыми къ призванію. „Достоинство твое не отъ тебя, говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же отецъ, но отъ благодати Божіей. Укажешь ли на вѣру, она отъ призванія“. (Тамъ же, стр. 199). „Вѣра, свидѣтельствуетъ тотъ же Златоустъ, ведетъ начало свое отъ Отца, переходитъ на Сына, довершается Духомъ Святымъ. Живой корень вѣры — Отецъ; вѣтвь

неувядающая—Сынъ; безсмертный плодъ ея—Духъ Святый". (XVII t. VII p. 289 ed. Savilli).

Такъ опредѣляемая вѣра, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ субъективнымъ содержаніемъ, съ вѣрою въ истинность своего содержанія, за сохранность и неприкосновенность которыхъ такъ ратуетъ г. Розановъ. Желать торжества и господства своего мнѣнія вполнѣ естественно по слабости человѣческой. „Какъ могу я, разсуждаетъ г. Розановъ, излагая *свои* мысли, усиливаясь распространить ихъ, исходя изъ *своего собственнаго* субъективнаго содержанія, желать свободы и для такого субъективнаго содержанія, котораго сущность состоитъ въ томъ, чтобы вообще не было никакихъ мыслей". Съ тою же совершенно справедливостью могъ бы сказать г. Розановъ, что онъ не могъ бы желать и свободы всякаго субъективнаго содержанія, которое противорѣчитъ его собственному, а потому по мнѣнію его противорѣчитъ истинѣ. Но изъ этой лично ему присущей неспособности не слѣдуетъ никакихъ заключеній для Церкви и для вѣры въ истинномъ значеніи этого слова. „Какъ могу я вѣрить не отметая того, что посмѣвается моей вѣрѣ"? Omnis determinatio est negatio, гласитъ извѣстное логическое правило. Всякое положеніе непремѣнно что либо отрицаетъ, отвергаетъ или отметаетъ какъ себѣ противоположное. Право отметать все, что посмѣвается *его* вѣрѣ, г. Розановъ, конечно имѣетъ, если только отметаніе это совершается безъ всякаго рукоприкладства, и если черезъ такое смѣлое отметаніе всего не согласнаго и противуположнаго его „субъективному содержанію" онъ не рискуетъ принять за вѣру суевѣріе или ошибочное мнѣніе, самомнѣніемъ вспѣненное и подкрашенное. „И какъ я, всякій субъектъ, можемъ сохранять вѣру въ истинность *своего* содержанія, не требуя для него свободы, жизни, движенія и распространенія, —и ограниченій для всего, что этому мѣшаетъ"? Такое требованіе въ высшей степени естественно, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы оно было нравственно правымъ и даже разумнымъ или цѣлесообразнымъ. Въ сущности требованіе это сводится только къ принципу: „нраву моему не препятствуй". Очищай дорогу моему содержанію, въ истинности котораго я убѣжденъ! Пусть ограничится свобода для всего, что мѣшаетъ ему, что несогласно съ нимъ! Ну, а если „субъективное содержаніе" г. Розанова—грубое заблужденіе и вѣра его въ истинность этого содержанія—плодъ самомнѣнія? Во всякомъ уже случаѣ такое поставленіе „субъективнаго содержанія", подкрѣпляемаго субъективною же увѣренностью въ его правотѣ, на степень закона для всѣхъ есть высшее проявленіе самаго отчаяннаго раціонализма. Sic volo, sic jubeo. Но г. Розановъ утверждаетъ, что онъ не можетъ и „сохранять вѣру въ истинность *своего* содержа-

нія, не требуя ограниченій для всего, что мѣшаетъ свободѣ жизни, движенію и распространенію этого содержанія". Истинная вѣра входитъ въ міръ въ сознаніи своей побѣдоносности; она увѣрена въ жизни, движенія и распространеніи, въ конечномъ торжествѣ надъ всѣми препятствіями, ибо иначе она не была бы и вѣрою. Не такова субъективная вѣра г. Розанова въ собственное его содержаніе. Она и сохраняться не можетъ въ немъ безъ ограниченій для всего, что этому мѣшаетъ, безъ заявленія требованія на такое ограниченіе къ иной власти и иной силѣ. Не трудно рѣшить, что эта вѣра г. Розанова въ его субъективное содержаніе не обладаетъ особенною твердостью, если не можетъ сохраняться безъ посторонней помощи и поддержки. Все убѣждаетъ насъ, что эта вѣра, какъ субъективная убѣжденность въ истинности субъективнаго содержанія, есть только мнѣніе, которое всегда нетерпимѣе и боязливѣе вѣры, такъ какъ не имѣетъ подъ собой внѣшней объективной опоры. Авраамъ былъ терпѣливъ въ дѣлѣ вѣры своей, ибо зналъ, что вѣренъ Обѣщавшій; всякій, болѣзненно дорожащій своимъ мнѣніемъ, стремится навязать его другимъ, найти для него внѣшнюю поддержку, подкрѣпить его ограниченіемъ свободы несогласныхъ и противорѣчащихъ ему мнѣній, ибо безъ того боится самъ утратить его. Если бы требованія г. Розанова распространить на „всякаго субъекта", „сохраняющаго вѣру въ истинность своего содержанія", то послѣдствіемъ такого распространенія была бы только великая война всѣхъ противъ всѣхъ—bellum omnium cotra omnes, ибо вся духовная жизнь обратилась бы только въ столкновеніе субъективныхъ содержаній, требующихъ для себя свободы жизни, движенія, распространенія, и ограниченій для всего, что этому мѣшаетъ.

Но предположимъ, что вѣра, о которой говоритъ г. Розановъ, есть не „субъективное содержаніе", не мнѣніе, а именно вѣра въ полномъ и истинномъ значеніи этого слова, т. е. вѣра преданная, откровенная, не изобрѣтаемая, а воспринимаемая нами. И тѣмъ не менѣе, какъ бы свято ни было наше желаніе, чтобы она свободно жила и распространялась, мы никоимъ образомъ не въ правѣ были бы желать „ограниченій для всего, что этому мѣшаетъ, хотя бы оно также жило по своимъ особымъ законамъ. „Но я, живущій,—говоритъ г. Розановъ, поясняя это свое предположеніе,—въ эти законы заглянуть не могу и не долженъ, насколько я вѣрю и хочу жить". Желаніе жить и вѣрить, конечно, совершенно законно и справедливо, но почему же нельзя и не должно заглянуть въ законъ, по которому живутъ несмыслящіе, заблуждающіеся? „Они заблуждаются, но отъ правоты души заблуждаются, говоритъ о нѣкоторыхъ еретикахъ одинъ старинный церковный писатель (Сальвіанъ

Массилійскій). Законъ для нихъ и для насъ одинъ въ дѣлѣ жизни — законъ свободы и самоопредѣленія. Къ заблужденію привела и приводитъ ихъ та же свобода, которая поддерживаетъ насъ въ истинѣ, ведетъ къ нравственному совершенствованію и спасенію, приводитъ къ вѣнкамъ и наградамъ, ибо безъ свободы не было бы для насъ и подвиговъ".

Все, до сихъ поръ сказанное нами, не есть по существу своему опроверженіе воззрѣній гг. Тихомирова и Розанова, но только характиристика спора о терпимости и нетерпимости, о свободѣ и вѣрѣ, возникшаго въ нашей журналистикѣ по поводу одной статьи В. С. Соловьева и затянувшагося можетъ быть уже слишкомъ долго, но побуждающаго, однако, и насъ сказать свое слово. Одно обстоятельство въ этомъ спорѣ поражаетъ насъ всего болѣе и представляется намъ всего болѣе удивительнымъ. Участвующіе въ спорѣ говорятъ о Церкви, о нравственной свободѣ, о вѣрѣ — и не заботятся даже узнать, какъ смотритъ сама Церковь на всѣ эти столь близкіе и жизненные для нея предметы. Неужели Церковь не имѣетъ своего самочувствія и самосознанія или въ вѣка своего существованія не имѣла ни повода ни возможности высказаться съ большею или меньшею опредѣленностью? Участвующіе въ спорѣ говорятъ и рѣшаютъ все отъ своего только ума, вполнѣ позабывая, что рѣшеніе отъ своего ума въ дѣлѣ Церкви и вѣры является празднымъ и мертвящимъ раціонализмомъ, не способнымъ имѣть ни тѣни церковнаго значенія, но необходимо тормозящимъ только и увѣчащимъ жизнь церковную. Не задумываются участвующіе въ спорѣ и надъ тѣмъ, что вопросы, по которымъ желаютъ они представить обществу свои особыя мнѣнія и соображенія не со вчерашняго дня волнуютъ человѣчество, что и у насъ и за границей исподволь накопилась по отношенію къ нимъ довольно обширная литература, дѣлающая ихъ достояніемъ науки, образующая своего рода преданіе, съ которымъ можно соглашаться и не соглашаться, но съ которымъ вѣдаться надо, и котораго нельзя оставлять въ пренебреженіи, частію для того, чтобъ не повторять переживших уже и изобличившихъ себя заблужденій, частію для того, чтобы пользоваться крохами и великими блюдами истины и во всякомъ уже случаѣ быть участниками вѣковаго человѣческаго труда, а не изобрѣтательными и предпріимчивыми Робинзонами на необитаемыхъ островахъ. Принимая все человѣчество или, по крайней мѣрѣ нашу святую Русь за пустыню, гг. Тихомировъ и Розановъ являются въ ней миссіонерами собственнаго своего „субъективнаго содержанія" и оглашаютъ ее проповѣдью отъ своего только ума. Невольно по поводу ихъ трудовъ приходятъ на память слѣдующія слова Бекона Веруламскаго: „Наука, говоритъ этотъ мыслитель, разрабатыва-

лась до сего времени или эмпириками или догматиками. Эмпирики, какъ муравьи, собираютъ безъ всякако упорядоченія весь попадающійся подъ руку матерьялъ; догматики, подобно паукамъ тянутъ нить изъ самихъ себя и по своему усмотрѣнію строятъ изъ себя паутины. Истинный ученый, по словамъ мыслителя, подобенъ пчелѣ, собирающей, но и производящей изъ себя воскъ для распредѣленія его по сотамъ“ Не станемъ останавливаться на разсмотрѣніи правильности или неправильности этого послѣдняго опредѣленія и обратимъ вниманіе только на пауковъ—догматиковъ. Именно какъ пауки тянутъ изъ себя гг. Тихомировъ и Розановъ безконечныя нити, стремяся сдѣлать свои паутины мѣрилами жизни и всѣхъ человѣческихъ мнѣній.

Уважая человѣческую мысль, мы не безъ уваженія относимся и къ „особымъ мнѣніямъ“, усердно представляемымъ этими названными нами выше сописателями. Скажемъ даже болѣе: мы чувствуемъ къ г. Тихомирову совершенно особую благодарность. Какъ ни какъ, а онъ затрогиваетъ вопросы, наводитъ на мысль, побуждаетъ многихъ высказываться, даетъ поводъ къ преуспѣянію истины. Какъ ни неправильны предлагаемыя имъ рѣшенія, но въ виду затрогиваемыхъ вопросовъ совершается и другими работа и, можетъ быть не одинъ изъ числа выступающихъ на опроверженіе можетъ сказать словами стариннаго отца церкви: “я становлюся свѣдущѣе и разсудительнѣе самого себя, изъ самаго вопроса научаяся многому, чего прежде не зналъ. Забота объ отвѣтѣ дѣлается для меня учителемъ. По истинѣ и нынѣ, озабоченный предметами твоихъ вопросовъ, я принужденъ и разсмотрѣти оные съ точностью, и привести на память, аще что слышалъ отъ старѣйшихъ, и отъ себя примыслити согласно съ тѣмъ, чему я научился“. (Василій Великій. Къ Амфилохію, епископу Иконійскому).

Н. Аксаковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

А. С. Грибоѣдовъ.

Къ столѣтію рожденія Грибоѣдова.

I.

Исполнившееся 4-го января наступившаго года столѣтіе со дня рожденія Александра Сергѣевича Грибоѣдова даетъ намъ поводъ и право остановить пристальное вниманіе нашихъ читателей на личности и дѣятельности этого замѣчательнаго русскаго человѣка, одного изъ тѣхъ, чьи „умъ и дѣла" всегда останутся „безсмертными въ памяти русскихъ".

Мы не имѣемъ никакой необходимости останавливаться на всѣмъ извѣстныхъ обстоятельствахъ жизни Грибоѣдова. Мы желали-бы, однако, отмѣтить и выяснить, что лучшее дѣло его, его безсмертная комедія „Горе отъ ума", явилось слѣдствіемъ исключительной самобытности его натуры и самостоятельной работы его проницательнаго ума. Извѣстно, что Грибоѣдовъ получилъ рѣдкое для своего времени образованіе, подъ руководствомъ Петрозиліуса и Іона дома, и профессоровъ Гейма, Сохоцкаго, Шлецера, Снегирева и, особенно, Буле—въ университетѣ. Въ то же время не подлежитъ сомнѣнію, что будущій творецъ русской „божественной комедіи", какъ называлъ „Горе отъ ума" Бѣлинскій, не избѣжалъ очень сильнаго и дѣйствительнаго вліянія того самаго общества, которое онъ съ такою безпощадною строгостью осудилъ въ этой комедіи, но къ которому принадлежалъ и самъ по рожденію. Уже офицеромъ Иркутскаго гусарскаго полка, стоявшаго въ 1814 году въ кавалерійскихъ резервахъ въ Брестъ-Литовскѣ, Грибоѣдовъ былъ еще способенъ шутить такія шутки, какъ въѣзжать съ Бѣгичевымъ верхомъ во второй этажъ дома, гдѣ былъ балъ, или, наприм., забраться на хоры католическаго монастырскаго собора во время богослуженія и, послѣ превосходнаго импровизированія церковныхъ гимновъ, вдругъ заиграть „камаринскую"... Письма его отъ того времени краснорѣчиво свидѣтельствуютъ также, что Грибоѣдовъ далеко не былъ еще тѣмъ проницательнымъ цѣнителемъ жизни, какимъ сдѣлался въ годы созданія своей комедіи.

Быть можетъ самая чрезмѣрность увлеченій, господствовавшая въ Брестъ-Литовскѣ, послужила значительнымъ толчкомъ къ критическому отношенію Грибоѣдова къ окружающей жизни. Два-три года спустя, по крайней мѣрѣ, онъ выразилъ рѣзкое осужденіе ея: „я въ этой дружинѣ всего побылъ четыре мѣсяца", писалъ онъ Бѣгичеву,

2*

„а теперь четвертый годъ какъ не могу попасть на путь истинный". Сближеніе Грибоѣдова съ 1815 года въ Петербургѣ и Москвѣ съ представителями тогдашняго русскаго образованія, оставившими свои имена въ исторіи русскаго просвѣщенія, конечно помогло ему разобраться въ жгучихъ вопросахъ, которые ставила передъ нимъ русская дѣйствительность; но при этомъ онъ съумѣлъ сохранить рѣдкую независимость мысли, и въ самомъ „Горе отъ ума" отразилось даже недвусмысленно критическое отношеніе къ тѣмъ людямъ, которые для многихъ казались вождями общества. Быть можетъ именно послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется и странная дружба Грибоѣдова съ такимъ человѣкомъ, какъ Булгаринъ: отрицательно относясь къ передовымъ людямъ своего времени, онъ естественно могъ, именно всилу ихъ презрительнаго отношенія къ этому человѣку, поддаться его внутренно льстивому ухаживанью, какое особенно сказалось во время ареста Грибоѣдова по дѣлу декабристовъ.

Въ общемъ выводѣ, зрѣлище русской жизни создало въ душѣ Грибоѣдова очень печальное настроеніе. Уже въ то время, когда „Горе отъ ума" имѣло огромный успѣхъ въ обществѣ, когда авторъ его пользовался славою и признаніемъ, въ сентябрѣ 1825 года, онъ пишетъ изъ Ѳеодосіи своему старинному другу Бѣгичеву: „Такъ скучно! такъ грустно!... Я съ нѣкоторыхъ поръ мраченъ до крайности. Пора умереть!.. Тоска неизвѣстная! воля твоя, если это долго меня промучитъ, я никакъ не намѣренъ вооружиться терпѣніемъ; пускай оно остается добродѣтелью тяглаго скота... Сдѣлай одолженіе, подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ съумасшествія или пистолета"... Прошелъ еще годъ, и въ декабрѣ 1826 года Грибоѣдовъ пишетъ все тому же старому другу: „Какъ нибудь дотяну до смерти". Но на этотъ разъ мы видимъ до нѣкоторой степени причины, вызывающія грусть въ душѣ Грибоѣдова. „Буду ли я когда нибудь независимымъ отъ людей?" пишетъ онъ... „Поэзія!! Люблю ее безъ памяти, страстно, но любовь одна достаточна ли, чтобы себя прославить? И наконецъ, что слава? По словамъ Пушкина... „лишь яркая заплата—на ветхомъ рубищѣ пѣвца." Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно вдохновенныхъ въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ. Все таки Шереметевъ у насъ затмилъ бы Омира... Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ. Холодъ до костей проникаетъ"...

Этому, постепенно возроставшему отъ самой молодости, критическому, независимому отношенію не къ однимъ только очевидно дурнымъ явленіямъ русской, современной ему, дѣйствительности, а и къ такимъ, которыя казались и почитались заслуживающими всяческаго признанія—

и обязано своимъ происхожденіемъ „Горе отъ ума", долго не появлявшееся отдѣльнымъ изданіемъ, но разошедшееся въ рукописяхъ по всей Россіи. Въ этомъ полномъ жизни и ума произведеніи Грибоѣдовъ сразу исчерпалъ всѣ свои наблюденія надъ обществомъ и,— что придаетъ комедіи неизмѣримую силу, крѣпость и жизненность,—излилъ въ немъ два главенствующихъ чувства, лежавшихъ въ основаніи его жизни и дѣятельности: любовь къ Родинѣ, и негодованіе при видѣ золъ русской жизни, смущавшихъ эту любовь. Потому-то „Горе отъ ума" остается единственнымъ созданіемъ Грибоѣдова, достойнымъ его имени, связывающимъ его съ потомствомъ и дающимъ ему одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи русской литературы. Все, что написано имъ до и послѣ этой комедіи, не будучи слѣдствіемъ живыхъ наблюденій и не нося печати названныхъ выше чувствъ, не прибавляетъ ничего къ славѣ Грибоѣдова, и въ сущности забыто потомствомъ, хотя и печатается въ собраніяхъ его сочиненій и носитъ печать или большаго ума, какъ его критическія замѣтки, или же и большого таланта, какъ „Грузинская ночь".

II.

Въ исторіи русскаго самосознанія „Горе отъ ума" съиграло весьма значительную роль, и это именно обстоятельство всегда служило связующимъ звеномъ между авторомъ этой комедіи и русскимъ обществомъ. Въ лицѣ Чацкаго, съ мнѣніями, характеризующими самого Грибоѣдова, передъ нами человѣкъ, обличающій противорѣчія русской дѣйствительности лучшимъ идеаламъ времени; такъ, и только такъ можно понимать героя Грибоѣдовской комедіи. Въ чемъ же состоятъ и какъ могутъ быть выражены идеальныя серемленія Чацкаго? Комедія даетъ для рѣшенія этого вопроса огромный матеріалъ, но — только матеріалъ, изъ котораго каждый по своему усмотрѣнію могъ построить тѣ или другіе выводы.

Комедія „Горе отъ ума" написана была задолго до того времени, когда представители русскаго образованнаго общества сознательно раздѣлились на два враждебныхъ лагеря,—на западниковъ и славянофиловъ, на поклонниковъ „европейскаго просвѣщенія", правильнѣе сказать: всего европейскаго, и на защитниковъ русскихъ основъ жизни, тѣхъ, на которыхъ создалась русская исторія. Тѣмъ не менѣе въ обществѣ русскомъ ясно обозначились уже элементы, изъ которыхъ сложились позже названныя направленія. И это сказалось съ полной отчетливостью въ критическихъ воззрѣніяхъ на „Горе отъ ума".

Замѣчательною чертою тѣхъ споровъ, которые были вызваны уже появленіемъ въ 1825 г. въ „Русской Таліи“ отрывковъ „Горя отъ ума“ и продолжались до нашихъ дней, было то, что, вообще говоря, поклонники Запада почти всегда являлись противниками комедіи. Какъ это ни странно, но первыя нападенія были сдѣланы прямо на комедію, осмѣлившуюся открыто пойти противъ предразсудковъ европейничанья. Именно, тогдашній „Вѣстникъ Европы“, въ лицѣ своего замѣчательнаго критика, объявилъ, что Грибоѣдовъ изобразилъ удачно лишь нѣкоторые портреты, но „не совсѣмъ попалъ въ нравы общества, которое вздумалъ описывать“. Особеннымъ же нападеніямъ подвергся Чацкій. Онъ, по мнѣнію Дмитріева, „не умный и образованный человѣкъ, какимъ его хотѣлъ представить авторъ, а не что иное, какъ съумасбродъ, который... умничаетъ... хочетъ отличиться то остроуміемъ, то какимъ-то *бранчивымъ патріотизмомъ* передъ людьми, которыхъ презираетъ. Языкъ комедіи признанъ при этомъ „жесткимъ, неровнымъ и неправильнымъ“. И Дмитріевъ, въ противоположность „Московскому Телеграфу“, иначе взглянувшему на комедію Грибоѣдова, находитъ лучшимъ „просить автора не издавать всю комедію, пока не перемѣнитъ главнаго характера и не исправитъ слога“. Любопытно, что одинъ изъ критиковъ, (Орестъ Сомовъ), оспаривавшихъ мнѣніе Дмитріева, почелъ возможнымъ, „скрѣпя сердце и съ печальнымъ предчувствіемъ“, объяснить его стихами Крылова: „Ну какъ не понимать!—Да плакать мнѣ какая стать:—Вѣдь я не этого *прихода*“, а „Вѣстникъ Европы“, съ своей стороны, не отклонилъ этого упрека и заговорилъ о произведеніяхъ, „превозносимыхъ въ нихъ (или авторскомъ) *приходѣ*, — обстоятельство, указывающее на дѣйствительное существованіе уже тогда двухъ противоположныхъ воззрѣній на литературныя и общественныя дѣла русскія.

Острая полемика по поводу „Горя отъ ума“ была прервана декабрскими событіями 1825 года. Но когда, пять лѣтъ спустя, по поводу постановки части комедіи на сценѣ, о ней заговорили опять, поддерживать прежнія нападенія на нее было уже почти невозможно. „Комедія „Горе отъ ума“... Кто изъ грамотныхъ россіянъ не знаетъ ее наизусть, не смотря на то, что она до сихъ поръ не напечатана и на сценѣ не была выставлена вполнѣ, и кто не сознается въ томъ, что эта извѣстность есть самое убѣдительное доказательство высокаго достоинства сей пьесы и совершенно уничтожаетъ всѣ шипѣнія „Вѣстника Европы“, который во дни оны, общими силами своихъ клевретовъ, острилъ жало на безсмертное твореніе Грибоѣдова?“ Такъ писалъ „Московскій Телеграфъ“ въ 1830 году. Тѣмъ не менѣе „Европеецъ“ въ 1832 году, отдавая справедливость комедіи, которая „уже давно знакома

большей части зрителей, ибо нѣтъ уѣзда въ Европейской Россіи, нѣтъ армейскаго полка, гдѣ бы ее не знали наизусть",—считаетъ необходимымъ указать одинъ существенный недостатокъ ея, обнаруживая попутно истинныя причины нападеній на нее. „Есть въ комедіи... мысль", говоритъ этотъ журналъ, которая „можетъ быть не вредитъ произведенію искусства, не вредитъ истинѣ художественной, но *вредитъ истинѣ практической и нравственной.* Мысль, о которой я говорю, заключается въ *негодованіи автора на нашу любовь къ иностранному.* Правда, эта любовь часто доходитъ до смѣшного и безсмысленнаго: дурно направленная, она часто мѣшаетъ нашему собственному развитію: но злоупотребленія вещи не уничтожаютъ ея достоинствъ"... „До сихъ поръ національность наша была необразованная, грубая, китайски-неподвижная", замѣчаетъ дальше журналъ. „Просвѣтить ее, возвысить, дать ей жизнь и силу развитія — *можетъ только вліяніе чужеземное...* Вотъ отчего наша любовь къ иностранному можетъ иногда казаться смѣшною, но никогда не должна возбуждать негодованія"... Въ этихъ спокойныхъ словахъ недвусмысленно указывается причина, по которой герой комедіи, Чацкій, долженъ былъ производить на сторонниковъ западническаго направленія впечатлѣніе тяжелое, не эстетическое.

Вообще, въ монологахъ Чацкаго если не заключенъ, то можетъ быть подозрѣваемъ цѣлый кодексъ общественныхъ, а частію и политическихъ взглядовъ, представляющихъ обширное поле для вражды и симпатій со стороны партійныхъ направленій критики, и естественно, что до позднѣйшихъ временъ оправдывалось „печальное предчувствіе" Ореста Сомова. Бѣлинскій, эта наиболѣе центральная натура времени, въ своихъ „Литературныхъ мечтаніяхъ" съ восторгомъ говоритъ о комедіи Грибоѣдова, называя ее „истинною divina comedia", и съ неменьшимъ восторгомъ— объ авторѣ ея, какъ о „поэтѣ оригинальномъ и самобытномъ, не признавшемъ надъ собою вліянія Пушкина и едва ли не равномъ ему", какъ о такомъ поэтѣ, въ которомъ „русская литература лишилась *Шекспира* комедіи". И не смотря на то, разсматривая всю комедію болѣе подробно въ 1840 году, знаменитый критикъ со всею силою негодованія обрушивается на Чацкаго. „Горе отъ ума" онъ считаетъ не понятой „сатирой на самолюбіе полоумнаго Чацкаго", который повсюду поступаетъ—„воля ваша—не по свѣтски, не умно и не эстетически". „Истинной глубокой любви не видно ни въ одномъ его словѣ: онъ „неистово свирѣпствуетъ" противъ подражанія иноземцевъ, „нападая на сюртуки", на „смѣшные бритые сѣдые подбородки", замѣнившіе окладистыя бороды, которыя упали по манію Петра, чтобы уступить мѣсто просвѣщенію и образованности". Словомъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, Чацкій,

„несетъ дичь“, онъ—Донъ-Кихотъ, мальчикъ на палочкѣ верхомъ, который воображаетъ, что сидитъ на лошади. „Что за глубокій человѣкъ этотъ Чацкій?“ восклицаетъ Бѣлинскій. „Это просто крикунъ, фразеръ, идеальный шутъ, на каждомъ шагу профанирующій все святое, о которомъ говоритъ“.

Такое воззрѣніе на Чацкаго, какъ и на всю комедію Грибоѣдова, удержаться, конечно, не могло, хотя по временамъ еще и высказывалось позднѣе. Чацкаго стали понимать мало-по-малу какъ, по выраженію одного изъ историковъ литературы, „не только лучшаго представителя лучшей части образованнаго меньшинства (двадцатыхъ годовъ), но и самаго разумнаго его представителя“. Другой позднѣйшій историкъ литературы называетъ его „лучшимъ выразителемъ надеждъ и стремленій либерализма двадцатыхъ годовъ“, доказывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ—„точный портретъ Грибоѣдова“, что „его рѣчей, его стремленій и понять нельзя безъ помощи постояннаго сличенія съ оригиналомъ“. По мнѣнію третьяго историка, „сатира Грибоѣдова вполнѣ представляетъ точку зрѣнія молодого поколѣнія либеральныхъ идеалистовъ“. Но что же оставалось, въ такомъ случаѣ, дѣлать съ нападеніями Чацкаго на смѣшные бритые подбородки, свидѣтельствовавшіе, по Бѣлинскому, о побѣдѣ просвѣщенія и образованности надъ „окладистыми бородами“, съ его защитою „старины святой“, и т. под? Всѣ подобныя рѣчи Чацкаго были по возможности отнесены на счетъ невыдержанности его характера въ комедіи, на счетъ противорѣчій въ его характерѣ, и тотъ самый историкъ, который видѣлъ въ Чацкомъ точный портретъ Грибоѣдова, для нѣкотораго оправданія воззрѣній Бѣлинскаго утверждаетъ, что Грибоѣдовъ „нѣсколько насмѣшливо относился“ къ своему герою, т. е. къ своему „точному портрету“. Это, очевидно не согласное съ истиной, утвержденіе должно было, насколько возможно, спасать точку зрѣнія теоретическихъ приверженцевъ всего европейскаго и противниковъ „бранчиваго потріотизма“ Чацкаго.

Нужно думать, что воззрѣнія на Чацкаго измѣнялись не безъ вліянія со стороны славянофильскихъ воззрѣній, обнаружившихъ, какъ извѣстно, свою силу даже на мнѣнія такого самостоятельнаго ума, какъ Герценъ. По крайней мѣрѣ въ славянофильскихъ теченіяхъ мы встрѣчаемся съ представленіями о Чацкомъ, несомнѣнно болѣе независимыми и основательными. Аполлонъ Григорьевъ писалъ: „Чацкій былъ, есть, и долго будетъ не понятъ, именно до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ окончательно въ нашей литературѣ несчастная болѣзнь, которую назвалъ я однажды, и назвалъ, кажется, справедливо, *болѣзнью моральнаго лакейства*“. „Пора намъ отречься отъ дикаго мнѣнія, что Чацкій—

Донъ-Кихотъ", замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. „Чацкій Грибоѣдова единственное истинно-героическое лицо нашей литературы"... Да! Чацкій есть—повторяю опять—нашъ единственный герой, т. е. единственный положительно борющійся въ той средѣ, куда судьба и страсть его бросили". Къ сожалѣнію Григорьевъ оставилъ эти свои положенія безъ развитія и разъясненій. Задачу эту взяли на себя другіе. Въ тѣ дни, когда утверждать въ трогательномъ согласіи съ Фамусовымъ и Молчалинымъ, что Чацкій съумасшедшій или „съумасбродъ", становились вопіющимъ анахронизмомъ, на защиту Чацкаго выступилъ знаменитый беллетристъ Гончаровъ въ своемъ знаменитомъ очеркѣ „Милліонъ терзаній", въ сущности развивъ только основное положеніе Аполлона Григорьева. Общій смыслъ краснорѣчивой и убѣдительной защиты Гончарова тотъ, что „Чацкій изъ всѣхъ наиболѣе живая личность и какъ человѣкъ, и какъ исполнитель указанной ему Грибоѣдовымъ роли. Натура его сильнѣе и глубже прочихъ лицъ, и потому не могла быть исчерпана въ комедіи". Онъ—обвинитель лжи и всего, что отжило, что заглушаетъ новую жизнь. На Гончаровѣ остается, впрочемъ, еще слѣдъ западническихъ обличеній Чацкаго; онъ находитъ, что Чацкому „измѣняетъ въ концѣ пьесы не только умъ, но и здравый смыслъ—такихъ пустяковъ надѣлалъ онъ"... Статьею Гончарова въ сущности закончилось развитіе очевидно непослѣдовательныхъ и самопротиворѣчивыхъ западническихъ воззрѣній на безсмертную комедію Грибоѣдова и на ея героя. Что касается до воззрѣній на нихъ славянофильскихъ, то они полнаго развитія не получили.

III.

Нападенія на „Горе отъ ума" и на Чацкаго встрѣтили наиболѣе дружный отпоръ задолго до статей Григорьева и Гончарова, при самомъ выходѣ въ свѣтъ отрывковъ изъ геніальной комедіи въ Булгаринской „Таліи". Типическимъ для того времени мнѣніемъ можно признать мнѣніе Ореста Сомова, высказанное въ самый разгаръ полемики въ 1825 году въ „Сынѣ Отечества". Вотъ что говоритъ онъ, напр., по поводу „бранчливаго патріотизма" Чацкаго: „Любовь къ отечеству, излившаяся въ жалобахъ на то, что многіе сыны его отстали отъ коренныхъ доблестей своихъ предковъ, и, не достигши до настоящей степени образованія, заняли у иностранцевъ только то, что вовсе недостойно подражанія: роскошь, моды и полу-французскій тонъ разговора; негодованіе на то, что все чужеземное предпочитается всему отечественному—вотъ *бранчивый* патріотизмъ Чацкаго! И это-то лицо, съ чувствами благородными

и душею возвышенною, сей-то Чацкій, *осуждающій одни старые и новые пороки и странности* въ землякахъ своихъ, есть, по словамъ г. Дмитріева, съумасбродъ!"... Въ тѣ времена, когда писаны были эти строки, въ обществѣ русскомъ было еще не мало простыхъ русскихъ людей, одинаково отрицавшихъ какъ общественное невѣжество, такъ и преувеличенную погоню за европейскими внѣшними формами образованности.

Едва ли возможно теперь сомнѣніе, что это давнишнее мнѣніе, этотъ взглядъ на Чацкаго, какъ на обличителя и старыхъ, и новыхъ пороковъ русскаго общества, самое основательное. Оно не захватываетъ, однако, одной изъ важнѣйшихъ сторонъ дѣла, замѣченной впослѣдствіи и, можно сказать, по настоящее время мало разъясненной Въ нападеніяхъ на Чацкаго, какъ и въ защитѣ его, всегда сквозила мысль, болѣе открыто высказанная въ приведенныхъ выше словахъ „Европейца", та именно: что общество, окружающее Чацкаго, есть общество, носящее въ себѣ примитивную дикость, варварство старой допетровской Руси, а Чацкій—представитель европейскаго просвѣщенія. Въ этомъ именно смыслѣ понимается противоположеніе „вѣка нынѣшняго—вѣку минувшему", и защита праваго дѣла перваго какъ бы дѣлаетъ Чацкаго представителемъ прогрессивнѣйшихъ элементовъ общества, въ то время какъ остальныя лица комедіи—консерваторы, ретрограды, поклонники старины, „представители старинныхъ нравовъ, которые такъ восхвалялъ Шишковъ"... Естественно, что западники искали и легко находили точки соприкосновенія своихъ воззрѣній съ воззрѣніями Чацкаго. Рѣчи Чацкаго противъ европейской одежды, защита имъ „святой старины" противъ вторженія новизны, служили предположеніемъ, что онъ можетъ быть почитаемъ предшественникомъ славянофиловъ; но западники считали эти рѣчи просто балластомъ въ комедіи. И они были бы правы, если бы, дѣйствительно, общество, въ которое судьба и страсть бросили Чацкаго, было продуктомъ русской дикости.

Но въ томъ-то и дѣло, что общество, обвиняемое Чацкимъ, настолько же отстоитъ отъ „старины" русской, какъ и отъ образованности европейской. Главное свойство всѣхъ лицъ, его составляющихъ, по комедіи — пошлый эгоизмъ и умственное и нравственное ничтожество. И Фамусовъ, и Скалозубъ, и другіе суть представители извѣстнаго кодекса житейской мудрости, „того пошлаго опыта, ума глупцовъ", который учитъ, „ниже тоненькой былиночки голову клонить" и пр. Но развѣ преобладаніе въ обществѣ этого „пошлаго опыта" надъ нравственными началами явленіе, характеризующее русскую старинную жизнь, передавшую ее въ наслѣдіе XVIII вѣку? Какъ ни плоха была старая

русская жизнь; какъ ни тяжки были ея основы, никто, однако, не скажетъ, чтобы въ ней, какъ и теперь еще въ неподвергшихся европейскому вліянію русскихъ классахъ общественныхъ, отсутствовали нравственные элементы; а торжество практическихъ людей и побужденій—явленіе всѣхъ обществъ. Очевидно, московское общество Фамусовыхъ и Скалозубовыхъ—не въ святой русской старинѣ нашло свой житейскій кодексъ. Несомнѣнно, напротивъ, что все это общество, порвавъ всѣ связи съ нравственными основами русской жизни, къ которой оно, подобно „Европейцу" и вообще западникамъ, относилось съ презрѣніемъ, не представляя себѣ возможнымъ даже въ пустякахъ, какъ и въ серьезномъ, „европейское поставить въ параллель съ національнымъ", и холопствуя передъ первымъ „французикомъ изъ Бордо",—Фамусовское общество, безъ всякаго сомнѣнія, было болѣе европейское, чѣмъ русское, оно—„все отдало въ обмѣнъ на новый ладъ—и нравы, и языкъ, и старину святую, и величавую одежду на другую, по шутовскому образцу". Оно такъ было чуждо всему русскому, что представителей его народъ долженъ былъ принимать—„за нѣмцевъ". Но, взявъ чужой языкъ и чужіе нравы, оно не могло взять съ ними и европейскихъ нравственныхъ основъ жизни, потому что послѣднія, по справедливому замѣчанію современника же этого общества, Чаадаева, „развиваются изъ происшествій, содѣйствовавшихъ образованію общества", а не привозятся изъ-заграницы. Находились люди, которые вмѣстѣ съ нравами принимали и европейскіе идеалы,—изъ нихъ выходили теоретики Онѣгины, Печорины, Рудины, вообще всякіе безпочвенники, всякіе лишніе люди, осужденные фатально на безплодное прозябаніе въ обществѣ, быть „коптителями неба", какъ назвалъ Гоголь Тентетникова; остальные, мало склонные къ идеалистическимъ стремленіямъ, а просто хотѣвшіе жить, теряя съ преданіями нравственныя основы жизни, естественно подчинялись своимъ инстинктамъ—выводы „растлѣвающаго пошлаго опыта" становились ихъ кодексомъ. Напрасно слишкомъ много говорятъ о „необразованности" этого общества; никакое „образованіе", никакія знанія не помѣшали бы Фамусову быть Фамусовымъ и Молчалину—Молчалинымъ, чему многочисленные примѣры могла бы дать сама просвѣщенная Европа, если бы въ подобныхъ примѣрахъ была дѣйствительная необходимость. Теперь представьте среди этого общества умнаго человѣка, не успѣвшаго заразиться предразсудками его или успѣвшаго отрѣшиться отъ нихъ. Какое негодованіе должно оно вызвать въ немъ съ своимъ „пустымъ, рабскимъ, слѣпымъ подражаньемъ" всему европейскому и презрительнымъ непониманіемъ роднаго быта. Разные лишніе люди тоже, нужно думать, не могли бы возбудить въ немъ симпатій, и потому-то въ комедіи мы находимъ несочувственное отно-

шеніе къ „секретнѣйшимъ союзамъ“ и дѣятелямъ въ нихъ. Грибоѣдовъ, конечно, не могъ быть тѣмъ, что получило названіе славянофиловъ, но онъ, какъ человѣкъ необыкновеннаго ума, долженъ былъ ясно сознавать всю ненормальность и обязательную безнравственность общества, разорвавшаго всѣ связи съ своимъ историческимъ прошлымъ, съ преданіями, „происшествіями, содѣйствующими образованію обществъ“—и безсмысленная погоня исключительно за „европейскимъ“, въ противоположность „національному“, должна была представиться ему огромнымъ зломъ. Въ то же время онъ, конечно, не былъ и не могъ стать противникомъ просвѣщенія европейскаго, въ смыслѣ настоящаго усвоенія знаній и истекающихъ изъ нихъ идеаловъ, и потому является защитникомъ ихъ въ своей комедіи. При этомъ нужно замѣтить, что Грибоѣдовъ былъ истинно русскимъ человѣкомъ. По разсказу одного изъ друзей, онъ говорилъ: „Только въ храмахъ Божіихъ собираются русскіе люди, думаютъ и молятся по-русски. Въ русской церкви—я въ отечествѣ, въ Россіи! Меня приводитъ въ умиленіе мысль, что тѣ же молитвы читались при Владимірѣ, Димитріи Донскомъ, Мономахѣ, Ярославѣ, въ Кіевѣ, Новгородѣ, Москвѣ; что то же пѣніе трогало ихъ сердца, тѣ же чувства одушевляли набожныя души. Мы — русскіе только въ церкви, а я хочу быть русскимъ“... Уже одни эти слова ясно говорятъ, что Грибоѣдовъ дѣйствительно считалъ необходимою связь образованнаго русскаго общества съ „святою русскою стариной“, что по своимъ воззрѣніямъ онъ ближе стоялъ къ тому направленію, которое получило названіе славянофильства, чѣмъ къ западничеству.

Въ лицѣ Чацкаго передъ нами просто здравый русскій умъ, русскій человѣкъ, которому серьезное европейское образованіе не помѣшало остаться истинно русскимъ. Въ его рѣчахъ нѣтъ ничего противорѣчиваго; психологически онъ цѣлостенъ, выдержанъ и вѣренъ себѣ до конца. Все, что говоритъ онъ, такъ просто и понятно, что нужны были особенныя тонкости „европейскихъ убѣжденій“, чтобы стало возможнымъ непониманіе его и его мнѣній. За убѣжденіями Чацкому не нужно было никуда ѣздить; это—чисто русскіе взгляды, совсѣмъ не отрицающіе необходимости просвѣщенія, хотя бы и заимствованнаго изъ Европы, но проникнутые обыкновенной христіанской нравственностью и русскимъ патріотизмомъ.

Созданіе типа Чацкаго составляетъ величайшую заслугу Грибоѣдова передъ русскимъ обществомъ, всѣ послѣдствія которой, быть можетъ, еще только въ будущемъ.

Арсеній Веденскій.

О значенiи характера въ жизни народовъ.

Въ первыхъ книжкахъ Revue Scientifique за текущiй годъ, появились двѣ статьи извѣстнаго французскаго соцiалиста и публициста G. Le Bon изъ коихъ первая разсуждаетъ о значенiи характера въ жизни народовъ, а вторая—о роли идей въ эволюцiи характера. Статьи эти, несмотря на нѣкоторую легкость и поверхностность, нѣизбѣжныя, однакоже, при обсужденiи вопросовъ мало изслѣдованныхъ и крайне сложныхъ, въ высшей степени, важны и важны именно потому, что идутъ „противъ теченiя" напоминая человѣчеству о нѣкоторыхъ истинахъ слишкомъ „хорошо забытыхъ" подъ влiянiемъ *антропотеистическаго* (я не могу придумать болѣе подходящаго названiя) ученiя, за послѣднее время съ легкой руки французскихъ же мыслителей (Фуллье, Гюйо) широко распространившагося.

Въ самомъ дѣлѣ, это ученiе, указывая на прогрессъ современной цивилизацiи, предполагаетъ его не только безконечнымъ, но и находящимся вполнѣ въ нашихъ рукахъ, такъ что оба только что помянутые писателя доходятъ почти до обоготворенiя человѣка, пророчатъ ему самодѣльное безсмертiе и таковое же всемогущество (L'irreligion de l'avenir Гюйо). Притомъ путь къ этимъ благамъ они видятъ именно въ тѣхъ методахъ, которые современной цивилизацiей выработаны, считая возможнымъ искусственно творить инстинкты человѣческiе, для цѣлей, указываемыхъ наукою, и не замѣчая, что сама-то эта цивилизацiя, со всѣми ея методами, не свободна, такъ какъ строго обусловлена всѣмъ прошлымъ человѣчества, и что если бы путь, ею предначертанный, былъ вполнѣ вѣренъ (а онъ вѣренъ лишь настолько, насколько и всѣ человѣческiя предположенiя, которыми, по пословицѣ, располагаетъ Богъ), то у современнаго цивилизованнаго человѣчества не хватитъ, пожалуй, ни силъ, ни времени, ни свободы пройдти по немъ. Однимъ словомъ антропотеизмъ можетъ оказаться (да и окажется, вѣроятно) предсмертными мечтами чахоточнаго больного, строящаго планы отдаленныхъ поѣздокъ, большихъ работъ и долгой, прiятной, жизни.

Разочаровывать такого больнаго было бы грѣшно, разумѣется; но если больнымъ оказывается не индивидуумъ и даже не цѣлое общество, а лишь правящiе классы послѣдняго, то раскрыть имъ глаза на ихъ настоящее положенiе, на тотъ путь, на который они, полубезсознательно увлекаютъ за собою массы, по крайней мѣрѣ постараться это сдѣлать,

постараться заронить въ ихъ душу сомнѣніе относительно правильности господствующихъ надъ нею идей — никогда не мѣшаетъ.

Эту-то задачу и взялъ на себя Le Bon. Исполнилъ онъ ее настолько хорошо, насколько это можно было сдѣлать въ краткой, журнальной, статьѣ. Не будучи съ нимъ вполнѣ согласнымъ (недоразумѣнія оговорю въ послѣсловіи), я все таки счелъ его статьи заслуживающими подробнаго изложенія въ русской печати, почему и предлагаю ихъ теперь вниманію читателей.

1, Психическая организація народностей.

Натуралисты основываютъ свою классификацію растительныхъ и животныхъ видовъ на извѣстныхъ анатомическихъ особенностяхъ, правильно и постоянно воспроизводимыхъ наслѣдственностью. Мы знаемъ теперь, что эти особенности, подъ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ, могутъ, мало по малу, измѣняться, но для такихъ измѣненій нужны, вѣроятно, десятки тысячелѣтій, и если имѣть въ виду только ту часть исторіи земного шара, которая прошла передъ глазами человѣка, то виды должны быть признаны неизмѣнными.

Будучи приложенъ къ роду человѣческому, натуралистическій методъ классификаціи даетъ намъ возможность раздѣлить его на нѣсколько рѣзко очерченныхъ типовъ, отличающихся другъ отъ друга вполнѣ опредѣленными анатомическими особенностями—цвѣтомъ кожи, формой и вмѣстимостью черепа и проч., и проч., такъ что, еслибы негръ и кавказецъ были молюсками, то всѣ зоологи единогласно должны бы были признать ихъ за отдѣльные виды.

Но анатомическія особенности отличаютъ лишь нѣсколько очень крупныхъ группъ въ человѣческомъ родѣ, между тѣмъ какъ сами эти группы подраздѣляются на множество мелкихъ различающихся особенностями психическими. Можно ли, напримѣръ, смѣшать испанца, англичанина и араба? Не бросится ли въ глаза духовное различіе, существующее между ними, и не проглядываетъ ли оно въ каждой страницѣ ихъ исторіи?

За отсутствіемъ анатомическихъ отличій, классификація различныхъ народовъ основывается, обыкновенно, на ихъ языкѣ, вѣрованіяхъ и политической группировкѣ; но эта классификація не выдерживаетъ критики Исторія намъ показываетъ, что народы могутъ мѣнять и языкъ, и вѣрованія, и политическій строй, не мѣняя, однакоже, своего основнаго характера; такъ что единственной основой для классификаціи народовъ можетъ служить лишь психологія. Она намъ показываетъ, что за учре-

жденіями и вѣрованіями народа, за перемѣнами въ его политическомъ строѣ, стоитъ извѣстный, незыблемый, моральный и интеллектуаланый строй, на который опирается эволюція его исторіи. Этотъ моральный и интеллектульный строй столь же постояненъ какъ и вышеупомянутыя анатомическія особенности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ и зависитъ именно отъ особаго устройства мозга, но такъ какъ наука до сихъ поръ не опредѣлила въ чемъ именно состоитъ эта разница въ устройствѣ, то мы принуждены судить объ ней лишь по ея проявленіямъ, вполнѣ очевиднымъ.

Моральный и интеллектуальный строй народа представляетъ собою синтезъ всего его прошлаго, наслѣдство всѣхъ его предковъ и главный двигатель его поведенія въ настоящемъ и будущемъ. Какъ бы ни были различны психическія черты отдѣльныхъ личностей, входящихъ въ составъ даннаго народа, но основа характера у всѣхъ у нихъ одна, точно также какъ основныя анатомическія различія расъ или видовъ остаются постоянными, несмотря на значительную разницу въ физіономіяхъ индивидуумовъ, принадлежащихъ къ этимъ расамъ или видамъ. И точно также какъ анатомическія особенности, психическій строй правильно и постоянно передается по наслѣдству.

Совокупность основныхъ чертъ психическаго строя, общихъ большинству лицъ данной національности, называется народнымъ характеромъ этой національности. Тысяча французовъ, тысяча англичанъ, тысяча китайцевъ, взятыхъ наудачу, будутъ очень отличаться другъ отъ друга но въ нихъ всегда есть нѣчто общее, всѣмъ одинаково свойственное, дозволяющее построить идеальный типъ француза, англичанина или китайца, по тому-же способу, по которому натуралистъ строитъ идеальные типы собаки, лошади, кошки. Будучи приложимъ ко всѣмъ разновидностямъ даннаго вида, этотъ идеальный типъ не можетъ, конечно, заключать въ себѣ чертъ, которыми онѣ другъ отъ друга отличаются.

Если раса или народъ достаточно стары и достаточно однородны, то ихъ идеальный типъ отчетливо рисуется въ умѣ посторонняго наблюдателя. Посѣщая чуждую намъ страну, мы прежде всего замѣчаемъ тѣ стороны характера ея обывателей, съ которыми чаще другихъ сталкиваемся, то есть именно тѣ, которыя общи всѣмъ этимъ обывателямъ; индивидуальныя ихъ особенности, повторяясь сравнительно рѣдко, ускользаютъ отъ нашего вниманія. Мало по малу мы привыкаемъ отличать съ перваго взгляда нетолько англичанина, француза, испанца, но даже финляндца, нормандца, гасконца. Каждому изъ нихъ, въ нашемъ сознаніи, соотвѣтствуетъ извѣстный идеальный типъ, который мы не затруднимся выразить и на словахъ. Безсознательная работа, совершаемая нами при этомъ, въ сущности

совершенно подобна той, которую производитъ естествоиспытатель, классифицируя виды и роды животныхъ.

Одинаковость психическаго строя у большинства членовъ одной и той-же національности имѣетъ свои, вполнѣ понятныя физическія причины. Въ самомъ дѣлѣ, каждый индивидуумъ есть не только сынъ родителей, но и потомокъ своихъ предковъ, общихъ для всей націи. Одинъ извѣстный математикъ, M. Cheysson, полагая по три поколѣнія на каждый вѣкъ, вычислилъ, что въ венахъ всякаго современнаго француза течетъ кровь по крайней мѣрѣ двадцати милліоновъ людей, жившихъ въ 1000 году нашей эры. „Всѣ обыватели одной и той же мѣстности, одной и той же провинціи", говоритъ онъ,—имѣютъ общихъ предковъ, выпечены изъ одного тѣста, носятъ одинъ и тотъ же отпечатокъ и прикованы къ среднему идеальному типу одной и тою же цѣпью, въ которой они суть лишь послѣднія звѣнья. Мы являемся, заразъ, и дѣтьми нашихъ родителей и дѣтьми нашего рода. Не одно только чувство, но и анатомія и физіологія и наслѣдственность дѣлаютъ изъ нашей родины нашу вторую мать".

Говоря математическимъ языкомъ, жизнь и поведеніе индивидуума слѣдуетъ разсматривать какъ равнодѣйствующую трехъ силъ, изъ коихъ первою и наибольшею является вліяніе предковъ, второю—вліяніе родителей и, наконецъ, третьею—вліяніе среды и воспитанія, въ широкомъ смыслѣ слова, которое мы теперь склонны переоцѣнивать. Это послѣднее, въ сущности, производитъ лишь небольшія измѣненія, да и то только тогда, когда наслѣдственность уже къ нимъ подготовила. Чтобы человѣкъ ни дѣлалъ, онъ всегда и прежде всего есть представитель своей расы. Совокупность чувствъ и идей, порожденныхъ жизнью цѣлаго народа, образуетъ собою общій фондъ, общую душу этого народа. Невидимая по своей сущности, душа эта становится видимой въ своихъ проявленіяхъ, такъ какъ ею направляется историческая эволюція народной жизни.

Отдѣльный народъ можно сравнить съ аггрегатомъ клѣточекъ, составляющихъ живой организмъ: Такихъ клѣточекъ милліарды и живутъ онѣ очень недолго, но совокупность ихъ представляетъ собою единое цѣлое, жизнь котораго, относительно, весьма длинна. То же самое мы видимъ и въ народѣ, состоящемъ изъ отдѣльныхъ личностей, которые живутъ двойною жизнью: индивидуальной, очень краткой, и общей, весьма продолжительной. Личность во многихъ отношеніяхъ зависитъ отъ этой послѣдней и потому обязана ее улучшать и поддерживать.

Отдѣльная народность, слѣдовательно, должна быть разсматриваема какъ индивидуумъ, какъ существо, и притомъ стоящее внѣ времени. Это существо слагается не только изъ личностей, живущихъ въ данный моментъ,

но такъ же изъ длиннаго ряда предковъ, которые жили въ прошломъ и длиннаго ряда потомковъ, которымъ принадлежитъ будущее. Для того чтобы понять настоящее значеніе народности, нужно проэктировать ее взадъ и впередъ. Мертвые, безконечно превосходящіе своимъ числомъ живыхъ, окажутся тогда и безконечно болѣе послѣднихъ могущественными. Они господствуютъ въ громадной области безсознательнаго, обусловливающаго всѣ главныя проявленія народнаго характера. Ими народность основана, они ее вырастили и они же ею управляютъ въ гораздо большей степени, чѣмъ живые ихъ потомки. Изъ вѣка въ вѣкъ они творили наши мысли и наши чувства, а слѣдовательно и всѣ мотивы нашей исторической жизни. Угасшія поколѣнія передали намъ не только свой физическій обликъ, но и свой психическій строй. Мертвые суть единственные безспорные повелители живыхъ—недаромъ мы несемъ на себѣ послѣдствія ихъ ошибокъ и получаемъ награды за ихъ добрыя дѣянія.

Созданіе народнаго характера, то есть, извѣстнаго психическаго строя, свойственнаго только одному народу, требуетъ очень долгаго времени, хотя всетаки не такого, какое требуется для созданія зоологическаго вида. Для того, чтобы создать ту совокупность чувствъ и мыслей, которая составляетъ теперь душу Французскаго народа, потребовалось пятнадцать столѣтій. Главнѣйшая изъ заслугъ первой революціи состоитъ именно въ томъ, что она ускорила процессъ объединенія Франціи, окончательно уничтоживъ тѣ маленькія національности — пикардійцевъ, фламандцевъ, гасконцевъ, провансаловъ и проч. и проч., — на которыя прежде дѣлился Французскій народъ. Именно эта разноплеменность послѣдняго всегда служила, да и до сихъ поръ отчасти служитъ, причиною разногласій и раздоровъ, незнакомыхъ народамъ болѣе однороднымъ, каковы, напримѣръ, англичане. Саксы, норманы, бретонцы, вошедшіе въ составъ англійскаго народа, давно уже сплавились, такъ сказать, другъ съ другомъ и образовали одно цѣлое, пропитанное однимъ и тѣмъ же духомъ, общими чувствами, общими интересами, общими вѣрованіями. Среди членовъ націи, сплотившейся такимъ образомъ, не можетъ быть разногласій по крупнымъ, общимъ, вопросамъ — всѣ они, совершенно инстинктивно, дѣйствуютъ какъ одинъ человѣкъ.

Общность чувствъ, мыслей, вѣрованій и интересовъ, созданная путемъ долгой, наслѣдственной, аккумуляціи, даетъ народному характеру силу и постоянство, обусловливающіе, съ своей стороны, политическую мощь. Эта общность создала величіе древняго Рима и современной Англіи. Стоитъ ей исчезнуть, чтобы народъ распался, какъ это случилось съ Римомъ.

Коллективная душа, то есть сѣть общихъ вѣрованій, чувствъ, идей и традицій, существовала всегда и у всѣхъ народовъ, но эволюція ея совершалась крайне медленно. Принадлежа, сначала, одной только семьѣ или роду, она постепенно распространялась на селеніе, городъ, провинцію; въ цѣлыхъ же странахъ, живущихъ подъ однимъ закономъ, она развилась сравнительно недавно. То широкое понятіе о родинѣ, которое мы имѣемъ теперь, могло образоваться лишь по мѣрѣ образованія народной души. Древніе греки, въ своей концепціи родины, никогда не поднимались выше города, и греческіе города, совершенно чуждые другъ другу по духу, постоянно враждовали между собою. Индія, въ теченіе 2000 лѣтъ не знала другой общественной единицы, кромѣ деревни, и потому прожила всѣ 2000 лѣтъ подъ властью иностранцевъ, хотя власть эта была очень эфемерна, быстро возникала и быстро распадалась.

Очень слабая, съ точки зрѣнія военнаго могущества, концепція, города какъ родины, оказывалась всегда очень сильной съ точки зрѣнія цивилизаціи. Душа маленькаго города всегда была болѣе плодотворною, чѣмъ душа большой страны. Древнія Аѳины, средневѣковыя Флоренція и Венеція наглядно показываютъ до какой высокой степени культуры можетъ дойти маленькое, но однородное и сильно сплоченное общество.

Когда такія маленькія общества проживутъ долгое время независимой жизнью, то психическій строй ихъ до такой степени обособляется и пріобрѣтаетъ такую стойкость, что сліяніе съ сосѣдями въ одинъ народъ становится для нихъ почти невозможнымъ, или, по крайней мѣрѣ, страшно труднымъ и продолжительнымъ. Нужны Кавуры, Ришелье и Бисмарки, для того, чтобы совершить такое сліяніе; да и то если оно уже задолго подготовляется, иначе народности сольются только внѣшнимъ образомъ, а общей души у нихъ не будетъ. Въ современной Италіи, напримѣръ, можно встрѣтить пьемонтцевъ, сицилійцевъ, римлянъ, но итальянцевъ въ ней нѣтъ.

Вообще, чистую народность, происшедшую отъ одного корня и сплоченную естественнымъ образомъ можно найти теперь только среди дикарей, всѣ же остальныя, какъ бы они не были однородны и какъ бы давно ни жили самостоятельной жизнью, слѣдуетъ разсматривать лишь какъ искусственный аггрегатъ. Но намъ нѣтъ дѣла до этого; насъ интересуютъ ихъ души; то есть тотъ общій психическій строй, который, благодаря наслѣдственности и продолжительной совмѣстной жизни, все же успѣлъ въ нихъ образоваться и даже пріобрѣсти большую стойкость. Намъ предстоитъ опредѣлить различные типы этого строя.

2, Психологическіе элементы классификаціи народностей.

Характерныя анатомическія особенности, на основаніи которыхъ зоологъ классифицируетъ роды и виды животныхъ, бываютъ, обыкновенно, очень немногочисленны, но постоянны и крайне важны, такъ какъ каждая изъ нихъ обусловливаетъ цѣлый рядъ второстепенныхъ особенностей въ жизни и нравахъ даннаго вида или рода. Такого же способа слѣдуетъ придерживаться и при опредѣленіи психологическаго характера народностей. Увлекшись мелочами, мы можемъ запутаться во множествѣ особенностей, свойственныхъ отдѣльнымъ индивидуумамъ, но если обращать вниманіе только на основныя черты народной души, то ихъ окажется очень немного.

Эти основныя черты лежатъ отчасти въ интеллектѣ, а отчасти— въ характерѣ. Объ интеллектуальныхъ чертахъ мы говорить не будемъ, такъ какъ для народностей, достигшихъ извѣстнаго уровня культуры, никакой классификаціи на нихъ основать нельзя. Замѣтимъ только, что цивилизованные народы въ разной степени обладаютъ способностью ассимилировать и способностью самостоятельно творить. Первая состоитъ въ быстромъ пониманіи, приспособленіи и использованіи фактовъ науки, искусства, индустріи, вообще всего, что входитъ въ составъ цивилизаціи; этой способностью обладаютъ, главнымъ образомъ, успѣвшіе цивилизоваться азіатскіе народы: но они обладаютъ только ею одною. Другая способность, дозволяющая постоянно расширять поле человѣческой дѣятельности, и прокладывать для цивилизаціи дальнѣйшій путь, свойственна лишь нѣкоторымъ народностямъ Европы.

Элементовъ для психологической классификаціи народностей слѣдуетъ искать преимущественно въ ихъ характерѣ, то есть въ той совокупности психическихъ факторовъ, которая остается за исключеніемъ интеллекта. Среди этихъ факторовъ наиболѣе важную роль играютъ: энергія, настойчивость, способность задерживать рефлексы—однимъ словомъ различныя стороны воли, а кромѣ того и весь тотъ сложный комплексъ психическихъ способностей, который извѣстенъ подъ именемъ морали. Эту послѣднюю слѣдуетъ понимать въ смыслѣ наслѣдственнаго уваженія къ извѣстнымъ правиламъ, на которыхъ основано существованіе общества. Быть нравственнымъ, для даннаго народа, значитъ имѣть опредѣленныя правила поведенія и не отступать отъ нихъ. Правила эти измѣняются соотвѣтственно времени и мѣсту, но въ каждое данное время, для извѣстной народности, они должны быть постоянными. Нисколько не завися отъ интеллекта, а исключительно отъ характера, они только тогда

могутъ быть прочными, когда получены по наслѣдству, то есть выполняются инстинктивно, безсознательно. Могущество народовъ зависитъ отъ ихъ нравственности, въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Интеллектуальныя способности человѣка могутъ быть слегка измѣнены воспитаніемъ, но характеръ совсѣмъ не поддается его воздѣйствію, а если и поддается, то только у натуръ среднихъ, не обладающихъ твердой волей и легко склоняющихся въ ту сторону, въ которую ихъ толкаютъ внѣшнія обстоятельства. Такія натуры часто встрѣчаются у отдѣльныхъ индивидуумовъ, но весьма рѣдко у цѣлыхъ народовъ, а если и встрѣчаются у послѣднихъ, то только во время ихъ полнаго распаденія.

Созданія ума человѣческаго могутъ быть свободно передаваемы отъ одного народа другому, но черты характера не передаются. Продукты интеллектуальной работы составляютъ общее достояніе человѣчества, а качества и недостатки души народной составляютъ исключительное достояніе отдѣльной народности. Извѣстный психическій строй настолько же характеризуетъ опредѣленную групну людей, насколько плавники и жабры характеризуютъ рыбу, клювъ—птицу, а клыки—хищное животное. Не интеллектуальныя силы, а именно этотъ строй, именно характеръ народа, роковымъ образомъ предопредѣляетъ его эволюцію въ исторіи, его политическую и соціальную судьбу. Римляне временъ упадка были несомнѣнно умнѣе и образованнѣе своихъ грубыхъ предковъ, но они потеряли настойчивость, активную и пассивную энергію, слѣпое подчиненіе закону, способность жертвовать собою во имя идеала—качества, свойственныя характеру послѣднихъ—и Римъ палъ. Шестдесятъ тысячъ англичанъ только благодаря силѣ своего характера господствуютъ надъ 250-ю милліонами индусовъ, изъ коихъ весьма многіе вполнѣ равны имъ по силѣ интеллекта и значительно превосходятъ артистическимъ вкусомъ и глубиною философской мысли. На характерѣ, а не на интеллектѣ созидаются общества, религіи и государства. Только благодаря характеру, народы живутъ и дѣйствуютъ, резонерство въ политической жизни еще неумѣстнѣе чѣмъ въ частной. На всемъ протяженіи исторіи рода человѣческаго мы видимъ только одно правительство, которое было основано на отвлеченныхъ спекуляціяхъ разума, но и оно просуществовало лишь нѣсколько лѣтъ, приведя народъ къ грандіозной гекатомбѣ и кончившись суровѣйшимъ деспотизмомъ *).

Данныя, на которыхъ можно основать классификацію народностей, состоятъ въ сравнительной степени развитія и различной группировкѣ

*) По словамъ Рибо; «интеллектъ есть лишь добавочная форма психической эволюціи; основную же форму представляетъ собою характеръ. Роль ума, когда онъ сильно развитъ, преимущественно разрушительная».

психологическихъ элементовъ, составляющихъ народный характеръ. Оставляя за собою право разработать эти данныя, впослѣдствіи, подробнѣе, авторъ намѣренъ, въ настоящемъ трудѣ, показать только рѣзкіе примѣры зависимости историческихъ судебъ народа отъ его характера, а также доказать, что этотъ послѣдній столь же неизмѣненъ, какъ и анатомическія особенности видовъ животнаго царства.

Всѣ отношенія ко внѣшнему міру, какъ индивидуума, такъ и отдѣльной народности, зависятъ отъ ихъ міровоззрѣнія, которое, въ свою очередь, обусловливается ихъ психическимъ строемъ. Каждая личность и каждая народность реагируетъ на внѣшнія впечатлѣнія по своему, въ зависимости отъ строя своихъ чувствъ и мыслей. Строй этотъ у разныхъ лицъ и народностей разный, иногда почти діаметрально противоположный, и потому эти лица и народности совсѣмъ не могутъ ни понять другъ друга, ни чувствовать, ни думать, ни дѣйствовать одинаково. Исторія человѣчества стала бы для насъ совсѣмъ непонятною, если бы мы упустили это изъ вида. Во всѣхъ языкахъ есть слова, имѣющія одинаковое значеніе, но слѣдуетъ помнить, что слова эти у разныхъ народовъ пробуждаютъ разныя чувства и разныя мысли. Достаточно прожить нѣсколько времени среди народа, психическій строй котораго намъ чуждъ, для того чтобы понять, какая пропасть раздѣляетъ его мнѣнія и ощущенія отъ нашихъ.

Объ этомъ можно получить нѣкоторое понятіе, даже не дѣлая большихъ путешествій, а просто наблюдая ту разницу въ психическомъ строѣ, то духовное разъединеніе, которое существуетъ между мужчиной и женщиной, хотя-бы одинаково высоко цивилизованными. Ихъ могутъ связывать общія чувства, общіе интересы, но общее сцѣпленіе идей—никогда. Они могутъ вѣчно толковать другъ съ другомъ и никогда не столкуются, никогда не поймутъ другъ друга, потому что психическій строй ихъ совершенно разный и они неодинаково воспринимаютъ внѣшнія впечатлѣнія. Разница въ логикѣ совершенно достаточна для того, чтобы прокопать между ними непроходимую пропасть.

Существованіе такой именно пропасти, между психическимъ строемъ разныхъ народностей, объясняетъ намъ почему тѣ изъ нихъ, которыя достигли высокой степени цивилизаціи, никогда не могли передать послѣднюю, во всей ея полнотѣ, народамъ ниже стоящимъ. Общераспространенное теперь мнѣніе, что такая задача могла-бы быть выполнена хорошо поставленной системой образованія, принадлежитъ къ числу наиболѣе грубыхъ ошибокъ, сдѣланныхъ кабинетными теориками. Образованіе можетъ, конечно, передать менѣе одаренной народности всѣ знанія, которыми обладаетъ европеецъ — для этого нужно только обладать памятью, не составляющей даже привиллегіи одного только человѣка.

Всякій негръ и всякій японецъ легко можетъ сдѣлаться баккалавромъ или адвокатомъ, но онъ получитъ при этомъ только внѣшнюю полировку, которая не будетъ дѣйствовать на его психическій строй, да и не много принесетъ ему дѣйствительной пользы. А способность логично мыслить, методъ мышленія и—главнымъ образомъ—характеръ западноевропейскихъ народовъ, могутъ быть переданы только по наслѣдству, образованіе же ихъ передать не можетъ. Негръ и японецъ, хотя бы они запаслись всѣми возможными дипломами, никогда, все-таки, не дойдутъ до уровня обыкновеннаго европейца. Въ десять лѣтъ каждый изъ нихъ, по образованію, можетъ стать равнымъ образованному англичанину, но чтобы сдѣлаться дѣйствительными англичанами, то-есть реагировать на разные внѣшніе импульсы подобно послѣднимъ, для нихъ потребуется, по меньшей мѣрѣ 1000 лѣтъ. Быстрыя перемѣны въ языкѣ, вѣрованіяхъ, учрежденіяхъ и вкусахъ всегда остаются только поверхностными; для того чтобы перемѣна была дѣйствительною, нужно измѣнить сначала душу.

3, Границы измѣняемости народнаго характера и ея причины.

Прежде, чѣмъ перейдти къ опредѣленію вліянія народнаго характера на исторію, слѣдуетъ изучить границы его измѣняемости, такъ какъ, если эти послѣднія окажутся очень широкими или легко переходимыми, то роль характера въ исторіи сама собою отойдетъ на задній планъ.

Съ перваго взгляда на исторію, дѣйствительно, легкая измѣняемость народнаго характера кажется правиломъ, а постоянство его лишь исключеніемъ. Развѣ современные англичане похожи на своихъ предковъ временъ Кромвеля? Развѣ современный, деликатный и осторожный итальянецъ, напоминаетъ чѣмъ либо сухаго и вспыльчиваго современника Бенвенуто Челлини? Да наконецъ и во Франціи—сколько разъ въ теченіе немногихъ вѣковъ, а иногда даже лѣтъ, мѣнялся, по видимому, народный характеръ французовъ! Всѣ историки отмѣтили такую перемѣну при переходѣ отъ XVII вѣка къ XVIII. А въ нашемъ столѣтіи, развѣ покорные рабы Наполеона I похожи сколько нибудь на гражданъ временъ конвента? А между тѣмъ вѣдь это были тѣже самые люди.

Для того, чтобы выяснить причины такихъ странныхъ перемѣнъ, мы напомнимъ, прежде всего, что психологическій видъ, какъ и анатомическій, характеризуется очень небольшимъ количествомъ основныхъ и неизмѣнныхъ особенностей, вокругъ которыхъ группируются особенности добавочныя, легко измѣнимыя. Овцеводъ, измѣняющій, по своему же-

ланію, длину и толщину овечьей шерсти, или садовникъ, измѣняющій наружный видъ растенія до такой степени, что его становится невозможнымъ узнать,—оба они не касаются особенностей, характеризующихъ видъ, а вліяютъ только на особенности добавочныя. Чтобы они ни дѣлали, а характерныя черты вида останутся неизмѣнными.

Психическій строй тоже характеризуется такими основными чертами, которыя измѣнить невозможно, но въ немъ есть множество и такихъ, которыя легко измѣняются подъ вліяніемъ обстоятельствъ, воспитанія, вообще—воздѣйствія внѣшней среды. Кромѣ того, въ характерѣ всякаго человѣка есть черты, которыя, за отсутствіемъ случая проявиться, лежатъ, до времени, такъ сказать подъ спудомъ; а когда случай подвернется, то онѣ вдругъ даютъ новую окраску характеру, хотя, обыкновенно, и не на долго. Такъ, во время крупныхъ религіозныхъ и политическихъ кризисовъ, какъ будто-бы вдругъ нарождаются характеры, которые прежде не встрѣчались — все общество сразу мѣняетъ нравы, идеи, поведеніе, такъ что становится неузнаваемымъ. Спокойный прудъ подъ дуновеніемъ свѣжаго вѣтра, вдругъ покрывается рябью и даже начинаетъ волноваться, но, въ большей части случаевъ, на очень короткое время.

Вотъ, благодаря этимъ то скрытымъ возможностямъ, лежащимъ въ характерѣ большинства людей, крупные религіозные и политическіе кризисы вызываютъ появленіе героевъ, колоссовъ, въ сравненіи съ которыми мы, ихъ потомки, кажемся пигмеями. Между тѣмъ эти колоссы были такими же людьми, какъ и мы, до тѣхъ поръ, пока случай не далъ имъ возможности проявить скрытыя черты характера, которыя, несомнѣнно, заложены и въ насъ самихъ. Возьмемъ, напримѣръ, „гигантовъ великой революціи“, которые боролись со всей Европой и за малѣйшее противорѣчіе посылали своихъ противниковъ на гильотину. Это были, въ сущности, очень хорошіе и миролюбивые буржуа, которые, въ мирное время, сидѣли бы по своимъ конторамъ, кабинетамъ и мастерскимъ, покойно влача свое незамѣтное существованіе. Но обстоятельства изъ ряда вонъ выходящія заставили дрожать въ ихъ сердцахъ тѣ струны, которыя молчатъ обыкновенно и передъ нами вдругъ выросли ихъ настолько грандіозныя фигуры, что мы отказываемся ихъ понимать. Въ наше время Робеспьеръ былъ бы вѣроятно мировымъ судьей, большимъ пріятелемъ мѣстнаго священника; Фукье-Тенвиль — былъ бы судебнымъ слѣдователемъ, нѣсколько желчнымъ, можетъ быть, сухимъ и грубоватымъ, но на хорошемъ счету у начальства, за особое рвеніе при открытіи преступленій; изъ Сенъ-Жюста вышелъ бы прекрасный учитель или профессоръ, всѣми уважаемый и очень гордящійся академическими пальмами,

которыя онъ, въ концѣ-концовъ, навѣрно бы получилъ. Для того, чтобы не сомнѣваться въ возможности и законности всѣхъ этихъ предположеній, достаточно посмотрѣть, что сдѣлалъ Наполеонъ изъ тѣхъ непримиримыхъ террористовъ, которые, ко дню его коронаціи, еще не успѣли перерѣзать другъ другу горло. Большая часть изъ нихъ размѣстилась по канцеляріямъ, многіе сдѣлались учителями, префектами, важными чиновниками. Волны, поднятыя ураганомъ, улеглись и озеро приняло свой обычный, тихій видъ.

Но даже и въ такія бурныя эпохи, когда все, повидимому, мѣняется, подъ новыми формами характеровъ легко открыть основныя черты психическаго строя, свойственнаго данной народности. Развѣ централизаторскій и деспотическій режимъ, введенный во Франціи якобинцами, такъ сильно отличался отъ централизаторскаго и деспотическаго режима, къ которому въ теченіе пятнадцати вѣковъ пріучила Францію старая монархія? Этотъ упрямый режимъ, эта неизлѣчимая потребность быть управляемыми, подчиняться твердой и властной рукѣ, проглядываетъ изъ за всѣхъ революцій и пертурбацій, постигшихъ латинскую расу, потому что онъ представляетъ собою синтезъ ея инстинктовъ. Не одинъ только ореолъ всемірнаго побѣдителя далъ Бонапарту власть надъ Франціей. Когда онъ превратилъ республику въ диктатуру, то наслѣдственные инстинкты народности стали проявляться все рѣзче и рѣзче; еслибы не подвернулся артиллерійскій офицеръ, то Франція пошла бы за первымъ авантюристомъ. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, французскій народъ, утомленный свободою и жаждущій рабства, неожиданно и единодушно склонился какъ разъ передъ такимъ авантюристомъ, тоже носившимъ имя Бонапарта. Не военный геній создалъ Наполеона I, а народная душа, стремившаяся склониться подъ его желѣзную пяту*).

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ ясно видны сущность и границы перемѣнъ, происходящихъ иногда въ психическомъ строѣ цѣлаго народа; остается указать на ихъ причины. Къ числу этихъ причинъ, помимо зоологическаго скрещиванія, принадлежитъ вліяніе среды, въ широкомъ смыслѣ слова, то есть: климата, почвы, условій существованія, политическаго устройства, воспитанія, религіи и проч. и проч.

---

*) «Со стороны республиканцевъ», говоритъ Тэнъ, «онъ не встрѣтилъ никакого сопротивленія, напротивъ—среди нихъ онъ нашелъ наилучшихъ исполнителей своей воли: сенаторовъ, депутатовъ, судей, чиновниковъ разнаго рода. Подъ ихъ проповѣдями о равенствѣ и свободѣ, онъ сразу увидалъ деспотическіе инстинкты, желаніе властвовать, первенствовать, даже подъ чьимъ нибудь начальствомъ, а у многихъ, кромѣ того,—сильно развитые аппетиты къ деньгамъ и наслажденіямъ. Между делегатомъ комитета общественной безопасности и министромъ или префектомъ имперіи не оказалось никакой разницы; это былъ тотъ же человѣкъ, только въ другомъ платьѣ—сначала въ карманьолѣ, а потомъ въ шитомъ мундирѣ».

Говорить о скрещиваніяхъ, значило бы выйти изъ границъ этого очерка. Авторъ стремится опредѣлить не способы образованія народностей; а лишь измѣненія ихъ психическаго строя, разъ они уже образовались. Скрестить два разныхъ народа, значитъ сразу измѣнить и физическій и нравственный ихъ обликъ. Скрещиванія представляютъ собою единственное средство прочно измѣнить основы народнаго характера, потому что только наслѣдственность можетъ бороться съ наслѣдственностью *). При помощи скрещиваній можно создать новую народность, съ новыми психологическими свойствами, характеръ которыхъ вначалѣ будетъ очень слабо выраженъ. Многочисленные историческіе факты доказываютъ, что скрещиванія между народами, значительно отличающимися другъ отъ друга, кончаются очень печально. Продуктъ такого скрещиванія по отношенію къ инстинкту бываетъ, обыкновенно, среднимъ между народностями, его произведшими, но по нравственности и характеру онъ оказывается ниже каждой изъ нихъ. Плавая между двумя различными міровоззрѣніями, между двумя рядами инстинктовъ, переданныхъ ему по наслѣдству, онъ является крайне нестойкимъ и непостояннымъ. Отъ своихъ производителей онъ беретъ обыкновенно только пороки. Роль метисовъ всегда состояла лишь въ томъ, чтобы понижать нравственный уровень народа, въ составъ котораго они входили. Если случай давалъ имъ возможность наслѣдовать высокую цивилизацію, то въ ихъ рукахъ она быстро испарялась **).

Если метисы происходятъ отъ совершенно разныхъ расъ, напримѣръ, кавказской и негритянской, то пониженіе народнаго характера и нравственности достигаетъ своего maximum'а, такъ, что всѣ слѣды цивилизаціи исчезаютъ. Примѣромъ могутъ служить республики Сенъ-Доминго и Гаити, населенныя преимущественно метисами.

Но даже и тогда, когда скрещиваніе произошло между народностями не такъ далеко отстоящими другъ отъ друга, продуктъ ихъ все же является весьма несовершеннымъ. Скрещиванія разрушаютъ душу народа, созрѣвшую и усовершенствованную продолжительнымъ отдѣльнымъ существованіемъ. Въ этой душѣ лежитъ сила народная, а безъ нея не можетъ быть ни мощи политической, ни творческихъ способностей, ни самаго понятія о родинѣ. Если бы нужно было опредѣлить моментъ, съ котораго началось паденіе Римской имперіи, то такимъ моментомъ слѣдо-

---

*) Едва ли авторъ имѣетъ право выражаться такъ категорически—современный турокъ мало похожъ на завоевателя Византіи, хотя скрещиваніе съ европейцами, въ Турціи, встрѣчается рѣдко. (Пр. Пер.).

**) Однако авторъ, раньше, самъ говорилъ, что современные европейскіе народности суть, въ нѣкоторомъ родѣ метисы. (Пр. Пер.).

вало бы признать дарованіе иностранцамъ правъ римскаго гражданства и начало скрещиванія съ ними. Если бы не строгій кастовый режимъ, то горстка арійцевъ, попавшихъ въ Индію 3,000 лѣтъ тому назадъ, потонула бы среди моря чернаго населенія и никакая цивилизація не родилась бы на великомъ полуостровѣ. Если бы современные англичане не держались той же системы и снизошли до скрещиваній съ туземцами, то громадная Индійская Имперія давно бы ушла изъ ихъ рукъ. Народность можетъ многое потерять, многое вынести и все же опять подняться въ концѣ концовъ; но если она потеряла свою душу, то никогда уже болѣе не поднимется.

Скрещиванія, стало быть оказываютъ разрушительное вліяніе на характеръ народа; они полезны лишь въ моментъ его образованія. Благодаря имъ, въ самомъ дѣлѣ, возникаютъ новыя общественныя и политическія группы, долженствующія замѣнить собою тѣ, которыя уже состарѣлись. Разрушая старый психическій строй, скрещиванія даютъ нѣчто вродѣ tabula rasa, на которой среда, въ теченіе грядущихъ вѣковъ, напишетъ заповѣди новаго строя. Скрещиванія являются, такимъ образомъ, необходимыми факторами рожденія и смерти народовъ.

Не имѣя возможности подробно говорить о скрещиваніи, *авторъ* переходитъ къ вліянію среды. По его мнѣнію среда, вообще, оказываетъ сильное вліяніе тоже только на такія народности, процессъ образованія которыхъ еще не кончился и психическій строй, разрушенный скрещиваніями, не успѣлъ еще образоваться. Но когда народность уже прочно укрѣпилась и выработала себѣ особый характеръ, тогда среда вліяетъ на нее очень мало. Доказательствомъ этого, по отношенію къ психической средѣ, можетъ служить, напримѣръ, то незначительное вліяніе, которое оказываетъ западная цивилизація на китайцевъ, живущихъ въ Америкѣ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній *). Что касается обстановки физической, то слабость ея вліянія доказывается трудностью акклиматизаціи. Будучи перенесена въ совершенно чуждую и непривычную физическую обстановку, старая народность (а пожалуй и видъ животныхъ или растеній) скорѣе погибнетъ чѣмъ переродится. Подчиняемый, послѣдовательно, десятью различными народностями, Египетъ, для всѣхъ для нихъ сталъ могилою. Греки, римляне, арабы, турки—не только не акклиматизировались въ Египтѣ, но не оставили въ немъ даже никакихъ слѣдовъ своей крови, никакого потомства. Единственнымъ типомъ, кото-

*) Еще болѣе рѣзкій примѣръ представляютъ собою, пожалуй, янки, уже болѣе двухъ вѣковъ живущіе при особой физической и психической обстановкѣ, даже часто скрещивающіеся и всетаки сохраняющіе основныя черты англійскаго характера. (Пр. Пер.).

рый можно тамъ встрѣтить, въ качествѣ аборигена, остается все тотъ же безстрастный феллахъ, въ точности воспроизводящій тѣ черты, которыя 7000 лѣтъ тому назадъ, высѣкались на дворцахъ и гробницахъ фараоновъ.

Оставляя въ сторонѣ среду физическую, которая измѣняется для народностей лишь тогда, когда онѣ эмигрируютъ, авторъ переходитъ къ изученію вліянія среды психической. Выше было уже сказано, что она не оказываетъ почти никакого дѣйствія на народы, успѣвшіе сложиться и окрѣпнуть, но и на народности еще не достигшія, такъ сказать, совершеннолѣтія, вліяніе ея больше кажущееся чѣмъ дѣйствительное.

Принято думать, что человѣкъ есть отраженіе той среды, въ которой живетъ и что онъ мѣняется вмѣстѣ съ нею. Но на какихъ же сторонахъ характера эти измѣненія больше всего отражаются? да именно на тѣхъ добавочныхъ, второстепенныхъ, преходящихъ или скрытыхъ до времени, о которыхъ было говорено выше. Вліяніе среды потому и кажется такимъ глубокимъ, что оно задѣваетъ главнымъ образомъ внѣшнюю, легко измѣнимую оболочку характера. Самый мирный человѣкъ, страдая отъ голода, становится дикимъ звѣремъ и готовъ съѣсть своего ближняго. Значитъ ли это, что основной характеръ его радикально измѣнился?

Современная цивилизація несомнѣнно приведетъ однихъ къ страшному богатству и всѣмъ порокамъ, которые его сопровождаютъ, другихъ— къ крайней бѣдности при сильно развитыхъ аппетитахъ, но во всякомъ случаѣ оно кончится всеобщимъ недовольствомъ, которое разразится катастрофами разнаго рода, однакоже въ этомъ недовольствѣ, въ этихъ катастрофахъ всегда будутъ проявляться основныя черты народныхъ характеровъ. Англичане въ Соединенныхъ Штатахъ рѣзали другъ друга во время своей междоусобной войны съ той же настойчивостью, съ тѣмъ же постоянствомъ, съ тою непобѣдимой энергіей, съ которою теперь они строятъ города, основываютъ университеты и фабрики. Народный характеръ остался тотъ же, измѣнились только объекты его воздѣйствія.

Стало быть при послѣдовательномъ разсмотрѣніи различныхъ психическихъ факторовъ, способныхъ измѣнить народный характеръ, мы придемъ къ убѣжденію, что они дѣйствуютъ только на добавочные и переходящіе элементы послѣдняго, не затрогивая сути, иначе какъ путемъ наслѣдственности и крайне медленно *). Есть, впрочемъ, между этими факторами одинъ, который заслуживаетъ особаго упоминанія, такъ какъ обладаетъ силою гораздо большей чѣмъ всѣ прочіе. Этотъ факторъ есть

*) Въ этихъ словахъ скрыто противорѣчіе: передавать по наслѣдству можно только тѣ измѣненія, которыя уже пріобрѣтены передающимъ. (Пр. Пер.).

религіозныя вѣрованія, всегда составлявшія наиболѣе важный двигатель въ жизни народовъ, а стало быть и въ ихъ исторіи.

Не слѣдуетъ забывать, въ самомъ дѣлѣ, что съ первыхъ шаговъ человѣка на землѣ всѣ его политическія и общественныя учрежденія были основаны на религіозныхъ вѣрованіяхъ и что боги всегда играли первую роль на сценѣ всемірной исторіи. Помимо любви, которая сама представляетъ могущественную религію, хотя личную и преходящую, мистическія и философскія вѣрованія одни только вліяли глубоко на характеръ народовъ. Завоеванія арабовъ, Крестовые Походы, Испанія при инквизиціи, Англія въ пуританскую эпоху, Франція—со своей Варѳоломеевской ночью и религіозными войнами, показываютъ до чего можетъ дойти народъ, наэлектризованный религіей, каковъ бы ни былъ основной его характеръ. Но вліяніе религіи на послѣдній, по мнѣнію автора, держится вовсе не страхомъ, какъ увѣряетъ Лукрецій и нѣкоторые современные философы, а надеждою и тѣмъ чувствомъ благосостоянія, тѣмъ ощущеніемъ счастья, которое только одна религія можетъ дать человѣку, почему и пребудетъ она вѣчно.

Чувство благосостоянія и ощущеніе счастья очень мало зависятъ отъ внѣшней обстановки, а лежатъ въ душѣ человѣка. Мученики, на своихъ кострахъ, вѣроятно, чувствовали себя лучше, чѣмъ палачи, зажигавшіе эти костры. Бѣднякъ, весело грызущій корку хлѣба съ лукомъ, часто бываетъ счастливѣе милліонера, измученнаго заботами. Вотъ почему, если не задачею, то послѣдствіемъ всякой цивилизаціи, всякой науки, всякой философіи, должно бы быть приведеніе человѣка въ счастливое расположеніе духа. Между тѣмъ современная цивилизація даетъ ему только безграничные аппетиты, не снабжая средствами къ ихъ удовлетворенію. Она, безпорно, можетъ считаться матерью прогресса но она породила также соціализмъ и анархизмъ, эти звѣрскія проявленія отчаянія толпы, которую никакое вѣрованіе не поддерживаетъ. Сравните, безпокойнаго, лихорадочно живущаго, недовольнаго своей обстановкой европейца съ жителями Востока, покойными, довольными, благословляющими свою судьбу несмотря на крайнюю бѣдность и недостатки разнаго рода. Чѣмъ они другъ отъ друга отличаются если не состояніемъ духа? Найдти средства дать человѣку это блаженное состояніе духа — вотъ въ чемъ состоитъ главная задача общества, желающаго долго жить и процвѣтать. Всѣ общественныя группы, до сихъ поръ существовавшія, держались на идеалѣ, способномъ подчинить себѣ душу, и распадались немедленно послѣ его разрушенія. Величайшая изъ современныхъ ошибокъ состоитъ въ предположеніи, что человѣкъ можетъ найти счастье во внѣшней обстановкѣ. Оно въ насъ самихъ, творится

нами и никогда не встрѣчается внѣ насъ. Разбивъ старые идолы, мы убѣдились теперь, что безъ нихъ жить нельзя и что мы, подъ страхомъ окончательной гибели, должны стараться замѣнить ихъ чѣмъ нибудь. Тѣ чародѣи, которые снабжали людей вѣрованіями и давали имъ идеалъ, способный руководить жизнью, являются настоящими благодѣтелями человѣчества, достойными высшихъ почестей и глубокаго благоговѣнія. Надъ потокомъ „пошлыхъ истинъ", единственныхъ реальностей, доступныхъ точному знанію, надъ суровымъ и холоднымъ механизмомъ вселенной они воздвигали могучія и свѣтозарныя гипотезы, освѣщавшія передъ человѣкомъ покрытую мракомъ и недоступную для знанія окончательную судьбу міра. Они строили для человѣка волшебные дворцы вѣры, надежды, любви и счастья.

Вліяніе религіозныхъ вѣрованій на жизнь политическую тоже не маловажно. Громадная сила ихъ состоитъ въ томъ, что только одни они могутъ моментально сплотить народъ общностью интересовъ, чувствъ и мыслей. Религія, такимъ образомъ, сразу можетъ выполнить медленную, многовѣковую работу наслѣдственности, мало-по-малу создающей народный характеръ. Народъ, подчинившійся извѣстному религіозному идеалу, не мѣняетъ, конечно, своего психическаго строя; но всѣ свойства послѣдняго, всѣ способности отдѣльныхъ индивидуумовъ направляются при этомъ въ одну сторону, къ одной цѣли—къ торжеству вѣры, благодаря чему политическое могущество народа становится непреодолимымъ и онъ творитъ великія дѣла, оставляющія за собою глубокій слѣдъ въ исторіи. Именно благодаря религіозному подъему духа нѣсколько бѣдныхъ арабскихъ племенъ, объединенныхъ могучей мыслью Магомета, въ короткое время покорили цивилизованнѣйшія страны того времени и на ихъ развалинахъ основали новую, громадную имперію.

Въ данномъ примѣрѣ главную роль играла сила вѣры въ идеалъ, а не абсолютная нравственная высота послѣдняго. И это всегда такъ бываетъ. Религіи, то есть, различныя концепціи понятія о Богѣ, возникаютъ и уничтожаются, но религіозный духъ—вѣченъ. Засыпая по временамъ, онъ съ новой силою пробуждается при возникновеніи новыхъ концепцій Бога, хотя бы концепціи эти уступали старымъ въ близости къ истинѣ. Сто лѣтъ тому назадъ, одно изъ такихъ побужденій дозволило Франціи побѣдоносно противустоять всей Европѣ. Весь свѣтъ еще разъ во очію убѣдился въ силѣ религіознаго духа, потому что, вѣдь, революція дѣйствительно была направлена къ созданію новой религіи и хотя боги, созданные ею, были черезчуръ ломки и непрочны, а все же они властвовали надъ душами и давали имъ непобѣдимую силу.

Но какъ бы ни велико было вліяніе религій на народный характеръ, оно все же оказывается преходящимъ. Если сила этого вліянія зависитъ отъ силы и искренности вѣры, то продолжительность его зависитъ, повидимому, отъ высоты новобразованной концепціи Бога, отъ сравнительной близости ея къ истинѣ. Сила вѣры лежитъ въ характерѣ человѣка, а высота концепціи—въ его интеллектѣ. Интеллектъ быстро развивается, благодаря накопленію знаній, поэтому концепція Бога, имѣющая шансы на долгое владычество надъ душами, должна достигнуть высоты, возможной въ данное время лишь для исключительныхъ, выдающихся умовъ, а толпа приметъ ее пока слѣпо, на вѣру. Сила же этой вѣры и искренность ея неминуемо выразится въ новомъ поднятіи религіознаго духа, со всѣми его благотворными послѣдствіями.

Основныя черты народнаго характера проглядываютъ, однако же, и во время такого поднятія. Они проглядываютъ въ манерѣ относиться къ вѣрованіямъ и въ манифестаціяхъ, вызываемыхъ послѣдними. Прослѣдимъ судьбу одинаковыхъ религіозныхъ вѣрованій въ Англіи, Испаніи и Франціи—какая громадная разница! Развѣ реформація была бы возможна въ Испаніи, или инквизиція—въ Англіи? Развѣ у народностей, принявшихъ реформу церкви, сквозь религіозную экзальтацію, не ясно видны характерныя черты ихъ психическаго строя, то есть: энергія, любовь къ независимости, привычка свободно разсуждать обо всемъ, не подчиняясь авторитетамъ?

Политическая, эстетическая и литературная исторія народовъ зависитъ отъ ихъ вѣрованій; но эти послѣднія, измѣняя психическій строй, сами болѣе или менѣе имъ обусловливаются. Характеръ и вѣрованія народа суть ключи къ его судьбѣ. Характеръ, въ основныхъ его чертахъ, неизмѣнимъ и благодаря этому обстоятельству исторія извѣстной народности всегда сохраняетъ нѣкоторое единство. Вѣрованія могутъ мѣняться и потому единство это не исключаетъ разнообразія. Малѣйшая перемѣна въ вѣрованіяхъ народа тотчасъ же отзывается цѣлымъ рядомъ перемѣнъ въ его внѣшней жизни. Выше было сказано, что французы XVII вѣка сильно отличались отъ своихъ внуковъ, жившихъ въ XVIII столѣтіи. Чѣмъ же эта разница объясняется? Да просто тѣмъ, что при переходѣ одного вѣка къ другому, теологія уступила мѣсто наукѣ, традиція—разуму, откровеніе — опыту. Благодаря этой простой перемѣнѣ вѣрованій, измѣнилась вся физіономія вѣка и если мы прослѣдимъ ея послѣдствія, то мы увидимъ, что и великая революція, до сихъ поръ еще продолжающаяся, есть ничто иное какъ часть эволюціи религіозныхъ вѣрованій. Старое общество до сихъ поръ еще живо, но оно все болѣе и болѣе теряетъ подъ собою почву, то есть, тѣ вѣрованія, которыя его одухотворяли. Когда они рухнутъ совсѣмъ, то на ихъ мѣстѣ возник-

нетъ новая цивилизація, основанная на новыхъ вѣрованіяхъ. Исторія показываетъ намъ, однакоже, что народы не на долго переживаютъ своихъ боговъ.

4, Вліяніе психическаго строя на исторію.

Вышеприведенныя общія замѣчанія о прочности и различіяхъ въ психическомъ строѣ народностей одни только могутъ объяснить эволюцію послѣднихъ. Безъ нихъ исторія показалась бы хаосомъ, въ которомъ царитъ слѣпой случай. Зная душу народа, мы, напротивъ того, видимъ, что его исторія есть лишь прямое и роковое слѣдствіе конституціи его психическаго строя. Подъ всѣми перемѣнами, бурями, революціями и войнами мы всегда находимъ этотъ строй неизмѣннымъ и обусловливающимъ судьбу народности.

Душа народа проявляется въ малѣйшихъ элементахъ его цивилизаціи, почему ни учрежденія, ни вѣрованія, ни языкъ не могутъ быть переданы отъ одной народности къ другой, не претерпѣвъ глубокихъ измѣненій.

Но эта душа съ особой силой проявляется именно въ политическихъ учрежденіяхъ народа, отъ которыхъ зависитъ весь внѣшній строй его жизни.

Возьмемъ, напримѣръ, Францію, страну испытавшую множество глубокихъ волненій, страну, въ которой политическія учрежденія безпрестанно мѣняются, а политическія партіи очень многочисленны и другъ другу противуположны. Если мы взглянемъ на эти учрежденія и на эти партіи съ достаточнаго отдаленія, то мы увидимъ, что онѣ, въ сущности, имѣютъ одно и тоже основаніе, которое и есть именно вѣковѣчный идеалъ французскаго народа. Непримиримые, радикалы, монархисты, соціалисты—однимъ словомъ представители самыхъ разнообразныхъ доктринъ, всѣ преслѣдуютъ, подъ разными этикетами, одну и ту же цѣль—поглощеніе индивидуума государствомъ. Всѣ съ одинаковымъ жаромъ желаютъ одного и того же—стараго, деспотическаго и централизаторскаго режима, при которомъ государство всѣмъ управляетъ, все направляетъ, все поглощаетъ, регламентируетъ малѣйшія подробности въ частной жизни гражданъ, освобождая ихъ отъ всякой иниціативы и отъ всякихъ заботъ. Пусть власть, стоящая во главѣ государства, называется королемъ, императоромъ, президентомъ, коммуной, рабочимъ синдикатомъ—это все равно, она все таки обязательно будетъ стремиться къ осуществленію народнаго идеала, такъ какъ страна не потерпитъ ничего другаго.

Что этотъ идеалъ, одинаковый для всѣхъ партій, служитъ дѣйствительно воплощеніемъ народной души, можно видѣть изъ сравненія его съ идеалами другихъ народовъ, обладающихъ другимъ психическимъ строемъ, напримѣръ англичанъ. Стоитъ ли во главѣ ихъ правительства монархъ, какъ въ Англіи, или президентъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, оно всегда будетъ отличаться тѣми же характерными чертами, совершенно противуположными французскому идеалу: роль государства, у англичанъ всегда будетъ сведена къ minimum'у, а роль личности—къ maximum'у. Порты, каналы, желѣзныя дороги, учебныя заведенія—всегда будутъ создаваться и поддерживаться частными лицами, а не государствомъ. Ни революціи, ни конституціи не могутъ дать народу тѣхъ свойствъ характера, которыхъ у него нѣтъ, или отнять тѣ, которыя есть; а между тѣмъ, отъ этихъ-то свойствъ и зависитъ вся цивилизація.

Для того, чтобы показать вліяніе психическаго строя народовъ на эволюцію ихъ исторіи, слѣдовало-бы изучить сначала психологію каждаго изъ нихъ, а затѣмъ прослѣдить какъ она отражается въ правахъ, учрежденіяхъ, литературѣ и политикѣ. О выполненіи такой грандіозной задачи авторъ не смѣетъ и думать, но онъ все же пробуетъ доказать свое положеніе двумя яркими примѣрами.

Для этихъ примѣровъ онъ избираетъ Америку, страну, раздѣленную перешейкомъ на двѣ почти равныя половины, въ которыхъ, при равныхъ приблизительно внѣшнихъ условіяхъ, живутъ два разныхъ по характеру, но одинаково цивилизованныхъ народа. Въ Сѣверной Америкѣ поселились англичане, а въ Южной—испанцы. Помимо равенства физическихъ условій, въ обѣихъ половинахъ Америки господствуютъ и одинаковыя политическія учрежденія, такъ какъ конституціи южныхъ государствъ суть сколокъ съ конституціи Соединенныхъ Штатовъ. Вся обстановка обоихъ народовъ, стало-быть, одинакова и разница лежитъ въ ихъ характерахъ. Въ чемъ же эта разница выразилась?

Прежде всего, опредѣлимъ въ нѣсколькихъ словахъ сущность англо-саксонскаго характера. Нѣтъ въ мірѣ другого народа, характеристику котораго было-бы такъ легко сдѣлать, благодаря законченности и опредѣленности его психическаго строя. Главныя черты этого строя суть: твердая воля, которой могли-бы позавидовать даже древніе римляне; неукротимая энергія; широкая иниціатива; абсолютное самообладаніе; любовь къ независимости, переходящая въ необщительность; неутомимая жажда дѣятельности; живое религіозное чувство; суровая нравственность; отчетливость идеи долга. Что касается интеллектуальной стороны англо-сакса, то въ ней нѣтъ ничего такого, что не встрѣчалось бы у другихъ наро-

довъ, хотя и тутъ можно отмѣтить два выдающихся пункта: *большую практическую сметку, не допускающую отвлеченныхъ блужданій, и нѣкоторую узкость ума, мѣшающую видѣть слабыя стороны собственнаго міровоззрѣнія.*

Къ этой общей характеристикѣ слѣдуетъ прибавить еще оптимизмъ человѣка, увѣреннаго въ своей правотѣ и въ опредѣленности своего положенія: англо-саксъ всегда твердо знаетъ свои обязанности передъ Богомъ, родиной и семьей. Этотъ оптимизмъ и эта увѣренность доводятъ его даже до презрѣнія ко всему иностранному, почти такого же презрѣнія, какое чувствовали римляне къ варварамъ.

Въ сношеніяхъ своихъ съ иностранцами англо-саксъ не признаетъ обязательности нравственныхъ правилъ, считая всякое свое дѣяніе вполнѣ законнымъ. Съ философской точки зрѣнія такія чувства являются, конечно, очень низменными, но нельзя не признаться, что для англичанъ они полезны. Генералъ Wolseley справедливо говоритъ, что въ презрѣніи къ иностранцамъ лежитъ сила Англіи. Еслибы она могла, то отгородилась-бы китайской стѣною отъ всего остального міра.

Характерныя черты англійскаго психическаго строя равномѣрно разлиты во всѣхъ слояхъ общества. Иностранцу, посѣтившему Англію, хотя-бы на нѣсколько дней, это сразу бросается въ глаза. Онъ не встрѣтитъ ни одного бѣднѣйшаго рабочаго, который бы не старался устроить свой отдѣльный house, въ сторонѣ отъ всякаго сосѣдства и вдали отъ всякаго стѣсненія. На вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ, гдѣ массы публики тѣснятся во всѣ часы дня и ночи, онъ никогда не увидитъ ни загородокъ, ни полицейскихъ, надзирающихъ за тѣмъ, чтобы кто-нибудь не попалъ подъ поѣздъ—всѣ считаются совершеннолѣтними и способными сами о себѣ позаботиться. Онъ увидитъ свойственную народному характеру энергію какъ въ суровой физической работѣ поденщика, такъ и въ интеллигентномъ трудѣ студента, съ малыхъ лѣтъ предоставленнаго самому себѣ и знающаго, что въ жизни никто о немъ заботиться не будетъ. Онъ узнаетъ, что англійскія школы и университеты хлопочутъ больше о развитіи характера молодежи, чѣмъ о снабженіи ея знаніями *). Вглядываясь въ общественную жизнь англичанъ, онъ увидитъ, что все у нихъ дѣлается по частной инициативѣ и что англійскій народъ, несмотря на свои недостатки, дѣлающіе его невыносимымъ для иностранцевъ, есть

---

*) Сообщая о томъ, что въ Англіи школьныя преміи даются за характеръ, авторъ добавляетъ: «у латинскихъ народовъ премію дали бы, конечно, тому, кто лучше выучилъ наизусть свои книжки. Все наше образованіе состоитъ въ томъ, чтобы заучивать наизусть чужія слова, и молодежь такъ къ этому привыкаетъ, что не перестаетъ декламировать заученное во всю свою остальную жизнь.

единственный вполнѣ свободный народъ, потому что онъ одинъ только умѣетъ управлять собою, не оставляя на долю правительства, почти никакихъ заботъ. *Исторія его показываетъ, что онъ первый освободился отъ господства какъ королей, такъ и церкви.* Юристъ Fortescieu, еще въ XV вѣкѣ, сравнивая римское право съ англійскимъ, говорилъ, что „первое есть созданіе абсолютныхъ монарховъ и направлено къ поглощенію личности государствомъ, а второе есть созданіе народной воли и направлено къ огражденію личности отъ государства".

Въ какую-бы часть свѣта ни эмигрировалъ подобный народъ, онъ всюду станетъ преобладающимъ и основетъ могущественныя общины. Если народность, которую онъ встрѣтитъ на новомъ мѣстѣ, слаба и неудобоутилизуема, какъ краснокожіе дикари Сѣверной Америки, такъ онъ ее методически истребитъ, а если она слишкомъ многочисленна и способна къ работѣ, какъ населеніе Индіи, то онъ ее подчинитъ и заставитъ на себя работать.

Качества англійскаго характера особенно рѣзко выступаютъ именно въ такихъ новыхъ странахъ, какъ Америка. Англичанамъ достаточно было одного столѣтія для того, чтобы превратить дикую страну въ богатѣйшее, цивилизованнѣйшее государство на землѣ, а между тѣмъ, роль правительства въ этомъ государствѣ сведена почти къ нулю—вся работа сдѣлана по частной инициативѣ, частными лицами и группами, всѣ общественныя учрежденія создаются, устраиваются и поддерживаются на средства этихъ лицъ и группъ.

Условія существованія въ Сѣверной Америкѣ таковы, что лица не обладающія англійскимъ характеромъ, должны неминуемо погибнуть. Въ атмосферѣ, до такой степени насыщенной независимостью и энергіей, только одинъ англо саксъ можетъ свободно дышать — итальянцы тамъ мрутъ съ голоду, а ирландцы прозябаютъ на подчиненныхъ должностяхъ. Никакая иммиграція, стало-быть, никогда не будетъ въ состояніи повліять на народный характеръ янки.

Хотя великую американскую республику дѣйствительно можно считать страною свободы, но уже отнюдь не страною равенства и братства, этихъ химеръ, созданныхъ латинской расой и непризнаваемыхъ жизнью. Ни въ какой другой странѣ міра естественный подборъ не властвуетъ такъ безраздѣльно и безжалостно, хотя именно благодаря ему янки сохраняютъ свою энергію и свое могущество. На почвѣ Соединенныхъ Штатовъ нѣтъ мѣста слабымъ и неспособнымъ: индивидуумы или цѣлые народы, они неминуемо погибнутъ. Краснокожіе аборигены, оказавшіеся безполезными, истреблены голодомъ и оружіемъ, а скоро таже участь постигнетъ и китайцевъ, вредныхъ своей рабочей конкурренціей, такъ

какъ исполненіе закона объ ихъ изгнаніи стоило-бы слишкомъ дорого *). Въ нѣкоторыхъ рудниковыхъ округахъ истребленіе это уже началось. Что касается негровъ, послужившихъ предлогомъ къ междоусобной войнѣ (въ которой люди, не могущіе имѣть рабовъ, желали помѣшать другимъ имѣть таковыхъ), то ихъ пока терпятъ, употребляя на такія работы, за которыя ни одинъ янки не возьмется. По теоріи они суть полноправные граждане, а на дѣлѣ, на нихъ смотрятъ какъ на полезныхъ животныхъ. Законъ Линча считается для нихъ совершенно достаточнымъ. Если собака или негръ взбѣсились, то ихъ, безъ дальнихъ разговоровъ, пристрѣливаютъ. По весьма неполной оффиціальной статистикѣ, за послѣднія десять лѣтъ, надъ неграми было произведено больше 700 экзекуцій такого рода.

Все это, безъ сомнѣнія, суть темныя стороны картины, но она достаточно ярка для того, чтобы не терять отъ нихъ. Еслибы потребовалось однимъ словомъ опредѣлить разницу между континентальной Европой и Соединенными Штатами, то можно бы было сказать, что первая представляетъ собою результатъ оффиціальной регламентаціи, а вторая—результатъ частной иниціативы. Эта разница зависитъ исключительно отъ различія въ народныхъ характерахъ. *На почвѣ гордой американской республики соціализмъ привиться не можетъ. Будучи крайнимъ проявленіемъ тираніи государства, онъ растетъ лишь среди старыхъ народностей, лишившихся умѣнья управлять собою.*

Мы только что видѣли, что сдѣлала въ Америкѣ раса, обладающая психическимъ строемъ, характерными чертами котораго служатъ: энергія и настойчивость. Посмотримъ теперь, что сталось съ другой половиной Америки, находящейся въ рукахъ другой расы, столь же интеллигентной, но не обладающей ни однимъ изъ вышеупомянутыхъ качествъ.

По изобилію благъ земныхъ, Южная Америка есть одна изъ богатѣйшихъ странъ земного шара. Она вдвое больше Европы и въ десять разъ меньше населена, такъ что земли тамъ вволю. Преобладающее населеніе—испанцы и вся страна раздѣлена на нѣсколько государствъ—Аргентина, Бразилія, Чили, Перу и проч. Всѣ эти государства суть республики, построенныя по типу Соединенныхъ Штатовъ. Но, благодаря разницѣ народнаго характера, тѣже законы дѣйствуютъ въ нихъ иначе: во всѣхъ безъ исключенія господствуетъ суровый демократизмъ, смѣняющійся безшабашной анархіей; несмотря на громадныя естественныя богатства, всѣ бѣдны и съ каждымъ годомъ раззоряются все больше и больше. Стоитъ прочесть безпристрастный трудъ T. Child'а о испано-

---

*) Законъ Geary. Выполненіе его стоило бы 30 милліардовъ франковъ.

американскихъ республикахъ, чтобы убѣдиться въ глубинѣ ихъ паденія. Причины этого послѣдняго лежатъ въ психическомъ строѣ народности, не обладающей ни волею, ни энергіей, ни нравственностью. О такомъ полномъ отсутствіи нравственнаго чувства мы въ Европѣ и не слыхивали. Разсказывая объ одномъ изъ важнѣйшихъ городовъ въ Южной Америкѣ, Буэносъ-Айресѣ, авторъ приходитъ къ выводу, что человѣкъ мало-мальски деликатный и совѣстливый жить въ немъ не можетъ. Относительно Аргентинской республики, менѣе другихъ испорченной, тотъ же писатель говоритъ, что въ коммерческомъ отношеніи жители ея поражаютъ своей безнравственностью.

Что касается политическихъ учрежденій, то никакой другой примѣръ не можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, что они вполнѣ зависятъ отъ характера народности и не могутъ быть передаваемы отъ одного народа другому. „Эти страны, говоритъ Child объ южно-американскихъ республикахъ, находятся подъ управленіемъ президентовъ, власть которыхъ вполнѣ абсолютна, тѣмъ болѣе что не ограничивается даже цензурою европейскихъ государствъ, благодаря строгой системѣ умолчанія и невынесенія сора изъ избы. Весь административный персоналъ состоитъ изъ креатуръ президента... народъ вотируетъ какъ ему прикажутъ, да на эти воты никто и вниманія не обращаетъ... Аргентина есть республика только по названію, а на самомъ дѣлѣ она управляется олигархіей людей, торгующихъ политикой“...

Одна только Бразилія, благодаря монархическому режиму, устранявшему борьбу за власть, избѣгала, нѣкоторое время, общей участи. Но и она не выдержала—режимъ оказался все таки слишкомъ либеральнымъ для людей безъ воли и энергіи. Въ настоящее время и въ ней царитъ полная анархія; въ 2 — 3 года, лица, стоявшія у общественнаго сундука, такъ его очистили, что налоги теперь повысились на цѣлыхъ 63%.

Но не въ одной только политикѣ выражается полное паденіе латинскихъ народностей, населяющихъ Южную Америку. Предоставленныя самимъ себѣ, эти несчастныя народности понемногу обращаются въ первобытныхъ варваровъ. Вся ихъ торговля и промышленность находится въ иностранныхъ рукахъ, въ рукахъ янки, англичанъ и нѣмцевъ. Вальпарайзо превратился въ англійскій городъ, а отъ Чили ничего бы не осталось, еслибы оттуда удалить иностранцевъ. Только благодаря послѣднимъ, на Южно-Американскихъ республикахъ лежитъ еще нѣкоторый лоскъ цивилизаціи, обманывающій глаза Европы.

Такое неудержимое паденіе латинскихъ народовъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, рядомъ съ процвѣтаніемъ англо-саксовъ, живущихъ при такихъ же условіяхъ, представляетъ собою одно изъ самыхъ мрачныхъ,

грустныхъ, но въ то же время убѣдительнѣйшихъ доказательствъ гипотезы автора. Мы видимъ, по этимъ примѣрамъ, что никакой народъ не можетъ устраниться отъ вліянія своего психическаго строя, а если иногда и кажется устранившимся, то лишь на короткое время, какъ песокъ поднятый вихремъ, кажется неподчиняющимся законамъ тяготѣнія. Слишкомъ наивно было бы думать, что политическія учрежденія и конституціи значатъ что нибудь въ судьбахъ народа. Судьбы эти лежатъ въ его характерѣ, а не во внѣшней обстановкѣ. Отъ правительства можно требовать только того, чтобы оно было живымъ воплощеніемъ чувствъ и мыслей народа, которымъ управляетъ. Нѣтъ ни одной формы общественной власти, про которую можно бы было сказать. что она абсолютно хороша или абсолютно дурна. Правленіе короля Дагомейскаго было прекрасно для его страны и никакая ученѣйшая конституція для нея бы не годилась. Къ несчастію это всегда забывается государственными людьми, воображающими, что колоніи могутъ быть управляемы по тѣмъ же законамъ, какъ и метрополія—столь же успѣшно можно бы было заставить рыбъ жить на воздухѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что всѣ высшія животныя такъ дѣлаютъ. Благодаря одной только разницѣ характеровъ, разные народы не могутъ ужиться подъ однимъ режимомъ. Англичане и Ирландцы, Славяне и Венгры, Французы и Арабы съ трудомъ переносятъ одинаковое управленіе. Большія государства съ неоднороднымъ населеніемъ могутъ существовать лишь тогда, когда правительства ихъ уважаютъ обычаи и законы отдѣльныхъ народовъ, или когда эти народы соперничаютъ другъ съ другомъ и не могутъ соединиться для борьбы съ общимъ угнетателемъ (какъ въ Индіи).

Нужно бы написать цѣлую библіотеку и пересмотрѣть всю исторію заново, съ новой точки зрѣнія, для того, чтобы указать вліяніе, которое оказываетъ на нее психическій строй народовъ. Рано или поздно это будетъ сдѣлано и тогда концепція народнаго характера будетъ положена въ основу политики и воспитанія.

Многихъ бы ошибокъ и волненій избѣжало человѣчество, еслибы народы могли распоряжаться своей судьбой и еслибы голосъ разума не заглушался голосомъ наслѣдственности.

К. Толстой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАРУБЕЖНОЕ СЛАВЯНСТВО.

Прикарпатская Русь

ВЪ ПОЛИТИКО-НАЦІОНАЛЬНОМЪ ОТНОШЕНІИ.

Post tenebras lux.

Въ первые вѣка своего историческаго существованія, восточныя славянскія племена, подъ владычествомъ варяго-русскихъ князей, сдѣлали нѣсколько успѣшныхъ шаговъ къ установленію своего народно-государственнаго единства, но несчастный обычай дѣлежа территоріи между князьями не далъ упрочиться этому единству. Въ средніе вѣка послѣдовало распаденіе Руси: въ то время, когда восточная Русь подверглась игу азіатскихъ варварскихъ племенъ, западная мало-по-малу вошла въ составъ великаго княжества Литовскаго, Червонная-же или Галицкая Русь, обезсиленная татарскими погромами и внутреннимъ неустройствомъ, была покорена сосѣдней Польшей и съ тѣхъ поръ раздѣляла ея судьбу. Польское господство сказалось на Руси крайнимъ упадкомъ русской народности,—что было, впрочемъ, весьма естественно. Съ самаго начала XIV вѣка и до нашихъ дней, польскіе писатели наперекоръ этнографической и исторической истинѣ, старались и стараются утвердить въ польскомъ правительствѣ и обществѣ ту любимую свою мысль, что Русь Западная и Южная ни въ чемъ не походитъ на Русь Сѣверную и Восточную, лживо присвоившую себѣ будто бы это имя и принадлежащую къ другому совершенно племени. Оттого поляки такъ вели себя въ Западной Руси, что въ четыре столѣтія обратили землю Осмомысловъ, Даниловъ — въ землю холоповъ; древніе боярскіе роды и вольные русскіе люди изъ нея вытѣснены, прогнаны или принуждены переродиться въ чужаковъ, отступиться отъ вѣры и языка предковъ, а простой народъ по принужденію насиліемъ безсознательно сдѣлался какимъ-то получленомъ другой церкви.

Не удивительно, что послѣдовавшее вслѣдъ за первымъ раздѣломъ Польши въ 1772 г. присоединеніе Прикарпатской Руси къ Австріи показалось русскимъ галичанамъ, измученнымъ духовно и тѣлесно въ теченіе слишкомъ 4-хъ-вѣковаго польскаго владычества, настоящимъ избавленіемъ отъ тяжкаго ига и даже благодѣяніемъ.

Въ началѣ дѣйствительно это присоединеніе до нѣкоторой степени было благотворно для русскихъ. Желая справиться съ поляками, Австрія

признала полезнымъ создать себѣ въ странѣ опору противъ нихъ въ лицѣ русскаго народа. Въ этихъ видахъ она провозгласила право русскаго народа на отдѣльное отъ поляковъ существованіе. Червонная Русь вздохнула свободнѣе. Безсознательно таившаяся въ курныхъ (черныхъ) крестьянскихъ избахъ русская народная жизнь встрепенулась и потекла вольнѣе. Воспрянувшее изъ усыпленія и невѣжества духовенство прозрѣло и стало сближаться съ народомъ. Не прошло болѣе одного поколѣнія, какъ уже ясно замѣтны первые проблески новой жизни Червонной Руси.

Но этотъ подъемъ русскаго духа не былъ продолжителенъ.

Австрійское правительство, справившись съ поляками, перемѣнило фронтъ. Его политика по отношенію къ Червонной Руси стала другою. Оно перестало отличать русскихъ отъ поляковъ, желая равно тѣхъ и другихъ сдѣлать нѣмцами. Совершенно забытая остальнымъ русскимъ міромъ, безъ сношеній, со смутными понятіями и преданіями о быломъ и всецѣло предоставленная самой себѣ, Червонная Русь, въ лицѣ своей интеллигенціи, ютившейся почти исключительно среди духовенства, воспитаннаго въ нѣмецкихъ школахъ, нѣмецкими учителями, въ нѣмецкомъ духѣ,—только урывками, случайно и тайкомъ, могла заниматься дѣломъ сомопознанія и самоизученія. Тѣмъ не менѣе, поступательное движеніе Червонной Руси къ возрожденію не прекращалось. Пробираясь ощупью, находясь въ полномъ невѣдѣніи всего того, что было и, въ особенности, что въ данное время творилось на Руси за предѣлами Галичины, галицко-русскіе дѣятели, несомнѣнно, выбрались бы все-таки на вѣрный путь, не разразись въ Австріи какъ разъ въ эту пору революція 1848 года, который для Червонной Руси оказался особенно тяжелымъ.

Тѣснимая со всѣхъ сторонъ, между прочимъ и поляками, снова поднявшими голову, Австрія искала помощи вездѣ и у всѣхъ, гдѣ только надѣялась найти ее. Обратилась она за помощью и къ русскимъ, которыми пожелала снова воспользоваться для усмиренія поляковъ. Но у Австріи были при этомъ еще другія соображенія: отъ ея вниманія не ускользнуло зарождавшееся въ русскомъ народѣ стремленіе къ политическо-національному освобожденію, и она пожелала дать этому стремленію желательное для себя направленіе. Стараясь, съ одной стороны, при содѣйствіи русскихъ, справиться съ поляками, она, съ другой, стремилась чтобы совратить самихъ русскихъ съ пути ихъ естественнаго развитія, сдѣлать болѣе вѣроятнымъ и возможнымъ конечное превращеніе ихъ въ нѣмцевъ. Что тогдашнее австрійское правительство въ этомъ отношеніи хорошо знало съ кѣмъ имѣетъ дѣло, это доказывается тѣмъ, что оно, само нуждаясь въ помощи русскихъ, тѣмъ не менѣе не убоялось диктовать имъ свои условія. Тогдашній намѣстникъ Галиціи, графъ Стадіонъ, прямо заявилъ явившимся къ нему по его приглашенію виднѣйшимъ русскимъ представителямъ, что Австрія, цѣня вѣрность и преданность русскаго народа государству и престолу, милостиво требуетъ: первое, чтобы русскій народъ пришелъ ей на помощь въ нынѣшнія тяжелыя для нея времена, и второе, чтобы онъ отказался отъ своего «*я*», забылъ свое родство съ остальнымъ русскимъ міромъ, съ которымъ не долженъ-де имѣть никакого общенія и впредь именовался бы не русскимъ народомъ, а *Рутенами* (Ruthenen): за это Австрія обѣщаетъ имъ, *въ видѣ особенной*

награды, защищать ихъ отъ *произвола поляковъ и латинскаго духовенства* и предоставить имъ *свободу* народнаго развитія. Если же русскіе не примутъ этихъ условій и не откажутся *отъ своего единства съ остальнымъ русскимъ міромъ,* то Австрія не только не будетъ поддерживать ихъ, но предоставитъ полякамъ полную возможность ихъ ополячивать, ибо русскихъ, состоящихъ въ культурномъ и народномъ единствѣ съ остальнымъ русскимъ міромъ, Австрія считаетъ для себя болѣе опасными, нежели поляковъ.

Къ сожалѣнію, тогдашніе представители галицко-русскаго народа, по своей политической неопытности, отвѣтили на это позорное предложеніе изъявленіемъ своего согласія! Они слишкомъ поторопились, боясь упустить удобный, быть можетъ, единственный случай освободиться отъ польскаго гнета и отъ вмѣшательства поляковъ въ ихъ внутреннія дѣла. Графъ Стадіонъ зналъ, чѣмъ запугать русскихъ: одна только возможность возвращенія польскаго гнета приводила ихъ въ содраганіе и ужасъ.

Названные русскіе люди, очевидно, не придавали особеннаго значенія предложенному имъ переименованію въ «*рутенцевъ*». — «Это пустая внѣшность»,—думали они,—«не въ названіи дѣло. Русскій народъ и русская интеллигенція всегда останутся русскими и впредь, какъ были русскими и до сихъ поръ». Такъ думали они! Они не подозрѣвали, что то, что для нихъ было только внѣшностью, другіе ухитрятся превратить въ самую суть дѣла.

Какъ бы то ни было, но роковой шагъ былъ сдѣланъ!

Русскіе не съумѣли воспользоваться представившимся случаемъ для дѣйствительнаго обезпеченія своего народнаго существованія и начавшагося народнаго возрожденія. Этотъ шагъ сдѣлался началомъ зла и корнемъ бѣдъ Червонной Руси. Съ этого момента въ народномъ организмѣ червоннорусовъ начинаетъ развиваться болѣзнь, которую нельзя назвать иначе, какъ рутенизмомъ. Этою болѣзнью они болѣютъ до сихъ поръ. Она сдѣлала ихъ нерѣшительными, уступчивыми, трусливыми, раболѣпными, недовольными и недовѣрчивыми, она вселила въ нихъ уныніе, довела многихъ изъ нихъ до отчаянія, породила въ ихъ средѣ антагонизмъ и усобицы, раздробила ихъ силы, лишила ихъ отваги и гражданскаго мужества; она же, наконецъ, сдѣлала ихъ равнодушными къ собственнымъ судьбамъ!

Сдѣлавшись правительственною партіей, русскіе не съумѣли извлечь изъ своего положенія всѣхъ тѣхъ выгодъ, какія даются сами собой приверженцамъ правительства. Надѣясь, что правительство останется вѣрнымъ данному имъ обѣщанію и дѣйствительно поможетъ имъ въ дѣлѣ ихъ народнаго развитія, русскіе ждали, что оно по собственному побужденію будетъ оберегать ихъ интересы и исполнять ихъ желанія. На дѣлѣ вышло совсѣмъ не то! Пока монархія Габсбурговъ нуждалась въ русскихъ, она еще дѣлала имъ кой-какія уступки, когда же революція въ Австріи была подавлена, спокойствіе въ странѣ водворено и правительство почувствовало себя крѣпкимъ, оно вовсе перестало объ нихъ думать. Но, не нуждаясь больше въ русскихъ и на самомъ дѣлѣ не оказывая имъ никакой поддержки, правительство все-таки открыто не порвало съ ними. Оно

продолжало убаюкивать ихъ обманчивою мыслiю о томъ, что они пользуются его покровительствомъ и благодаря этому могутъ жить съ надеждой на большiе народные и политическiе успѣхи въ будущемъ. Для правительства въ данномъ случаѣ было важно оставаться господиномъ положенiя и не дать сбившемуся на ложный путь народному движенiю русскихъ взять снова надлежащее направленiе. Думавшiе перехитрить австрiйское правительство русскiе сами были обмануты имъ: правительство, дѣйствительно, успѣло всецѣло завладѣть народнымъ движенiемъ на русскомъ Прикарпатьи и направлять его по своему усмотрѣнiю.

Такую картину представляла Прикарпатская Русь до 1861 года, когда въ Австрiи впервые были сдѣланы попытки ввести конституцiю.

Въ конституцiонномъ государствѣ, въ особенности съ разноплеменнымъ населенiемъ, рѣшающее значенiе для благополучiя того или другаго племени имѣетъ не политическая благонадежность и преданность его престолу, а его сила. Кто силенъ, того боятся, а кого боятся, тому даютъ. Кто же слабъ, тѣмъ пренебрегаютъ, того осуждаютъ служить этнографическимъ матерiаломъ для удовлетворенiя сильныхъ.

Такъ было и съ русскими въ Австрiи. Въ то время, какъ они подъ мнимымъ покровительствомъ правительства успѣли, по сравненiю съ ихъ положенiемъ до 1848 г., внутренно значительно ослабѣть, поляки, напротивъ, ведя постоянную борьбу съ правительствомъ, замѣтно окрѣпли. Съ ними правительство не могло не считаться, въ покорности же русскихъ и въ ихъ слѣпомъ повиновенiи себѣ оно было увѣрено. Поляки были сильны, а русскiе были слабы, и потому правительство пожертвовало вторыми для удовлетворенiя первыхъ. Чтобы привлечь поляковъ на свою сторону, правительство должно было исполнять ихъ желанiя. А желанiя поляковъ и всѣ ихъ стремленiя были направлены къ тому, чтобы, съ одной стороны, оградить себя отъ германизацiи, а съ другой, получить возможность безпрепятственно ополячивать русскихъ и въ концѣ концовъ сдѣлаться въ Галичинѣ полновластными и неограниченными господами. Если въ первомъ стремленiи правительство не особенно поддерживало поляковъ, то русскихъ мало-по-малу оно стало выдавать имъ головой.

Такое поведенiе правительства не могло не вызвать въ русскомъ народѣ и въ русской интеллигенцiи общаго недовольства, которое стало все сильнѣе и замѣтнѣе проявляться. Однако русскiе дѣятели того времени продолжали оставаться вѣрными слугами этого правительства.

Но даже въ это прискорбное время, особенной уступчивости правительства по отношенiю къ полякамъ, русскiе могли бы успѣшно защищать свою независимость, умѣй они дружно заявлять и энергично поддерживать свои требованiя. Но у дѣятелей того времени не хватило на это мужества, а поляки направили всѣ свои усилiя къ тому, чтобы возникшее въ средѣ русской интеллигенцiи недовольство разжечь до открытой вражды и такимъ образомъ внести въ русскiй лагерь смуту и раздоръ.

Тѣмъ временемъ подоспѣло польское возстанiе 1863 г. Поляки хотѣли привлечь въ свои ряды галицко-русскую молодежь во что бы то ни стало и начали въ средѣ ея усиленно агитировать. Они не безъ удачи пустили въ ходъ между нею свою выдумку объ отдѣльности малороссiйскаго языка отъ языка русскаго, указывая ей на зарождавшуюся

тогда «особую» малороссійскую словесность. Для подкрѣпленія своей агитаціи поляки выписывали изъ Малороссіи своихъ мастеровъ этого дѣла, но успѣхъ рѣшительно сталъ улыбаться имъ съ того момента, какъ имъ удалось перетянуть на свою сторону совѣтника аппелляціоннаго суда во Львовѣ Юліана Лавровскаго, пользовавшагося тогда особеннымъ довѣріемъ русскаго общества. Съ этого времени можетъ считаться начало возникновенія въ Галичинѣ партіи «украйнофиловъ».

Эта партія была въ началѣ по преимуществу литературно-національною. Идеаломъ украйнофиловъ былъ Шевченко, они рядились въ казацкую «свиту» и распѣвали южно-русскія пѣсни. Негодованіе противъ «рутенизма» и противъ «рутенцевъ» стало ихъ девизомъ. На почвѣ украйнофильства и выросъ червонно-русскій сепаратизмъ, который въ новѣйшее время сталъ особенно смѣлъ и несговорчивъ, перешелъ въ такъ называемую «новую эру».

Негодованіе это, впрочемъ, неудивительно. «Рутенская» маска, которую носили дѣятели сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, была принята многими серіозно за дѣйствительность, форма, внѣшность за самую сущность явленія. Еслибъ эти дѣятели въ свое время выступили съ рѣшительнымъ и откровеннымъ словомъ, то начавшемуся раздѣленію несомнѣнно былъ бы положенъ предѣлъ, но этому препятствовали, во-первыхъ, слишкомъ глубоко засѣвшая въ галицко-русскомъ тѣлѣ заноза «рутенизма», во-вторыхъ, — не дремавшая польская интрига. Раздвоеніе росло и усиливалось.

Къ украйнофильству молодежи вначалѣ галицко-русскіе дѣятели относились съ улыбкой, когда же въ серединѣ 60-хъ годовъ они спохватились и сознали что сдѣлали крупный промахъ, то было уже поздно! Раздвоенію дано было совершиться безпрепятственно, и въ 1866 году, когда покойный нынѣ отецъ И. Г. Наумовичъ, самый заслуженный дѣятель въ Галичинѣ, кликнулъ во Львовскомъ *Словѣ* свой громкій кличъ о единствѣ всего русскаго народа и пригласилъ Червонную Русь бросить, наконецъ, причинившій ей столько зла «рутенизмъ», то на зовъ его откликнулась только часть молодежи. Галицко-русскіе дѣятели продолжали идти прежнимъ путемъ, «рутенизмъ» не прекращался, въ защитѣ народныхъ интересовъ слово расходилось съ дѣломъ, покорное и слѣпое служеніе правительству не ослабѣвало, несмотря на явное съ его стороны предпочтеніе во всемъ поляковъ и на выдачу имъ русскаго народа на милость и немилость.

Недовольство среди русскихъ усиливалось, и въ серединѣ 70-хъ годовъ украйнофилы, поддавшись чуждому вліянію, выдѣлили изъ своей среды новую партію, партію *соціалистовъ*, правда, весьма незначительную. Во главѣ этой партіи стали И. Франко и М. Павликъ. Несмотря на преслѣдованія со стороны правительства, эти господа продолжали идти избранною дорогой, внося еще больше горечи въ несладкую и безъ того народную жизнь и знаменуя собою новое дробленіе разрозненныхъ силъ русскаго народа.

Въ такомъ положеніи застаетъ Червонную Русь 1879 годъ, начало министерства графа Таафе съ его пресловутою программой «примиренія народностей». Для русскихъ эра Таафе ознаменовалась доведеніемъ сис-

темы выдачи ихъ полякамъ до крайнихъ предѣловъ. Съ этимъ временемъ совпадаетъ также начало крѣпкой организаціи партіи сепаратистовъ, которая изъ литературной превращается въ политическую и основываетъ для своихъ цѣлей спеціальный органъ «Дѣло».

Русскія дѣла усложняются. Гнетъ правительства, вѣрнѣе, поляковъ, становится невыносимымъ. Русскіе дѣятели начинаютъ подумывать о рѣшительномъ отпорѣ. Въ печати раздаются громкіе голоса, которые настойчиво требуютъ этого отпора. Во Львовъ переселяется изъ Угріи Адольфъ Ивановичъ Добрянскій (въ 1881 г.), который сразу становится центромъ русской жизни и дѣятельности. Русская университетская молодежь, особенно въ Вѣнѣ, начинаетъ серіозно интересоваться русскимъ народнымъ дѣломъ и по мѣрѣ силъ служить ему. Поляки и сепаратисты приходятъ въ смущеніе и въ волненіе, и результатомъ этого является громкій и скандальный для австрійскаго правительства политическій процессъ 1882 года по раздутому обвиненію нѣсколькихъ галицко-русскихъ патріотовъ въ государственной измѣнѣ.

Послѣ этого процесса, представившаго въ довольно ясномъ свѣтѣ предъ Европой «примирительную» систему графа Таафе, австрійское правительство готово было извѣстными уступками загладить свою вину предъ русскимъ народомъ, въ которомъ, замѣчался вдобавокъ, сильный подъемъ духа, вызванный именно этимъ процессомъ. Но русскіе дѣятели и тутъ не съумѣли воспользоваться моментомъ, необыкновенно для нихъ благопріятнымъ. Интеллигенція колебалась, обнаруживала малодушіе, и правительство зорко слѣдившее за настроеніемъ, не преминуло воспользоваться этимъ и даже усилило, въ угоду полякамъ, анти-русскія строгости. Самые видные дѣятели русской народной партіи увидѣли себя вынужденными покинуть родину. Наумовичъ и Площанскій выселились въ Россію, а Добрянскій живетъ съ тѣхъ поръ въ Тиролѣ.

Тѣмъ не менѣе шагъ въ противоположную сторону былъ сдѣланъ, русская народная партія перешла въ оппозицію. Подъ воздѣйствіемъ послѣдовавшаго вскорѣ грустнаго факта отдачи русскихъ монастырей въ руки іезуитовъ одумались также сепаратисты, и между обѣими партіями начало устанавливаться замѣтно болѣе тѣсное общеніе. На трехъ сряду общихъ вѣчахъ онѣ пришли къ заключенію о необходимости и возможности дѣйствовать сообща и, дѣйствительно, какъ будто соединились для общаго служенія русскому дѣлу и рускому народу. Но въ то время, какъ со стороны русской народной партіи это соединеніе было совершенно искреннее и безъ всякой задней мысли, партія сепаратистовъ вступила въ союзъ только для того, чтобы чужими руками жаръ загребать. Русская народная партія, несмотря на свою дезорганизацію, всегда была сильна сочувствіемъ широкихъ народныхъ громадъ, ибо *русскій простолюдинъ* никогда не переставалъ быть *русскимъ*. Партія сепаратистовъ, напротивъ, въ народѣ никогда вліяніемъ не пользовалась. Потому-то она и задумала при помощи русской партіи поднять въ глазахъ народа свой престижъ и такимъ образомъ усилить на него свое вліяніе, дабы отдалить отъ русской партіи и привлечь на свою сторону. Для поляковъ и правительства, съ которыми партія сепаратистовъ продолжала поддерживать

тайныя сношенія, все это не было тайной, и правительство поэтому еще рѣшительнѣе стало на сторону этой партіи.

Однако, идя съ русскою партіей открыто, на виду у всѣхъ, якобы за одно, а въ тайнѣ донося на нее правительству, стараясь ее отовсюду выжить и умалить ея значеніе и вліяніе,—сепаратисты все таки сослужили службу этой партіи, а слѣдовательно и русскому дѣлу. Нравственно подкрѣпленная этимъ, хотя и мнимымъ единеніемъ со всѣми дѣятелями русскаго народа, русская партія усилилась настолько, что во Львовскомъ сеймѣ поляки должны были считаться съ русскою оппозиціей, и правительство, видя безплодность дѣятельности сепаратистовъ, втайнѣ искало соглашенія съ русскою народною партіей. Но русскіе люди отклоняли *тайное* соглашеніе. Тогда правительство пустило въ дѣйствіе всѣ свои тайныя пружины и силы для того, чтобы снова довести до открытаго раздора русскія партіи, ибо оно убѣдилось, что не русскіе у сепаратистовъ, а напротивъ сепаратисты у русскихъ идутъ на буксирѣ.

Это новое раздѣленіе русскихъ силъ удалось правительству совершить осенью 1890 года. Во Львовскомъ сеймѣ посолъ Романчукъ выступилъ съ заявленіемъ, въ которомъ снова провозгласилъ южно-русскій сепаратизмъ. Сепаратисты отказались дѣйствовать за одно съ прочими русскими братьями, обязавшись, напротивъ, единиться съ поляками, безусловно служить Риму, то есть католичеству, австрійскому правительству и западной цивилизаціи.

Это офиціальное заявленіе Романчука означало полный и окончательный разрывъ между русскою народною партіей и сепаратистами и ознаменовало собою водвореніе такъ называемой «*новой эры*» послѣднихъ.

Съ этимъ же временемъ совпадаетъ возникновеніе въ Галичинѣ третьей русской партіи, «радикальной», съ бывшими соціалистами Франкомъ и Павликомъ во главѣ. Хотя въ народномъ смыслѣ эта новая партія отождествляется съ сепаратистами, но въ политическомъ она съ ними расходится, не признавая единенія съ поляками, а въ религіозномъ отношеніи отрицая всякую религію. Эта партія имѣетъ теперь своимъ центромъ гор. Коломыю.

Для русской народной жизни и русскаго дѣла въ Русскомъ Прикарпатьѣ заявленіе Романчука, какъ политическое событіе по значенію своему, равняется злополучнымъ 1848 и 1882 годамъ. Русская народная партія и на этотъ разъ не съумѣла воспользоваться представившимся удобнымъ моментомъ и выступить съ контръ-заявленіемъ, въ которомъ ясно и рѣшительно она-бы изложила свою программу и свои требованія къ полякамъ и правительству. Бремя *рутенизма* (синонимъ малодушія, политической нерѣшительности, трусливости и т. д.), къ сожалѣнію, подавляло еще своею тяжестью русскихъ людей, и они не посмѣли открыто и прямо выразить свои чувства и чувства австро-угорскаго русскаго народа, которыя раньше или позже все-же придется заявить.

Таившуюся въ заявленіи Романчука пользу для русскаго дѣла извлечь такимъ образомъ не съумѣли, а дурная, вредная его сторона обрушилась на русскій народъ всею своею тяжестью. Къ полякамъ отпала часть русскихъ силъ, возникла новая партія и антагонизмъ между при-

верженцами различныхъ политическихъ партій усилился до открытой непримиримой вражды.

Кромѣ того, надежда Романчука на поляковъ и на правительство послужила въ глазахъ народа недвусмысленнымъ свидѣтельствомъ совершеннаго якобы безсилія русскихъ чего-нибудь достигнуть собственными силами, вѣра въ которыя, вслѣдствіе этого, сильно пошатнулась.

Но и для сепаратистовъ «новая эра» не ознаменовалась ничѣмъ хорошимъ: улучшенія не послѣдовало никакого и они начинаютъ уже убѣждаться въ совершенной ими ошибкѣ. Пользы отъ ихъ роковаго шага не вышло ни имъ, ни народу, а вредъ оказался значительный. Рѣшительный переходъ ихъ на сторону поляковъ и правительства сопровождался разстройствомъ ихъ сильной прежде организаціи, дробленіемъ силъ, унызіемъ и общимъ недовольствомъ.

Будь русская народная партія организована, имѣй она рѣшительныхъ и просвѣщенныхъ предводителей, она, наученная опытомъ 1848, 1882 и 1890 годовъ, безъ большаго труда могла-бы теперь овладѣть положеніемъ и поправить допущенное ею зло.

Но, къ сожалѣнію, отсутствіе всякой организаціи является хронической болѣзнью русской народной партіи, которою она болѣетъ до сихъ поръ! И эта ея болѣзнь парализуетъ ея силы, не смотря даже на то что за этою партіей стоитъ весь русскій народъ и огромное большинство русскаго духовенства, почти безграничнымъ довѣріемъ которыхъ она пользуется. Безсиліе народной партіи въ значительной степени обусловливается также крайнею матеріальною бѣдностью русскаго народа и полнымъ отсутствіемъ въ Галичинѣ русскихъ помѣщиковъ. Эта бѣдность служитъ помѣхой во всѣхъ начинаніяхъ. Благодаря ей русскій народъ не въ состояніи выдвигать изъ своей среды болѣе или менѣе значительный контингентъ людей съ высшимъ образованіемъ. Русскіе мелкіе чиновники и учителя, вслѣдствіе все той-же своей бѣдности, находятся въ полной зависимости отъ своихъ польскихъ или нѣмецкихъ начальниковъ. Ежели такой чиновникъ или учитель осмѣливается признавать себя русскимъ, то его переводятъ въ отдаленныя провинціи, и въ добавокъ онъ навсегда лишается надежды подвигаться впередъ по службѣ. Крупныхъ-же чиновниковъ русскій народъ не имѣетъ почти никого.

Въ такомъ-же положеніи находятся дѣла и русскаго духовенства. Высшую духовную іерархію оно давно потеряло, а польскіе или правительственные ставленики не только не защищаютъ его, но сами являются главными гонителями какъ его, такъ и вообще вѣрныхъ народу дѣятелей. Русское духовенство, такимъ образомъ, совершенно безсильно въ борьбѣ противъ преслѣдованій со стороны старостъ, уѣздныхъ начальниковъ и пановъ-колаторовъ, у которыхъ оно, по безвыходной бѣдности и многосемейности, находится въ полной, чуть не рабской, зависимости.

Воскресающія на Червонной Руси русское ремесленное сословіе и мѣщанство не могутъ подняться выше уровня самыхъ жалкихъ парій будучи безсильны, вслѣдствіе все той-же бѣдности, выдерживать соперничество съ богатыми поляками, нѣмцами и евреями.

Но бѣднѣе всѣхъ червонно-русскій крестьянинъ «хлѣборобъ»!

Такова въ бѣгломъ очеркѣ картина *политическаго* положенія Австро-Угорской Руси.

. . . .

Чтобы выйти однако изъ такого бѣдственнаго положенія, въ чемъ должна заключаться программа ближайшей дѣятельности русскихъ людей въ Галичинѣ?

Первый и самый главный членъ ея должно составлять стремленіе къ тому, чтобъ укрѣпилось и сдѣлалось аксіомой въ народной жизни и дѣятельности русскихъ галичанъ сознаніе, что имъ не на кого въ Австріи полагаться, не отъ кого ждать добра. Исключительно собственными силами должны они добиваться своихъ правъ, упрочивать свое существованіе и положеніе. Съ 1848 года они вѣдь имѣли достаточно времени и опытовъ убѣдиться въ томъ, что надежды на помощь и поддержку австрійскаго правительства обманчивы и даже пагубны для нихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и галицкіе сепаратисты, которые повидимому не изучали судьбы Червонной Руси подъ Польшей, или, можетъ быть, забыли о ней уже, убѣдились, или скоро убѣдятся въ томъ, что какъ ни расходятся существующія въ Галичинѣ партіи, *русская*, *сепаратистская* и *радикальная*, въ своихъ воззрѣніяхъ и средствахъ дѣйствія, всѣ онѣ имѣютъ одну общую, весьма важную цѣль и задачу—служить тому народу, изъ котораго онѣ произошли. Многое, очень многое разъединяетъ ихъ, но несравненно большее и, главное, несравненно болѣе важное ихъ соединяетъ. Недалеко то время, когда всякій червонорусъ, если только онъ не упалъ столь низко, что сознательно служитъ чужимъ и враждебнымъ червонно-русскому народу интерсамъ, проникнется сознаніемъ, что безъ искренняго и честнаго объединенія всѣхъ силъ борьба русскихъ галичанъ за существованіе должна остаться безуспѣшною и безцѣльною. Это народное *объединеніе силъ* должно совершиться непремѣнно раньше или позже, но его можетъ осуществить только *русская партія*, носительница историческихъ преданій, вызвавшая возрожденіе Червонной Руси, руководившая имъ до сихъ поръ и пользующаяся довѣріемъ и симпатіями всего народа. А чтобъ осуществить предстоящую ей столь важную и тяжелую задачу, русская партія должна во-время подготовиться къ ней и рѣшительно взяться за ея осуществленіе. Она должна уяснить себѣ свое важное призваніе и отвѣтственное положеніе, какъ народной партіи, и умѣло провести свою организацію. Въ ея рядахъ насчитывается много способныхъ, дѣятельныхъ и самоотверженныхъ людей, но главный ея недостатокъ составляетъ: отсутствіе всякаго руководства и крайняя нерѣшительность. Когда устранятся эти недостатки и руководство партіей будетъ находиться въ опытныхъ, крѣпкихъ и авторитетныхъ рукахъ, нынѣ разрозненныя русскія силы сомкнутся въ тѣсные ряды и живымъ ключемъ закипитъ ея жизнь и дѣятельность. Когда червонорусы достигнутъ всего этого, тогда и будетъ найденъ выходъ изъ ихъ, на первый взглядъ, безвыходнаго и отчаяннаго положенія; тогда не будетъ затрудненія въ выборѣ средствъ для упроченія ихъ существованія. Сила Прикарпатской Руси—это ея народъ, ея крестьянство. Этотъ народъ теперь зависимъ и бѣденъ и до сихъ поръ, несмотря на многолѣтніе просвѣтительные труды покойнаго Наумовича, еще довольно те-

менъ. Пока онъ не будетъ составлять свободной и сознающей свои гражданскія права сплошной массы, до тѣхъ поръ самая усердная и самоотверженная дѣятельность интеллигенціи будетъ слаба и недостаточна. Когда же будетъ сдѣлано все это,—хватитъ у червоннорусовъ навѣрно и рѣшимости настойчиво потребовать отъ правительства всѣхъ принадлежащихъ имъ правъ, и тогда добьются они всего того, въ чемъ теперь такъ нуждаются, чтобы сдѣлаться, наконецъ, дѣйствительными хозяевами на своей праотеческой, родной русской землѣ!

Праздникъ «крестнаго имени» въ Черногоріи

(крсно име или слава).

Сербы не знаютъ нашего праздника именинъ, въ которомъ каждая отдѣльная личность чествуетъ день того святого, имя котораго дано ей при крещеніи. У нихъ вся семья празднуетъ или, какъ они говорятъ, *славитъ* одного святого, имени котораго можетъ и не быть въ цѣлой той семьѣ, и не одна только семья, а цѣлый родъ, которому она принадлежитъ по кровному происхожденію, и наконецъ цѣлое племя, насчитывающее нѣсколько тысячъ душъ. Изъ прославленія одного и того-же святого совершенно различными племенами дѣлаютъ заключеніе о ихъ родствѣ. Такъ, въ Черногоріи племена Озриничей, Пиперъ и Васоевичей, славящіе день архангела Михаила (8 ноября), считаются между собою родственниками и на этомъ основаніи сложили легенду о своемъ происхожденіи отъ трехъ братьевъ Озра, Пипа и Васа. Въ дѣйствительности это не такъ; но по этой фикціи можно судить, какое важное значеніе дается этому празднику въ жизни сербскаго народа. Встрѣчаясь гдѣ нибудь, члены этихъ различныхъ племенъ, обращаются другъ къ другу со словами: „О мой родо“! т. е. родичъ, и всегда готовы на помощь одинъ другому, какъ и дѣйствительнымъ родственникамъ.

Праздникъ этотъ сербы считаютъ отличительною чертою своего народа, такъ какъ его нѣтъ у другихъ славянъ, ни у ближайшихъ къ нимъ хорватовъ и болгаръ, и, встрѣчая его у кого-либо изъ нихъ, они принимаютъ то за несомнѣйшій знакъ ихъ сербскаго происхожденія.

О значеніи и происхожденіи этого праздника всѣ почти согласны въ томъ, что онъ возникъ еще въ то время, когда сербы впервые изъ язычества стали группами переходить въ христіанство, принимая своимъ покровителемъ того святого, въ день котораго происходило ихъ кре-

щеніе или имя котораго было дано главѣ семейства или группы. Вотъ какъ объясняетъ это парохъ изъ Скрадины (въ Далмаціи) І. Яворъ на основаніи исторіи распространенія христіанства въ первыя времена между языческими народами. „Когда язычники и идолопоклонники—говоритъ онъ—обращались въ христіанство, то обыкновенно цѣлыя племена собирались на ближнія рѣки, гдѣ и происходило ихъ крещеніе, какъ то видно изъ Дѣяній Апостольскихъ. Напр. Криспъ, обратившись къ Господу, принялъ отъ апост. Павла св. крещеніе со всѣми своими домашними (гл. 18, ст. 8); также и Лидія изъ града Тіатирскаго отъ него-же приняла крещеніе со всѣми своими домашними (гл. 16, ст. 15). Тотъ день, въ который крестились, тотчасъ въ первый же годъ былъ торжественно отпразднованъ, о чемъ также видно изъ Дѣяній Апост. Именно, когда Павелъ и Сила крестили одного узника со всѣмъ его семействомъ, Сила пригласилъ крестившихся въ свой домъ, гдѣ приготовилъ для нихъ трапезу и веселился со всѣмъ своимъ домомъ (гл. 16, ст. 33—34). По всѣмъ вѣроятіямъ, какъ въ первый, такъ и въ каждый слѣдующій годъ новообращенный праздновалъ этотъ день въ кругу своей семьи и съ пріятелями, весело проводилъ его въ воспоминаніе того дня, въ который они обратились въ христіанство и приняли св. крещеніе. Семейства, считая себя осчастливленными въ день того святителя, когда были крещены, приняли его патрономъ или покровителемъ своего дома и съ того времени праздновали того святого, и до нынѣ славятъ его самымъ торжественнымъ образомъ ихъ потомки *). Что этотъ праздникъ соединенъ съ воспоминаніемъ о крещеніи, доказываетъ и названіе его *крс(т)но име* (крестное, данное при крещеніи). Противъ мнѣнія, что крестившіеся уже послѣ того выбирали себѣ святого патрона, также очень основательно возражаетъ г. Яворъ: „Если-бы—говоритъ онъ, они выбирали себѣ святого по своей волѣ и послѣ того, какъ приняли христіанство, то не избрали бы они св. Игнатія передъ Р. Х. (20 дек.), съ одной стороны такъ какъ онъ приходится въ постъ, а съ другой въ виду тяжести для дома отъ большихъ издержекъ на два такіе большіе праздника, слѣдующіе одинъ за другимъ".

Вопросомъ однако остается: почему этого праздника не удержалось у другихъ славянъ? Слѣды его однако есть и у другихъ; похожи на то и наши храмовые праздники, при чемъ воспоминаніе о томъ днѣ можетъ быть соединено съ именемъ храма. У сербовъ, хотя не вполнѣ, встрѣчаемъ тоже самое. Неманичи славили св. архангела Михаила и потомъ въ честь его строили храмы и въ Зетѣ, и на Превлакѣ (св.

---

*) Изясненѣ крстногъ имена. Срб. Далм. Магазинъ. 1863 г. XXIII, стр. 93—98.

Боккѣ) и въ Іерусалимѣ. Въ Черногоріи на Цеклинѣ славятъ день св. Николая (6 дек.); но старожилы тамошніе, которыхъ осталось не много, славятъ св. Θеклу, имя которой носитъ самая старая, находящаяся тамъ церковка. Иногда съ именемъ церкви соединяется, если не главный праздникъ, то другой, такъ называемая *послужбица* или *преслава*, на что укажемъ ниже. Объясненіемъ тому, почему этотъ праздникъ во всей цѣлости удержался только у сербовъ, для насъ служитъ основная черта сербскаго народа, во всей рѣзкости проявляющая себя въ Черногоріи,—это крайняя приверженность его къ своей народности, цѣпкость, съ какою онъ держится за каждую ея мельчайшую черту, и стремленіе наложить народную печать на все: на жизнь политическую и культурную и даже на самую религію и церковь. Съ такимъ характеромъ подъ именемъ христіанскаго святого они могли сохранить древнѣйшее воспоминаніе о своемъ домашнемъ покровителѣ, когда они находились еще въ язычествѣ, и котораго перемѣнили на христіанскаго. Но что это было дѣйствительно христіанское имя, данное при крещеніи, доказываетъ отсутствіе между ними именъ: Вука, Живка, Станка, Рада, Люба и др., которыя вообще въ сербской семьѣ преобладаютъ надъ именами, освященными церковью и дающимися священниками по требнику.

Въ празднованіи дня своего святого покровителя для серба, сверхъ глубокаго религіозно-національнаго чувства, заключается понятіе о чемъ то такомъ, съ чѣмъ неразрывно связана его судьба, все его счастье и существованіе; поэтому онъ такъ и готовится къ его прославленію, хотя бы нужно было для того отдать послѣднее, что имѣетъ въ домѣ и чѣмъ могъ бы надолго обезпечить свое дальнѣйшее существованіе. Если сербъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ показываетъ свое гостепріимство, то на этомъ праздникѣ гостепріимству его нѣтъ мѣры. Здѣсь вполнѣ оправдывается выраженіе, съ которымъ сербъ хозяинъ привѣтствуетъ гостей: „Домъ Божій и вашъ“, и самъ онъ со всею своей семьей не коснется до ѣды, покуда не насытятся его гости, которымъ онъ все время служитъ, стоя на ногахъ съ непокрытою головой и предупреждая всякое желаніе гостей. Въ то время какъ въ празднованіи „божича“ (Рожд. Христ.), особенно въ главномъ моментѣ его преддверія при налаганіи бадняка, домъ затворяется для всякаго посторонняго и только своя семья предается скромному веселью; здѣсь безъ посторонняго, безъ гостя нѣтъ праздника.

Высокое значеніе этого праздника прекрасно протолковано г. Л. Томановичемъ въ рѣчи, которую онъ когда-то на день св. Саввы дер-

жалъ въ православной семинаріи въ Задрѣ (1868 г.) *). Воспользуемся и мы его толкованіемъ. Дѣло не въ томъ, чтобы накормить и напоить гостей; а въ достойномъ прославленіи имени Бога и Его святого, котораго празднуетъ домъ.

Когда Дьюро Смедеревецъ славилъ своего святого Георгія, явился къ нему турокъ, котораго, какъ гостя, онъ прогнать не могъ, а онъ только пилъ и ѣлъ не давая другимъ исполнять свой долгъ передъ святостью того дня. Тогда Дьюро отзываетъ въ сторону свою жену Ерину съ порученіемъ взять чашу вина и выйти на дорогу.

Не би л' кога срећа нанијела
Од србина, од крви јуначке:
Нек попије и нека напије (произнесетъ здравицу).
Нек помене Бога истинога,
Мила Бога и светог Ђорђију,
«Нека знамо, да смо прославили»!

Славили *крсно име* и всѣ сербскіе цари; напримѣръ ц. Симеонъ:

Симе госте на славу сазвао:
Седам краља из седам земаља,
Седам краља и четири цара,
И четири старе патријаре,
А фукаре (бѣдняковъ) ни броја се незна.
Како служи србски царе Симо!
Врло бјеше царе остарио;
Бијела му брада до појаса,
На златну се штаку опираше.

Точно также и Стефанъ Душанъ:

Свеца слави србски цар Стјепане,
Свеца слави светог Аранђела.
Сву господу на свеца сазвао,
Па им онда служи ладно вино,
Како царски ваља и требује
Послужити крсно име своје.

Славитъ этотъ праздникъ и самъ св. Архангелъ:

Славу слави свети Аранђеле,
Славу слави светога Іована:
Састали се божи праведници,
Па им служи вино и ракију.

---

*) Отдѣльн. оттискъ изъ Серб. Далм. Маг. за 1868 г. «О крсном имену». Л. А. Томановича.

Обязанность хозяина угощать всѣхъ гостей, стоя на ногахъ, какъ бы высоко ни стоялъ хозяинъ и кто бы ни были его гости, хотя-бы послѣдняя *фукара* (бѣдняки).

И вотъ что случилось съ ц. Степаномъ (Душаномъ). Когда онъ служилъ всѣмъ по закону,

Стојаше му свети Аранђео,
Стојаше му на десном рамену,
Милује га крилом по образу.

А когда онъ, поддавшись убѣжденіямъ гостей, въ числѣ которыхъ были владыки, сѣлъ,

Разсрди се свети Аранђео:
Удри цара крилом по образу,
Па отиде изъ царева двора.

Но милость его возвратилась,

Када царе на ноге устаде
И подиже триста свештеника
И дванаjест србскиjех владика,
И четири старе патриjаре;
Те узеше книге цароставне,
Те читаше велике молитве.
И држаше велика бдениjа
За три дана и три ноће тавне.

Такъ велика святость этого праздника. Здѣсь между прочимъ мы замѣчаемъ, что празднованіе это не оканчивалось однимъ днемъ.

Кромѣ угощенія гостей званныхъ и незванныхъ, славящій *крсно име*, считалъ своимъ долгомъ ознаменовать его какимъ нибудь добрымъ дѣломъ или милостыней.

Такъ, воевода Тодоръ сидитъ въ темницѣ; а когда насталъ день св. Георгія, его крсно име, онъ проситъ, чтобы его пустили на базаръ

Да добавим и хљеба, и вина,
Да нараним сужњe по тамници
Ради Бога и крсног имена.

Не имѣя при себѣ денегъ, онъ продаетъ свой ножъ въ золотой оправѣ и исполняетъ свой долгъ. Угощая заключенныхъ,

Уста Тодор, у славу напија:
«О велика љепа славо божја,
Свети Ђорђе, крсно име моје!
Опрости ме тамнице проклете.

И вдругъ

На тамници отворена врата,
Отворена врата деветоро
И десета брава дубровачка;

а въ дверяхъ стоялъ воинъ, который показывалъ заключенному, куда онъ долженъ идти домой:

Осврте се војвода Тодоре,
Да јунаку даде чашу вина;
Ал' не стаде корьа и јунака.

Увидѣвши двери отворенными, всѣ узники также вышли, а

Тодор оде преко горе Црне.
Када дође двору госпоскоме,
Али љуба крсно име служи.
Сазвала је госте и званице,
И кумове, и све пријатиле.
Па госпођа крсно име служи
И госпођа у славу напија:
«Помоз' Боже и свети Ђорђије,
Крсно име господара мога,
Опрости га тамнице проклете,
Донеси га ка двору бјеломе!
У то доба Тодор на вратима.

Вотъ что значитъ честно исполнить свой долгъ передъ своимъ святымъ!

Сообразно этому духу слѣдуютъ и всѣ здравицы въ этотъ славный день „За здравље нашега цвијета насред бијелога свијета, цркво Іерусалимске, да јој јаки Господ Бог поможе и избави из пексвјанске руке"! „за здравље нашијех цркава и манастира, ђе год је која, Боже, је помози, да нам буду лијепе и бијеле, окићене и оружане, с двора каменом и клаком, а изнутра сребром и златом, крстима и иконама, а најбоље браћом ришћанима, као у права и срећна мјеста ришћанска"; „за здравље четири васеленска патриара, и да ни Бог намјести нетога у Пећи"; „заздравље свакога јунака брата србина вољнога и невољнога,

кои je у вољи, Боже, га подржи; кои ли у невољи, Боже га избави, да се браће нагледа, да се сунца нагрије и да му Господ да власт и област, као данас нама у нашега брата домаћина, ако Бог да"!

Ни одинъ праздникъ не заключаетъ въ себѣ столько религіознаго, какъ *слава*, вслѣдствіе чего требуется непремѣнно присутствіе священника и въ домѣ: для освященія и преломленія *колача*, для благословенія трапезы съ особыми для того молитвами, а также вообще для предсѣданія во главѣ трапезы и провозглашенія здравицы во славу Божію. Но это, конечно, невозможно для каждаго: у сербскихъ кралей, какъ мы видѣли, на этомъ праздникѣ присутствовали высшіе духовные сановники, начиная съ патріарха; у простыхъ же людей священникъ всегда бываетъ у кого-либо изъ почетнѣйшихъ лицъ, а въ старое время безъ сомнѣнія это преимущество оказывалось мѣстному главарю и, можетъ быть, главѣ или старшему въ цѣломъ племени или родѣ; остальные довольствовались тѣмъ, что во всей полнотѣ и цѣлости обрядъ совершался у ихъ старшаго. Гдѣ одного святого славитъ цѣлое племя, какъ во многихъ мѣстахъ Черногоріи, тамъ священникъ и не въ состояніи обойти всѣхъ за одинъ день, но обходитъ для благословенія *колача* въ продолженіи двухъ-трехъ дней; и это называется *пркадьивати*. Вслѣдствіе того большинство совершаетъ весь обычай перваго дня славы безъ священника.

Такимъ образомъ обрядъ этотъ сокращается вслѣдствіе необходимости. А отчасти, конечно, дѣйствуетъ и духъ времени. При томъ болѣе консервативными оказываются мѣстности подъ чужимъ господствомъ, вѣрѣ и народности которыхъ угрожаетъ опасность со стороны господствующихъ надъ ними инородцевъ и иновѣрцевъ. Именно, нигдѣ сербы въ этомъ отношеніи не находятся въ такомъ стѣсненномъ положеніи, какъ въ Старой Сербіи, въ округахъ Призрена, Печи, Моравы и Дибры; а между тѣмъ по описанію покойнаго И. С. Ястребова тамъ больше всего и удержались всѣ обряды, сопровождающіе празднованіе крестнаго имени. Тамъ это представляетъ цѣлое священнодѣйствіе отъ кануна праздника до его окончанія.

Что касается Черногоріи, то тутъ праздникъ этотъ всегда стоялъ очень высоко; но черногорецъ, не имѣя средствъ выполнять всѣ обряды, старался вознаградить то безграничнымъ гостепріимствомъ и угощеніемъ, которое длилось обыкновенно три дня, при чемъ въ домѣ поѣдались иногда запасы цѣлаго года. Правда, угощеніе это состояло главнымъ образомъ въ мясѣ, что не составляло большого разсчета въ то время, когда Черногорія была богата стадами; что же касается покупного, какъ вино и водка, то тратилось столько, сколько для того случая было

закуплено, и, истребивъ то, гости обыкновенно расходились. Тѣмъ не менѣе и этого было слишкомъ много, и самъ народъ тяготился такимъ положеніемъ, не смѣя, однако, нарушить обычай. Въ этомъ случаѣ помогъ народу кн. Даніилъ, запретивъ празднованіе больше одного дня; такъ, что по обычаю собирались ближайшіе родственники и пріятели наканунѣ праздника, а въ самый день праздника всѣ должны были непремѣнно отправиться послѣ ужина и прежде полуночи, когда настаетъ уже другой день. Въ законникѣ кн. Даніила мы, однако, не находимъ этого постановленія, а только запрещеніе *послужбицы*, прославленіе другого, второстепеннаго праздника. Вотъ относящійся къ тому § 88.

„Послужбицы крестнаго имени и торбицы отнынѣ больше не могутъ быть, такъ какъ этимъ люди тратятъ свое имущество и потомъ дѣлаются бѣдняками. Если же кто не послушается, тотъ будетъ оштрафованъ двумя талерами и наказанъ тюрьмою. Достаточно по нашему сербскому обычаю праздновать крестное имя въ *воспоминаніе крещенія прадѣдовъ*“.

Впослѣдствіи, при нынѣшнемъ уже князѣ, состоялось запрещеніе гостямъ собираться и наканунѣ праздника; а всѣ должны въ одинъ день прійти и уйти. Это окончательно сократило празднованіе, такъ какъ ближніе большею частью славятъ въ одно и то же время, а для отдаленныхъ невозможно за одинъ день прійти и вернуться назадъ. Этимъ распоряженіемъ уничтожилась и одна существенная черта обычая, отправленіе на другой день хозяина съ самыми почетными гостями въ церковь.

Однимъ словомъ, обычай этотъ нѣсколько сокращается и упрощается, частью, какъ мы сказали, уступая духу времени, ведущему народъ къ упраздненію излишней обрядности; частью же вслѣдствіе болѣе осложненныхъ требованій жизни, сопряженныхъ съ большими издержками, и экономическихъ воззрѣній правительства.

Въ кор. Сербіи излишества въ празднованіи устранились сами собою, безъ всякаго вмѣшательства со стороны правительства, чисто вслѣдствіе экономическихъ соображеній. Что же касается культурныхъ слоевъ тамъ же, то въ нихъ часто встрѣчаются отказы отъ торжественнаго празднованія крестнаго имени и связанныхъ съ тѣмъ посѣщеній, объ чемъ и предупреждаются всѣ путемъ печати.

Въ Черногоріи подобнаго рода отказъ не мыслимъ. Въ какомъ бы положеніи ни былъ домъ, хотя бы онъ былъ въ траурѣ, крестное имя должно быть прославлено, и онъ не можетъ остаться безъ гостей, не накормить и не напоить ихъ, чѣмъ Богъ послалъ. При этомъ мнѣ приходитъ на память слѣдующій случай.

Въ 1883 г. княжескій домъ постигло большое несчастіе: умерла княжна Марія, любимая дочь княгини, находившаяся въ Петербургѣ въ

Смольномъ институтѣ. Юрьевъ день (23 апр.), который славитъ князь съ цѣлымъ своимъ племенемъ, былъ днемъ смерти княжны, и въ тотъ самый день съ утра стали приходить телеграммы о безнадежномъ состоянiи больной. Не смотря на это, князь не отмѣнилъ празднованiя и собралъ гостей во дворцѣ по обычаю: однихъ, представителей иностранныхъ державъ и высшихъ чиновниковъ, угощалъ самъ въ верхнемъ салонѣ; а внизу также собрано было, я думаю, болѣе 200 чел. воеводъ, бригадировъ и др. военныхъ и гражданскихъ чиновъ и представителей гражданства, которыхъ угощалъ наслѣдникъ. Получая безпрестанно самыя отчаянныя телеграммы, наслѣдникъ, чтобъ только не смущать насъ, своихъ гостей, сообщалъ намъ, будто положенiе больной улучшается; и такъ праздникъ прошолъ своимъ обычнымъ порядкомъ, а въ то самое время несчастная переселилась въ вѣчность. Это вполнѣ согласно съ тѣмъ характеромъ празднованiя крестнаго имени въ смыслѣ не веселья какого-либо, а служенiя своему святому, имѣющаго для серба такое же значенiе, какъ и служба въ церкви. Трауръ и всякое несчастiе, постигающее человѣка, не только не освобождаютъ его отъ долга прославить своего святого, а еще болѣе къ тому обязываютъ. Такимъ чувствомъ къ этому празднику проникнутъ черногорецъ и потому въ этотъ день онъ безропотно покорился бы всему, чтобы только не оскорбить своего святого, и далъ бы все собравшимся во имя его гостямъ, хотя бы послѣ того самому пришлось идти просить милостыню. Поэтому въ Черногорiи никакое сокращенiе въ празднованiи не могло произойти иначе, какъ при посредствѣ правительства, которому черногорецъ повинуется безропотно.

Перейдемъ, наконецъ, къ самому празднованiю. Главные моменты въ немъ составляютъ слѣдующiе акты: 1) ношенiе въ церковь на литургiю свѣчей, просфоры и вина (пуне) и поминовенiе при томъ усопшихъ 2), освященiе крестнаго хлѣба (крсни колач) въ домѣ и затѣмъ 3) трапеза, которую также по настоящему долженъ благословить священникъ и во время которой должны быть произнесены извѣстныя здравицы, и между ними главныя во славу Божiю и во славу празднуемаго святого *). Свѣчи, хотя бы и одна, передаются въ церковь, чтобы во время литургiи горѣли передъ иконой того святого, если таковая имѣется, во славу его, а также и за души усопшихъ. А потомъ одна свѣча должна въ этотъ день горѣть и въ домѣ, воткнутая въ колачъ на трапезѣ или прилѣпленная къ стѣнкѣ въ переднемъ углу. Главнымъ образомъ эта свѣча зажигается „пред душом усопшиjех“; потому по правилу, соблюдаемому

*) Въ другихъ мѣстахъ, какъ въ Старой Сербiи (по Ястребову) въ церковь носятъ еще и кутью (коливо), ладанъ и дерев. масло; а просфора кладется сверху на калачъ.

въ герцеговинскихъ краяхъ, а также въ сосѣднемъ съ Черногоріей Приморьѣ, свѣча не зажигается въ домѣ въ день св. архангела, такъ какъ онъ не умиралъ, ни въ день св. Ильи пророка, вознесшагося на небо; собственно же въ Черногоріи это не соблюдается. Для поминовенія усопшихъ въ церковь передается и домашній молитвенникъ (читула), если имѣется, или же просто священникъ самъ поминаетъ кого знаетъ, вообще всѣхъ усопшихъ того дома.

Наканунѣ праздника собирались только самые близкіе дому люди, особенно *одивы* (выданныя замужъ изъ того дома), иногда съ дѣтьми, деверь или вообще кто-либо изъ ихъ семьи, но отнюдь не зять; а также кто-либо изъ самыхъ близкихъ пріятелей. Собравшись къ вечеру, они ужинали, и эта трапеза проходила безъ всякихъ обрядностей, была чисто семейная. А на другой день, вставши рано и распорядившись относительно обѣда и цѣлаго дня, хозяинъ, облачившись въ самое лучшее одѣяніе, шелъ въ церковь и съ нимъ также празднично разодѣтые его гости: онъ несъ свѣчу, а другіе за нимъ кто просфору, кто *пуне* (вино); и чѣмъ больше его свита, тѣмъ больше дому чести; а также большая честь и тому гостю, который несъ что-либо за хозяиномъ. Просфора и вино въ Черногоріи возвращаются домой; а въ герцеговинскихъ краяхъ остается въ пользу священника, которому дается еще кое-что сверхъ того: деньгами или домашними произведеніями: руно шерсти, сыръ, масло или что-нибудь изъ женской работы.

Съ отмѣною этого обычая теперь идетъ въ церковь одинъ хозяинъ, а чаще кто-нибудь изъ младшихъ членовъ семьи. Иногда одно лицо исполняетъ это за нѣсколько домовъ, особенно если церковь далеко. Случается, что идутъ на перекрестокъ за часъ пути, по которому должны проходить другіе съ тѣми же предметами, и поручаютъ кому-либо изъ идущихъ уже въ церковь, и тѣ исполняютъ такое порученіе съ охотой, считая то себѣ даже за честь. Освященіе просфоры и вина въ церкви происходитъ до обѣдни и послѣ, какъ кто поспѣетъ.

По окончаніи службы въ церкви священникъ отправляется по домамъ *прекадьивати*, т. е. совершать обрядъ благословенія хлѣба и трапезы въ сопровожденіи кажденія ладаномъ. Этотъ обрядъ, если можно, совершается въ тотъ же самый день и до полдня, причемъ никто прежде того не сядетъ и за трапезу; но это въ большей части случаевъ бываетъ невозможно, поэтому *прекадьиванье* идетъ цѣлый тотъ день, а иногда на другой и на третій. На Цетиньѣ взяли обычай совершать это и съ вечера; но во внутренности Черногоріи этотъ обычай не нравится и всякій охотнѣе готовъ принять священника три дня послѣ, чѣмъ наканунѣ; такъ какъ тому должно предшествовать освященіе *пуня* на литургіи.

Обряда этого въ общемъ требникѣ не находится; поэтому священники совершали да и теперь еще совершаютъ по своему разумѣнію и по преданію, подбирая къ тому сообразныя молитвы и священнодѣйствія. Старые священники имѣли для того свои писанныя книжечки и, судя по сходству ихъ между собою, должно полагать, что всѣ онѣ возникли изъ одного какого-то источника. Разница заключается только въ томъ, что въ однихъ поминаются одни святые, въ другихъ другіе, болѣе извѣстные и чтимые въ той или другой мѣстности, и еще въ манипуляціи около самаго *колача*.

Въ послѣднее время составленъ особый для того „чинъ" сербскимъ митрополитомъ Михаиломъ. Затѣмъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, на основаніи этой, сочиненной имъ службы внесенъ „чинъ благословенія и рѣзанія колача" въ книгу: „Дополнительный требникъ" (Нови Сад. 1887 г. 8°, 460) іерея Василія Николаевича, пароха прижскаго (въ Сремѣ), гдѣ онъ занимаетъ стр. 209—210.

Въ сущности и въ главномъ того же самаго *чина* держатся и черногорскіе священники.

Вотъ въ чемъ состоитъ сущность этого обряда:

„Священникъ, надѣвъ на себя эпитрахиль, начинаетъ обычно: Благословенъ Богъ нашъ; Трисвятое; послѣ Отче нашъ, тропарь святого; слава и нынѣ; кондакъ. Іерей, покадивъ предложенный хлѣбъ и предстоящихъ и взявши колачъ, благословляетъ его трижды крестообразно, говоря: Господи Іисусе Христе Боже нашъ, благослови хлѣбъ и вино сіе Духомъ Твоимъ Святымъ, всегда нынѣ" и т. д. Потомъ продолжаетъ: „Во славу и честь святого (имя рекъ), приносимъ ти сія, Господи Боже, его же молитвами пріими всещедре жертву сію въ пренебесный твой жертвенникъ." Послѣ этого рѣжетъ колачъ, поя: Святіи мученицы; Слава тебѣ, Христе Боже, и Исаіе ликуй. — Окончивъ это, онъ преломляетъ хлѣбъ съ домохозяиномъ, потомъ составляетъ обѣ половины такъ, какъ бы былъ цѣлый хлѣбъ, поливаетъ виномъ и цѣлуетъ его трижды и домохозяина въ уста, а тотъ іерея въ руку, со словами священникъ: „Христосъ посредѣ насъ"; а тотъ отвѣчаетъ: „есть и будетъ" — трижды. Послѣ того слѣдуютъ еще нѣкоторыя молитвы, стихиры, ектеніи, между которыми послѣдняя: „Еще молимся о домѣ семъ и живущихъ въ немъ (имена всѣхъ), о милости, жизни, мирѣ, здравіи и спасеніи ихъ. — Потомъ возгласъ: „Яко милостивъ" и отпустъ.

Почти вполнѣ такъ совершается этотъ обрядъ на Цетиньѣ и въ другихъ городахъ, а также въ Васоевичахъ. При этомъ, когда поется: „Святіи мученицы и Исаія ликуй", священникъ съ хозяиномъ берутъ обѣими руками колачъ и оборачиваютъ его по солнцу. Но во внутрен-

ности Черногоріи, какъ въ старой такъ и въ новоприсоединенныхъ герцеговинскихъ краяхъ, этого послѣдняго нѣтъ и не поются тѣ пѣсни. Нѣтъ и преломленія колача; а священникъ только вырѣзываетъ часть изъ средины и поливаетъ изъ стоящаго тутъ же графина или кувшина (боцун или бардак) виномъ и части эти дастъ хозяину и остальнымъ домочадцамъ; или же надрѣзываетъ его накрестъ и, заливши виномъ, вынимаетъ части, а потомъ разламываетъ его вмѣстѣ съ хозяиномъ надвое. При томъ хозяинъ свою половину передастъ въ семью доматьицѣ; а священникова остается на столѣ и въ нее вставляется свѣча.

У иныхъ нѣтъ особаго *крснаго колача*, а *проскура* изъ которой домохозяинъ выщипываетъ частицы, обмакиваетъ въ вино, съѣдаетъ самъ и даетъ другимъ. Такимъ-же кусочкомъ, обмакнутымъ въ вино, онъ гаситъ свѣчу и потомъ съѣдаетъ его *). Непремѣнное условіе, чтобы колачъ былъ пшеничный и изъ квашенаго тѣста; а такъ какъ въ старое время иные бѣдняки не имѣли другого хлѣба, кромѣ кукурузнаго, то священникъ на этотъ случай носилъ съ собою немного пшеницы, надъ которою и совершалъ освященіе. Но не было ли это знакомъ того, что прежде и здѣсь, какъ въ Старой Сербіи, при томъ было и *коливо* (кутья)? Въ Боккѣ коливо бываетъ только въ Новской околинѣ.

Теперь слѣдуетъ трапеза со здравицами. Если нѣтъ священника, то кого либо изъ гостей хозяинъ сажаетъ въ челѣ трапезы, и на немъ лежитъ обязанность провозглашать здравицы или, если не всѣ, то главную изъ нихъ „во славу Божію“. По внутренности Черногоріи эта зравица произносится первою и прежде чѣмъ прикоснутся къ ѣдѣ; а на Цетиньѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, она произносится только тогда, когда на столъ поставятъ жаркое (печенье), а передъ тѣмъ два или болѣе кушанья поѣдаются безъ здравицъ.

Въ другихъ краяхъ, какъ Приморье, и это время не проходитъ праздно, произносятся обязательныя двѣ здравицы: *у добри час од обѣда и убольи-час од обѣда*. Случалось мнѣ видѣть тоже самое на нѣкоторыхъ обѣдахъ и въ Черногоріи; но это дѣлалось какъ бы въ подраженіе тѣмъ другимъ краямъ. При томъ въ Черногоріи рѣдко можно

---

*) На Граховѣ, кромѣ свѣчи на столѣ, прилѣпляютъ къ стѣнкѣ двѣ свѣчи такимъ образомъ: одну прямо, а другую поперекъ, загнувши концы, такъ что образуется фигура въ родѣ трикирія. При этомъ наблюдаютъ: если скорѣе сгораетъ средняя, то значитъ, что плохо стоитъ домъ; если лѣвая, то непріятель дома не можетъ ему ничего повредить; если же правая, то это относится къ скоту и другимъ предметамъ хозяйства.

Бываетъ, что на столѣ лежитъ даже не проскура, а простой хлѣбъ, и священникъ его не разрѣзываетъ и не поливаетъ, а поплещетъ виномъ на огонь (въ огнищѣ) накрестъ изъ сосуда.

найти хорошаго говоруна; да и не любитъ черногорецъ въ этихъ случаяхъ многоговоренія, какъ бы стыдясь того и боясь отнять у праздника его серьезность и считая излишество въ обрядности, какъ и въ говореніи *лакрдіей* (болтовня, пустяки). Онъ развязывается, становится веселѣе и говорливѣе только послѣ, когда пройдетъ главный такъ сказать, торжественный моментъ трапезы, и пойдутъ здравицы чисто мірского характера: за домохозяина и другихъ членовъ семьи, за пріятелей и т. п. Въ послѣднее время черногорскій народъ все больше и больше охватываетъ оффиціозность и потому въ первой мірской здравицѣ провозглашается: за здоровье князя, княгини, наслѣдника и всего свѣтлаго дома съ непремѣнными пожеланіями распространенія границъ Черногоріи до Мостара, Призрена и т. п. Въ здравицѣ во славу Божію, иногда заключается и имя святого, котораго празднуетъ тотъ домъ; а иногда для святого особая здравица, при чемъ высказывается пожеланіе, чтобы онъ былъ всегда въ помощь хозяину, который ему служитъ.

Когда говорятъ: „во славу Божію", то зажигаютъ свѣчу (если не была зажжена прежде), воткнутую въ колачъ, а потомъ калачъ съ нею снимаютъ съ этого стола, гдѣ обѣдаютъ, и ставятъ гдѣ нибудь на другое мѣсто.

Сидящаго въ челѣ трапезы и произносящаго здравицы называютъ *долибаша*. Противуположный конецъ, называется *зачелье*, для котораго также выбирается человѣкъ, знающій порядки и умѣющій отвѣтить на здравицы долибаши. Въ ряду здравицъ, когда переберутъ всѣхъ, кто нибудь провозглашаетъ: „Здраво чело и зачелье и оба ребара", т. е. обѣ стороны стола. Но все это, конечно, возможно въ болѣе зажиточныхъ домахъ, гдѣ есть достаточно помѣщенья и столы; а въ большей части сельскихъ домовъ нѣтъ другого помѣщенія, какъ возлѣ огнища, и столъ представляетъ круглая *софра* на низенькихъ ножкахъ, и гости сидятъ или просто на полу, подостлавши струку, или что нибудь изъ рухляди, или на низенькой скамеечкѣ, а большинство на какомъ-нибудь чурбашкѣ или камнѣ. Впрочемъ многіе въ этомъ случаѣ устраиваютъ временный столъ изъ досокъ, хотя бы и невысокій. Здравицъ такъ много уже напечатано у Вука Караджича, В. Врчевича и др., что мы не можемъ къ тому ничего добавить. Въ видѣ образчика сообщимъ только одну, которая оригинальна тѣмъ, что пересыпана остротами.

„Помози, Боже! у славу данашњег дана, а за здравје нашег Господара! здрав и ти, брате домаћине! који си ми чашу подарио, ти се с твојом муком пахвалио; да ти се овден у твој дом сабирају калуђери и попови, моћни и немоћни, вољни и невољни, князи, витязи, све на

част и на глас. Рало ти дубоко, слеме ти високо, а под слеме свако сјеме, понајвише мушке главе, да се ш њима дичиш и китиш, као свети Сава ледом и снијегом, као свети Ђорђија листом и травом, као свети Спас сиром и млијеком, као света Петка вином и руметином, као небо висином, као зец брзином, као море дубином, као лисица мудрином, као вук акотом, као Скадар халинама и пипери димијама, као Подгорица трговином, као Спуж халовином, ка' Подвисци перчинама, ка' брђан симсијама, ка' ћеклиђи барјацима, ка' приморци маштрацимя. Ко ти бијо брат, он ти бијо здрав; ко ти бијо злотвор, наврнуо ти га бог, да ти је добротвор; одијо низ Сенске лугове, да скужаје бабове дугове; не скужао бабове дугове, нит' се отуд се вратјио, но се јаду насмија, што је јадан бестија; на глави му плочица, а под ногама драчица; де га плача цука, а драча боцка. Здрави, браћо и пријатељи!"

(Сообщ. Стефанъ Іовичевичъ изъ Цеклића).

Особыхъ кушаній на этотъ день нѣтъ; только если онъ приходится въ постъ или постный день, то ни зачто не станутъ ѣсть скоромнаго, хотя бы въ другіе дни не постились. За столомъ всѣ держатся очень серьезно и благоговѣйно; нѣтъ даже великаго и громкаго разговора, а все сосредоточено около праздника и соотвѣтствующихъ ему здравицъ и пожеланій дому. Только когда насытятся гости (наблагују се), выйдутъ изъ-за стола и сядутъ около огня или, если теплое время, передъ домомъ, тогда, закуривши трубки, ведутъ разговоръ обо всемъ и не относящемся къ празднику. А за столъ тогда садятся домашніе. Иногда всѣ собираются на кокое-нибудь гумно и тамъ затѣваются пѣнье и пляска. А въ домѣ между тѣмъ готовится *ужина*, которая бываетъ часа въ 4 пополудни. Если славятъ все село или много домовъ, то послѣ обѣда домохозяинъ или кто другой изъ дома отправляется къ сосѣду попросить у него нѣсколькихъ изъ его гостей на ужину: тотъ конечно уступаетъ, и пригласившій весело ведетъ къ себѣ новыхъ гостей. Въ этомъ случаѣ честь взаимная: веселъ пригласившій; за честь себѣ считаютъ приглашенные, а и уступившій гостей гордится ими, такъ какъ это показываетъ ихъ важность.

За ужиной ѣды меньше и она проходитъ безъ всякихъ здравицъ и другихъ церемоній. Послѣ этого болѣе отдаленные отправляются домой и салютуютъ хозяевамъ выстрѣлами, а хозяева вмѣстѣ съ оставшимися гостями отвѣчаютъ имъ тѣмъ же.

На ужинъ (вечера) остаются только ближніе; но прежде полночи всѣ непремѣнно должны разойтись; иначе будутъ оштрафованы по 2 флор. хозяинъ и каждый гость. Прежде же праздновали три дня и

третій день назывался на *уставке* (собств. *оставке*, т. е. поѣдали то, что осталось). Вотъ какъ говоритъ объ этомъ В. Караджичъ: „Празднуютъ такимъ образомъ три дня (только не встаютъ больше *во славу*); второй день назыв. *појутарје*, а третій—*уставци*.

Въ Герцеговинѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гости оставались, пока въ домѣ было питье, а когда хозяинъ поставитъ на столъ послѣднее, онъ вынесетъ имъ и опорожненные мѣха, въ которыхъ доставлены были вино и ракія. Увидѣвъ это, гости попьютъ то, что поставлено на столъ, и, взявъ свое оружіе, отправляются домой (Жив. и обыч. стр. 70—71).

Тоже самое было и въ Черногоріи. Былъ также обычай носить *торбицы*. Это состояло въ томъ, что гостямъ — конечно, не всѣмъ, а болѣе близкимъ по родству, или болѣе почитаемымъ — клали въ ихъ торбицы (сумки) на дорогу особенные испеченные для того *колачи*, куски мяса, а иногда давали вина и ракіи. Собственно это не поѣдалось дорогой, а приносилось гостями домой и называлось *колач* (подарокъ) или *част*, и этимъ со стороны хозяевъ оказывалась особенная честь и благодарность за то, что потрудились прійти на славу. Эти-то торбицы и запрещаются законникомъ кн. Даніила.

Относительно гостей есть два обычая. Въ городахъ обыкновенно зовутъ однихъ на обѣдъ, другихъ на ужинъ, хотя большею частью однихъ и тѣхъ-же; а другихъ, по селамъ, не зовутъ, но тѣ сами знаютъ, что ихъ ждутъ; это обычно родственники, кумовья, одивы (женщины, выданныя изъ того дома замужъ въ другой родъ) и кто-либо изъ ихъ семьи; но, какъ мы уже говорили, отнюдь не зять, который можетъ только ненадолго завернуть съ поздравленіемъ и выпить вина или ракіи. Затѣмъ другіе гости случайные (намјерни): когда кому-нибудь случайно привелось быть въ томъ селѣ, гдѣ слава, его непремѣнно пригласятъ на обѣдъ и на все время. А сверхъ того приходятъ другіе посѣтители только поздравить, выпить и закусить. Кто былъ на обѣдѣ остается и на *ужину*, послѣ которой уходитъ; а на ужинъ остаются только ближніе сосѣди.

Наконецъ, на славу идутъ бѣдняки, чтобы покормиться хорошо день или больше, а въ то же время понести что нибудь съ собою домой. Если въ селѣ, празднующемъ славу, есть бѣднякъ, то болѣе зажиточные люди посылаютъ ему, что нужно для праздника, а послѣ идутъ къ нему съ поздравленіемъ.

Вдумываясь въ смыслъ и характеръ этого праздника, приходишь къ заключенію, что это не праздникъ мірского веселья, а исполненіе долга передъ святымъ, покровителемъ дома, съ сопутствующими ему добрыми дѣлами, гостепріимствомъ и милостыней. Что же касается обря-

довой стороны, то существенное и непремѣнное составляетъ первый актъ, а во-второмъ актѣ самое простое благословеніе хлѣба; оборачиваніе же его, преломленіе и т. п. придумано священниками въ позднѣйшее время, чтобы придать этому акту больше торжественности; въ Черногоріи же этого прежде не бывало и стало вводиться въ позднѣйшее время священниками, побывавшими въ другихъ сербскихъ земляхъ, и ихъ послѣдователями, собственно говоря, въ ущербъ первобытной, чистой и высокой въ своей простотѣ торжественности.

Надобно замѣтить, что въ другихъ сербскихъ земляхъ священство особенно заботится объ обрядности, чтобы тѣмъ больше дѣйствовать на умы своихъ прихожанъ, отчасти извлекая изъ того и свои матеріальныя выгоды.

Такъ въ Старой Сербіи по освященіи колача и кутьи въ церкви священникъ въ заключеніе обращается къ славящему: „Шири, домаћине, дено крило!“ т. е. запиши или обѣщай что-либо въ пользу его (см. Ястреб. стр. 10). Въ Черногоріи же священникъ за то неполучаетъ ничего, довольствуясь платою, которая вообще опредѣлена ему съ дома, или же ему даютъ просфору и кое-что изъ домашнихъ произведеній. Да и самъ онъ славитъ тотъ день вмѣстѣ со своими прихожанами.

Реалистъ въ цѣломъ своемъ міровоззрѣніи, черногорецъ во всемъ любитъ простоту и потому, глубоко преданный вѣрѣ отцовъ и своей церкви, онъ не любитъ большой обрядности, которая, переходя иногда въ театральность, оскорбляетъ его простое чувство, и тогда онъ не стѣснится сдѣлать священнику замѣчаніе. Такъ, обращеніе колача между священникомъ и домохозяиномъ не нравится простому черногорцу, напоминая тѣмъ обрядъ вѣнчанія. И это безъ сомнѣнія составляетъ добавленіе позднѣйшаго времени, сдѣланное священниками для сообщенія обряду бо́льшей торжественности; при чемъ недостатокъ одного, точно составленнаго „чина“, канонизованнаго церковью, давалъ имъ въ томъ полную свободу.

И въ Черногоріи однако былъ одинъ обрядъ, который теперь, если не совсѣмъ оставленъ, то въ значительной степени сокращенъ и упрощенъ; это—обрядъ благословенія трапезы, въ который входитъ и извѣстная молитва во славу Божію, приводимая и Вукромъ Врчевичемъ, и парохомъ Н. Берберовичемъ, и И. С. Ястребовымъ; послѣдній впрочемъ почему-то не называетъ ее молитвой, а ставитъ въ числѣ „благожеланій въ видѣ тостовъ“ (стр. 14). Въ различныхъ мѣстностяхъ эта молитва разнится по упоминаемымъ въ ней святымъ; съ такою разницею она напечатана у всѣхъ троихъ вышеупомянутыхъ описателей этого обряда.

Не станемъ приводить весь этотъ чинъ, такъ какъ онъ занялъ бы много мѣста, замѣтимъ только, что самое важное въ ней состоитъ въ поминовеніи святыхъ въ такой формулѣ: „Во славу и похвалу честному животворящему кресту;—св. славн. пророку и предтечѣ крестителю Іоанну;—четыремъ евангелистамъ;—двѣнадцати апостоламъ;—318 богоноснымъ отцамъ, иже въ Никеи собравшимся; во славу великомуч. непобѣдимаго Георгія;—Теодора Стратилата, Пантелеймона, Прокопія;—святыхъ женъ мученицъ Ирины, Екатерины, Варвары;—Симеона мироточиваго, Саввы просвѣтителя сербскаго; черногорскихъ: Василія Острожскаго, Стефана Пиперскаго, Арсенія Печскаго (мощи въ монаст. Косіеревѣ) и Петра Цетинскаго; и русскихъ Петра, Алексѣя Филиппа и Іоны".

Въ цѣлой молитвѣ упоминается больше чѣмъ вдвое означенныхъ нами святыхъ, и всѣхъ ихъ черногорскій священникъ поминаетъ наизустъ безо всякой книжки или записи; а заключаетъ словами: „миръ, здравіе и спасеніе нашему господину доматьину и пріятелима многа лѣта".

Такая же молитва читалась и за вечернею трапезой.

Само собой разумѣется, что весь этотъ обрядъ совершался только въ нѣкоторыхъ домахъ, и для того требовалась книжка, которую имѣли весьма немногіе; но молитва „во славу и похвалу" должна быть прочитана вездѣ, при чемъ, конечно, дѣлались нѣкоторые пропуски и измѣненія.

Все это показываетъ, что праздникъ „крестнаго имени" былъ праздникомъ чисто христіанскимъ, какимъ онъ по духу остается и до сихъ поръ.

Кромѣ этого главнаго семейнаго праздника, есть еще одинъ, который назыв. *послужбица* (въ другихъ мѣстахъ *преслава*) и который также обязательно *прислуживаютъ*. Прежде и это былъ большой праздникъ, сопровождавшійся обильною трапезой; а въ послѣднее время ограничиваются тѣмъ, что носятъ *пуне* и свѣчу въ церковь.

И. С. Ястребовъ *) говоритъ по поводу этого второго праздества слѣд:. „По городамъ и селамъ есть много домовъ, которые кромѣ *славы*, празднуютъ еще одинъ день въ году и зовутъ его *преслава*, т. е. тѣ, которые держатъ славу въ день Дьюрдьицы (3 ноября), празднуютъ и день св. Георгія 23 апр. (Юрьевъ день); тѣ, которые славятъ св. Николая (6 дек.), празднуютъ преславу св. Николая лѣтняго (9 мая); славящіе св. Петку (14 окт.) чествуютъ св. Петку 26 іюля; славящіе св. Архангела (8 ноября) празднуютъ его же 13 іюля" стр. 22—23).

*) Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ. Спб. 1886 г. 8°, 498.

То, что Ястребовъ говоритъ относительно *многихъ* домовъ, въ Черногоріи составляетъ общее правило. Указанное имъ соотвѣтствіе между главнымъ праздникомъ и второстепеннымъ можно найти и въ Черногоріи. Такъ, въ Зетѣ, Клиховцы славятъ Дьюрдьицу (3 ноября обновленіе храма вмч. Георгія), а прислуживаютъ 23 апр.; въ Морачѣ Дуловичи служатъ архид. Стефана 27 дек., прислуж. его же 2 авг.; Горній-Загарачъ служ. Іоанна Крестит. 23 сент., прислуж. его же 7 янв. Найдутся, конечно, и еще подобные примѣры; но въ большинствѣ случаевъ это бываетъ совершенно иначе. Такъ, чевляне (озриничи) служ. Мих. арханг. (8 нояб.), а прислуж. Ильинъ день (20 іюля); Малые Цуцы—Никол. день (6 дек.) и Рож. Богор. (8 сент.), Велик. Цуцы Іоанна Крест. (7 янв.) и Никол. день (9 мая); Дуляцине (въ Церминцѣ) Мих. Арханг. и Андрея Первозв. (30 н.); Васоевичи тоже Мих. арханг. и Александра Невск. (30 авг.), а иные еще св. Саву (14 янв.) и т. д. А затѣмъ относительно Дуловичей извѣстно, что они прежде славили 2 авг., но въ тотъ день однажды сильно пострадали отъ турокъ и потому, чтобы не помрачать день своей славы воспоминаніемъ о своемъ несчастіи, а въ то же время, чтобы не оскорбить своего святого, перенесли на 27 дек.; точно также по какимъ-то причинамъ перемѣнили и загарчане. Въ нашу бытность въ Черногоріи произошли такія перемѣны. Байцы (село на Цетинской равнинѣ) славило до 1893 г. Рожд. Бог. (8 сент.); но главный тамошній родъ Мартиновичей въ старину въ Герцеговинѣ славилъ Іоанна Крес. (7 янв.), къ которому онъ и возвратился въ 1893 г.; точно также Васоевичи изстари славили Мих. Арханг., а послѣ приняли Алекс. Невск., вслѣдствіе одержанной въ этотъ день побѣды; въ недавнее же время они опять возвратились къ старой славѣ, а Ал. Нев. сталъ послужбицей.

Такихъ перемѣнъ мы знаемъ въ Черногоріи множество, что ясно доказываетъ несостоятельность мнѣнія о сохраненіи тѣмъ или другимъ домомъ или родомъ „крестнаго имени“ отъ самаго древняго времени. А также мы не находимъ въ Черногоріи подтвержденія указаннаго г. Ястребовымъ соотвѣтствія между главнымъ и второстепеннымъ праздникомъ. Но вниманіе наше останавливаетъ то обстоятельство, что и этотъ второстепенный праздникъ долженъ быть непремѣнно, также какъ и главный, что указываетъ на ихъ одновременное установленіе и почти одинаковую важность, по крайней мѣрѣ, въ самомъ началѣ.

И еще одну поправку слѣдуетъ сдѣлать къ толкованію происхожденія этого праздника. По мнѣнію пароха І. Явора, съ которымъ въ общемъ соглашаемся и мы, произвольнаго выбора того или другого святого своимъ патрономъ не было, а зависѣло то отъ дня, въ который

тотъ или другой родъ принялъ святое крещеніе; но это нельзя принять безусловно, такъ какъ мы встрѣчаемъ значительное предпочтеніе однихъ святыхъ другимъ, чего не должно бы быть, еслибъ соображались съ календаремъ. Положимъ, что нѣкоторыя имена, какъ Іоанна и Николая, больше всего встрѣчаются и въ святцахъ; но почему въ Черногоріи такое громадное предпочтеніе для празднованія дня арханг. Михаила (8 н.), вмч. Георгія (23 апр.), св. Параскевы (св. Петки, 14 окт.), еванг. Луки (18 окт.), Дмитрія Солунскаго (26 окт.), прор. Ильи? И рядомъ съ этимъ чрезвычайно рѣдкое празднованіе Петра или Павла (только два рода Станковичи и Рашовичи въ Зетѣ), а Марка, имя котораго такъ распространено вообще у сербовъ, въ Черногоріи вовсе не славятъ нигдѣ, только прислуживаетъ с. Слатина въ Бѣлопавличахъ и въ Подгорицѣ прежде держали крестный ходъ. Св. Николая празднуютъ главнымъ образомъ 6 дек., а Іоанна Крестителя 7 янв. и меньше 23 сент. Такое предпочтеніе нѣкоторыхъ святыхъ и дней ясно указываетъ на свободный выборъ, который измѣняется по мѣстностямъ; напр, герцеговинскія племена больше держатся Юрьева дня (23 апр.) и Іоанна Крестителя (7 янв.), а въ Старой Сербіи арханг. Михаила (8 нояб.).

Въ Черногоріи больше всего празднуютъ арханг. Михаила: три цѣлыхъ племени Озриничи, Пипоры и Васоевичи съ ихъ развѣтвленіями по другимъ нахіямъ и значительная часть Цермницы. За нимъ слѣдуетъ день св. Николая (6 дек.): племена Цеклинъ, Кучи и Братоножичи и ихъ развѣтвленія въ Цуцахъ и на Граховѣ, самое большое братство въ Великой (Полимье), значительная часть въ Лѣшанской нахіи, два села въ Нѣгушахъ, большая часть Дабрскаго села, многіе въ Зетѣ, Дробнякахъ, Банянахъ и Морачѣ.

Что касается перваго, то могло имѣть вліяніе празднованіе этого дня Неманичами, которые во имя его строили храмы и основывали монастыри всюду по сербскимъ землямъ и даже въ Іерусалимѣ. Св. Николай также чтимъ всюду и во имя его въ Зетѣ изстари существуетъ монастырь на Вранинѣ, который пользовался большою славою.

Рядомъ съ этимъ мы имѣемъ примѣры, что славятъ святыхъ, очень рѣдко встрѣчающихся и очень немногіе. Такъ, св. Агаѳона (22 авг.) славятъ нѣкоторые роды въ Дабрскомъ селѣ и на Цеклинѣ; св. Ѳеклу (24 сент.) одно братство Михалевичей на Цеклинѣ; св. Трифона (1 февр.) Никитовичи въ с. Комарницѣ; св. Олимпа (10 нояб.) братство Милеты Стаматова въ Великой; Кирика и Улиты (15 іюля) Лутово въ Братоножичахъ; Сергія и Вакха (7 окт.) сс. Ясеново и Дюдьевина въ Нижней Морачѣ, св. Кирилла, слав. апост. (14 февр.) Яредичи въ Горней Морачѣ; Лазареву субботу—Бѣличи въ Дробнякахъ.

Нѣкоторое соотвѣтствіе встрѣчается между этимъ праздникомъ и церковью въ томъ краѣ. Такъ Байцы, Косіеры, часть Озриничей приняли славу на день Рожд. Богор. (8 сент.), вслѣдствіе того, что на Цетиньѣ находится монастырь съ церковью, посвященною тому дню. Въ Морачѣ всѣмъ общая слава въ день Успенія Богор. (14 авг.) въ честь монастыря того же имени. Хотя обычно чествованіе этихъ храмовыхъ дней сопровождается *скупштиной* (народнымъ собраніемъ) около церкви или монастыря, но скупштина эта не всегда совпадаетъ съ именемъ святого, которому посвящена церковь или монастырь. Такъ въ монастырѣ Василія Острожскаго скупштина бываетъ на Троицу; въ Беряхъ на день св. Николая (9 мая), хотя церковь посвящена велик.-муч. Георгію.

Мы уже упоминали, что на Цеклинѣ, который весь славитъ св. Николая (6 дек.), одно братство славитъ св. Ѳеклу. Тамъ-же находится и самая старая церковка, посвященная этой святой, и передъ нею когда то бывали великія скупштины и происходилъ базаръ; а теперь въ ней служатъ только разъ въ годъ (24 сент.). По ней-же усвоило свое имя и цѣлое племя Цеклинъ; а также и другое племя Цекличи, которые ведутъ свое происхожденіе изъ Бѣлопавличей, гдѣ также была самая старая церковь св. Ѳеклы. Въ Спичѣ (Spizza) близъ Бара три главныя братства—Папани, Дьюрмани и Мишичи считаютъ свое происхожденіе также изъ Бѣлопавличей и у нихъ самая старая церковь св. Ѳеклы.

При этомъ невольно является вопросъ: откуда происходитъ распространенность имени этой первомученицы въ здѣшнихъ краяхъ? Не помогло ли этому то обстоятельство, что часть ея мощей (правая рука) принесена была изъ Антіохіи первымъ сербскимъ архіепископомъ Саввою въ 1233 г. въ Печь, откуда потомъ патріархомъ Арсеніемъ IV Іоанновичемъ въ 1730 г., послана была соборной церкви въ Сараево, гдѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, находится и теперь? (см. Житіе св. Ѳеклы М. 1873 г.). И не служитъ-ли это указаніемъ того, что часть поселенцевъ Бѣлопавлицкой долины пришла именно изъ краевъ близь Печи, гдѣ въ то время были въ большомъ почитаніи мощи св. Ѳеклы? *).

Такимъ образомъ эти въ сущности не важные факты изъ обрядовой жизни народа могутъ навести на нѣкоторыя историческія соображенія.

Въ дополненіе замѣтимъ, что о праздновaніи крестнаго имени до сихъ поръ живетъ воспоминаніе у мусульманъ. Такъ многіе изъ Мркоевичей (Барскаго округа) наблюдаютъ, когда бываетъ Ильинъ день и

---

*) *Du Cange* въ своей «Historia Byzantina» упоминаетъ церковь св. Ѳеклы во Влахернѣ (въ Констанополѣ), построенную императоромъ Исаакомъ Комненомъ, и другую тоже въ Константинополѣ; а также въ Селевкіи и «ad portum Juliani», построена Юстиніаномъ (Lib III, стр. 150).

посылают тогда свѣчу въ церковь того-же имени; а въ селѣ Сербскомъ близъ Подгорицы одинъ магометанскій домъ каждогодно празднуетъ Троицынъ день.

Въ Мркоевичахъ-же есть одинъ крестъ, который они, бывши уже магометанами, отняли у магометанъ же изъ Крапны, гдѣ когда-то была митрополія Зетская. Они считаютъ его своею собственностію, но передали его на храненіе одному христіанскому дому въ с. Микуличахъ, принадлежащемъ ихъ-же племени. Въ Троицынъ день каждый годъ бываетъ крестный ходъ на Румію, высочайшую гору въ томъ краю, и въ томъ крестномъ ходѣ всегда участвуютъ мѣстные магометане.

Кстати здѣсь замѣтимъ, что по всей Черногоріи каждое племя или братство ежегодно совершаютъ крестные ходы, независимо отъ таковыхъ же въ случаяхъ засухи или эпидеміи. Они также обязательны для цѣлыхъ обществъ, какъ прославленіе крестнаго имени для каждаго дома и для того есть опредѣленные дни, само собою разумѣется, только съ весны и до зимы, когда это возможно. Это относится къ такъ называемымъ *завѣтинамъ* т. е. по обѣщанію, которое даетъ себѣ цѣлое общество, опредѣляя для того день, а вмѣстѣ съ тѣмъ и путь, по которому крестный ходъ долженъ быть направленъ.

Не останавливаясь много, мы упомянули мимоходомъ одно мнѣніе относительно происхожденія праздника крестнаго имени, по которому въ немъ усматриваютъ замѣну домашняго патрона языческаго христіанскимъ.

Правда, есть примѣры что имена языческихъ боговъ замѣняли именами христіанскихъ святыхъ, какъ: Волоса, *скотіяго бога*, замѣнили св. Власіемъ; Морану, представлявшую собою образъ зимы, на Ивана-Купала дѣти топятъ въ рѣкѣ подъ именемъ „дѣвки Маринки"; атрибутъ Перуна, громъ и молнія, перешли къ *Ильѣ-Громовнику* и т. п. Но мы не знаемъ, чтобы у славянъ религіозный культъ былъ такъ развитъ, какъ у грековъ и римлянъ, и чтобы каждый домъ имѣлъ своихъ пенатовъ и ларовъ; и потому полагаемъ, что христіанскій патронъ у сербовъ не замѣнилъ языческаго, а данъ имъ самимъ христіанствомъ. Это тотъ *ангелъ-хранитель*, котораго изъ насъ имѣетъ каждый христіанинъ отдѣльно въ лицѣ святого, имя котораго носитъ. Если въ другихъ также религіозныхъ обрядахъ сербовъ можно замѣчать остатки язычества, напр. *налагать на Рождество баднякъ*, что совершается безъ всякаго отношенія къ церкви или священнику, то во всемъ обрядѣ празднованія крестнаго имени мы не можемъ замѣтить ни одной черты, которая-бы напоминала язычество; благословеніемъ церкви и ея служителя оно начинается, имъ-же и завершается.

Какъ по обряду, такъ и по духу этотъ праздникъ чисто христіанскій; главное дѣйствующее въ немъ лицо священникъ, безъ котораго онъ

6*

по настоящему и не можетъ быть; затѣмъ на немъ прославляется имя Бога и его святыхъ; трапеза идетъ въ духѣ самаго глубокаго христіанскаго благоговѣнія и сопровождается добрыми дѣлами, заповѣданными Христомъ: накормить нищаго и облегчить судьбу *невольнаго* (лишеннаго свободы или чѣмъ нибудь удрученнаго). Праздникъ этотъ у сербовъ очень старый и по всѣмъ даннымъ безъ него они себя и не знають. Будучи чисто христіанскимъ, почему же его нѣтъ у другихъ православныхъ?

Нѣтъ даже и слѣдовъ его; хотя есть указанія, что онъ былъ у болгаръ и подъ какимъ-то вліяніемъ исчезъ послѣ, а кое-гдѣ сохранился и понынѣ. И у насъ въ Россіи не есть ли намекъ на то покровительство св. Софіи въ Новгородѣ и такихъ же святыхъ въ другихъ городахъ?

Но въ Россіи, съ того времени какъ возобладалъ общинный бытъ, праздникъ отдѣльнаго рода или племени потерялъ смыслъ, какъ расплылся въ общинѣ и самый родъ или племя. У сербовъ же родовой или племенной бытъ сохранился до нашего времени и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранилъ эту свою святыню, завѣщанную ему предками изъ самой отдаленной старины, отъ первыхъ дней вступленія въ христіанство.

И не найдется ли чего нибудь подобнаго вообще въ жизни христіанства, особенно въ VII в., когда сербы большими массами заняли Балканскій полуостровъ и стали переходить въ христіанство? Не древнѣе ли это нашего и современнаго греческаго обычая праздновать именины т. е. святого каждой отдѣльной личности? Что касается нашего простого народа, то мы помнимъ, что онъ именинъ не справлялъ; а въ приходскій праздникъ по возможности открывалъ свой домъ для гостей и заѣзжихъ людей, считая этотъ праздникъ и праздникомъ своего дома.

Вопросъ этотъ пусть рѣшаетъ гіератика, занимающаяся изслѣдованіемъ религіознаго обряда; мы же представили описаніе черногорской *славы*, имѣя въ виду ея этнографическую сторону. Въ этомъ праздникѣ выразилась глубокая религіозность народа, чуждая показности, но вполнѣ искренняя; а сопровождающій и выражающій ее обрядъ во всей своей простотѣ не лишенъ нѣкоторой торжественности и величія, особенно отправленіе въ церковь, благословеніе трапезы и исполненные глубокой вѣры здравицы во славу Божію. Прирожденное народу гостепріимство здѣсь достигаетъ своей апоѳеозы въ томъ, что домохозяинъ, будь то совершенно простой человѣкъ или царь, со всѣми своими домашними служатъ своимъ гостямъ, не смѣя передъ ними сѣсть, ни участвовать въ трапезѣ, пока гости не насытятся. И въ этомъ случаѣ народный обычай совершенно совпадаетъ съ ученіемъ Христа, призывавшаго всѣхъ служить другъ другу.

П. Ровинскій.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ РОССІИ.

О ближайшихъ задачахъ нашего покровительства *).

Многимъ ли извѣстна та тѣсная, неразрывная связь, которая существуетъ между промышленностію народа и его культурой? Къ сожалѣнію, надобно признаться, что на этотъ счетъ до самаго послѣдняго времени въ русскихъ общественныхъ понятіяхъ царила замѣчательная путаница и множество недоразумѣній. Сами люди науки у насъ не были чужды этихъ недоразумѣній, и на нихъ-то собственно должна пасть отвѣтственность за то, что въ обществѣ отсутствовали ясныя представленія о помянутой связи національной культуры съ національною промышленностію. Наши политико-экономы, финансисты, историки, публицисты, юристы и т. д. обыкновенно разсматривали промышленность самое по себѣ, а культуру тоже самое по себѣ. Въ этомъ и заключалась роковая, чреватая послѣдствіями, ошибка.

Для нѣкоторой наглядности въ объясненіи этой связи, позвольте мнѣ мм. гг., прибѣгнуть къ помощи воображенія и сдѣлать небольшую экскурсію въ область будущихъ археологическихъ розысканій.

Да сохранитъ Господь Богъ нашу столицу отъ всякихъ физическихъ бѣдствій. Но, для наглядности моихъ доводовъ, предположимъ, что вслѣдствіе какого нибудь космическаго потрясенія она подверглась быстрой гибели. Подобно тому, какъ Помпея была засыпана пепломъ Везувія, Петербургъ, напримѣръ, былъ бы внезапно затопленъ нахлынувшими волнами Финскаго залива; при чемъ жители, однако, успѣли бы спастись, какъ это было при гибели Помпеи. По прошествіи многихъ столѣтій, когда море вновь отступитъ назадъ, обнажатся развалины великолѣпнаго города, затянутыя иломъ и пескомъ. Будущіе археологи, конечно, не преминутъ произвести раскопки и всякаго рода изысканія на данномъ мѣстѣ. На ряду съ остатками роскошныхъ зданій, они найдутъ множе-

---

*) Рѣчь, сказанная 11 ноября 1894 года въ Петербургскомъ Обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ.

ство предметовъ, свидѣтельствующихъ о богатой культурѣ погибшаго города, о такой культурѣ, которая вполнѣ соотвѣтствутъ современному европейскому уровню.

Напримѣръ, они найдутъ разнаго рода и размѣра прекрасныя машины, паровыя, скоропечатныя, швейныя, подъемныя и т. д. На мѣстѣ сельско-хозяйственнаго музея сохранятся образцы самыхъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій. Археологи разыщутъ также разные хитроумные приборы и аппараты, каковы электро-динамическіе, телеграфные, телефонные, хирургическіе, самопишущіе, велосипедные и пр. Откроютъ остатки желѣзныхъ путей и большихъ желѣзныхъ пароходовъ съ крупно обозначенными именами чисто русскихъ городовъ, какъ Ярославль Москва, Тамбовъ и т. п. Можетъ быть, сохранятся и нѣкоторыя произведенія печати, украшенныя художественно сдѣланными рисунками и гравюрами, и т. д. и т. д. Не буду перечислять всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые приведутъ будущихъ археологовъ къ такому заключенію, что Петербургъ обладалъ вполнѣ современною европейскою культурой. А такъ какъ обыкновенно столица сосредоточиваетъ въ себѣ лучшую производительность страны, то отсюда будетъ прямой выводъ, что Россія нашего времени по своей культурѣ нисколько не была отсталою отъ Западной Европы; что она имѣла заводы и фабрики, по своей техникѣ неуступавшіе западно-европейскимъ; слѣдовательно, ея обрабатывающая промышленность пользовалась національною самостоятельностію, была высоко развита и хорошо удовлетворяла нуждамъ и потребностямъ страны.

Но такіе выводы не могли бы оставаться долгое время. Сила науки, какъ правды, неотразима. Соединенныя усилія археологовъ, историковъ, лингвистовъ и другихъ ученыхъ постепенно раскроютъ истину. На многихъ помянутыхъ машинахъ и приборахъ они прочтутъ, хотя и полустертыя, имена заводовъ и фабрикъ совсѣмъ не русскихъ. Съ помощію тщательныхъ изслѣдованій они разыщутъ происхожденіе почти всѣхъ существующихъ теперь въ Петербургѣ предметовъ высшей европейской культуры. Они узнаютъ, что всѣ скоропечатныя, швейныя, подъемныя, усовершенствованныя сельско-хозяйственныя и другія машины выписывались изъ-за границы; что лучшіе политипажи въ иллюстрированныхъ изданіяхъ или дѣлались съ помощью иностранныхъ клише, или прямо заготовлялись въ Парижѣ; что подъ именами Ярославля и Тамбова скрываются желѣзные пароходы, цѣликомъ построенные въ англійскомъ городѣ Думбартонѣ и т. д.

Такимъ образомъ произойдетъ постепенное развѣнчиваніе культурнаго ореола нашей сѣверной столицы. На повѣрку окажется, что наиболѣе роскошная обстановка и наиболѣе блестящая сторона ея культуры

не своя, не русская, а выписанная изъ-за границы, купленная главнымъ образомъ на трудовыя средства русскаго земледѣльца; что слѣдовательно наше столичное общество обогащало и поощряло болѣе заграничные заводы и фабрики, чѣмъ свои русскіе. А если такъ дѣйствовалъ авторитетный, властный Петербургъ, то понятно что другіе города Россіи, съ Москвой включительно, болѣе или менѣе слѣдовали его примѣру. Словомъ, будущіе люди науки несомнѣнно удостовѣрятъ нашу отсталость отъ Западной Европы въ дѣлѣ матеріальной культуры и техники—также какъ мы удостовѣряемъ ее въ настоящее время.

Отъ нашей отсталости происходитъ и наша сравнительная бѣдность, а бѣдность народа въ свою очередь не даетъ ему достаточныхъ средствъ для удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей, то-есть для развитія своей образованности. Изъ сихъ двухъ главныхъ положеній сама собою вытекаетъ необходимость строгаго покровительства русскому народному труду, его промышленной техникѣ и производительности, то-есть необходимость дѣятельнаго огражденія ея отъ подавляющей иностранной конкурренціи. Это огражденіе должно быть достигаемо по преимуществу съ помощью возвышенныхъ таможенныхъ тарифовъ; только при этомъ условіи другія мѣры получаютъ не палліативное, а дѣйствительное значеніе, каковы: профессіональныя школы, казенныя субсидіи, преміи, заказы, поощреніе кустарныхъ промысловъ и т. д.

Можно на казенныя деньги завести техническія училища и приготовить многочисленныхъ техниковъ; но гдѣ же они найдутъ себѣ работу и будутъ примѣнять свои теоретическія познанія, если въ то же время отечественные заводы и фабрики не могутъ укрѣпиться и размножиться, находясь подъ давленіемъ непосильной иностранной конкурренціи? Тогда бѣдствующіе техники только увеличатъ собою интеллигентный пролетаріатъ. По той же причинѣ безъ пользы могутъ быть потрачены казенныя деньги на субсидіи и преміи. То же можно сказать и относительно казенныхъ заказовъ. Дѣйствительное значеніе могутъ имѣть только заказы предметовъ, находящихся въ исключительномъ вѣдѣніи правительства, каковы пушки, ружья, броненосцы, миноноски и т. п., притомъ изготовленіе ихъ все-таки зависитъ отъ общаго состоянія техники въ странѣ; а техника не можетъ развиваться помимо заводовъ и фабрикъ. Но положимъ, напримѣръ, Министерство Земледѣлія будетъ заказывать сельско-хозяйственныя орудія для своихъ образцовыхъ фермъ на русскихъ заводахъ, а всѣ частные землевладѣльцы будутъ выписывать ихъ изъ-за границы; могутъ ли при такомъ условіи существовать и развиваться русскіе заводы? Кустарная же промышленность, при настоящей европейской техникѣ, можетъ существовать только какъ подспорье

заводско-фабричной; а успѣшно соперничать съ заграницей она можетъ только при какихъ либо исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Даже такія простыя орудія, какъ косы и серпы, и тѣ, къ стыду нашей кустарной промышленности, мы доселѣ выписываемъ изъ Австріи.

Наши фритредерствующіе публицисты и политико-экономы, самоувѣренно разсуждавшіе о благахъ европейской образованности и народнаго богатства и о нашей сравнительной отсталости — увы! и не подозрѣвали, что они служили въ числѣ наиболѣе дѣйствительныхъ тормазовъ, мѣшающихъ русскому усвоенію именно европейской матеріальной культуры и развитію народнаго благосостоянія. Тяжело, конечно, было бы имъ въ томъ признаться; но это историческая истина. Увлеченіе школой Адама Смита стоило Россіи многомилліардныхъ убытковъ. Дѣло въ томъ, что Адамъ Смитъ, вырабатывая свои положенія, имѣлъ въ виду собственную страну, т. е. Англію, опередившую всѣ другія страны на пути промышленнаго развитія и уже нуждавшуюся не въ покровительственной системѣ, а именно въ свободной торговлѣ, которая должна была доставить рынки для сбыта ея произведеній. Но Адамъ Смитъ умалчиваетъ о томъ, что высшей степени своего промышленнаго и торговаго развитія она достигла помощію строжайшаго покровительства. Въ этомъ отношеніи гораздо болѣе примѣнима къ нашимъ условіямъ новая историко-экономическая школа Фридриха Листа, дѣйствующая въ Германіи, слѣдуя принципамъ которой, наши западные сосѣди въ свою очередь также достигли замѣчательнаго процвѣтанія ихъ промышленности. Но почему-то русскіе фритредеры доселѣ упорно пренебрегали историческимъ опытомъ и ловили всякій иностранный поводъ для своихъ возраженій противъ покровительства. Приведу примѣръ Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ. Несмотря на свое высокое промышленное развитіе, эта страна нетолько не покидаетъ покровительственной системы; а напротивъ, въ послѣднее время, какъ извѣстно, еще усилила эту систему возвышенными тарифами Макъ-Кинлея. Противъ его тарифа выступилъ Вильсонъ со своимъ биллемъ, поддержанный демократической партіей, и наши фритредеры ухватились за билль Вильсона какъ за доказательство въ пользу свободной торговли. Билль хотя и прошелъ, но съ большими уступками покровительству, и въ настоящее время, при выборахъ въ конгрессъ, народъ рѣзко высказался противъ этого билля, доставивъ полное торжество республиканской или протекціонистской партіи; причемъ Вильсонъ былъ забаллотированъ, а Макъ-Кинлей выбранъ огромнымъ большинствомъ. Слѣдовательно, примѣръ Сѣверной Америки рѣшительно опровергаетъ теорію нашихъ фритредеровъ. Я особенно обращаю ваше вниманіе на то обстоятельство, что страны, имѣющія самыя либеральныя учрежденія, допу-

скающія у себя самую широкую политическую свободу, въ то же время крайне строги въ экономическомъ отношеніи, и тутъ стараются недопускать никакой иноземной конкурренціи, которая могла бы нанести существенный ущербъ ихъ собственной промышленности, а слѣдовательно, и народному благосостоянію. Таковы въ настоящее время двѣ большія западныя республики—Франція и Сѣверо-американскіе Штаты. Если такъ дѣйствуютъ народы, стоящіе на высокой степени промышленнаго или культурнаго развитія, то во сколько кратъ сильнѣе должно быть оказываемо покровительство нашей столь слабо развитой промышленности, столь еще незрѣлой сравнительно культурѣ?

Необходимость строгаго промышленнаго покровительства для Россіи является такою очевидною истиною, противъ которой дѣльныхъ возраженій быть не можетъ. И эта истина за послѣднее время замѣтно начинаетъ проникать въ наше общественное сознаніе; а русскіе тарифы времени Александра III, въ особенности тарифъ 1891 года, какъ бы опередили и самое это общественное сознаніе.

Тутъ самъ собою представляется вопросъ, который, однако, доселѣ почти ускользалъ отъ общаго вниманія. Выдвинуть его на передній планъ и до нѣкоторой степени освѣтить—это уже состовляетъ обязанность по преимуществу историка, потому что вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ развитіемъ отечественной культуры. А именно: чему надобно оказывать покровительство прежде всего и болѣе всего? Надобно выдѣлить такія основныя отрасли, которыя могли бы всю нашу промышленность поставить на собственныя ноги, сдѣлать ее самостоятельною и независимою отъ иностранцевъ.

По сему поводу приведу слѣдующій примѣръ. Извѣстно, что у насъ двѣ отрасли уже давно пользуются покровительствомъ и потому находятся на степени процвѣтанія: я говорю о свеклосахарныхъ заводахъ и хлопчатобумажныхъ фабрикахъ. Но какіе собственно плоды дали они для русской самостоятельной культуры? Увы, слишкомъ незначительные. По послѣднему тарифному договору съ Германіей покровительство хлопчатобумажнымъ фабрикамъ еще усилено. А между тѣмъ, что же въ сущности самобытнаго, русскаго, представляетъ эта фабрикація? Хлопокъ большею частію привозный; бумагопрядильныя и ткацкія машины безусловно заграничныя; красильныя вещества тоже заграничныя; управляющіе фабриками и отчасти мастера иностранцы. Слѣдовательно, фабрикація эта приноситъ громадные барыши нашимъ фабрикантамъ и даетъ заработокъ нѣкоторой части населенія, но никакого самостоятельнаго производства не представляетъ и культурнаго значенія почти не имѣетъ, ибо находится въ полной зависимости отъ заграницы.

Приведу другой примѣръ. Морское кораблестроеніе у насъ было собственное, пока корабли существовали деревянные и парусные. Но вотъ выступили на сцену паровыя и желѣзныя суда, и Россія стала покупать ихъ готовыми или заказывать заграницей, потому что дома не оказалось нужныхъ для того желѣзодѣлательныхъ и машинныхъ заводовъ, а завести ихъ немедленно не считалось крайне необходимымъ, потому что иностранцы такъ легко и скоро спѣшили удовлетворять нашимъ требованіямъ. Слава Богу, теперь хотя военные броненосцы большею частію строятся дома; но машины для нихъ обыкновенно заказываются въ Англіи по неразвитости у насъ машиннаго производства. А между тѣмъ машина составляетъ самую существенную часть браненосца, какъ и всякаго парохода, и слѣдовательно русскій военный флотъ все еще находится въ чувствительной зависимости отъ иностраннаго производства. (Если притомъ вспомнимъ, что нашъ Балтійскій флотъ снабжается исключительно англійскимъ углемъ, то можно себѣ представить въ какомъ затруднительномъ положеніи онъ окажется во время европейской войны.) Появились въ Европѣ усовершенствованныя земледѣльческія орудія: мы также стали ихъ выписывать; ибо наши заводы безъ особаго покровительства не могутъ и тутъ конкурировать съ заграничными; такимъ образомъ и наше сельское хозяйство очутилось также въ зависимости отъ иностранцевъ. А до какой степени мы находимся въ зависимости отъ иностраннаго химическаго производства, наглядно показало холерное время, бывшее два года тому назадъ. Оказалось, что въ Россіи совсѣмъ не производится такой нехитрой вещи, какъ карболовая кислота, и мы въ огромномъ количествѣ потребовали ее изъ Германіи.

Отсюда прямо вытекаетъ выводъ что въ Россіи не развиты *желѣзодѣлательные, машинные и химическіе заводы*, то есть тѣ именно отрасли которыя составляютъ основу и орудіе всякаго производства, безъ которыхъ невозможна самостоятельная промышленность и техника, а слѣдовательно и европейская матеріальная культура вообще. Къ названнымъ сейчасъ отраслямъ необходимо прибавить *каменноугольную промышленность*; ибо обильное и дешевое топливо нужно не только для нашихъ жилищъ и желѣзныхъ дорогъ, но оно есть первѣйшее условіе для всѣхъ производствъ. Если мы посмотримъ на передовыя промышленныя страны, напримѣръ, Англію и Бельгію, то увидимъ что ихъ благосостояніе развилось преимущественно на желѣзѣ и каменномъ углѣ. А что касается машинодѣлательныхъ заводовъ, то кто же не знаетъ, что мы живемъ не только въ желѣзномъ, но именно въ желѣзномашинномъ вѣкѣ. Господство машинъ выступаетъ такъ рѣзко, что незамѣчать его было бы величайшею ошибкой, гибельною для цѣлой націи, такъ какъ не только про-

мышленность, но и самая государственная оборона теперь тѣсно связана съ машинною техникой. И народное богатство, и политическое могущество теперь немыслимы безъ усвоенія этой европейской техники. Усвоеніе же европейской культуры должно состоять не въ выпискѣ изъ-за границы, не въ покупкѣ ея произведеній намъ потребныхъ, а въ томъ чтобы мы сами дѣлали ихъ дома собственными руками и по возможности изъ собственныхъ матеріаловъ.

Такимъ образомъ весьма было бы печально, если бы и на будущее время продолжались заграничные заказы рельсъ, вагоновъ, пароходовъ, пушекъ, оружія, миноносокъ и тому подобныхъ предметовъ государственой нужды, подъ благовидными предлогами, что заграницей сдѣлаютъ все это и скорѣе, и лучше, и дешевле. Въ результатѣ такихъ благовидныхъ предлоговъ получилась наша техническая и культурная отсталость и наша сравнительная бѣдность; если бы сіи послѣднія можно было перевести на деньги, то пришлось-бы оцѣнить убытки наши въ десятки милліардовъ рублей. Вотъ во что обошлась эта мнимая дешевизна, не говоря уже о происшедшей отсюда огромной внѣшней задолженности.

Слѣдовательно, не ситцы и сахаръ должны быть поставлены на первомъ планѣ въ вопросѣ о покровительствѣ, а желѣзо, каменный уголь, машины и химическіе продукты. Вотъ куда должны быть направлены наши главныя заботы и самое энергическое покровительство, если мы искренне хотимъ покончить съ нашею отсталостью и догнать Европу въ культурномъ отношеніи.

Поэтому-то вашъ покорнѣйшій слуга и позволилъ себѣ несовсѣмъ сочувственно отнестись къ послѣднимъ торговымъ трактатамъ, въ особенности къ трактату съ Германіей, который въ только что установленномъ и отнюдь нечрезмѣрномъ тарифѣ 1891 года произвелъ чувствительную брешь именно по отношенію къ названнымъ основнымъ отраслямъ промышленности. Какъ извѣстно, сія жертва принесена была въ пользу нашего хлѣбнаго сбыта заграницу подъ предлогомъ поднятія у насъ сельско-хозяйственной промышленности. Но также извѣстно, что и этой своей цѣли она не достигла. Въ нашей печати много говорилось о томъ что Россія страна земледѣльческая, и потому главнымъ образомъ надобно заботиться о покровительствѣ нашему земледѣлію, а не промышленности. Вотъ это-то заключеніе и является совершенно неправильнымъ съ историко-культурной точки зрѣнія. Да какая же изъ передовыхъ странъ Европы не была въ свое время страною преимущественно земледѣльческою? Англія была именно таковою до XVII вѣка включительно, Франція до XVIII, а Германія еще въ началѣ XIX вѣка. Но послѣ того какъ онѣ сдѣлались по преимуществу промышленными странами, ихъ сель-

ское хозяйство нетолько оттого не пострадало, а наоборотъ съ развитіемъ всякаго рода техники и вообще матеріальной культуры оно поднялось гораздо выше. Мы видимъ, напримѣръ, что благодаря собственнымъ усовершенствованнымъ земледѣльческимъ орудіямъ, благодаря воспособленію техники и химіи, безплодныя песчаныя пространства сѣверовосточной Германіи обращаются въ прекрасныя поля, покрытыя хлѣбными растеніями и другими злаками. Почему же Россія должна оставаться на низшей и только земледѣльческой ступени культуры, быть всегда позади Европы и даже въ дѣлѣ сельско-хозяйственной промышленности зависѣть отъ иностранныхъ орудій? Говорятъ еще о томъ, будто заводы и фабрики отвлекаютъ какіе-то капиталы отъ нашего земледѣлія. И это совершенно невѣрное положеніе. Западная Европа богата капиталами именно вслѣдствіе высокоразвитой обрабатывающей промышленности; а исключительно земледѣльческія страны наоборотъ бѣдны капиталами.

Выходитъ такъ, какъ будто мы постоянно страдаемъ избыткомъ хлѣба, и не знаемъ куда дѣваться съ этимъ избыткомъ; тогда какъ сѣверная полоса Россіи въ немъ нуждается и обыкновенно платитъ за русскій хлѣбъ гораздо дороже чѣмъ обитатели Германіи. Вмѣсто того, чтобы развивать внутренніе пути и сношенія и расширять собственный рынокъ, гдѣ мы полные хозяева и можемъ устраиваться какъ хотимъ, мы стремимся съ своимъ хлѣбомъ на міровой рынокъ, гдѣ у насъ сильные конкуренты и гдѣ мы зависимъ отъ всякихъ экономическихъ и политическихъ усложненій. (Что и подтвердилъ весьма наглядно настоящій сельскохозяйственный кризисъ). Во всякомъ случаѣ беру на себя смѣлость утверждать, что всѣ другія мѣропріятія для поднятія сельскаго хозяйства въ Россіи суть болѣе или менѣе слабые палліятивы, и только поднятіе русской культуры на степень европейскую можетъ поставить его въ независимое и вполнѣ нормальное положеніе. Господь Богъ наградилъ Россію разнообразными и неисчерпаемыми естественными богатствами, которыя остаются неразработанными именно по недостатку у насъ европейской техники и культуры; а мы задерживаемъ развитіе этой культуры, чтобы облегчить сбытъ того или другого сырья на міровой рынокъ. Нашъ хлѣбъ, какъ извѣстно, именно послѣ договора, почти и не пошелъ въ Германію, такъ что она даромъ получила широкій сбытъ въ Россію своихъ фабрикатовъ, въ особенности желѣза и машинъ, къ подрыву у насъ основныхъ отраслей промышленности. Наряду съ хлѣбомъ, тоже явленіе повторяется съ нефтью. Недавно заключенъ трактатъ съ Франціей, причемъ пониженъ русскій тарифъ, спеціально для сбыта нефти; но потомъ Французы также понизили свой тарифъ на американскую нефть, которая и подорвала сбытъ нашей нефти, опять таки вслѣдствіе своей

лучшей обработки, т. е. болѣе высокой техники и культуры. Въ результатѣ пониженіе тарифа съ нашей стороны, оказалось почти даровымъ, причинившимъ только ущербъ собственной промышленности.

Гоняясь за невѣрнымъ міровымъ рынкомъ съ сомнительными избытками нашего хлѣба, нефти и т. п., мы въ то же время предоставляемъ свой собственный громадный рынокъ для вѣрной эксплуатаціи иностранцамъ, преимущественно западнымъ сосѣдямъ, которые, разумѣется, широко пользуются обстоятельствами, чтобы своею подавляющею конкурренціей не дать возможности развиться у насъ помянутымъ основнымъ отраслямъ промышленности и такимъ образомъ всю ее держать въ своей зависимости, а вмѣстѣ съ тѣмъ сохранять и нашу культурную отсталость. Русскіе ситцы, сбываемые въ Персію и Среднюю Азію, представляются крайне ничтожнымъ возмѣщеніемъ за то, что собственный громадный рынокъ мы оставляемъ въ жертву иностранцамъ. А между тѣмъ, если мы будемъ развивать помянутыя основныя отрасли, то почти всѣ важнѣйшіе продукты, покупаемые теперь у сосѣдей, Россія могла бы производить у себя дома и тѣмъ обогащать и культивировать собственное населеніе.

Мнѣ пожалуй укажутъ на то, что по истеченіи десятилѣтняго обязательнаго срока, тарифы снова могутъ быть повышены. Да, но при этомъ забывается слѣдующее: во-первыхъ, задержка въ развитіи основныхъ отраслей отбрасываетъ назадъ, а не впередъ усвоеніе европейской культуры. Во-вторыхъ, прошлогодняя таможенная борьба, которая, если-бы была доведена до конца, могла бы вызвать новые пути и способы для сбыта нашего хлѣба, теперь оставила ихъ въ прежнемъ состояніи, а сама она неизбѣжно должна возобновиться; ибо нѣмцы противъ новаго повышенія тарифа безъ всякаго сомнѣнія снова выдвинутъ боевыя пошлины на русскія произведенія, и разъ начатое дѣло придется опять начинать съизнова. Въ третьихъ, эта будущая таможенная борьба можетъ произойти уже не при столь благопріятныхъ для европейскаго мира обстоятельствахъ каковы настоящія, и на сей разъ можетъ повести къ борьбѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Въ четвертыхъ, наконецъ, европейская культура не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а дѣлаетъ гигантскіе шаги, и, если въ настоящее время намъ трудно догнать Европу, то по прошествіи десятилѣтія будетъ еще труднѣе.

По поводу послѣдняго своего замѣчанія, позволю себѣ высказать общее впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ послѣдней моей поѣздки въ западную Европу, предпринятой послѣ довольно продолжительнаго промежутка времени, въ августѣ и сентябрѣ текущаго (1894) года. Чудеса европейской промышленности и техники бросались мнѣ въ глаза еще силь-

нѣе и наша отсталость оттѣнялась еще рѣзче чѣмъ въ прежнія поѣздки. Напримѣръ, тамъ нерѣдко можно встрѣтить какую нибудь жалкую рѣченку, несущую на себѣ большія грузовыя суда, благодаря могучимъ машинамъ, которыя разчистили и углубили ея русло. Благодаря подобнымъ машинамъ, посреди непроходимаго дотолѣ морскаго мелководья, проведенъ каналъ, по которому идутъ громадные корабли. А мы въ это время не можемъ справиться съ русломъ нашей матушки Волги, и зарываемся въ ея мели и перекаты.

Тамъ вы видите грандіозный двухъэтажный желѣзный мостъ, черезъ широкую рѣку; въ то время какъ нижній этажъ величественно разверзается для пропуска судовъ, движеніе продолжается по верхнему этажу. Или, добѣжавъ до морскаго берега, желѣзнодорожный поѣздъ помѣщается на кораблѣ, и вы переѣзжаете чрезъ морской проливъ не выходя изъ вагона. Конечно и мы можемъ построить черезъ Неву подобный же грандіозный мостъ или провести морскіе каналы и даже воздвигнуть въ Петербургѣ желѣзную башню въ родѣ Эйфеля; но только не собственными техническими и заводско-фабричными средствами, а все тѣмъ же некультурнымъ способомъ, т. е. выпискою или покупкою этихъ средствъ заграницей. Въ эту поѣздку между прочимъ завернулъ я въ Антверпенъ посмотрѣть на всемірную промышленную выставку. Не имѣвъ случая посѣщать прежнія выставки, а только читая газетныя извѣстія о нихъ, я обыкновенно задавалъ себѣ вопросъ: какую собственно роль могъ играть русскій отдѣлъ на этомъ міровомъ состязаніи культурныхъ народовъ? Чѣмъ могли мы тамъ блистать при нашей сравнительно слабо развитой промышленной техникѣ, кромѣ, разумѣется, образцовъ нашихъ естественныхъ богатствъ, еще столь мало разработанныхъ? Признаюсь, я плохо довѣрялъ обычнымъ похваламъ русскому отдѣлу въ печатныхъ отчетахъ. Антверпенская выставка нетолько подтвердила мои сомнѣнія, но и превзошла ихъ. Что же я тамъ нашелъ въ Русскомъ отдѣлѣ? Нѣсколько невзрачныхъ свертковъ какихъ-то бумажныхъ и шерстяныхъ матерій, церковныя облаченія, женскіе полубоярскіе костюмы, образцы древнерусскаго шитья изъ извѣстнаго собранія г-жи Шабельской, нѣсколько старинныхъ кокошниковъ и повойниковъ, нѣкоторыя издѣлія кустарной фирмы „Работникъ“ изъ рога и корельской березы, обливную деревянную посуду, дѣтскія игрушки, неизбѣжные куски малахита, мѣха Гринвальда, керосинъ Нобеля, самовары и мѣдные тазы, образцы Смоленскаго льна и пеньки, нѣсколько головъ сахару, сѣрныя спички, сапоги и другіе кожаные товары, рижскій бальзамъ, ликеры Кюммеля и т. п. Почему-то тутъ же на видномъ мѣстѣ лежала книга, озаглавленная „Что читать народу?“, книга, составленная харьковскими педагогами и приводящая къ довольно неожидан-

ному выводу, что по этой части у насъ существуетъ богатая литература. Признаюсь, постановка императорскаго бюста посреди этого отдѣла показалась мнѣ до нѣкоторой степени профанаціей. Хотя въ газетахъ описано было посѣщеніе выставки бельгійскимъ королемъ, который будто бы расхвалилъ русскій отдѣлъ; но это обычная любезность, неимѣющая значенія. Напротивъ, я лично видѣлъ насмѣшливыя улыбки посѣтителей, особенно нѣмцевъ, при обозрѣніи нашего отдѣла. Даже персидскій и турецкій отдѣлы куда разнообразнѣе и интереснѣе; а съ европейскими и сравненія быть не можетъ. Нѣтъ, мы еще много должны работать надъ нашею промышленностію, прежде чѣмъ являться на всемірное культурное состязаніе. Одинъ чиновникъ, которому я высказалъ свое впечатлѣніе, отвѣтилъ мнѣ, что бо́льшаго сдѣлать было нельзя, такъ какъ денегъ на этотъ отдѣлъ было отпущено слишкомъ мало. Слѣдовательно, по его пониманію, главная суть дѣла не въ недостаткѣ нашей техники и производительности, а въ расходахъ на его декоративную сторону.

Итакъ, если мы хотимъ сдѣлаться истинными европейцами, усвоить себѣ европейскую культуру и поднять народное богатство, то должны предпринять всѣ возможныя усилія, чтобы поставить нашу промышленность на собственныя ноги, дать ей самостоятельное развитіе, а русскому генію полный просторъ въ его собственномъ обширномъ отечествѣ. Этихъ результатовъ, повторяю, мы можемъ достигнуть только энергическимъ развитіемъ основныхъ частей заводско-фабричнаго производства, каковы: добыча каменнаго угля и желѣза, желѣзодѣлательные, въ особенности машиностроительные заводы и химическіе продукты, притомъ заводы главнымъ образомъ сосредоточенные не на западной окраинѣ, а въ центрально-южной полосѣ и въ уральскомъ районѣ. *Вотъ въ чемъ заключается ближайшая и важнѣйшая задача нашего промышленнаго покровительства.* Недавно почившій Государь Императоръ Александръ III въ свое короткое царствованіе успѣлъ сдѣлать рѣшительный поворотъ къ покровительственной системѣ вообще, и въ этомъ заключается одна изъ Его величайшихъ заслугъ предъ Россіей. Будемъ уповать, что Его Августѣйшій Преемникъ, надежда Россіи, въ этомъ отношеніи также пойдетъ по стопамъ Своего незабвеннаго Родителя и докончитъ Его благое начинаніе. Но для успѣха необходимо, чтобы само русское общество, преимущественно столичное, усердно помогало Ему въ такомъ великомъ дѣлѣ. Необходимо чтобъ оно стряхнуло съ себя ту долю сонливости и апатіи, которая служитъ немалымъ тормазомъ въ нашемъ поступательномъ движеніи. Пусть наше общество проникнется страстнымъ желаніемъ возможно скорѣе поднять русскую культуру на степень культуры европейской; пусть оно увлечется могучимъ, неудержимымъ поры-

вомъ въ этомъ направленіи. А препятствій и безъ того не мало какъ естественныхъ, такъ и искусственно воздвигаемыхъ, въ особенности настойчивостью сосѣдей и вообще стремленіями иностранцевъ удержать за Россіей значеніе огромнаго рынка для сбыта своихъ фабрикатовъ, а также для полученія изъ нея сырья. Къ чему же мы сами еще помогаемъ имъ воздвигать себѣ тормазы, въ видѣ, напримѣръ, ложнаго мнѣнія, будто Россія, будучи страной только земледѣльческою, таковою должна и остаться!

Мм. гг.—Не знаю, легко ли вамъ представить себѣ всю громадную важность указаннаго мною сейчасъ культурнаго вопроса для Россіи? Для меня же, какъ историка, ясно какъ день, что отъ него въ значительной степени зависитъ благопріятный или неблагопріятный исходъ можно сказать, всѣхъ другихъ политическихъ вопросовъ, которые въ настоящее время насъ занимаютъ и волнуютъ, каковы вопросы: Польскій Финляндскій, Славянскій, Нѣмецкій, Восточный, Еврейскій, о близкихъ западныхъ и дальнихъ восточныхъ окраинахъ, объ интеллигентномъ и неинтеллигентномъ пролетаріатѣ, о дешевомъ кредитѣ, о торговомъ флотѣ о средствахъ государственной обороны и т. д. Культурный вопросъ прежде всего и болѣе всего. Только послѣ его благополучнаго разрѣшенія Русскій народъ можетъ вздохнуть полною грудью и занять подобающее ему мѣсто среди другихъ народовъ земного шара.

Postscriptum. Эта моя рѣчь, встрѣтившая сочувствіе въ Обществѣ, гдѣ она была произнесена, очевидно не нашла его въ нашей повременной печати; одни органы ее замолчали, а другіе осыпали бранью и явились усердными защитниками культурной отсталости. Но, какъ я замѣтилъ („Моск. Вѣд." 1894 г. № 322), отвѣчая одному изъ сихъ послѣднихъ, плохой бы я былъ историкъ, еслибы разсчитывалъ на иной пріемъ, и не зналъ бы, до какой степени большинство нашихъ органовъ печати пропитано антинаціональными тенденціями, легкомысліемъ и партійностію. Да иного пріема моя рѣчь и не могла имѣть, потому что она явилась протестомъ противъ сейчасъ названныхъ качествъ quasi-русской печати и потому еще, что эта именно печать поддерживала и продолжаетъ поддерживать ту путаницу въ общественныхъ понятіяхъ и то поверхностное, ненаучное отношеніе къ экономическимъ и культурнымъ вопросамъ, о которыхъ я выше говорю. Но рано или поздно сила исторической правды должна же взять верхъ. Что историку необходимо поднять свой голосъ противъ нашей культурной отсталости, въ томъ убѣждаетъ насъ и только что обнародованный высокоинтересный оффиціальный актъ, именно: „Всеподданнѣйшій докладъ министра Финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1895 годъ" (См.

„Моск. Вѣд.“ 1895 г. № 2). Обратимъ вниманіе на слѣдующія его цифры, относящіяся къ русской промышленности и торговлѣ. „Число бумагопрядильныхъ веретенъ составляетъ нынѣ около 6 милл., а ткацкихъ станковъ—200 тыс.; такимъ образомъ русское бумагопрядильное производство по своимъ размѣрамъ заняло первое мѣсто на европейскомъ континентѣ“. Но если мы вспомнимъ, что всѣ эти милліоны веретенъ и сотни тысячъ ткацкихъ станковъ не свои, не русскіе, а купленные заграницей, то культурное значеніе всего бумагопрядильнаго производства окажется весьма незначительное. Тоже можно замѣтить объ успѣхахъ Добровольнаго флота: „въ настоящее время флотъ этотъ состоитъ изъ 10 океанскихъ судовъ съ подъемною способностію свыше 2 милл. пуд.“ Всѣ эти суда также не свои, не русскія, а купленныя въ Англіи. Тоже надобно подразумѣвать и тамъ, гдѣ говорится объ успѣхахъ сельскаго хозяйства, т. е. о выпискѣ изъ заграницы усовершенствованныхъ сельскохозяйственныхъ орудій. При указаніи же на успѣхъ рельсоваго производства не упоминается, на какое еще большое количество продолжаются заказы рельсъ заграницею. Торговый балансъ въ послѣднее время склонился въ нашу сторону, т. е. вывозъ сталъ превышать ввозъ; но непадобно забывать, что наша великая внѣшняя задолженность сильно подрываетъ значеніе этого небольшаго превышенія. (А эта задолженность произошла и происходитъ отъ нашей сравнительно малой культурности, т. е. отъ заграничныхъ заказовъ на тѣ предметы, которые мы должны бы давно и въ избыткѣ производить сами у себя дома, заказы вагоновъ, рельсъ, кораблей, оружія, всякаго рода машинъ и пр.). Далѣе, совершенно справедливо воздается похвала покровительственной системѣ, которая возобладала у насъ въ послѣднюю эпоху. Но отзывъ объ этой системѣ не приводится въ связь съ поднятіемъ русской культуры, т. е. не выдвигаются на передній планъ основныя ея отрасли, на которыя я имѣю честь указывать выше. А потому глухо упоминается о заключенныхъ въ прошломъ году торговыхъ договорахъ, которые произвели брешь въ означенной системѣ именно по отношенію къ основнымъ отраслямъ (только начавшимъ было у насъ налаживаться). Изъ сего я позволяю себѣ заключать, что громадное значеніе сихъ отраслей въ вопросѣ о нашей культурной отсталости еще не вошло въ твердое ясное сознаніе руководящей экономической сферы. Исполняя свой долгъ русскаго гражданина, историка и вѣрноподданнаго, я беру на себя смѣлость подчеркнуть всѣ эти обстоятельства, въ высшей степени важныя для развитія русской культуры вообще и для новаго благополучнаго царствованія въ особенности.

Москва, 2 января 1895 г.

Д. Иловайскій.

Пересмотръ законовъ о судопроизводствѣ.

Однимъ изъ крупнѣйшихъ вопросовъ переживаемаго нами времени безпорно является пересмотръ судопроизводственныхъ законовъ. Изъ всѣхъ преобразованій Императора Александра II менѣе всего посчастливилось судебной реформѣ въ томъ отношеніи, что слишкомъ уже быстро утрачено извѣстною частью нашего общества великое значеніе этого преобразованія; слишкомъ быстро изгладилась изъ памяти дурная слава старыхъ судовъ, съ ихъ волокитой, съ подложными «собственными признаніями» подсудимыхъ, съ ихъ подкупностью, лицепріятіемъ и тому подобными качествами. «Молодое поколѣніе, выросшее въ царствованіе Императора Александра II, говоритъ почтенный сенаторъ Н. Г. Принтцъ (одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ участниковъ въ трудахъ по преобразованію судебной части), врядъ ли имѣетъ отчетливое представленіе о томъ судебномъ строѣ, при которомъ жили не только ихъ предки, но и отцы. Иначе, оно содрогнулось бы и не повѣрило, что могли такъ недавно существовать порядки, столь мало отвѣчающіе справедливости и народному благосостоянію». Яркими красками рисуетъ онъ далѣе правдивую и вмѣстѣ съ тѣмъ страшную картину этихъ порядковъ. «Обширная область суда и расправы принадлежала безконтрольно помѣщикамъ, полиціи и другимъ начальствамъ, которымъ было ввѣрено управленіе населеніемъ; масса лицъ и даже цѣлыя сословія судились военнымъ судомъ или за всѣ проступки и преступленія, или за нѣкоторые изъ нихъ; самый судъ производился подъ покровомъ тайны, въ отсутствіи тяжущихся и подсудимыхъ; отправленіе его было сопряжено съ чрезмѣрною волокитою; изысканіе истины было стѣснено системою формальныхъ доказательствъ; тяжущіеся и подсудимые были предоставлены всецѣло самимъ себѣ, безъ всякой со стороны общественной власти помощи для защиты; слѣдствіе лежало на полиціи; обряда преданія суду не существовало и потому привлеченые къ слѣдствію лица уже тѣмъ самымъ попадали подъ судъ, который, при недостаточности уликъ для обвиненія, клеймилъ обвиняемаго на всю жизнь оставленіемъ его въ подозрѣніи совершенія преступленія, что влекло за собою ограниченіе гражданскихъ правъ; наконецъ, при обвиненіяхъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, подсудимый хотя и не лишался полной возможности добиться правосудія въ верховномъ судилищѣ, но право это предоставлялось ему не ранѣе, какъ послѣ исполненія надъ нимъ приговора и прибытія его на мѣсто ссылки». («Журналъ М-ва Юстиціи», кн. 2). Судебные уставы Императора Александра II избавили русское общество отъ ига судейской неправды и водворили въ нашемъ отечествѣ судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ. Но къ концу семидесятыхъ и началу восьмидесятыхъ годовъ судебные уставы стали предметомъ нападеній, удивительныхъ по своей рѣзкости и крайнему ожесточенію. По поводу гоненія, воздвигнутаго извѣстною частью нашей печати съ «Московскими

Вѣдомостями» во главѣ, покойный И. С. Аксаковъ писалъ: «Газеты и газетки (извѣстнаго пошиба) хоромъ ревутъ на суды: «ату его! ату!», глумятся, ругаютъ, мечутъ въ грязь со свистомъ и хохотомъ весь судебный персоналъ, не выдѣляя никого, повально, весь судебный институтъ, съ его прошедшимъ и настоящимъ, какъ будто кто имъ задалъ задачу не только поколебать его авторитетъ, не только подорвать довѣріе народа къ отправленію правосудія, но и омерзить его, сдѣлать ненавистнымъ въ народныхъ понятіяхъ»... «Или же соскучились мы, спрашиваетъ онъ далѣе. по доброму старому времени? Будьте благонадежны: станете, какъ теперь, травить судъ, пошатнется его независимость—все вернется: и взятки, и мошенничество, и кривосудіе».

Отрицательное отношеніе къ судебнымъ уставамъ нашло себѣ нѣкоторое выраженіе и въ отдѣльныхъ законодательныхъ актахъ. Таковы законы—*12 іюня 1884 г. и 28 апрѣля 1887 г.* (ограниченіе подсудимаго въ правѣ отвода присяжныхъ засѣдателей; допущеніе администраціи въ составъ коммисіи для избранія присяжныхъ; измѣненіе порядка составленія общихъ списковъ, которые нынѣ составляются не въ коммиссіяхъ, а единичными представителями сословнаго, общественнаго или общаго полицейскаго управленія; исключеніе изъ состава присяжныхъ засѣдателей всѣхъ неграмотныхъ; предпочтеніе денежнаго ценза образовательному), *законъ 20 мая 1885 г.* (ограниченіе начала несмѣняемости судей; расширеніе правъ министра въ отношеніи надзора за судьями; право дисциплинарнаго суда уволить судью безъ прошенія, причемъ такія дѣла разсматриваются въ одной инстанціи, защита не допускается, гласность устранена; расширеніе правъ старшаго предсѣдателя судебной палаты). *Законъ 12 февраля 1887 г.* (ограниченіе гласности). *Законъ 7 іюля 1889 г.* (изъятіе изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ—преступленій противъ должностныхъ лицъ, преступленій по должности служащихъ въ общественныхъ и частныхъ банкахъ, двоеженства и нѣкот. друг.). *Законъ 12 іюля 1889 г.* (замѣна мирового суда институтомъ земскихъ начальниковъ).

«Означенныя исправленія и дополненія существенно видоизмѣнили судебный строй, первоначально введенный уставами, и, при этомъ, не будучи между собою согласованы, образовали какъ бы наслоеніе неоднородныхъ судебныхъ порядковъ, что въ свою очередь привело къ ихъ излишней пестротѣ и сложности, въ особенности по отношенію къ ихъ подсудности, обжалованію приговоровъ и рѣшеній и проч». (Правит. Вѣстникъ» отъ 12 апрѣля 1894 г. № 80).

Съ апрѣля минувшаго года надъ великой задачей исправленія и объединенія судопроизводственныхъ законовъ трудится Высочайше утвержденная коммиссія, въ составъ которой вошли наши лучшіе юристы. Было бы крайне печально, еслибы событіе такой огромной важности не пробудило общественную мысль, не заставило бы ее работать въ помощь правительственному учрежденію. Вѣдь преобразованіемъ судовъ затрогиваются существенные интересы всѣхъ и каждаго, интересы всей Россіи! Какъ ни вѣрны тѣ руки, въ которыя Высочайшею волею ввѣрены судьбы нашихъ будущихъ судовъ, но безъ содѣйствія обществен-

ныхъ силъ трудно надѣяться на полный успѣхъ въ разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ.

По отношенію къ устройству судовъ и порядку разбирательства дѣлъ въ нихъ, быть можетъ, съ большимъ основаніемъ, чѣмъ гдѣ либо, надо признать, что наукой сдѣлано *все*, что отъ нея только можно ожидать. Основныя начала судоустройства и судопроизводства: какъ отдѣленіе судебной власти отъ административной и законодательной, несмѣняемость судей, гласность, устность, состязательность, судъ присяжныхъ засѣдателей и др.—разработаны наукой права въ высшей степени обстоятельно. Трудность устройства судовъ, въ которыхъ царствовали бы правда и милость, заключается не въ изобрѣтеніи какихъ нибудь «новыхъ» началъ въ отмѣну тѣхъ, которыя выработаны вѣковымъ опытомъ и оправдываются разумомъ,—а въ томъ, чтобы умѣть ихъ приложить къ жизни. Жизнь же такъ богата содержаніемъ, такъ разнообразна, такъ необъятна, что знать ее вполнѣ не можетъ ни отдѣльное лицо, ни даже цѣлая комиссія изъ свѣдущихъ людей.

Только само общество можетъ выяснить всѣ свои нужды, указать, что̀ должно остаться изъ дѣйствующаго права, что̀ подлежитъ измѣненію и въ какую сторону эти измѣненія должны быть направлены...

Не всякое мнѣніе, конечно, заявленное отъ имени общества, можетъ считаться правильнымъ: истина, согласно французской поговоркѣ, вытекаетъ изъ столкновенія различныхъ мнѣній. Необходимо, однако, чтобы эти различныя мнѣнія существовали.—Съ удовольствіемъ мы отмѣчаемъ поэтому докладъ гжатскаго предводителя дворянства, о которомъ сообщали недавно газеты, хотя и не со всѣми заключеніями его мы можемъ согласиться. Докладъ этотъ, внесенный на обсужденіе уѣзднаго дворянскаго собранія, касается законоположеній 12-го іюля и 29-го декабря 1889 г.

«Близко стоя къ дѣлу судебно-административныхъ учрежденій со дня ихъ открытія,—заявилъ гжатскій предводитель дворянскому собранію,—я въ виду тѣхъ укоровъ, которые раздаются по ихъ адресу, утверждаю, что помимо условій, лежащихъ внѣ воли дворянства и его представителей, извѣстная доля неуспѣха въ дѣятельности названныхъ учрежденій должна быть приписана недостаткамъ дѣйствующаго закона. И я полагаю, добавилъ онъ, что на насъ лежитъ обязанность выяснить эти недостатки и ходатайствовать о соотвѣтствующемъ измѣненіи ихъ».

Затѣмъ предводитель дворянства предложилъ на обсужденіе собранія слѣдующія свои положенія, которыя мы и приводимъ здѣсь цѣликомъ: «1) Для правильнаго и успѣшнаго исполненія обязанностей по всякой должности, особенно же должности, связанной съ выполненіемъ судебныхъ функцій, необходима извѣстная доля самостоятельности. Между тѣмъ, установленный закономъ порядокъ опредѣленія и увольненія земскаго начальника, а равно порядокъ надзора и ревизій ставятъ его въ полную зависимость отъ администраціи,—зависимость, вовсе не соотвѣтствующую тѣмъ функціямъ, которыя возложены на земскаго начальника закономъ. Невозможно требовать безусловной несмѣняемости земскаго начальника, такъ какъ на немъ, кромѣ обязанности судьи, лежатъ обширныя административныя обязанности; но если бы избраніе земскихъ на-

чальниковъ предоставить уѣзднымъ дворянскимъ собраніямъ, съ правами, изъ выборной дворянской службы вытекающими, то этимъ самымъ будетъ предоставлена имъ значительная доля независимости, столь необходимая имъ для успѣшнаго исполненія обязанностей судьи и администратора. При всемъ томъ, только-что предложенная мѣра хотя и существенная, но все таки недостаточная. На земскаго начальника возложена такая масса сложныхъ и разнообразныхъ обязанностей, что успѣшное исполненіе ихъ недоступно даже посвящающему все свое время этому дѣлу. Поэтому думаю, что лучшимъ средствомъ для устраненія этихъ затрудненій было бы возстановленіе рядомъ съ должностью земскаго начальника должности мироваго судьи. Связанное съ этою мѣрою уменьшеніе численнаго состава земскихъ начальниковъ откроетъ возможность болѣе строгаго ихъ избранія. Возстановленіемъ мироваго института былъ бы лишь развитъ принципъ, положенный въ основаніе закона 12 іюля,—приблизить власть къ населенію, уже по той одной причинѣ, что многочисленная группа дѣлъ всего уѣзда, подсудная нынѣ уѣздному члену окружнаго суда, далеко проживающему отъ населенія, могла бы быть распредѣлена между судьями, и неизбѣжно связанное съ введеніемъ мироваго института упраздненіе должности уѣзднаго члена открыло бы лишній источникъ для покрытія средствъ содержанія мироваго института. 2) Печальной памяти старое дореформенное время оставило намъ въ наслѣдіе на судебномъ и административномъ поприщахъ много поучительнаго, конечно, въ отрицательномъ смыслѣ. Въ то время составъ канцеляріи, опредѣленіе и увольненіе секретарей зависѣли отъ губернской администраціи, чему сопутствовала полная независимость этихъ лицъ отъ учрежденій, гдѣ они находились на службѣ. Результаты извѣстны: волокита, взяточничество и т. п. Судебные уставы 1864 года стали совершенно на иную точку зрѣнія: они предоставили опредѣленіе и увольненіе секретарей предсѣдателямъ, и всѣ нареканія на канцеляріи прекратились. Къ сожалѣнію, законоположенія 1889 года, не смотря на опытъ прежнихъ лѣтъ, вернулись къ старымъ порядкамъ. Полагаю, что лицамъ, близко стоящимъ къ дѣлопроизводству уѣздныхъ съѣздовъ, достаточно извѣстно о необходимости измѣненія нынѣ существующихъ правилъ въ смыслѣ ст. 59 учр. суд. уст. 1864 г. Для доказательства же какъ необходимости примѣненія приведенной ст. 59-й во вновь образованныхъ судебно-административныхъ учрежденіяхъ, такъ въ особенности необходимости отмѣны нынѣ существующаго порядка привлеченія къ отвѣтственности за преступленія должностныхъ лицъ (книга 3-я, раздѣлъ III), съ замѣною его общимъ порядкомъ (книга 2-я, раздѣлъ II и III), приведу одинъ изъ многихъ случаевъ. Въ одномъ уѣздномъ съѣздѣ секретарь оказался вполнѣ несоотвѣтствующимъ своему назначенію; кромѣ отсутствія надлежащихъ нравственныхъ качествъ, въ дѣйствіяхъ его выразились разныя болѣе или менѣе крупныя преступленія, о чемъ предсѣдателемъ и было сообщено губернатору. Казалось бы, въ силу 1089 ст. уст. угол. суд. губернской администраціи оставалось только передать дѣло прокурору или судебному слѣдователю, а секретаря на время слѣдствія и суда удалить отъ должности. Но вышло иначе: проходитъ около года, секретарь не удаленъ и не преданъ суду, и только содѣйствіе г. министра внутреннихъ дѣлъ вынудило мѣстнаго губерна-

тора приступить къ производству этого дѣла, хотя опять таки въ нарушеніе закона (ст. 1086 и 1089 и мотив. къ нимъ)—производству через своихъ чиновниковъ, а не судебнаго слѣдователя. 3) Никакой судъ, какъ совершенно справедливо признано государственнымъ совѣтомъ (Журн. 1862 г. № 65), разсматривающій дѣла по существу, не можетъ служить полнымъ огражденіемъ тяжущихся и подсудимыхъ, потому что и въ рѣшеніяхъ аппелляціонныхъ судебныхъ мѣстъ могутъ быть нарушены прямой смыслъ закона или такіе обряды и формы судопроизводства, при несоблюденіи которыхъ судебное рѣшеніе невозможно признать дѣйствительнымъ. Учрежденіе въ этихъ видахъ кассаціоннаго суда составляетъ необходимую принадлежность правильной системы судебнаго устройства. Но, конечно, для осуществленія идеи кассаціоннаго суда необходимо, чтобы этотъ судъ пользовался должнымъ авторитетомъ, чтобы его рѣшенія имѣли руководящее значеніе и были толкователями дѣйствительнаго смысла закона и правильнаго его примѣненія. Таковы у насъ кассаціонные департаменты правит. сената. Но не такою представляется намъ вновь созданная кассаціонная инстанція въ видѣ губернскаго присутствія. По малочисленности ли участія въ дѣлахъ его юридическаго элемента, по другимъ ли причинамъ, но достаточно было бы введенія въ этомъ присутствіи гласности, чтобы показать всю несостоятельность его. Всѣмъ извѣстно, что это учрежденіе далеко не пользуется необходимымъ для кассаціонной инстанціи авторитетомъ, а нѣкоторыя рѣшенія его порождаютъ даже серьезныя недоразумѣнія. Можно было бы привести случаи, когда губернское присутствіе по самымъ элементарнымъ вопросамъ впадало въ существенныя ошибки, не смотря на то, что по данному предмету существовали разъясненія общаго собранія сената,—игнорируя, напримѣръ, такое различіе, какъ различіе приговоровъ и рѣшеній, и истинный смыслъ закона возстановлялся лишь благодаря разъясненіямъ министра внутреннихъ дѣлъ, слѣдовавшимъ по представленію предводителя дворянства. Кому дорого правосудіе, тотъ давно созналъ необходимость подчиненія уѣздныхъ съѣздовъ, какъ судебныхъ учрежденій, правительствующему сенату».

Собраніе вполнѣ согласилось со взглядами своего предводителя и постановило: «первый пунктъ доклада относительно выборовъ земскихъ начальниковъ дворянскими собраніями представить губернскому дворянскому собранію, а весь докладъ представить на усмотрѣніе г. министра юстиціи».

Извѣстно, что въ 1889 г. возстановлена прежняя редакція статьи 163 зак. о сост., пропущенной въ изданіи 1876 г. Дворянскимъ собраніямъ вновь предоставлено право ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ не только о нуждахъ дворянства и о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій, но и объ устраненіи неудобствъ въ мѣстномъ управленіи, хотя-бы они и происходили отъ общаго какого-либо постановленія. Къ крайнему сожалѣнію, до послѣдняго времени дворянскія собранія пользовались предоставленнымъ имъ правомъ исключительно въ своихъ узко-сословныхъ, при томъ матеріальныхъ, интересахъ.

Уже по этому одному ходатайство гжатскаго дворянскаго собранія, посвященное интересамъ не однихъ дворянъ, съ искренней радостью

встрѣчено было всѣми честными людьми; помимо того оно, какъ выше было замѣчено, является какъ нельзя болѣе кстати.

По существу, относительно приведеннаго доклада слѣдуетъ признать, что онъ нуждается въ дополненіяхъ. Прежде всего, въ немъ не указаны нѣкоторые очень важные недостатки дѣйствующаго положенія о земскихъ начальникахъ. Докладчикъ справедливо отмѣтилъ полную зависимость земскаго начальника отъ администраціи, какъ совершенно несоотвѣтствующую судебнымъ функціямъ его, нецѣлесообразность порядка надзора за канцеляріями уѣздныхъ съѣздовъ и крайнее несовершенство вновь учрежденныхъ кассаціонныхъ инстанцій (губернскихъ присутствій).

Но кромѣ того необходимо еще указать, во первыхъ, на слишкомъ сложный порядокъ подсудности, установленный положеніемъ: дѣла, подлежавшія на основаніи ст. 29 уст. гражд. судопр. и ст. 33 уст. угол. судопр. разсмотрѣнію одного мироваго судьи, нынѣ раздѣлены между четырьмя установленіями: 1) земскимъ начальникомъ, 2) городскимъ судьею, 3) уѣзднымъ членомъ окружнаго суда и 4) волостнымъ судомъ; причемъ основаніемъ для подсудности принято частью различіе по роду дѣлъ, частью различіе по мѣстности (городъ и уѣздъ), частью принадлежность къ извѣстному сословію *).

Едва-ли благотворнымъ можетъ считаться также введеніе въ судебную организацію начала сословности, отъ котораго, по свидѣтельству графа Блудова, наше законодательство со времени Екатерины II стремилось освободиться и котораго оно въ доброе старое время вовсе не знало. Нашими государями многократно провозглашалось, что судъ долженъ быть равнымъ для всѣхъ **). Противъ этого мудраго правила грѣшитъ какъ ст. 61 полож., согласно которой земскій начальникъ своею собственною властью, безъ всякаго формальнаго производства, имѣетъ право подвергнуть *крестьянина* аресту не свыше трехъ дней и денежному взысканію не свыше шести рублей, такъ и весь порядокъ назначенія земскихъ начальниковъ, избираемыхъ исключительно изъ потомственныхъ дворянъ. Послѣднее обстоятельство, какъ извѣстно, привело къ необходимости, вслѣдствіе ограниченнаго выбора, назначать на весьма отвѣтственныя должности земскихъ начальниковъ лицъ съ крошечнымъ образовательнымъ цензомъ. Наконецъ, необходимо еще указать на оторванность новыхъ учрежденій не только отъ общихъ судебныхъ мѣстъ, но даже отчасти и отъ вѣдомства министерства юстиціи вообще.

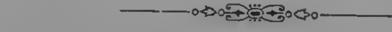
*) Гр. Джаншіевъ «Основы судебной реформы», стр. 324.

**) «Требованіе законодателя, чтобы судъ былъ для всѣхъ равный, само по себѣ краснорѣчивѣе всякихъ поясненій говоритъ уму и сердцу гражданина. Для справедливаго царскаго суда не можетъ и не должно быть ни знатныхъ, сильныхъ или слабыхъ, ни богатыхъ или бѣдныхъ, ни русскихъ или инородцевъ—есть только правые или виноватые, обиженные или обидчики, есть лишь одно различіе: законности отъ безправія, правды отъ несправедливости, человѣколюбія отъ жестокости... Не по лицу или состоянію отправляется правосудіе, а лишь по мѣрѣ соблюденія въ поступкахъ и дѣяніяхъ того уваженія къ закону, которое по царскому завѣту должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго».

Изъ рѣчи, произнесенной г. министромъ юстиціи 18 іюня при открытіи окружного суда въ Оренбургѣ.

Если принять во вниманіе всѣ перечисленные здѣсь недостатки полож. о земск. нач. и многіе другіе, совершенно выясненные уже 6-ти лѣтнимъ опытомъ его примѣненія, то надо придти къ заключенію, что предположенныхъ гжатскимъ предводителемъ дворянства измѣненій недостаточно, чтобы поставить учрежденіе земскихъ начальниковъ на надлежащую высоту. Недостатки—коренные, и полумѣры едва-ли помогутъ. Вотъ почему сообщенный многими газетами слухъ о предстоящемъ въ близкомъ будущемъ упраздненіи земскихъ начальниковъ никому не показался невѣроятнымъ. Мы вполнѣ раздѣляемъ упованія уважаемаго сенатора Н. Г. Принтца, «что предстоящій пересмотръ окончательно закрѣпитъ отправленіе правосудія въ Россіи на тѣхъ началахъ, которыя были усвоены въ 1864 году, и освободитъ его отъ наростовъ, образовавшихся съ теченіемъ времени и его значительно исказившихъ». (Журналъ Министерства Юстиціи, кн. 2).

М. Т.

Сельскохозяйственный совѣтъ.

«Русскій Вѣстникъ» иронизируетъ по поводу предполагавшагося съѣзда сельскихъ хозяевъ, который представлялся ему чѣмъ-то въ родѣ «собора всякихъ людей всякихъ чиновъ великаго россійскаго царствія» *). Иронія едвали умѣстная.

Причины, вызвавшія предположеніе о созывѣ всероссійскаго съѣзда сельскихъ хозяевъ, слишкомъ важны, и шуточный тонъ, въ данномъ случаѣ свидѣтельствуетъ лишь о легкомысліи обозрѣвателя.

Около полуторы тысячи имѣній назначены дворянскимъ банкомъ къ публичной продажѣ, множество другихъ — частными банками (число послѣднихъ трудно указать даже приблизительно). Положеніе дѣлъ таково, что обиліе урожая доставляетъ земледѣльцамъ однѣ лишь огорченія. Все это оффиціально засвидѣтельствовано министрами земледѣлія и финансовъ. «Земледѣліе наше, заявилъ А. С. Ермоловъ при открытіи засѣданій сельско-хозяйственнаго совѣта, переживаетъ тяжелый кризисъ, *обусловленный множествомъ очень сложныхъ причинъ*».

Министръ финансовъ, въ своей извѣстной бесѣдѣ съ кн. Оболенскимъ, высказался въ томъ смыслѣ, что онъ самъ не знаетъ и не знаетъ никого другаго, который бы зналъ, какъ теперь можно помочь сельскому хозяйству и чѣмъ помочь. Если правительство рѣшило, при этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, обратиться за совѣтомъ къ самимъ сельскимъ хозяевамъ, то къ такому рѣшенію нельзя иначе отнестись, какъ съ полнымъ уваженіемъ.

*) Январь, стр. 278.

Къ сожалѣнію, указанное предположеніе, какъ говорятъ по финансовымъ соображеніямъ, не могло быть пока осуществлено. Вмѣсто «всероссійскаго съѣзда сельскихъ хозяевъ» собранъ сельскохозяйственый совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ министра земледѣлія и при участіи представителей прикосновенныхъ вѣдомствъ; кромѣ того въ совѣтъ назначены, по выбору министра, 15 сельскихъ хозяевъ, являющихся представителями нуждъ дворянскихъ и крупноземлевладѣльческихъ. Сельскохозяйственный совѣтъ, конечно, не то, что «всероссійскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ». «Сельское хозяйство, какъ выразился министръ земледѣлія въ указанной выше рѣчи, отнюдь не сословное дѣло, предметъ того или другаго направленія политики, а всенародное дѣло, основной фундаментъ нашего національнаго богатства». Во всенародномъ дѣлѣ заинтересованы всѣ классы населенія или, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ случаѣ, всѣ земледѣльческіе его классы. Предполагавшійся всероссійскій съѣздъ, какъ учрежденіе безсословное, несомнѣнно полнѣе представлялъ бы интересы всей земли и лучше, быть можетъ, справился бы съ предстоящими чрезвычайными затрудненіями. Но во всякомъ случаѣ мысль о необходимости привлекать къ обсужденію вопросовъ, наиболѣе важныхъ, лицъ, непричастныхъ къ администраціи, получила себѣ новое признаніе, и будущее, мы увѣрены въ томъ, вполнѣ докажетъ правильность начала, принятаго юнымъ министерствомъ земледѣлія въ основаніе своей дѣятельности.

Ограниченный составъ совѣщанія по вопросамъ сельскаго хозяйства побудилъ министерство земледѣлія предложить губернскимъ земскимъ собраніямъ обсудить дѣло на мѣстахъ и представить отвѣты на слѣдующіе вопросы:

«Какія нужды земледѣлія представляются въ данной губерніи настолько назрѣвшими и неотложными, что требуютъ возможно скорѣйшаго ихъ удовлетворенія»?

«Какія именно мѣры признаются въ настоящее время наиболѣе, по мѣстнымъ условіямъ, цѣлесообразными для удовлетворенія указанныхъ нуждъ»?

«Удовлетвореніе какихъ именно сельскохозяйственныхъ нуждъ представляется, по мѣстнымъ условіямъ, нынѣ наиболѣе удобоосуществимымъ»?

«Какія, затѣмъ, требованія сельскаго хозяйства, не имѣющія характера неотложности или встрѣчающіяся съ болѣе или менѣе важными трудностями въ ихъ разрѣшеніи, должны составить задачу будущаго»?

«Какія мѣры на пользу мѣстнаго земледѣлія могутъ быть приведены въ исполненіе самимъ земствомъ и какія потребуютъ участія или содѣйствія со стороны министерства земледѣлія»?

Но причины угнетеннаго положенія сельскаго хозяйства не въ мѣстныхъ только условіяхъ.

Спеціально—мѣстныя условія такихъ губерній какъ Херсонская, напр., и Пензенская, во многихъ отношеніяхъ (условія сбыта, характеръ землевладѣнія, составъ населенія, климатическія и почвенныя условія и т. д.) весьма различны, между тѣмъ какъ сельско-хозяйственый кризисъ одинаково чувствуется въ обѣихъ губерніяхъ: обѣ онѣ въ 1891 и 1892 гг. голодали и обѣ страдаютъ теперь отъ «обилія»... Губернскія

земскія собранія будутъ, поэтому, вынуждены или выйти изъ поставленныхъ имъ рамокъ, или ограничиться малозначущими сообщеніями...

Если правительсто «не можетъ оставаться въ своихъ мѣропріятіяхъ по земледѣлію на почвѣ теоретическихъ построеній, дававшихъ столь неудачное законодательство» (слова В. В. Калачова); если привлеченіе людей жизни и дѣла признано необходимымъ, то къ обществу, которое можетъ дать этихъ людей, нужно отнеститъ съ полнымъ и широкимъ довѣріемъ: только при этомъ условіи его содѣйствіе будетъ имѣть должное значеніе.

М. Т.

Новый пассажирскій тарифъ.

Съ 1-го декабря минувшаго года введенъ на желѣзныхъ дорогахъ новый пассажирскій тарифъ, значительно пониженный противъ прежняго преимущественно *для дальнихъ разстояній.* Настоятельная необходимость въ удешевленіи проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ давно сознавалась и обществомъ и правительствомъ. Если сравнить движеніе на нашихъ и иностранныхъ дорогахъ, то окажется, что въ то время, когда въ Великобританіи число пассажировъ превышаетъ 817 милліоновъ ежегодно, въ Германіи 915 мил., во Франціи 208 и въ Бельгіи 57 мил.,—на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ (за исключеніемъ Закаспійской и Финляндскихъ) среднее число пассажировъ въ годъ едва достигаетъ 40 милліоновъ (вмѣстѣ съ льготными, рабочими, военными чинами и арестантами).

Разница слишкомъ велика, чтобы ее можно было объяснить одною лишь слабою населенностью нашей страны; одна изъ главныхъ ея причинъ несомнѣнно кроется въ высокой платѣ, взимаемой за проѣздъ; несравненно болѣе высокой, если принять во вниманіе наши разстоянія, чѣмъ гдѣ либо на Западѣ. Тамъ средній проѣздъ пассажира равенъ 15—25 километрамъ, у насъ 100—200 верстамъ. При такой разницѣ разстояній, на которыхъ совершается переѣздъ, дѣйствовавшій до послѣдняго времени тарифъ въ 1,4575 коп. съ пассаж. и вер. (III кл.) вмѣстѣ съ государственнымъ сборомъ, для бѣдной части населенія—а эта часть равна по крайней мѣрѣ девяти десятымъ—былъ прямо таки не по силамъ, и многимъ, конечно, приходилось наблюдать изъ окна вагона отдѣльныхъ пѣшеходовъ, мужчинъ и женщинъ, съ котомками на плечахъ, а то и цѣлыя толпы сѣраго люда съ косами или другимъ орудіемъ промысла въ рукахъ, идущихъ пѣшкомъ вдоль полотна дороги. Удешевленный проѣздъ сбережетъ народу много силъ и рабочаго времени и несомнѣнно будетъ способствовать оживленію торговаго оборота: русскій торговецъ не любитъ заключать сдѣлки путемъ письменныхъ сношеній, ему необходимо лично повидаться съ своимъ покупателемъ или продавцемъ, а то и въ трактирѣ чайку съ нимъ напиться и по рукамъ похлопать. Но, признавая всю благодѣтельность новаго пас-

сажирскаго тарифа для тѣхъ, кого та или другая необходимость гонитъ черезъ тысячеверстныя пространства нашего необъятнаго отечества, нельзя не пожалѣть о томъ, что плата для разстояній до 160 верстъ по новому тарифу осталась прежняя, такъ что для огромнаго большинства населенія новый тарифъ не даетъ никакого облегченія. Если цѣль преобразованія тарифовъ—облегченіе трудящихся классовъ, а не предоставленіе льготъ свободнымъ отъ занятій туристамъ, то на это огромное большинство пассажировъ, указываемое желѣзнодорожной статистикой, надо было прежде всего обратить вниманіе, и ни желѣзныя дороги, ни матушка-казна не были-бы отъ этого въ убыткѣ. По введенному нынѣ тарифу крестьянка, отправляющаяся въ городъ съ молочными продуктами, яйцами или живностью, за 30—50 верстъ, или мелкій прасолъ, ѣдущій за покупками въ губернскій городъ за 150—200 верстъ, платятъ желѣзной дорогѣ вдвое или втрое дороже противъ того, сравнительно богатаго, обывателя, который, одного любопытства ради, соблазнившись дешевизной, поѣдетъ за 1,500 верстъ поглядѣть на Невскій проспектъ и другія столичныя диковинки. Это едва-ли справедливо, тѣмъ болѣе что подгородная крестьянка со своими продуктами или прасолъ, въ теченіе года, напримѣръ, заплатятъ дорогѣ за тѣ же полторы, а то и за цѣлыя три тысячи верстъ. Тарифный департаментъ допускаетъ возможность недобора по дорогамъ вслѣдствіе пониженія пассажирскаго тарифа въ 8 мил. рублей, но если такъ, то не правильнѣе ли было бы жертвовать казенными доходами въ цѣляхъ облегченія дѣйствительно нуждающихся и сберегать на любителяхъ постранствовать, чѣмъ поступать наоборотъ? Впрочемъ, опасенія уменьшенія доходности отъ удешевленія проѣзда мы не раздѣляемъ.

Новый тарифъ (дифференціальный), помимо указанной несправедливости, вызываетъ большія затрудненія при его осуществленіи. При дифференціальной системѣ тарифа, каждая станція обязана продавать билеты на всякую другую станцію, съ которою она находится въ прямомъ сообщеніи. Такихъ сообщеній съ билетами разной стоимости Московско-Курская ж. д. обязана теперь имѣть 56,000, а Либаво-Роменская ж. д., вмѣсто прежнихъ 200—300, даже 110,000!

Много станцій пришлось бы перестроить за невозможностью для нихъ вмѣстить требуемое количество образцовъ билетовъ. Во избѣжаніе этого пришлось прибѣгнуть къ крайне сложной системѣ разрѣзныхъ и поясныхъ билетовъ, которая имѣетъ въ свою очередь три важныхъ недостатка: 1) требуетъ увеличенія числа кассировъ *), 2) за отсутствіемъ талоновъ для промежуточныхъ (транзитныхъ) дорогъ ставитъ эти послѣднія въ полную зависимость при расчетахъ отъ дорогъ отправленія и 3) весьма затрудняетъ контроль.

Говорятъ критиковать легко, а создавать трудно... Но дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ всѣ трудности исполненія суть слѣдствіе ошибочности самой системы. Если-бы вмѣсто введенія дифференціальнаго тарифа просто была уменьшена прежняя поверстная ставка, положимъ, для третьяго класса на $^1/_2$ коп., а плата за проѣздъ во 2 и 1 классахъ опредѣлена была, какъ

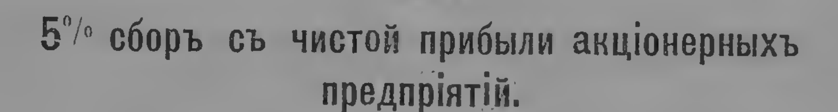
*) На бланковыхъ билетахъ, выдаваемыхъ на разстояніе дальше 300 верстъ, кассиръ обязанъ *два раза надписывать* всѣ дороги слѣдованія и станцію назначенія.

и по новому тарифу, въ извѣстномъ соотношеніи къ стоимости билета 3 класса, то такое измѣненіе не внесло-бы никакой сумятицы и доставило-бы несомнѣнное облегченіе *всѣмъ*, кому необходимо ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ. Эта мѣра была-бы безусловно справедлива, и если введенный въ дѣйствіе дифференціальный тарифъ увеличитъ, скажемъ, на 50% пассажирское движеніе по желѣзнымъ дорогамъ, то пониженіе поверстной ставки на 1/2 к. увеличило-бы его вдесятеро и сдѣлало-бы перевозку людей такою же прибыльною для желѣзныхъ дорогъ, какъ и товарныя перевозки.

Предлагаемая нами *) поверстная ставка въ 3/4 коп. съ версты установлена для поѣздовъ IV класса (съ дальнѣйшимъ пониженіемъ по поясамъ на разстояніяхъ свыше 920 верстъ), но воспользоваться дешевымъ проѣздомъ по IV классу далеко не для всякаго бѣдняка возможно, такъ какъ тарифъ этотъ «примѣняется при перевозкахъ какъ въ прямомъ, такъ и въ мѣстномъ сообщеніи между двумя дальними станціями партіями не менѣе сорока человѣкъ, или при условіи уплаты за разстоянія между этими станціями не менѣе чѣмъ за 40 человѣкъ». Такимъ образомъ безземельному бобылю или подростку-дѣвушкѣ, голодающимъ въ какой-нибудь деревнѣ, желающимъ отыскать работу на сторонѣ, въ городѣ, чтобы воспользоваться дешевымъ по желѣзной дорогѣ проѣздомъ, надо подговорить сопутствовать имъ чуть-ли не всю деревню; а такъ какъ это невозможно, то имъ попрежнему придется брести сотни верстъ вдоль линіи ж. д. пѣшкомъ, а изъ дешеваго тарифа 4 класса будутъ извлекать себѣ выгоду желѣзнодорожные и другіе подрядчики при перевозкѣ законтрактованныхъ ими рабочихъ.

Но какъ-бы то ни было, первый, хотя и не совсѣмъ вѣрный шагъ въ дѣлѣ удешевленія проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ сдѣланъ, будемъ надѣяться, что опытъ и чувство справедливости заставятъ въ недалекомъ будущемъ сдѣлать дальнѣйшіе шаги въ указанномъ нами единственно вѣрномъ направленіи.

* * *

5% сборъ съ чистой прибыли акціонерныхъ предпріятій.

Законъ о пяти-процентномъ сборѣ вызываетъ въ жизни не мало недоразумѣній. Многочисленныя жалобы на постановленія губернскихъ податныхъ присутствій поступаютъ на разсмотрѣніе министра финансовъ, а затѣмъ и въ сенатъ. Образовалась, словомъ, своего рода волокита, весьма тягостная для промышленнаго люда. Особенныя затрудненія вызываетъ вопросъ о способѣ вычисленія чистой прибыли, подлежащей сбору. Любопытныя въ этомъ отношеніи данныя сообщены были г. Морокинымъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». (№ 261 м. г.).

«Кому не понятно, спрашиваетъ г. Морокинъ, выраженіе *чистый барышъ, чистая прибыль?* Кому не понятно требованіе закона, что *дополнительный % сборъ въ*

*) Для 3-го класса.

размѣрѣ 5% взимается съ чистой прибыли за истекшій операціонный годъ? Всякій скажетъ, что производитель обязанъ нынѣ дѣлиться съ казной своими барышами—себѣ брать 95%, а казнѣ отдавать 5%...

«Но въ дѣйствительности при опредѣленіи чистаго барыша бываютъ недоразумѣнія, которыя проистекаютъ отъ неясности, неполноты и сбивчивости дѣйствующихъ на сей предметъ правилъ, и которыя можно назвать невѣроятными. Напримѣръ, правленіе нѣкотораго предпріятія составило отчетъ за истекшій операціонный годъ и предложило его къ утвержденію общему собранію пайщиковъ. Разсмотрѣвъ отчетъ, собраніе убѣдилось, что правленіе исчислило чистый барышъ въ 100,000 руб. не вѣрно, ибо вексельный портфель, запасы товаровъ и матеріаловъ, въ виду извѣстныхъ предстоящихъ политическихъ или торговыхъ обстоятельствъ, оцѣнены слишкомъ высоко, и посему постановило измѣнить величину чистой прибыли (100,000 р.) такъ: 25,000 руб. оставить въ видѣ чистой прибыли для распредѣленія между пайщиками, 25,000 р.—на возможныя потери по векселямъ, 25,000 р.—на возможныя потери на товарахъ и 25,000 р. на возможныя убыли отъ порчи нѣкоторыхъ матеріаловъ. Кажется, ясно, что только 25,000 р. отдѣляются отъ предпріятія, что только эти 25,000 руб. подлежатъ 5% сбору. И правленіе предпріятія, на основаніи закона, вноситъ въ казначейство 1,250 руб., увѣдомляя о семъ податное присутствіе, съ препровожденіемъ отчета...

«Проходитъ годъ, другой, третій, истекаетъ четвертый,—и вотъ вдругъ является въ правленіе полицейскій чиновникъ съ повѣсткой податнаго присутствія объ уплатѣ числящейся на предпріятіи недоимки, въ размѣрѣ 3,750 руб., и пени за 3 года съ мѣсяцами, по 1% въ мѣсяцъ. Какъ, за что, на какомъ основаніи? Какъ вамъ угодно, говоритъ чиновникъ, если въ теченіе мѣсяца, считая отъ сего дня, недоимка не будетъ вами уплачена, я приступлю къ описи имущества для продажи его съ аукціоннаго торга. Справляетесь съ законами, со сроками и пр., и оказывается, что полицейскій правъ.

«Что-же дѣлать? Жаловаться министру?

«Прекрасно, но эта процедура займетъ не менѣе года, ибо жалоба подается чрезъ податное присутствіе, которое, установивъ сроки,—даже для губернатора семидневный,—не опредѣлило для самого себя никакихъ сроковъ и терминовъ.

Отвѣчаютъ-ли такіе порядки духу закона? Можно-ли признать ихъ желательными и на будущее время?

«Не прошло и мѣсяца послѣ упомянутаго требованія заплатить мнимую недоимку, какъ является въ правленіе тотъ-же чиновникъ съ требованіемъ новой недоимки. За что-же?

«Оказывается, что по отчетамъ за операціонный годъ, оконченный два и три года тому назадъ, процентный сборъ, уплаченный въ свое время условно, не отвѣчалъ требованію инструкціи, и, кромѣ того, чистый барышъ исчисленъ въ отчетахъ не вѣрно. И вотъ опять пени, и опять мѣсячный срокъ, опять арестъ и т. д. Справляетесь съ закономъ по изданію М. Н. Папкова. Въ ст. 420 сказано: «*Предпріятія отчеты коихъ не были опубликованы и представлены къ 1 іюля, вносятъ слѣдующій съ нихъ процентный сборъ къ указанному дню въ той суммѣ, какая причиталась съ нихъ за предшествовавшій годъ. Если, по повѣркѣ отчета, эта сумма окажется недостаточною, то немедленно дополняется правленіемъ*». Смотрите ваши взносы въ казначейство... оказывается все вѣрно; затѣмъ заглядываете въ инструкцію и, увы, 47 статья этой инструкціи совершенно измѣняетъ смыслъ закона: эта статья обязываетъ правленія дѣлать условные взносы уже *не по прошлогоднимъ отчетамъ, а съ суммы прибыли, исчисленной присутствіемъ по послѣднеутвержденному отчету.*

Отсюда слѣдуетъ, что если предпріятіе, имѣвъ въ нѣкоторый годъ 500 тыс. р. чистаго барыша, уплатило въ казну 25,000 руб. сбора, то и за послѣдующіе года, несмотря на то, что они давали въ результатѣ или убытки, или прибыль въ 10 разъ меньшую, обязано вносить условно по 25,000 руб. Гдѣ-же справедливость? И когда-же будетъ податнымъ присутствіемъ назначенъ срокъ для просмотра отчетовъ?

Справляетесь далѣе, почему податное присутствіе находитъ, что чистая прибыль за эти годы вычислена не вѣрно? «Оказывается, что податное присутствіе находитъ необходимымъ обложить 5% сборомъ такіе расходы правленія, какъ жертвованія на построеніе храма въ Боркахъ, пожертвованія въ пользу голодающихъ, отцамъ миссіонерамъ, голодающимъ чернорабочимъ, на церковь въ пользу инвалидовъ, на церковь на Сахалинѣ, на «Красный Крестъ», на дѣтскіе пріюты, на

борьбу противъ холеры, на чайныя и столовыя для бѣдныхъ, на хоругвь Преподобному Сергію, на устройство кладбища, на гробы для умершихъ бѣдныхъ, на пищу арестантамъ, священнослужителямъ за требы, и многое сему подобное...

«Вы въ недоумѣніи.

«Стало быть, отнынѣ правленія, въ ущербъ общественному дѣлу, когда къ нимъ обратятся съ призывомъ на добрыя дѣла, они должны отвѣчать: «весьма вамъ сочувствуемъ, но, вѣдь, у насъ инструкція... если вамъ угодно, то потрудитесь обратиться къ самимъ пайщикамъ, ихъ у насъ 43... вотъ ихъ адреса... но при этомъ примите къ свѣдѣнію что въ настоящее время въ городѣ только трое,—остальные въ разъѣздахъ—кто въ Крыму, кто на Кавказѣ, кто у себя въ имѣніяхъ, а человѣкъ пять за границей»...

«Какъ не пожелать, заканчиваетъ г. Морокинъ, чтобы благотворный духъ, проникшій въ область фабричной инспекціи, проникъ своимъ цѣлебнымъ вліяніемъ и въ область податныхъ присутствій».

Основная статья закона 15 января 1885 года *) гласитъ, что дополнительный % сборъ въ размѣрѣ 5% съ чистой прибыли за истекшій операціонный годъ взимается съ акціонерныхъ предпріятій, обязанныхъ по своимъ уставамъ или замѣняющимъ оные правиламъ публиковать отчеты о своихъ операціяхъ или представлять таковые на утвержденіе по принадлежности. Смыслъ этого постановленія ясенъ, и каждый промышленникъ понимаетъ его такъ, какъ указалъ г. Морокинъ въ упомянутой статьѣ, т. е. что чистая прибыль есть именно такая часть капитала, которая, переставъ быть органическою частью предпріятія, отъ него отдѣляется. *Недоразумѣнія же порождены, главнымъ образомъ, инструкціей, изданной въ разъясненіе закона.* Пояснимъ на примѣрахъ:

1) Предположимъ въ годичномъ отчетѣ завода въ статьѣ расходовъ, между прочимъ, значится: кормленіе проходившихъ переселенцевъ, служеніе молебна объ избавленіи отъ народнаго бѣдствія, погребеніе случайно умершаго на фабрикѣ нищаго, пріемъ сановника, вагонъ ржи голодающей деревнѣ и угощеніе почетнаго лица, посѣтившаго заводъ.—Какія изъ этихъ статей податное присутствіе, на основаніи инструкціи, освободитъ отъ обложенія % сборомъ и какія обложитъ? Если въ уставѣ даннаго предпріятія нѣтъ на этотъ счетъ спеціальныхъ указаній, то оно освободитъ на основаніи журнала особаго податнаго присутствія отъ 25 октября 1890 г. за № 1223 **) только пріемъ сановника и угощеніе почетнаго лица, а всѣ остальные расходы обложитъ 5% сборомъ.

2) Общество, затративъ 3/4 своего капитала на покупку земли, дренажированной, имѣющей нѣсколько плотинъ, колодцевъ, шоссированной по всѣмъ направленіямъ, поставило въ отчетъ сумму погашенія части стоимости этой земли; и это очень основательно и понятно, такъ какъ покупая ее, компанія платила деньги не только за самую почву, но и за то, что въ ней погребено, что на ней сооружено и что само собою разумѣется требуетъ ремонта. Податное же присутствіе сумму, истраченную на погашеніе, обложитъ 5% сборомъ, на основаніи журнала особаго

---

*) Всѣ выдержки взяты по послѣднему изданію «Положенія о сборѣ за право торговли и промысловъ». М. Н. Папковъ. Спб. 1893 г.

**) «Къ числу расходовъ по управленію относятся и произведенныя изъ валоваго дохода издержки по пріему почетныхъ лицъ, пріѣзжающихъ для осмотра фабрикъ и заводовъ».

податнаго присутствія отъ 20 февраля 1892 г. за № 1548 *). Напротивъ того, еслибъ этотъ участокъ былъ купленъ въ долгъ, то погашеніе можно бы было ставить въ расходъ, основываясь на журналѣ особаго податнаго присутствія отъ 16 декабря 1889 г. за № 998 **).

3) Многія фабричныя помѣщенія отапливаются желѣзными печами и денно, и нощно; эти печи и трубы, вслѣдствіе обилія влаги въ помѣщеніяхъ, не выстаиваютъ болѣе одной зимы. Не взирая на это, однакожъ, предприниматели не имѣютъ права выводить въ отчетъ погашеніе стоимости этихъ печей, превышающее 10% ихъ первоначальной стоимости, въ виду параграфа 54 инструкціи.

4) Можетъ ли предприниматель вывесть въ расходъ стоимость протестованныхъ векселей и вообще безнадежныхъ обязательствъ, какъ убытокъ? Податныя присутствія разрѣшаютъ этотъ вопросъ двояко: то они допускаютъ выводить такія обязательства въ убытокъ, то не допускаютъ, и караютъ предпринимателя въ этомъ случаѣ наложеніемъ пени, чему примѣровъ можно набрать множество. Объясняется же это тѣмъ, что особое податное присутствіе само имѣетъ по этому предмету два противорѣчащихъ другъ другу мнѣнія. Въ сборникѣ М. Н. Панкова, изданномъ съ разрѣшенія д-та торговли и мануфактуръ, рекомендованномъ этимъ д-томъ казеннымъ палатамъ, какъ полезное и удобное руководство «для всѣхъ учрежденій и лицъ, обязанныхъ имѣть наблюденіе за точнымъ исполненіемъ правилъ, установленныхъ для производства торговли и промысловъ»,—помѣщено извлеченіе изъ журнала особаго податнаго присутствія отъ 29 октября 1888 г. за №№ 746 и 747, въ которомъ опредѣленно сказано, что «отчисленія изъ прибыли на покрытіе ожидаемыхъ убытковъ по сомнительнымъ къ уплатѣ векселямъ и другимъ долговымъ обязательствамъ, не подлежатъ обложенію % сборомъ въ виду того, что основанное на извѣстныхъ данныхъ сомнѣніе въ поступленіи платежей по долговымъ обязательствамъ неизбѣжно уменьшаетъ нарицательную стоимость сихъ обязательствъ и потому разница между нарицательною и дѣйствительною цѣною обязательствъ составляетъ положительный убытокъ владѣльца обязательствъ. Притомъ въ случаѣ полученія впослѣдствіи какихъ либо суммъ въ уплату по означеннымъ обязательствамъ, суммы эти не могутъ остаться не показанными по отчетамъ предпріятія за тѣ года, въ теченіе коихъ онѣ поступятъ въ кассу и такимъ образомъ, войдя въ составъ чистой прибыли предпріятія, не избѣгнутъ обложенія ихъ дополнительнымъ % сборомъ».

Казалось бы, что послѣ такого толкованія никакого сомнѣнія быть не можетъ, при разрѣшеніи вопроса, какъ поступать съ сомнительными долгами, но на самомъ дѣлѣ это не такъ, ибо существуетъ другое, совершенно противоположное, толкованіе того же особаго податнаго присут-

---

*) «Отчисленія на погашеніе стоимости *земли* не исключаются изъ дохода предпріятія».

**) «На погашеніе стоимости дома, заложеннаго въ банкѣ, можетъ быть отчисляема опредѣленная въ п. г ст. 54 сумма (сверхъ платежей, вносимыхъ на погашеніе выданной подъ залогъ этого дома ссуды) только съ той стоимости дома, которая превышаетъ полученную ссуду».

ствія, хотя нигдѣ не опубликованное, и на основаніи его податныя присутствія пренебрегають толкованіемъ опубликованнымъ и рекомендованнымъ департаментомъ къ свѣдѣнію. Является произволъ; неизвѣстность сбиваетъ съ толку казенныя палаты и тяжело ложится на плательщиковъ, для которыхъ неопубликованныя толкованія едва ли могутъ считаться обязательными.

5) Правленіе общества, *имѣющаго право жертвовать* на благотворительныя учрежденія *изъ чистой прибыли*, безъ обложенія пожертвованій 5% сборомъ, допустило, по нечаянности, ошибку (бухгалтерскую), включивъ сумму пожертвованій въ число расходовъ, высчитываемыхъ изъ валоваго дохода. Податное присутствіе въ такомъ случаѣ не преминетъ обложить эту сумму 5% сборомъ и взыскать пеню, такъ какъ это не допускается § 55 п. в *) и журналомъ особаго податнаго присутствія отъ 21 сентября 1889 г. за № 929 **). Такимъ образомъ одно пожертвованіе на дѣло благотворительности, вычтенное изъ валоваго дохода, подлежитъ % сбору, а другое пожертвованіе на то же дѣло, но только вычтенное изъ чистаго дохода, такому сбору не подлежитъ. Было бы излишне приводить здѣсь всѣ противорѣчивыя и неясныя мѣста закона и инструкціи; достаточно и приведенныхъ примѣровъ, чтобы убѣдиться въ необходимости скорѣйшаго пересмотра въ законодательномъ порядкѣ постановленій о % сборѣ съ чистой прибыли. Прекращеніе существующихъ недоразумѣній облегчило бы правительственныя мѣста и удовлетворило бы весьма справедливыя требованія промышленниковъ.

К. Красновъ.

По поводу казенной продажи вина.

Съ начала нынѣшняго года въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи: Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской, введена, въ видѣ опыта, казенная продажа питій. Ходатайствуя предъ государственнымъ совѣтомъ о разрѣшеніи произвести этотъ опытъ, министерство финансовъ объяснило, что оно ставитъ себѣ цѣлью: 1) увеличить казенный доходъ съ вина; 2) устранить незаконное обираніе и спаиваніе народа частными кабатчиками; 3) ввести въ употребленіе вино лучше очищенное и безъ подмѣсей, а слѣдовательно и болѣе здоровое; 4) упразднить корчество, и 5) равномѣрнѣе распредѣлить выкурку вина между заводами съ увеличеніемъ числа мелкихъ, сельскохозяйственныхъ заводовъ.

---

*) «Изъ подлежащей обложенію чистой прибыли не исключаются отчисленія изъ чистой прибыли въ пользу общественныхъ учрежденій и разнаго рода кассъ, а равно и на дѣло благотворительности, если таковыя отчисленія не опредѣлены въ уставѣ общества или товарищества».

**) «Если означенныя въ п. *в* ст. 55 отчисленія, не опредѣленныя въ уставѣ предпріятія, произведены не изъ прибыли, а изъ валоваго дохода, то это обстоятельство не освобождаетъ подобныя отчисленія отъ обложенія % сборомъ.

«Нельзя не привѣтствовать», говорится въ заключеніи по этому дѣлу одного изъ правительственныхъ вѣдомствъ, «стремленія министерства финансовъ положить предѣлъ обиранію, спаиванію и отравленію народа частными виноторговцами, руководящимися въ своей дѣятельности исключительною заботою о возможно большей личной наживѣ. Намѣреніе Министерства Финансовъ достигнуть упомянутой благой цѣли посредствомъ казенной продажи вина въ существѣ своемъ также правильно. Начало полнаго правительственнаго невмѣшательства въ экономическія отношенія—пресловутое «Laissez faire, laisser passer»—осуждено жизнью и отвергается нынѣ политико-экономическою наукою. Къ чему приводитъ личный интересъ, который школою экономистовъ-фритредеровъ считался нѣкогда единственнымъ законнымъ регуляторомъ экономическихъ отношеній,—нагляднымъ свидѣтельствомъ служатъ тѣ вопіющія злоупотребленія, которыя съ особенною наглостію и силою проявляются въ области этихъ отношеній во времена общественныхъ бѣдствій—голода или войны, и которыя несомнѣнно, хотя въ менѣе рѣзкихъ проявленіяхъ, существуютъ постоянно. Государство не можетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ экономическихъ злоупотребленій, и къ ограниченію и устраненію тѣхъ изъ нихъ, которыя входятъ въ область правонарушеній, направлена учетная дѣятельность контрольныхъ его органовъ и карающая дѣятельность суда. Но существуютъ и такого рода экономическія отношенія, такіе способы эксплоатація однихъ слоевъ населенія другими, которые не составляютъ въ собственномъ смыслѣ злоупотребленія, такъ какъ совершаются безъ нарушенія дѣйствующихъ въ государствѣ постановленій, на законномъ, такъ сказать, основаніи, у всѣхъ на виду. А между тѣмъ въ нихъ кроется нерѣдко вопіющая несправедливость. Такова, напр., бываетъ въ иныхъ случаяхъ эксплоатація производителей и потребителей посредствующимъ между тѣми и другими классомъ торговцевъ, представляющимъ изъ себя цѣлую лѣстницу, отъ мелкаго скупщика и мелочника до крупнаго коммерсанта-коммисіонера иностранныхъ торговыхъ фирмъ. Открытая и совершенно законная дѣятельность этого рода посредниковъ можетъ быть иногда гибельнѣе для народнаго благосостоянія, нежели самыя злостныя правонарушенія, а между тѣмъ она не устранима однѣми запретительными мѣрами, противъ нея безсильны и судъ, и контроль. Словомъ, успѣшно бороться съ подрывающею силы страны неправдою чисто экономическихъ отношеній государство можетъ лишь путемъ положительныхъ экономическихъ мѣропріятій». Законъ о казенной продажѣ вина и представитъ собою попытку правительства выйти на этотъ путь положительной хозяйственно-экономической дѣятельности, и эта попытка заслуживаетъ полнаго общественнаго вниманія.

Существующія условія нашей торговли таковы, что люди недостаточные, пріобрѣтая какой нибудь товаръ, по необходимости, мелочными покупками (напр. чай щепотками на пятачки), переплачиваютъ за единицу худшаго сорта товара вдвое и втрое противъ того, что стоитъ въ продажѣ лучшій его сортъ при отпускѣ цѣлыми единицами мѣры и вѣса. Эти малозамѣтныя, при каждой отдѣльной мелочной покупкѣ, грошевыя и копѣечныя переплаты, повторяясь постоянно и на всемъ, дѣлаютъ убогое существованіе бѣдняковъ вдвое болѣе для нихъ

обременительнымъ и скуднымъ, нежели оно могло-бы и должно было-бы быть при тѣхъ-же самыхъ заработкахъ и достаткахъ, но при болѣе правильныхъ условіяхъ торговли. Правительство не можетъ, однако, предписать торговцамъ и услѣдить за тѣмъ, чтобы они продавали всѣ товары по мелочамъ въ той-же цѣнѣ, по какой продаютъ ихъ болѣе крупными, полными единицами мѣры и вѣса. Но правительство можетъ сдѣлать то, что сдѣлано нынѣ въ четырехъ губерніяхъ въ отношеніи продажи питей — взять тотъ или другой промыселъ или торговлю, хотя-бы и не монопольно, въ свои руки и повести ихъ такимъ образомъ, чтобы недостаточный покупщикъ могъ пріобрѣтать нужное для его обихода по той-же цѣнѣ, какъ и богатый. Будетъ-ли достигнута эта цѣль въ отношеніи вина и насколько возстановленные казенные кабаки и цѣловальники помогутъ отрезвленію народа, это покажетъ будущее, о которомъ теперь мы не станемъ пока гадать.

Во всякомъ случаѣ, удаченъ или не удаченъ будетъ опытъ съ виномъ, для положительной хозяйственно-экономической дѣятельности правительства у насъ въ Россіи—широкое поле. Къ казенной продажѣ вина можно относиться такъ или иначе. Но чему мы несравненно болѣе сочувствовали-бы, что представляется намъ положительно необходимымъ,—это сосредоточить отпускную хлѣбную торговлю въ рукахъ казны.

Общеизвѣстно, что крестьяне осенью вынуждены бываютъ продавать хлѣбъ по весьма низкой цѣнѣ и въ количествѣ, нерѣдко превышающемъ тотъ излишекъ, который можетъ остаться у нихъ сверхъ запаса, необходимаго для собственнаго продовольствія. Продажа эта дѣлается главнымъ образомъ съ цѣлью выручить деньги, необходимыя для взноса податей. Проданный такимъ образомъ хлѣбъ, пройдя цѣлую лѣстницу торговцевъ-коммисіонеровъ, отпускается, наконецъ, заграницу за цѣну, значительно выше той, по которой онъ проданъ его производителями. Съ другой стороны казна, покупая на содержаніе войска хлѣбъ не изъ первыхъ рукъ, также переплачиваетъ торговцамъ-посредникамъ и въ то же время теряетъ не мало за крестьянами на недоимкахъ. Взявъ отпускную хлѣбную торговлю въ свои руки, правительство могло-бы устранить при этомъ всѣхъ лишнихъ посредниковъ и взимать съ крестьянъ часть податей хлѣбомъ, беря его отъ нихъ въ цѣнѣ заграничнаго его отпуска за вычетомъ только стоимости взиманія и провоза. При такомъ порядкѣ хлѣбной торговли, весь тотъ излишекъ хлѣба, который теперь отнимается у населенія и недоѣдается имъ только для того, чтобы своею стоимостью вознаградить сомнительныя услуги множества посредниковъ: скупщиковъ, коммисіонеровъ и фальсификаторовъ, потреблялся-бы самимъ населеніемъ или употреблялся имъ на удовлетвореніе другихъ настоятельныхъ его нуждъ.

Альфа Вита.

Московское городское кредитное общество, въ его прошломъ, настоящемъ и будущемъ.

I.

Вступленіе.

Московское городское кредитное общество, въ которомъ заложена почти половина всѣхъ домовъ Москвы, облигаціи котораго ходятъ не только по всей Россіи, но даже и по всему свѣту наравнѣ съ государственными процентными бумагами, годовой оборотъ котораго въ послѣднее время достигъ колоссальной цифры 150 мил. рублей—не можетъ не интересовать всякаго, кому приходится, такъ или иначе, заниматься вопросами финансоваго и экономическаго свойства. Если же смотрѣть на это общество, какъ на одинъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей внутренней жизни первопрестольной столицы, если припомнить, что по образцу его и по всей остальной Россіи раскинулась сѣть такихъ же кредитныхъ обществъ—то интересъ къ его дѣламъ становится всеобщимъ.

Все это, а равно и разнорѣчивые слухи, предположенія, проекты и т. п., относящіеся до дѣлъ этого кредитнаго общества, начавшіе появляться особенно часто въ послѣднее время, побуждаютъ насъ сдѣлать сводъ всего, что писалось и говорилось по этому поводу въ послѣдніе годы.

Матеріала для такого свода вполнѣ достаточно у каждаго члена заемщика, у каждаго облигаціонера,—стоитъ только захотѣть разобраться и провѣрить отчеты правленія, журналы засѣданій соединеннаго присутствія, наблюдательнаго комитета и пр.

Я же, съ своей стороны, кромѣ того, предложу вниманію читателей, въ извлеченіяхъ, рядъ статей, напечатанныхъ мною въ «Русскомъ Обозрѣніи», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Торговлѣ и Промышленности», «Русской Жизни», и пр., а также и статьи такихъ извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, какъ гг. М. П. Щепкинъ, Епанешниковъ, Стрижевскій, Делекторскій, Красильниковъ, Подгорѣцкій и др.—дабы этимъ путемъ способствовать всякому желающему самостоятельно разобраться въ дѣлахъ нашего кредитнаго общества.

Прежде же всего, постараемся бросить общій взглядъ на дѣятельность этого общества за послѣдніе года и сравнить ее съ дѣятельностью другихъ, одноименныхъ и ему подобныхъ по уставамъ.

Чѣмъ ознаменовались прошедшіе года дѣятельности названнаго общества *)?

---

*) См. статью К. С. Красильникова, въ № 12 «Русскаго Обозрѣнія», 1893 г.

1) Оканчивались послѣдніе года цѣлымъ рядомъ общихъ собраній, на которыхъ было обнаружено такое множество всякихъ неправильностей, нарушеній устава и пр. со стороны правленія, что даже «подавляющее» большинство его сторонниковъ не могло доставить ему полной побѣды — состоялись нѣкоторыя постановленія очень непріятныя правленію: назначена коммиссія о недоимкахъ, предписано обратиться къ министру финансовъ за разъясненіемъ, правильно ли ведутся дѣла, отвергнута «горячая защита» сторонниками правленія казначея Анитова, министерство настаиваетъ на допущеніи представителя отъ думы и т. п.

2) Одинъ наблюдательный комитетъ, оказавшійся не столь «пріятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ» какъ прежніе, обнаружилъ крупную растрату въ кассѣ, учиненную казначеемъ Анитовымъ и настоялъ на преданіи его суду. При этомъ выяснилась характерная особенность: Анитовъ письменно заявилъ, что онъ производилъ растрату 27 лѣтъ подъ рядъ безпрепятственно, а правленіе, на обязанности котораго было ревизовать казначея, не только не опровергло этого заявленія, но даже взяло «бѣднаго» казначея подъ свою отеческую защиту, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, Анитовъ грозилъ дальнѣйшими разоблаченіями.

3) Нѣкоторые члены общества подали министру финансовъ подробную докладную записку, въ которой изложили неправильности и нарушенія устава, допускаемыя правленіемъ. *Записка подана 10 марта 1890 года,* и хотя на нее и не послѣдовало *до сего времени* отвѣта со стороны министра, но можно полагать, судя по ходу дѣлъ, что она не была оставлена безъ вниманія (ревизія г. Шванебаха).

4) На торгахъ за обществомъ, по причинѣ высокихъ оцѣнокъ и ссудъ, осталось *множество имуществъ*, которыя съ прежде оставшимися (въ томъ числѣ двумя *заводами:* Борисовскихъ и пивоваренным) составляютъ въ общемъ стоимость *свыше трехъ милліоновъ* рублей. Нѣкоторыя изъ этихъ имуществъ уже проданы *съ убытками для общества*, а нѣкоторыя, и притомъ большинство, и по сей часъ не находятъ покупателей. *Только по недобору доходовъ* по этимъ домамъ общество за одинъ годъ *понесло убытку до девяноста тысячъ* рублей.

5) Обнаружены неправильности по залогу дома Камзолкина, — и общество уже *понесло* по этому дѣлу 55 тысячъ убытку, но можно ожидать и новыхъ убытковъ при продажѣ.

6) Министерство финансовъ сдѣлало рядъ запросовъ о причинахъ допущенія нарушеній устава. Сначала правленіе пробовало избѣжать подробнаго разъясненія своихъ дѣлъ, но получивъ напоминаніе о не надлежащемъ отношеніи къ министру и подтвердительное предписаніе прислать требуемыя свѣдѣнія—вынуждено было послать хоть нѣкоторыя объясненія.

7) Разоблачена «тайна», строго хранимая правленіемъ, вопреки требованіямъ устава и, опубликованъ списокъ недоимщиковъ, изъ котораго выяснился невѣроятный фактъ, что по нѣкоторымъ имуществамъ *недоимки запускались до 16 сроковъ.* За всѣ года количество недоимокъ держалось *отъ 1½ до 2 милліоновъ* рублей, не смотря на всѣ усилія правленія понизить эту цифру неправильной выдачей дополнительныхъ ссудъ; при этомъ, въ числѣ хроническихъ и крупныхъ недоимщиковъ оказались директора правленія, наблюдательнаго комитета и служащіе въ правленіи.

8) Дума *единогласно* постановила воспользоваться своимъ правомъ по § 65 устава о назначеніи въ кредитное общество представителя для постояннаго надзора за его дѣлами, и въ мотивахъ къ этому рѣшенію указала на крайне опасное положеніе дѣлъ общества, грозящее убытками всему столичному населенію. Дѣло это уже рѣшено въ утвердительномъ смыслѣ, но правленіе *не допустило* своей властію этого уполномоченнаго.

9) Нѣкоторыми членами поданы «записки», съ изложеніемъ порядковъ кредитнаго общества прокурору судебной палаты и г. генералъ-губернатору.

10) Однажды наблюдательный комитетъ (подъ предсѣдательствомъ Н. П. Горбунова) *не утвердилъ* отчета *правленія*. Это былъ *первый случай за всѣ 27 лѣтъ* и хотя правленію, благодаря поддержкѣ большинства недоимщиковъ, и удалось добиться утвержденія своего отчета собраніемъ, вопреки мнѣнію наблюдательнаго комитета, но это было обжаловано въ установленномъ порядкѣ. Тѣ же «собранія» утверждаютъ выдачу наградъ служащимъ, за неимѣніемъ прибылей настоящихъ—«изъ *будущихъ* прибылей», отмѣняютъ постановленіе предыдущаго собранія объ избраніи коммиссіи для разслѣдованія вопроса о недоимкахъ и недоимщикамъ и т. п.

Таковы выплывшія наружу обстоятельства дѣла—а сколько «мелочей», въ родѣ принятія въ залогъ фабрикъ вопреки уставу, или нахожденія многихъ директоровъ, оцѣнщиковъ, архитекторовъ, «благотворительныхъ обществъ», вліятельныхъ лицъ и пр. въ числѣ хроническихъ недоимщиковъ! и т. д.

Но, самымъ непріятнымъ для правленія и его сторонниковъ является, конечно, правительственная ревизія г. Шванебаха и его заключеніе о дѣлахъ кредитнаго общества, — заключеніе, часть котораго проникла въ печать, несмотря на всевозможныя старанія правленія помѣшать этому.

Вотъ это заключеніе *):

На страницѣ 3-ей, присланнаго правленію свода замѣчаній г. Шванебаха, говорится: «... что на дѣлѣ не только запаснаго капитала у кредитнаго общества не существуетъ, но что оно и не располагаетъ погасительнымъ и процентнымъ фондомъ въ обязательномъ, по уставу, размѣрѣ. Указываемое неравновѣсіе въ средствахъ не имѣло до настоящаго времени послѣдствіемъ какихъ либо затрудненій въ платежахъ, потому что въ кассу общества, начиная съ 1-го сентября, поступаютъ срочные платежи исправныхъ заемщиковъ, предназначенные для оплаты мартовскихъ купоновъ. Эти платежи и составляютъ, вмѣстѣ съ наличными средствами, источникъ для оплаты по текущимъ обязательствамъ. Но понятно, что если разница въ суммѣ наличности и суммы, долженствующей быть въ готовности, будетъ увеличиваться въ такой же прогрессіи, какъ это замѣчается съ 1890 года по 1893 годъ, то затрудненія окажутся неизбѣжными.

Стр. 8, 9 и 10-я. «Неправильность оцѣнки имуществъ, оставшихся за обществомъ, не можетъ подлежать сомнѣнію,—я счелъ нужнымъ про-

*) Изъ газеты «Торговля и Промышленность», № 119, 1894 г.

смотрѣть подробно дѣла по всѣмъ этимъ имуществамъ, причемъ выяснился рядъ обстоятельствъ характерныхъ для дѣятельности и пріемовъ правленія. Первое—это то, что подъ всѣ имущества, перешедшія въ собственность общества, ссуды были выданы повторительно, большею частію въ краткіе промежутки времени.

«Второе характерное обстоятельство заключается въ томъ, что торги слѣдуютъ за послѣднею дополнительною ссудою черезъ короткіе относительно промежутки времени. Несостоятельность заемщиковъ выяснялась уже ко времени выдачи послѣдней ссуды, и при нѣкоторомъ лишь желаніи посмотрѣть на дѣло прямо, не затрогивая средствъ общества, правленіе должно было во всѣхъ указанныхъ 11 случаяхъ отклонить разрѣшеніе такихъ ссудъ *).

Стр. 16. «Не буду входить въ разборъ каждаго изъ указанныхъ 11 дѣлъ; ходъ ихъ однообразенъ; рядъ быстро слѣдующихъ одна за другой ссудъ, поспѣшныя оцѣнки, показанія заемщиковъ о доходахъ, явно основанныхъ на надеждахъ будущаго, накопленіе недоимокъ и погашеніе ихъ дополнительными ссудами и, въ заключеніе, безуспѣшные торги.

Стр. 26. «Не рѣдки случаи, какъ, напримѣръ, въ дѣлѣ по залогу дома Никифорова и недвижимости пивовареннаго общества, что правленіе само повышало оцѣнку оцѣночной коммиссіи, т.-е. увеличивало цифру стоимости, выведенную капитализаціей чистаго дохода. За симъ сопоставленіе соотвѣтствующихъ §§ устава не можетъ оставлять никакого сомнѣнія въ томъ, что правленіе кредитнаго общества должно раздѣлять, если уже не превышать, съ оцѣночной коммиссіей отвѣтственности за вредъ и ущербъ, причиненный обществу и постороннимъ лицамъ неправильными дѣйствіями по оцѣнкамъ»...

О результатахъ этой ревизіи, а равно и о послѣднихъ дѣйствіяхъ правленія,—при выборахъ уполномоченныхъ,—мы скажемъ впослѣдствіи, тѣмъ болѣе, что дѣйствія эти были таковы, что министерство нашло нужнымъ сдѣлать замѣчаніе о неправильности выборовъ и предстоятъ другіе.

Въ виду подобныхъ фактовъ получаетъ немалый интересъ доставленный намъ печатный документъ — заключеніе судебнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ, г. Петровскаго, по дѣлу о злоупотребленіяхъ бывшихъ въ *С.-Петербургскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ*.

Дѣло это, принесшее означенному обществу громадные убытки, едва не подорвавшее его окончательно и причинившее, кромѣ того, неисчислимый вредъ петербургскимъ домовладѣльцамъ, вредъ,—съ которымъ они и по сейчасъ не могутъ справиться,—многими позабыто, ибо — время все сглаживаетъ, все смягчаетъ. Но подобныя дѣла, какъ явленіе *общаго характера*, повторяющіяся чуть не стереотипно почти при каждомъ крахѣ подобныхъ учрежденій, не должны забываться. Ихъ надо помнить, съ ними надо сравнивать текущую дѣятельность однородныхъ учрежденій, дабы зорко слѣдить, не обнаруживаются ли, въ тотъ или иной моментъ,

*) Въ подлинномъ перечисляются эти 11 случаевъ.

зловѣщіе признаки, указывающіе, что долѣе медлить нельзя, что всякое промедленіе неминуемо повлечетъ за собой тѣ же послѣдствія, что и въ бывшемъ примѣрѣ.

Caveant consules! Болѣзнь надо *предупреждать* тотчасъ же, когда начнутъ обнаруживаться болѣзненные симптомы, и это главная задача врача. Въ дѣлахъ же и у дѣльцовъ извѣстной категоріи выработаны извѣстные шаблонные пріемы, коими они пользуются для своихъ цѣлей, и единственная возможность борьбы съ этими дѣльцами — всестороннее знакомство съ ихъ пріемами и всестороннее ихъ раскрытіе.

Чтобы достигнуть послѣдней цѣли и надо обратить пристальное вниманіе на указанный документъ, — пусть каждый сравнитъ извѣстныя ему явленія изъ дѣятельности того или иного однороднаго учрежденія и посмотритъ, нѣтъ ли въ послѣднемъ чего либо сходнаго съ дѣятельностію перваго, и чѣмъ больше окажется сходства, тѣмъ необходимѣе принять мѣры предосторожности, пока не поздно.

Вотъ что, между прочимъ, значится въ заключеніи слѣдователя, г. Петровскаго:

«Данныя, собранныя ревизіей дѣлъ (Петербургскаго) кредитнаго общества дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Палтовымъ, и въ докладѣ наблюдательнаго комитета, что касается до залоговъ Тулякова, Крюгера, по всѣмъ имуществамъ Климова, Базилевской и Броневскаго, подтверждены осмотромъ дѣлъ, произведеннымъ на слѣдствіи, а въ показаніи допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи лицъ заключается не мало указаній, уясняющихъ характеръ нарушенія устава при выдачѣ ссудъ и исторію возбужденія настоящаго дѣла. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, дѣятельность кредитнаго общества представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Почти въ первые же годы своего существованія общество стало принимать въ залогъ строенія, неоконченныя каменною кладкой, и притомъ по высокой оцѣнкѣ, чѣмъ вызвало въ 1870 году строительную горячку. Постройка значительнаго числа домовъ въ этотъ періодъ времени повліяла на уменьшеніе доходности существовавшихъ до того домовъ, а слѣдовательно, и на уменьшеніе ихъ цѣнности.

Съ каждымъ годомъ стало увеличиваться и количество недоимокъ на заложенныхъ въ обществѣ имуществахъ, но, несмотря на это, соединеннымъ присутствіемъ въ 1874 и 1881 годахъ *были утверждены новыя разцѣночныя вѣдомости на земли и матеріалы* *), которыми должны были руководствоваться архитекторы при оцѣнкѣ залоговъ, и которыми вводились новыя, *болѣе высокія* противу прежнихъ, цѣны, поддерживавшія сначала строительную горячку, а затѣмъ, дававшія неисправнымъ должникамъ возможность *покрывать недоимки перезалогами имущества по новымъ, болѣе возвышеннымъ цѣнамъ*.

Разительнымъ примѣромъ несвоевременнаго введенія въ разцѣночныя вѣдомости новыхъ возвышенныхъ цѣнъ можетъ служить послѣдняя

---

*) Въ Москвѣ замѣчается то же и, въ послѣднее время, къ этого рода «операціямъ» прибѣгаютъ особенно часто. *Авт.*

вѣдомость, утвержденная въ 1881 году, въ то самое время, *когда слишкомъ по полутора тысячамъ залоговъ (болѣе 1/8 всѣхъ залоговъ) числились недоимки.* Утвержденіе при такихъ условіяхъ болѣе высокихъ цѣнъ явно указываетъ на желаніе администраціи общества скрыть крайне неблагопріятное положеніе дѣлъ общества и въ тоже время дать возможность заемщикамъ *покрыть числившіяся на ихъ имуществѣ недоимки путемъ перезалога по новой высокой оцѣнкѣ.*

Такой выводъ оправдывается и тѣмъ, что при разсмотрѣніи послѣдней разцѣночной вѣдомости наблюдательнымъ комитетомъ въ 1881 году, одинъ изъ членовъ комитета обращалъ вниманіе на опасность, которая можетъ грозить обществу отъ утвержденія ея.

Кромѣ общаго нарушенія устава, практиковавшагося въ дѣятельности общества по выдачѣ ссудъ и повлекшаго за собой убытки для общества, выражающіеся въ настоящее время въ милліонахъ рублей, для выдачъ болѣе возвышенныхъ ссудъ нѣкоторымъ заемщикамъ, *лица служащія въ администраціи общества допускали при матеріальныхъ и доходныхъ оцѣнкахъ имуществъ явныя злоупотребленія и прямыя нарушенія разъясненныхъ инструкціей §§ устава общества*, которые опредѣляютъ порядокъ производства такихъ оцѣнокъ. Такъ, для возвышенія доходности, увеличивалось количество квадратнаго содержанія жилыхъ помѣщеній противъ дѣйствительнаго и, такимъ образомъ, исчислялся ложный доходъ; или при матеріальной оцѣнкѣ имущества увеличивалась толщина стѣнъ, сводовъ противъ дѣйствительной, или брались въ оцѣнку одни и тѣ же предметы по два раза и т. п. Подобнаго рода нарушенія совершались при выдачѣ ссудъ лицамъ, *умѣвшимъ и успѣвшимъ войти въ соглашеніе съ тѣми изъ служащихъ въ обществѣ*, отъ коихъ зависѣла выдача ссуды въ тѣхъ или другихъ размѣрахъ, или же увеличенныя ссуды, хотя бы и при отсутствіи указанныхъ нарушеній, *выдавались лицамъ, принадлежавшимъ къ администраціи общества или близкимъ ихъ.*

Указывая на существованіе соглашеній между заемщиками и лицами, служащими въ обществѣ, свидѣтели говорятъ, что члены оцѣночной коммиссіи преимущественно, какъ они слышали отъ заемщиковъ, *получали денежныя благодарности за увеличеніе размѣра ссуды*, не довольствуясь процентнымъ вознагражденіемъ по уставу, которое достигало до 14,000 руб. въ годъ на каждаго оцѣнщика.

Одинъ же изъ свидѣтелей, объяснилъ, что, когда ему, при оцѣнкѣ его имущества, одинъ изъ членовъ оцѣночной коммиссіи или кто-то изъ архитекторовъ, объявилъ, что онъ можетъ получить подъ залогъ своего имущества только двѣ съ половиной тысячи рублей, тогда какъ ему нужно было три тысячи рублей, то онъ попросилъ члена о назначеніи ему въ ссуду 3,000 рублей, обѣщая за это поблагодарить, и когда была назначена ссуда въ этомъ размѣрѣ, далъ въ благодарность пятьдесятъ рублей. Говоря о полученіи членами оцѣночной коммиссіи съ заемщиковъ денежныхъ платежей за увеличеніе размѣра ссуды, нѣкоторые изъ свидѣтелей говорятъ, что оцѣнщики имѣли возможность проводить въ правленіи выдачи ссудъ въ желательномъ размѣрѣ, пользуясь тамъ большимъ вліяніемъ и значеніемъ.

Вліяніе это основано на томъ, что оцѣнщики, соприкасаясь ближе другихъ должностныхъ лицъ общества съ членами-заемщиками, находившимися отъ нихъ въ зависимости при выдачѣ ссудъ и перезалогахъ, долгое время *держали въ своихъ рукахъ выборы* въ общихъ собраніяхъ разныхъ должностныхъ лицъ, набирая контингентъ членовъ, составлявшихъ въ общемъ собраніи большинство и дѣйствовавшихъ въ интересахъ оцѣнщиковъ или извѣстной сплотившейся съ послѣдними партіи. Такимъ образомъ, въ теченіе продолжительнаго времени въ должностныя лица общества выбирались въ общемъ собраніи только сторонники извѣстной партіи, ядро которыхъ составляли нѣкоторые изъ оцѣнщиковъ и испытанные уже этою партіей.

Самое огромное вліяніе при этомъ на выборы и на подборъ необходимаго контингента голосовъ въ общихъ собраніяхъ имѣлъ оцѣнщикъ Вельяшевъ, умершій въ 1883 году. Это вліяніе характеризуется показаніемъ свидѣтеля Веретенникова, *который высказалъ, что еслибы Вельяшевъ не умеръ, то не случилось бы и того переворота*, который произвело общее собраніе членовъ 8 января 1885 года, а, слѣдовательно, не было бы возбуждено и настоящее слѣдствіе.

Въ частности, оцѣнщики пользовались, слѣдовательно, средствами для подбора необходимаго въ интересахъ извѣстной партіи большинства членовъ на общемъ собраніи; до 1880 года допускалось *появленіе на общемъ собраніи лицъ постороннихъ съ довѣренностями членовъ-заемщиковъ; такія довѣренности набирались въ большомъ количествѣ оцѣнщиками у членовъ общества*, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ не являлись лично въ общемъ собраніи, и раздавались лицамъ, которыя поддерживали интересы партіи въ собраніи и составляли вмѣстѣ съ другими большинство.

Съ уничтоженіемъ этого порядка, въ силу котораго въ общемъ собраніи появлялись иногда лица съ довѣренностями даже умершихъ уже членовъ общества, передъ выборами стали печатать карточки съ фамиліями лицъ, предлагаемыхъ партіей на ту или другую должность, и разсылать или раздавать ихъ надежнымъ членамъ общества, съ просьбой поддержать упомянутыхъ лицъ при выборахъ.

Кромѣ того, по окраинамъ города подбирали голоса изъ мелкихъ членовъ заемщиковъ угощеніями въ трактирѣ, а иногда и просто платили такимъ членамъ рубля по три за то, что они являлись въ собраніе и дѣйствовали въ интересахъ партіи.

Такой порядокъ подбора членовъ въ общія собранія извѣстною партіей послужилъ, съ одной стороны, къ тому, что *всѣ вопросы въ общихъ собраніяхъ разрѣшались въ интересахъ партіи, и голоса противниковъ этой партіи, раздававшіеся въ собраніяхъ, иногда заглушались просто крикомъ большинства, а съ другой—поддерживалъ въ теченіе многихъ лѣтъ несмѣняемость директоровъ правленія и большинства оцѣнщиковъ и членовъ наблюдательнаго комитета.* Такъ, изъ списка должностныхъ лицъ общества за время съ 1871 года по январь 1885 года видно, что изъ 8 членовъ оцѣночной коммиссіи пятеро (Вельяшевъ, Владыкинъ, Монтандръ, Нарановичъ и Циглеръ) оставались съ 1871 года болѣе 10 лѣтъ несмѣняемыми; изъ директоровъ правленія оставались съ 1871 года Ку-

щиииковъ до устраненія по постановленію общаго собранія (1885 года), Григорьевъ по 1884 годъ, Глазуновъ по 1881 годъ и Крюгеръ по 1870 годъ.

Обращаясь за симъ къ вопросу объ отношеніи правленія и наблюдательнаго комитета къ операціи по выдачѣ ссудъ, оказывается слѣдующее: правленіе, при выдачѣ ссудъ, всегда почти принимало оцѣнку, произведенную оцѣночной коммиссіей, и выдавало соразмѣрную съ нею ссуду безъ провѣрки оцѣнки имущества и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ нѣсколько уменьшало оцѣнку. *Наблюдательный комитетъ вмѣстѣ съ правленіемъ въ ежегодныхъ отчетахъ своихъ представляли о хорошемъ состояніи дѣлъ общества, даже и тогда, когда начали оказываться послѣдствія возвышенныхъ оцѣнокъ имуществъ на торгахъ, оказавшихся неустойными.* Такое единодушіе въ дѣйствіяхъ большинства лицъ, служившихъ въ администраціи общества, наглядно проявлялось въ отношеніяхъ ихъ къ тѣмъ изъ заемщиковъ, которые дѣлали попытки къ провѣркѣ дѣйствій ихъ и заявляли въ общихъ собраніяхъ о существующихъ въ обществѣ злоупотребленіяхъ».

Какова картина!

Но не происходитъ ли нѣчто подобное теперь въ Москвѣ, и не придется ли московскимъ домовладѣльцамъ также пострадать, какъ пострадали петербургскіе?

Судя по даннымъ, добытымъ на собраніи 30 ноября 1893 года, московскому городскому кредитному обществу до этого не далеко!

Не смотря на то, что дѣла общества очень пошатнулись, не смотря на то, что весь его запасный капиталъ неминуемо долженъ будетъ пойти на погашеніе убытковъ по оставшимся за обществомъ, неправильно оцѣненнымъ имуществамъ, не смотря на то, что *только* одни *расходы, произведенные по имуществамъ, оставшимся въ вѣдѣніи общества* (безъ ликвидаціи ихъ) составляютъ сумму 94,067 р. 57 к. (см. 24 стр. отчета правленія) — въ этомъ году *увеличено* содержаніе директорамъ, исходатайствована у незаконно составленнаго собранія «награда» служащимъ и даже «особыя» награды служащимъ, прослужившимъ извѣстное число лѣтъ.

Здѣсь же окончательно обнаружился и «способъ», по которому правленіе добивается *всегда* нужныхъ ему рѣшеній отъ собранія. Мною подано письменное заявленіе, что мнѣ стало извѣстно, что служащіе правленія, задолго до собранія, ходятъ по неисправнымъ и зависящимъ отъ правленія членамъ общества (а такихъ, благодаря разнымъ нарушеніямъ устава, очень много) съ *бланками довѣренностей.* На этихъ бланкахъ члены подписываютъ *только свою фамилію*, не зная кому предназначается таковая «довѣренность». Бланки приносятъ въ правленіе и тамъ «расписываются» между служащими и близкими правленію лицами, чѣмъ и обезпечивается всегда ему большинство. При этомъ одинъ изъ такихъ «сборщиковъ» довѣренностей, самъ уполномочилъ меня заявить, что онъ готовъ даже передъ судомъ подтвердить, *что каждый* изъ *сборщиковъ*, и онъ въ томъ числѣ, носитъ *не менѣе ста* бланковъ! Теперь, если припомнить, что на собраніяхъ никогда не бываетъ болѣе 700 — 750 членовъ — станетъ вполнѣ понятно *подавляющее большинство*, которое всегда стоитъ за правленіе.

Quousque tandem, *Creditca*, abutere patientia nostra!..

Въ заключеніе настоящей главы считаю самымъ подходящимъ привести дословно прекрасную статью одного извѣстнаго и уважаемаго въ Москвѣ финансоваго дѣятеля, подписавшагося просто «членъ-заемщикъ»,— появившуюся въ «Новомъ Времени» 17-го іюня 1894 года.

«На послѣднемъ апрѣльскомъ общемъ собраніи московскаго городского кредитнаго общества было предъявлено къ свѣдѣнію членовъ состояніе счетовъ къ 1-му марта сего года.

Сколько намъ извѣстно изъ напечатанныхъ отчетовъ объ упомянутомъ засѣданіи, оно почти не имѣло никакого практическаго результата, такъ какъ тѣ немногія замѣчанія, которыя были сдѣланы по поводу состоянія счетовъ, оставлены, кажется, безъ всякихъ послѣдствій.

Дѣла общества, видимо, продолжаютъ ухудшаться, и если владѣльцы облигацій могутъ вполнѣ спокойно пользоваться приносимыми этою бумагою доходами, такъ какъ ихъ интересы охраняются круговою порукою членовъ-заемщиковъ, то, съ другой стороны, положеніе сихъ послѣднихъ не можетъ считаться, при данныхъ обстоятельствахъ, вполнѣ благопріятнымъ.

Пояснимъ сказанное цифрами, взятыми нами изъ предъявленнаго баланса, но притомъ мы должны представить слѣдующую оговорку: 1) при размѣщеніи статей баланса мы опустили цифры, входящія въ него по статьямъ незаконченнымъ, такъ какъ появленіе его по истеченіи перваго полугодія не даетъ возможности сдѣлать заключительныхъ выводовъ по текущимъ доходамъ и расходамъ; 2) мы обошли статьи, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ операціямъ общества, какъ, напримѣръ, обороты по пенсіонной кассѣ, и 3) не помѣстили статей по переходнымъ суммамъ.

И, такимъ образомъ, составилась въ слѣдующей формѣ выдержка изъ баланса московскаго городского кредитнаго общества на 1-е марта 1894 г. Sauf erreur et omission!

	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
I. Облигацій находится въ обращеніи.			126.603,400	—
Обезпечиваются:				
1) долгами по ссудамъ	128.886,935	29		
2) имуществами въ вѣдѣніи общества	2.695,858	32		
3) срочными платежами на 1-е марта платежами по ссудамъ.	20,606	39		
			126.603,440	—
II. Облигаціи, вышедшія въ тиражъ .	4.222,500	—		
III. Проценты, отчисленные по купонамъ.	3.202,690	—		
IV. Проценты по ссуд. на срокъ 1 сентября 1894 г.	3.165,085	—		
			10.590,275	—

Обезпечиваются:

1) платежами по ссудамъ на 1 марта въ остальной суммѣ .	5.138,017 87	
2) текущими счетами въ банкахъ, вкладами, % бумагами и наличными деньгами въ соотвѣтствующей суммѣ . .	2.985,620 65	
		8.123,638 52
3) срочными платежами по имуществамъ, находящимся въ вѣдѣніи общества	99,574 75	
4) просроченными платежами по тѣмъ же имуществамъ .	501,798 33	
5) расходами по тѣмъ же имуществамъ	127,582 08	
6) суммами съ недоимщиковъ .	1.737,681 32	
		2.466,636 48
		10.590,476 —
V. Запасный капиталъ		1.126,040 34
Обезпечивается:		
1) % бумагами и наличными деньгами	1.004,592 78	
2) недвижимою собственностію.	121,447 56	
		1.126,040 34

Вышеприведенныя цифры даютъ возможность вывести слѣдующее заключеніе о сути всего баланса:

а) Въ общей суммѣ выпущенныхъ въ обращеніе облигацій, всего на 126 милліоновъ, находится, въ видѣ соотвѣтствующаго обезпеченія, недвижимая собственность на 2.700 т. руб., перешедшая вслѣдствіе неудавшихся торговъ въ вѣдѣніе общества. Такого рода вѣдѣніе и притомъ за счетъ выпущенныхъ облигацій не можетъ, конечно, считаться согласнымъ съ уставомъ.

б) Статьи, непоказанныя въ видѣ обезпеченія тиражныхъ облигацій и купоновъ, въ общемъ не поддаются точному выясненію, въ особенности же въ той части, гдѣ фигурируютъ просроченные платежи по имуществамъ, а между тѣмъ сумма таковыхъ обезпеченій доходитъ до $2\frac{1}{2}$ милліоновъ, что равняется въ круглой цифрѣ 23% всего тиражнаго и купоннаго портфеля.

в) Запасный капиталъ представляетъ собой исключительную статью въ томъ смыслѣ, что имѣетъ вполнѣ реальный характеръ, но зато капиталу этому, въ виду ненадежности вышеуказанныхъ статей, придется, вѣроятно, выручать общество, какъ то бывало и въ прежнее время, отъ неминуемыхъ потерь, хотя суммы онаго по отношенію къ помѣченнымъ

нами статьямъ, составляющимъ своего рода «гнилые долги», пожалуй и не будетъ достаточно на покрытіе, такъ что § 22 устава (о круговой отвѣтственности) уже стоитъ предъ нами въ настоящее время въ угрожающей позѣ».

Эта статья, полная неопровержимыхъ данныхъ, ясно рисующая положеніе нашихъ общественныхъ дѣлъ, получаетъ особенное значеніе, если сопоставить ее съ приведенными «заключеніями»—г. Шванебаха—о дѣлахъ Московскаго кредитнаго общества и г. Петровскаго—о дѣлахъ прежде бывшихъ въ Петербургскомъ кредитномъ обществѣ.

Помѣщая эту статью, редакція «Новаго Времени» сочла нужнымъ предпослать ей слѣдующую *редакціонную* замѣтку, которую мы тоже приведемъ здѣсь какъ мнѣніе распространенной и освѣдомленной газеты.

«Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, говорится въ «Новомъ Времени», дѣла велись правленіемъ такъ халатно, что, наконецъ, явилась необходимость подвергнуть ихъ правительственной ревизіи. Изъ баланса, появившагося вслѣдъ за ревизіей, видно, что «въ вѣдѣніи» общества состоитъ домовъ почти на 2.700,000 руб. и кромѣ того, за этими же домами числится срочныхъ и просроченныхъ платежей и произведено по нимъ расходовъ (на ремонтъ домовъ?) всего на 728,000 руб. Итого не проданные съ торговъ дома обошлись кредитному обществу въ 3.425,000 руб. Кромѣ того, недоимщики должны обществу безъ малаго 1³/₄ милліоновъ рублей. Предположимъ, что общество получитъ всѣ недоимки сполна, безъ потерь даже на тѣхъ домахъ, которые впослѣдствіи поступятъ въ продажу съ публичнаго торга. Но затѣмъ важно было бы привести въ извѣстность, сколько можетъ выручить Московское кредитное общество за дома, оставшіеся въ его «вѣдѣніи», говоря проще, лежащіе на немъ тяжелымъ камнемъ? Можно ли выручить хоть 2 милліона, можно ли выручить больше или меньше? Слѣдовало бы поспѣшить ликвидаціей этихъ имуществъ, назначить опредѣленный срокъ, напр. три полугодія, въ теченіе которыхъ всѣ оставшіеся за обществомъ дома имѣютъ быть проданы съ торговъ по вольной цѣнѣ. Насколько выручка за дома будетъ меньше числящагося на нихъ долга, настолько же должно быть погашено облигацій, выпущенныхъ въ обращеніе, и хотя бы Московскому кредитному обществу пришлось затратить почти весь свой запасный капиталъ на погашеніе облигацій, оно тѣмъ только упрочитъ свое положеніе и курсъ своихъ облигацій, ибо какая польза въ томъ, что размѣръ запаснаго капитала извѣстенъ до послѣдней копѣйки, а размѣръ вѣроятныхъ убытковъ остается въ туманѣ неизвѣстности? Безъ сомнѣнія, прежде всего, и притомъ безъ всякихъ проволочекъ слѣдовало бы преобразовать управленіе дѣлами Московскаго кредитнаго общества на новыхъ основаніяхъ, утвержденныхъ законодательною властью въ прошломъ (1893) году. Новое управленіе, при содѣйствіи комитета отъ владѣльцевъ облигацій, надѣемся, заведетъ въ городскомъ кредитномъ обществѣ въ Москвѣ порядки не хуже тѣхъ, какіе съ полнымъ успѣхомъ примѣнены въ Петербургскомъ обществѣ. Наше городское кредитное общество, ликвидировавшее убытковъ прежняго времени на нѣсколько милліоновъ рублей, нимало отъ такой ликвидаціи не пострадало, напротивъ, возвратило себѣ полное довѣріе членовъ-заемщиковъ и владѣльцевъ облигацій. Въ Петербургѣ былъ сдѣ-

ланъ первый шагъ, а первый шагъ всегда труденъ; Москва уже пойдетъ по проторенной дорогѣ и, какъ показалъ опытъ, по дорогѣ вѣрной. Неужели въ сотый разъ надо доказывать банальную истину, что въ денежныхъ дѣлахъ ясность и опредѣленность даннаго положенія, если даже оно не особенно отрадно, прямо-таки выгодны общественному учрежденію, тогда какъ туманъ выгоденъ одной только нездоровой спекуляціи и, быть можетъ, также членамъ правленія московскаго кредитнаго общества, запутавшимъ дѣла общества. Нашъ корреспондентъ, членъ-заемщикъ, опасаясь отвѣтственности въ будущемъ въ силу круговой поруки, говоритъ, что «дѣла общества, видимо, продолжаютъ ухудшаться». Московскимъ домовладѣльцамъ слѣдовало бы повнимательнѣе заняться дѣлами своего кредитнаго общества».

Такимъ образомъ и «Новое Время» подтверждаетъ нашу мысль — надо сравнивать дѣятельность петербургскаго кредитнаго общества въ его *до-краховый* періодъ, съ таковой же московскаго, *въ настоящее время* и черпать изъ исторіи перваго указанія для втораго: что ему надлежитъ дѣлать и какъ быть.

В. Н. Семенковичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ДѢЛО ВЪ РОССІИ.

Подъ этимъ заглавіемъ въ «Русской Бесѣдѣ» открывается особый отдѣлъ, посвященный интересамъ сельской экономіи.

Вопросы этой области въ недавнее время пріобрѣли такую важность среди другихъ заботъ государственнаго домостроительства, сельскохозяйственное дѣло сосредоточиваетъ на себѣ столь напряженное вниманіе всего общества, переживаемый отечественнымъ земледѣліемъ кризисъ представляется такою жгучею злобою дня, что стать въ сторонѣ отъ этой области, обойти вопросы, какъ бы носящіе, по существу, узко-спеціальный характеръ, не представляется никакой возможности и для изданія не спеціальнаго, разъ что оно желаетъ идти въ ногу съ задачами времени, его неотложными нуждами.

Размышляя о той *практической* пользѣ, которую посильно могла бы принести «Русская Бесѣда» въ указанной области, мы пришли къ сознанію невозможности прибавить что-нибудь отъ себя къ тому діагнозу, который уже многократно былъ поставленъ мастерами дѣла по отношенію къ нашимъ агрономическимъ недугамъ.

Признаемъ ли мы вмѣстѣ съ нѣкоторыми, что причина нашихъ сельскохозяйственныхъ невзгодъ обусловливается общимъ направленіемъ нашей финансовой политики послѣднихъ лѣтъ, когда на ряду съ случайными ошибками, какъ напримѣръ, явно несостоятельныя мѣры по хлѣбному отпуску въ 1891 году, отечественное земледѣліе угнетали и продолжаютъ, хотя и не такъ уже жестоко, угнетать крайности покровительственной системы, согласимся ли мы

съ тѣми, которые чуть ли не всѣ наши бѣды приписываютъ забвенію русскими хозяевами животноводства, и первою задачею сельскохозяйственнаго возрожденія считаютъ разработку вопроса о страхованіи скота отъ падежей, удешевленіе соотвѣтствующихъ провозныхъ ставокъ и вообще улучшеніе желѣзнодорожнаго дѣла по этой части, на ряду съ мѣрами улучшенія породъ крестьянскаго скота, распространенія среди крестьянъ травосѣянія, заведеніе общественныхъ пастбищъ и луговъ и проч., станемъ ли мы корня недуга искать въ хлѣбномъ перепроизводствѣ, а спасенія отъ небывало низкихъ цѣнъ на зерновые продукты — въ возвышеніи доходности земли путемъ введенія въ русскія хозяйства болѣе цѣнныхъ культуръ—во всѣхъ этихъ случаяхъ несомнѣннымъ остается, что къ какой бы точкѣ зрѣнія мы ни склонились окончательно, но выходъ изъ такого положенія можетъ намъ представиться лишь въ видѣ какого-нибудь *чрезвычайно широкаго обобщенія*. Какимъ путемъ поднять цѣны на хлѣбъ? Какъ завести намъ толковое, дѣйствительно доходное скотоводство? Какія измѣненія въ нашей финансовой политикѣ необходимы для того, чтобы счастливо примирить далеко не всегда совпадающіе интересы обрабатывающей промышленности съ неотложными нуждами сельскаго хозяйства?— Вотъ, говоримъ, вопросы, которые при самыхъ разнообразныхъ рѣшеніяхъ неизбѣжно однако должны привести къ какому-нибудь *теоретическому обобщенію*, т. е. заставить насъ разсуждать не о конкретныхъ явленіяхъ отечественнаго земледѣлія, а по поводу какой-то своеобразной *агрономической метафизики*.

Отъ этого пути мы безусловно отказываемся. Считая себя безсильными, какъ мы выразились, прибавить что-нибудь новаго къ ранѣе поставленному діагнозу, мы постараемся исключительно обратимъ наше вниманіе на возможные способы *лѣченія*, причемъ находимъ, что: а) подобно тому, какъ нельзя лѣчить болѣзнь *вообще*, такъ и недуги нашего сельскаго хозяйства нуждаются въ индивидуальной помощи, сообразно съ характерными особенностями каждаго отдѣльнаго случая, и б) что наиболѣе могущественный способъ помощи и лѣченія принадлежитъ той *vis mediatrix naturae*, той возстановляющей и живящей силѣ *самой жизни*, которая, замѣтимъ это и позволимъ себѣ усиленно подчеркнуть, всегда представляется внимательному наблюдателю жизни въ видѣ какого-то двуликаго существа, на одной сторонѣ котораго можно увидать нѣкое, хотя и удобоохватываемое умомъ, но зато отрѣшенное отъ дѣйствительности *обобщеніе*, тогда какъ на другой самая эта, дробная, безформенная, бурлящая, хаотическая, но вполнѣ *живая дѣйствительность* только еще ищетъ обобщающей формулы, въ которую бы ей можно было отлиться.

Положеніе нашего сельскохозяйственнаго дѣла безотрадно—такова, кажется, никѣмъ неоспариваемая формула, которою хотятъ охарактеризовать одну и притомъ показную сторону дѣйствительности, но на другой, пока еще затѣненной сторонѣ для насъ вполнѣ ясно вырисовываются и болѣе отрадные виды для отечественнаго земледѣлія...

Вопреки всѣмъ скептикамъ и невѣрамъ, мы хотимъ думать, что сельскохозяйственное дѣло у насъ не все только безсильно топчется на мѣстѣ, и впередъ по немногу двигается.

Слѣдить за этимъ движеніемъ, зорко наблюдать за успѣхами сельскохозяйственнаго дѣла въ Россіи, давать ежемѣсячные отчеты о томъ, что сдѣлано у насъ на пользу земледѣлія и сельской экономіи, какъ са-

мимъ правительствомъ, такъ и частнымъ почином на мѣстахъ — такова задача, которую ставитъ себѣ «Русская Бесѣда», и таково назначеніе открываемаго на этихъ страницахъ новаго отдѣла, дальнѣйшее развитіе и совершенствованіе котораго всецѣло уже будетъ зависѣть отъ степени сочувствія тѣхъ читателей, особливому вниманію коихъ онъ посвящается...

И такъ *положительные* факты—таково содержаніе этого будущаго отдѣла; не унынie и скептицизмъ, но бодрая вѣра въ возможный и отчасти совершающiйся уже прогрессъ отечественнаго земледѣлія—таковъ нашъ основной принципъ; дружная помощь всѣхъ могущихъ услышать и желающихъ сочувственно отозваться на нашъ призывъ—таковы главнѣйшія средства, коими мы надѣемся осуществить нашу, скромную задачу.

Обращаемся съ покорнѣйшею просьбою ко всѣмъ сельскохозяйственнымъ обществамъ, земствамъ и проч. учрежденіямъ и лицамъ, доставлять „Русской Бесѣдѣ“ всѣ тѣ печатные труды, которые могутъ содѣйствовать осуществленію намѣченной нами цѣли: *давать возможно полную картину постепенныхъ успѣховъ сельскохозяйственнаго дѣла въ Россіи*, наглядно показать, что съ Божіей помощью и, несмотря на всякія помѣхи и неудачи, осѣнившая себя на новый и свободный трудъ сельская Русь 19-го февраля не все же спала непробуднымъ сномъ пьянства и невѣжества...

По садамъ и огородамъ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ въ лѣтнюю поѣздку 1894 г.)

Моя давнишняя мысль — заложить у себя въ деревнѣ фруктовый садъ и питомникъ вызвала наконецъ рѣшеніе осмотрѣть самому хоть нѣсколько выдающихся русскихъ садовъ. Не то, чтобы я не довѣрялъ себѣ, или множеству прочтенныхъ руководствъ, но я держусь принципа „гляженое лучше хваленаго“, который особенно утвердился во мнѣ съ поѣздки „по русскимъ хозяйствамъ“. Никогда того не вычитаешь въ книгѣ, что увидишь собственными глазами и услышишь въ личномъ объясненіи. Книгѣ вопроса не задашь, и какіе бы справочные и алфавитные указатели ни прилагались въ концѣ, какъ-то выходитъ всегда, что нужнаго, именно самаго нужнаго не оказывается.

Мою поѣздку по садамъ, времени для которой въ моемъ распоряженіи было, что называется, въ обрѣзъ, я расположилъ такъ: побывать прежде всего у Грелля въ Москвѣ, считающагося спеціалистомъ по акклиматизаціи у насъ высокихъ сортовъ фруктовъ. Ознакомиться съ его теоретическими воззрѣніями и осмотрѣть его питомники. Затѣмъ по его указанію посмотрѣть два-три сада, чтобы свѣрить теорію съ приложеніемъ ея на практикѣ. Наконецъ побывать въ садахъ такъ сказать антигреллевскихъ, ведущихся вполнѣ противуположно его принципамъ, тоже просвѣщенными садоводами, но другаго лагеря. Сличить оба направленія и сдѣлать нужные для меня выводы.

Таковъ былъ мой планъ. Осуществить его пришлось только отчасти, главнымъ образомъ по недостатку времени. Я не могъ побыть напр. въ рекомендованномъ мнѣ Грелломъ саду Ѳ. Ромера въ Орловской губ. и не видалъ такимъ образомъ работы лучшаго изъ греллевскихъ учениковъ и восторженнаго его поклонника (впрочемъ, виною этому отчасти и увѣренія нѣкоторыхъ орловскихъ серьезныхъ садоводовъ, что въ саду г. Ромера нѣтъ ничего замѣчательнаго). Но за то я побылъ въ Дмитріевскомъ, въ садахъ покойнаго Н. Н. Гангардта, осмотрѣлъ тамъ все что могъ, видѣлъ нѣсколько крестьянскихъ садовъ Корочанскаго уѣзда, основанную земствомъ фруктово-консервную станцію и питомникъ, видѣлъ первый школьный питомникъ и убѣдился, что по садоводству мы имѣемъ такой же центръ чисто національной науки и практики, какъ по земледѣлію Батищево, по скотоводству Едимоново.

Я смѣло присоединяю къ именамъ Энгельгардта и Верещагина имя покойнаго Ивана Николаевича Гангардта, поставившаго себѣ великій памятникъ въ видѣ Дмитріевскихъ садовъ и питомниковъ, и надѣюсь, что читатель этихъ писемъ не обвинитъ меня въ преувеличеніи.

Не вхожу ни въ какую ни съ кѣмъ полемику, а совершенно безпристрастно описываю то, что видѣлъ, и почти стенографически привожу разговоры. Моя цѣль — разсказать все такъ, какъ будто мой читатель самъ ѣхалъ, смотрѣлъ, разговаривалъ и разспрашивалъ. Нѣкоторые техническіе пріемы, которые я здѣсь описываю, считаю нелишними уже потому, что излагаю я ихъ на основаніи собственнаго упражненія. Въ книгахъ можетъ читатель найти еще болѣе подробныя описанія и даже съ рисунками, но какая нибудь маленькая упущенная деталь можетъ хозяина поставить въ тупикъ. Продѣлывая же напримѣръ пикировку, пересадку или прививку самъ, я старался не упустить ни одной подробности.

I.

У А. К. Грелля.

Я былъ у Александра Кондратьевича Грелля, „директора перваго и единственнаго акклиматизаціоннаго сада и дѣйствительнаго статскаго совѣтника", какъ значится на оберткѣ изданнаго его супругой популярнаго учебника по садоводству, въ мою первую поѣздку осенью 1892 года. Тогда толкомъ ничего не успѣлъ посмотрѣть изъ за погоды. Былъ теперь проѣздомъ въ Тулу и самого Грелля не засталъ. Поэтому я былъ очень радъ, что обстоятельства чисто личныя заставили меня заглянуть на нѣсколько дней въ Москву. Я рѣшилъ непремѣнно побывать у этого патріарха русской акклиматизаціи. Миновать Грелля, отправляясь изучать русскіе сады, невозможно. А я нѣсколько садовъ намѣтилъ въ Курской губерніи и на югѣ.

„Акклиматизаціонный садъ" помѣщается за Серпуховской заставой, недалеко отъ того мѣста, гдѣ начинается паровая конка на Воробьевы горы. Линія проходитъ чуть не у самаго крыльца Александра Кондратьевича, но здѣсь не останавливается, а потому лучше всего взять извощика.

На этотъ разъ я таки засталъ директора сада. Что это за пышная фигура! Вообразите себѣ высокаго, совершенно сѣдого старика, удивительно напоминающаго Гёте. При этомъ чудесный розовый цвѣтъ лица, совершенно юношескіе глаза, сила и энергія въ каждомъ движеніи. Только нѣмцы умѣютъ такъ мастерски сохраняться, да и нѣмцу это пожалуй удается только въ саду на чистомъ воздухѣ.

Александръ Кондратьевичъ впрочемъ нѣмецъ только по типу лица, да по фамиліи. Онъ воспитанникъ Московскаго университета и докторъ медицины. Садоводомъ сталъ случайно, какъ могъ стать архіереемъ, или полководцемъ, но, ставъ садоводомъ, отдалъ себя всецѣло своему дѣлу и работаетъ на немъ уже сорокъ два года, занявъ выдающееся положеніе въ наукѣ и высоко держа свое знамя.

Дѣятельность Грелля распадалась на двѣ вѣтви: практику и писательство. Пригласили молодого врача на постоянную должность при московской школѣ Императорскаго общества любителей садоводства; какъ человѣкъ научно подготовленный, А. К-чъ быстро освоился со всѣми тонкостями садоводства и вскорѣ занялъ видное положеніе въ обществѣ, какъ директоръ ученаго отдѣла и редакторъ органа общества „Журналъ Садоводства“.

То была для русской плодовой культуры печальная эпоха. Старая дореформенная Россія имѣла много садовъ и хорошихъ садовъ. Съ 61-го года наступило новое теченіе. Сады стали забрасывать, или уничтожать совсѣмъ. Не оставалось ни даровыхъ рабочихъ рукъ, ни крѣпостныхъ садовниковъ. Земледѣльцы искали другихъ выходовъ изъ охватившаго хозяйство кризиса. Грелль въ своемъ журналѣ повелъ отчаянную борьбу съ этимъ варварствомъ. Во множествѣ статей написанныхъ живымъ, страстнымъ языкомъ онъ доказывалъ, что садоводство должно быть поддержкой и спасеніемъ русскаго свободнаго хозяйства, что это доходнѣйшее дѣло, что съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ откроются для фруктовъ отличные рынки сбыта, что не уничтожать сады, а разводить ихъ нужно, но разумѣется, сады культурные, обставленные согласно даннымъ науки и со всѣми новѣйшими усовершенствованіями.

Страстная, повелѣвающая натура А. К. Грелля создала ему много враговъ и въ концѣ концовъ вызвала противъ него жестокія интриги въ средѣ общества садоводства. Онъ увидалъ, что тамъ его руки связаны, ушелъ изъ общества навсегда и началъ работать на свой рискъ и страхъ, сперва какъ издатель частнаго журнала: „Земледѣліе, садоводство и огородничество“ и какъ руководитель частной же садоводственной и цвѣточной станціи на Дѣвичьемъ полѣ въ Москвѣ, а съ 1887 года основалъ большой акклиматизаціонный садъ на Воробьевыхъ горахъ.

Въ настоящее время, не смотря на преклонныя лѣта, Александръ Кондратьевичъ встаетъ въ 4 часа утра ежедневно, работаетъ въ своемъ саду самъ, ведетъ обширную переписку съ бывшими своими учениками, нынѣ садоводами въ самыхъ разнообразныхъ полосахъ Россіи и отъ времени до времени ѣздитъ читать свои знаменитые курсы доходнаго.

плодоводства, собирающіе всегда много слушателей, ибо А. К-чъ по общему признанію, образцовый лекторъ, умѣющій вдохновить и увлечь свою аудиторію.

Акклиматизаціонный садъ Грелля занимаетъ около 7 десятинъ арендованной на долгій срокъ земли. Питомниками и плантаціями заняты четыре десятины. Остальное—древесныя насажденія и огороды. При садѣ имѣется нѣчто въ родѣ школы, принимаются на полное содержаніе ученики, которые и работаютъ подъ руководствомъ самого А. К-ча. Здѣсь же станція для сравненія и изслѣдованія присылаемыхъ со всѣхъ концовъ Россіи образцовъ фруктовъ.

Главная задача А. К-ча, которой посвящена вся его жизнь и которая преслѣдуется имъ на практикѣ вотъ уже пятое десятилѣтіе—акклиматизація высокихъ сортовъ фруктовъ, устройство такихъ садовъ, которые давали бы дорогой, а не дешевый товаръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ были бы по возможности застрахованы отъ всякихъ климатическихъ случайностей правильными методами культуры, т. е. имѣли бы сорта безусловно акклиматизованные.

Я постараюсь вкратцѣ изложить основныя идеи Грелля, предупреждая читателя, что эти идеи проповѣдуемыя имъ и въ его сочиненіяхъ, и на курсахъ, и въ статьяхъ его нынѣшняго органа „Русское садоводство“ (издаваемаго въ Москвѣ г. Гемиліаномъ), создавая ему съ одной стороны фанатически преданныхъ учениковъ, какъ Ѳ. Э. Ромеръ, возбуждаютъ такое же фанатическое противодѣйствіе въ обширномъ персоналѣ тоже очень выдающихся и дѣльныхъ садоводовъ.

И дѣйствительно, среднее, совершенно спокойное отношеніе къ А. К. Греллю почти невозможно въ силу его собственнаго фанатизма и страстности, безъ которыхъ, однако, никакое крупное идейное дѣло идти не можетъ. Я, какъ не садоводъ по специальности, а только добросовѣстный отмѣтчикъ слышаннаго и видѣннаго, постараюсь безпристрастно обрисовать, какъ воззрѣнія на программу Грелля, такъ и возраженія его противниковъ.

А разница выходитъ въ самомъ дѣлѣ огромная! Практика и здѣсь и тамъ. Тѣ и другіе ведутъ и показываютъ сады, деревья, плоды, а не рисунки, не бумагу. И вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ говоритъ: прививайте грушу къ рябинѣ и боярышнику и вы получите чуть не дюшессъ въ Москвѣ на открытомъ воздухѣ, другіе скрежещутъ зубами и называютъ Грелля рекламистомъ и шарлатаномъ.

Согласитесь, что попытка разобраться во всемъ этомъ безпристрастно не только заманчива, но и очень важна. Я закладываю садъ: желательно

рѣшить, чьимъ мнѣ совѣтамъ слѣдовать? Что сажать? Какъ сажать? Къ кому обратиться? Гдѣ учиться?

Сейчасъ мы увидимъ какія теоріи проповѣдуютъ А. К. Грелль и его сторонники.

II.

Грелле́вская акклиматизація.

И на своихъ лекціяхъ устно, и въ своихъ статьяхъ, книгахъ и частныхъ письмахъ А. К. Грелль проводитъ слѣдующіе взгляды на русское садоводство:

Намъ нужно стремиться постепенно передвигать къ сѣверу высшіе. нѣжнѣйшіе и цѣннѣйшіе сорта яблокъ и грушъ. Климатъ Россіи даетъ лѣто, обладающее, благодаря бо́льшему количеству ясныхъ дней, бо́льшимъ, чѣмъ на западѣ подъ тѣми же широтами количествомъ солнечныхъ тепловыхъ единицъ. Лучшіе изъ заграничныхъ высоко-культурныхъ сортовъ яблокъ и грушъ не только выспѣютъ у насъ на тѣхъ же параллеляхъ, но дадутъ плоды болѣе сочные, болѣе красивые, болѣе ароматные. Весь вопросъ въ нашей зимѣ и раннихъ морозахъ. Изнѣженная древесина заграничныхъ породъ не выдерживаетъ нашихъ зимъ, изнѣженныя плодовыя почки—нашихъ весеннихъ морозовъ.

Наука даетъ возможность перевоспитать дерево, выработать въ немъ другую древесину, другіе сосуды и покровы при томъ же качествѣ плодовъ.

Первое положеніе, которое Грелль выставляетъ въ качествѣ *закона* будетъ:

„Выносливость дерева пропорціональна плотности (компактности, сухости) строенія его надземныхъ частей. Плотность же эта зависитъ отъ строенія и вмѣстимости сосудовъ, проводящихъ соки дерева и отъ степени густоты проходящихъ соковъ“.

Грелль говоритъ: дайте нѣжному сорту такой дичекъ, чтобы онъ развивалъ плотную, а не рыхлую древесину, чтобы онъ во̀ время оканчивалъ ростъ, т. е. чтобы его лѣтній побѣгъ вызрѣвалъ, и это дерево у насъ не вымерзнетъ.

Вотъ почему при акклиматизаціи все дѣло въ удачномъ подборѣ дичковъ и привоевъ (облагороженной прививки). Нѣжный сортъ дастъ лучшую древесину, привитой къ старому 10—12-лѣтнему дереву, чѣмъ къ сильному молодому дичку. *Акклиматизовать можно только на туго растущихъ дичкахъ.*

Второй законъ: „густота растворовъ въ сосудахъ дерева зависитъ отъ его корневой системы и суммы тепла, при которой работали корни“.

Лучшими дичками поэтому будутъ не тѣ садовые сорта, которые стремятся рѣдькой уйти въ землю, но тѣ, которые даютъ большія мочковыя развѣтвленія. Лучшій дичекъ поэтому даетъ байкальская яблонька, живущая въ дикомъ состояніи въ Сибири и дающая плодъ величиною всего съ горошину. Корневая система этого дичка даетъ возможность яблонѣ воспользоваться короткимъ и жаркимъ сибирскимъ лѣтомъ и вынести каторжную тамошнюю зиму. Ея соки сильно концентрированы и потому не такъ легко замерзаютъ, какъ водянистые; ея древесина прочная, сухая. Нѣжный сортъ, привитой на такомъ дичкѣ, пріобрѣтаетъ тѣже свойства древесины и потому не мерзнетъ. Для груши поэтому лучшій дичекъ—наша обыкновенная рябина и боярышникъ.

Третій законъ: „выносливость дерева обратно пропорціональна влажности климата, въ которомъ оно развивалось. Молодыя деревца западной Европы, высаженныя у насъ непремѣнно погибнутъ. Но умѣючи и работая надъ измѣненіемъ древесины и покрововъ, ихъ можно пріучить къ самому суровому климату“.

Четвертый законъ: „развитіе корневой системы деревца обратно пропорціонально влажности воздуха. Чѣмъ воздухъ суше и испареніе листьями больше, тѣмъ лучше и развѣтвленнѣе будетъ корневая система, тѣмъ суше и крѣпче, а слѣдовательно и прочнѣе къ морозу будутъ годовые побѣги“.

Наконецъ пятый и послѣдній даваемый Грелломъ законъ акклиматизаціи гласитъ:

„Чѣмъ больше въ данномъ климатѣ ясныхъ, безоблачныхъ лѣтнихъ дней, тѣмъ больше въ немъ средняя температура лѣта и тѣмъ больше данный климатъ способенъ производить *въ кратчайшій промежутокъ времени* вполнѣ зрѣлыхъ хлѣбовъ и фруктовъ“. Елецкая и самарская пшеницы во Франціи не вызрѣваютъ. Нужное число тепловыхъ единицъ у насъ есть для ячменя въ Архангельскѣ и Иркутскѣ, для пшеницы въ Саратовѣ и Казани, для антоновки, боровинки и груши безсѣмянки въ Петербургѣ и даже на Валаамѣ. Для Фондантъ де-Буа, Берре Клержо и Жозефинъ де-Молинъ въ Кіевѣ.

„Вотъ почему, говоритъ Грелль я не могу не осуждать садоводовъ, разводящихъ боровинку, бѣлый наливъ и другіе сѣверные сорта на югѣ. Сѣверные сорта тамъ хороши быть не могутъ. Они поспѣваютъ уже въ іюнѣ“.

Еслибъ мы, какъ американцы, добивались *выносливости древесины*, мы имѣли бы на воздухѣ гораздо болѣе цѣнные сорта, чѣмъ сей-

часъ. Вотъ почему Грелль рекомендуетъ американскую прививку въ корень, въ Европѣ отвергнутую за то, что она не даетъ столь буйно растущихъ молодыхъ деревцовъ. Но за то на ней побѣги дозрѣваютъ, успѣваютъ затвердѣть къ зимѣ и не замерзаютъ.

Грелль прямо говоритъ: „задаваясь акклиматизаціонными цѣлями, не желайте съ первыхъ лѣтъ имѣть въ вашемъ питомникѣ красавцевъ, они убыточны! Довольствуйтесь въ первые два, даже три года тощенькими кронами, но такихъ сортовъ фруктовыхъ деревьевъ, пудъ фруктовъ которыхъ стоитъ не 40—60 коп., а 4 и 6 рублей.

Практически эта теорія Грелля выражается въ слѣдующей программѣ промышленнаго плодоводства для Россіи; на югѣ акклиматизація самыхъ высокихъ сортовъ яблокъ и грушъ съ постепеннымъ ихъ передвиженіемъ къ востоку по тѣмъ же градусамъ широты. Въ средней Россіи, т. е. въ губерніяхъ съ развитымъ и сейчасъ доходнымъ садоводствомъ, постепенный переходъ къ высшимъ сортамъ, доступнымъ по климату: перепрививка старыхъ деревьевъ, посадка новыхъ, привитыхъ по американскому методу.

Въ болѣе сѣверныхъ частяхъ до климатической границы—разведеніе простыхъ русскихъ сортовъ: антоновки, боровинки, титовки, коробковки, и т. д.

Такая программа поможетъ высокой доходности садовъ потому, что южные яблоки и груши не будутъ сбивать цѣны на рынкѣ и каждый рынокъ будетъ производить то, что ему наиболѣе свойственно.

Мы вышли съ А. К-чемъ въ его питомникъ разбитый на правильные квадраты и занятый безчисленными деревцами, разнообразныхъ сортовъ, возрастовъ и культуръ.

Цѣлый рядъ былъ занятъ культурою высокихъ сортовъ грушъ на рябинѣ и боярышникѣ, возбуждающей такую страстную ненависть въ правовѣрныхъ садоводахъ.

Такое деревцо имѣетъ оченъ живой и веселый, но нѣсколько странный видъ. Его дичекъ вершка на два отъ земли остается тонкимъ. Привитая культурная часть ствола гораздо толще, такъ что кажется насаженною на палочкѣ. Впрочемъ А. К. утверждаетъ, что отъ этого утолщенія, или *болоны* со временемъ пойдутъ новые корни и стволъ выровняется.

Мы подошли къ одному деревцу небольшого роста, покрытому множествомъ плодовъ почти совсѣмъ спѣлыхъ. Это былъ какой-то дорогой лѣтній сортъ. Попробовали, вкусъ оказался превосходнымъ.

— Чего же вы хотите? Говорятъ, что груша на рябинѣ не долговѣчна. Пустяки! Она будетъ плодоносить 15 лѣтъ, затѣмъ конечно по-

гибнетъ. Но вѣдь вся она стоитъ 50—75 копѣекъ, а дастъ товару въ годъ на 5 рублей въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Неужели же не стоитъ ее подсадить и возобновить?

Посмотрѣли мы на великолѣпную и дорогую коллекцію байкальской яблони, разводимой Греллемъ исключительно для полученія собственныхъ сѣмянъ. Темно-вишневаго цвѣта, почти совсѣмъ зрѣлыя яблоки были величиною со смородину, да и то мелкую. Введеніе этой яблони, лучшаго всѣми признаннаго дичка, составляетъ заслугу Грелля. Онъ досталъ ее еще въ 1857 году.

Я просилъ А. К-ча ознакомить меня на дѣлѣ съ прививкою, обыкновенною и американскою. Тотчасъ же былъ позванъ одинъ изъ учениковъ, принесены дички и черенки (рябиновые, потому что у яблони въ это время не отдѣляется кора) и черезъ два часа я совершенно освоился съ этимъ искусствомъ.

III.

Прививка обыкновенная и американская.

Я полагаю, что читатели не садоводы, а таковыхъ конечно большинство, не посѣтуютъ на меня, если это письмо я посвящу техникѣ прививки. Въ садоводномъ дѣлѣ это альфа и омега, это все! Кто знаетъ, можетъ быть кому нибудь еще придется имѣть собственный садикъ, собственныя фруктовыя деревья!

Прививка преслѣдуетъ такую идею: замѣнить въ растущемъ деревцѣ верхушку другимъ, болѣе благороднымъ сортомъ посредствомъ части, взятой съ этого благороднаго дерева и приживленной, *привитой* къ дичку.

Въ природѣ нѣтъ порядочныхъ яблонь и грушъ. Ихъ вывели долгой культурой. Культурные сорта, привитые на молодыхъ дичкахъ, сохраняютъ всѣ свои драгоцѣнныя свойства.

Чтобы сдѣлать хорошую прививку, необходимъ навыкъ самый небольшой. Это также легко, какъ очинить карандашъ. Нуженъ острый, какъ бритва, ножъ, дичокъ, прутикъ, срѣзанный съ культурнаго дерева и непремѣнно съ почками, или *глазками* и мочалочка въ $^1/_2$ до $^3/_4$ аршина. Время прививки разное: для *окулировки* или прививки глазкомъ необходима ранняя весна, и тогда глазокъ дастъ побѣгъ въ томъ же году (прививка растущимъ глазкомъ) или средина іюля, и тогда глазокъ дастъ ростъ только въ слѣдующемъ году (прививка спящимъ глазкомъ). Послѣдній способъ самый лучшій и вѣрный.

Прививку нужно дѣлать быстро. Тотъ, кто сдѣлаетъ 500 прививокъ въ день, получитъ глазки почти всѣ прижившіеся. Кто сдѣлаетъ только 50, погубитъ половину глазковъ.

Сначала надо срѣзать *глазокъ*. Берите молодой побѣгъ отъ культурнаго сорта и сдѣлайте два неглубокихъ надрѣза поперекъ коры и немного сверху внизъ: одинъ на $^1/_4$ вершка выше, другой ниже глазка. Затѣмъ подложите указательный палецъ лѣвой руки подъ самый глазокъ и рѣжьте съ верхняго надрѣза подъ глазокъ до нижняго. Срѣзъ нужно сдѣлать такъ, чтобы кромѣ кожицы и почки, отдѣлить сплошную, но очень тоненькую полоску древесины. Вы замѣтите, какъ ножикъ туго пойдетъ подъ глазкомъ. Тутъ вся штука—удержать его ровно, чтобы нижняя поверхность срѣза получилась вполнѣ гладкая. Почка-глазокъ обыкновенно у основанія листа. Оставьте черенокъ листа, какъ ручку для держанія глазка, и, срѣзавъ, возьмите глазокъ за этотъ черешокъ листа въ губы.

На дичкѣ сдѣлайте два надрѣза: поперекъ ствола и второй изъ середины перваго внизъ и вдоль, чтобы получилась буква Т. Костяной лопаточкой имѣющейся при садовомъ ножѣ, разверните осторожно кору и въ продольную щель запустите глазокъ. Продвиньте его косточкой такъ, чтобы почка легла какъ разъ на продольный разрѣзъ, а верхній срѣзъ легъ къ поперечному надрѣзу вплотную. Затѣмъ обвяжите мочалочкой не слабо, но и не очень туго, обматывая ее снизу и перепуская черезъ глазокъ. Наверху закрѣпите простой петлей. Деревцо готово.

Черезъ нѣсколько дней перевязку можно чуть ослабить; для этого довольно стронуть ее слегка *противъ* направленія обматыванія. Затѣмъ смотрите: если глазокъ принялся, ранка живо затягивается, почка сростется, черешокъ листа обвалится.

Если не принялся, и глазокъ и черешокъ засохнутъ и ихъ можно будетъ свободно вынуть, а дичокъ привить снова въ другомъ мѣстѣ.

Когда спящіе глазки тронутся въ ростъ и выгонятъ побѣги, дичокъ срѣзывается выше мѣста прививки, и дѣло кончено.

Американская прививка основана на двухъ принципахъ. Во первыхъ, вы пользуетесь только корнемъ дичка и прививаете почти у самой земли, во-вторыхъ, вы работаете зимой, въ свободное время и не въ землѣ, на колѣнахъ, а въ комнатѣ за столомъ. Замѣтьте, что вѣдь въ срединѣ іюля у насъ покосъ, когда рабочія руки особенно дороги.

Выкапываются осенью дички и складываются въ короба, перекладывая корни сырымъ мхомъ; затѣмъ короба ставятъ на погребъ. Въ другіе короба накладываются срѣзанные черенки по возможности равной толщины съ дичками и тоже хранятся въ погребѣ въ мокромъ мхѣ.

Затѣмъ необходимъ особый пластырь такого рецепта: расплавляютъ 4 части канифоли, 1 часть воска и 2 части сала. Смѣсь выливаютъ въ холодную воду и затѣмъ скатываютъ въ куски и берегутъ.

Передъ прививкой кусокъ вара разогрѣваютъ и намазываютъ легкимъ слоемъ кистью на крѣпкой тонкой бумагѣ; бумагу затѣмъ рѣжутъ на полоски.

Поставьте короба, разложите полоски съ варомъ и начинайте работу.

Срѣжьте наискось совершенно ровнымъ и прямымъ рѣзомъ дичокъ. Срѣжьте точно такъ же черенокъ, оставя на немъ 5 или 6 почекъ. Наблюдайте, чтобы разрѣзы совершенно сходились и кора хорошо примыкала къ корѣ по крайней мѣрѣ въ половинѣ срѣза. Сдѣлайте по надколу ножемъ и въ дичкѣ и въ черенкѣ и сложите такъ, чтобы надколъ зацѣпился за надколъ. Затѣмъ аккуратно облѣпите весь срѣзъ бумажной лентой и кладите до весны въ сырой мохъ и въ подвалъ.

Я указалъ здѣсь всю технику и увѣренъ, что, если читатель попробуетъ на осиновыхъ, или какихъ угодно другихъ свѣжихъ прутьяхъ обыкновеннымъ перочиннымъ ножемъ (но новымъ и острымъ!), онъ черезъ полчаса будетъ отлично прививать.

Я не упоминаю о другихъ способахъ, которые употребляются въ разныхъ случаяхъ и которые подробно описаны въ курсахъ садоводства. Скажу лишь о такъ называемомъ акклиматизаціонномъ способѣ Грелля, который его очень рекомендуетъ для полученія нѣжныхъ, но не вымерзающихъ сортовъ.

Для этого способа берутся дички, уже имѣющіе крону. Ниже кроны дѣлается поперечный надрѣзъ пилою и черенокъ прививается за кору; затѣмъ, когда въ данномъ году образовался небольшой и нежирный побѣгъ (въ этомъ все дѣло), а онъ не можетъ быть жирнымъ, потому что крона тянетъ большую часть соковъ,—крона срѣзывается.

А. К. Грелль около двухъ часовъ водилъ меня по своему питомнику, показывая свои насажденія и выясняя тонкости акклиматизаціоннаго дѣла, излагать которыя здѣсь невозможно.

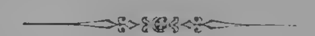
Въ заключеніе мы посѣтили его „академію", какъ онъ шутливо называетъ помѣщеніе для учениковъ и образцовый погребъ, гдѣ производятся изслѣдованія надъ получаемыми отовсюду фруктами въ смыслѣ опредѣленія ихъ сорта, вкуса, лежкости и т. д. Учениковъ у Александра Кондратьевича сейчасъ немного, человѣкъ пять, но работаютъ молодые люди великолѣпно.

Въ садовыхъ и ученыхъ работахъ А. К. Греллю оказываетъ большую помощь его жена, М. I. Грелль, которая редактируетъ и издаетъ между прочимъ его руководства. Я взялъ послѣднее изданіе „Доходнаго

плодоводства“ и съ величайшимъ удовольствіемъ его прочелъ въ вагонѣ. Это сборникъ популярныхъ лекцій по садоводству, читанныхъ Греллемъ въ разныхъ мѣстахъ. Тѣ, кто называютъ А. К-ча фанатикомъ, совершенно правы, столько энергіи и страстности въ этой проповѣди. Но какъ почтененъ этотъ фанатизмъ, живой и, я бы такъ выразился, огнедышущій, сравнительно съ олимпійскимъ равнодушіемъ многихъ и очень многихъ...

С. Шараповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЭТУ.

Пусть говорятъ рабы страстей мятежныхъ,
Что красота плѣняетъ ихъ сердца,
Что вдохновенье—только въ пѣсняхъ нѣжныхъ
Да въ своенравной прихоти пѣвца.
Оставь жрецовъ «искусства для искусства»
И съ мертвымъ богомъ и безстрастьемъ ихъ;
Неси въ толпу свѣтъ мысли, пламень чувства:
Твои слова—источникъ дѣлъ благихъ!
«Идите въ міръ и послужите міру»—
Завѣтъ любви. Ты вѣренъ будь ему
И посвяти отзывчивую лиру,
Какъ высшій даръ, народу своему!

Н. Пановъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Китай, Японія и Россія.

I.

Наши новоявленные друзья-англичане препаивно удивляются, почему у насъ почти никто не вѣритъ въ ихъ вдругъ проснувшуюся „дружбу" къ Россіи, и объясняютъ это, по своему обыкновенію, малой развитостію и шовинизмомъ Русскихъ.

Шовинизмомъ Русскихъ!...

Желалъ-бы я увидѣть эту диковинную штуку и именно въ настоящее время! Именно мы всегда страдали отъ полнаго отсутствія того, что наши западные сосѣди называютъ „шовинизмомъ": почти всегда, не только въ мирное время, но даже и во время войны, народъ нашъ былъ чуждъ шовинизма и на войну смотрѣлъ, какъ на тяжкую обязанность,— „службу царскую"—нужную лишь для того, чтобы „усмирить" того или другаго басурмана, „бунтующаго противъ нашего царя-батюшки".

Интеллигентные классы тоже обвинять въ шовинизмѣ нельзя ужь по одному тому, что большинство нашихъ, такъ называемыхъ, интеллигентныхъ силъ — либерально до послѣдней степени и, въ качествѣ таковаго, отрицаетъ войну, какъ проявленіе „насилія надъ личностію". Правящіе классы — тоже не шовинисты доказательствомъ служитъ наша, почти постоянная, малая подготовленность къ войнѣ, почти постоянное выступленіе въ ратное поле въ очень маломъ количествѣ войскъ, какъ бы нехотя, какъ бы въ увѣренности, что война не разгорится, скоро потухнетъ.

Вспомнимъ наши двѣ послѣднія большія войны; въ Севастопольскую компанію мы были мало подготовлены и вывели противъ соединеннаго непріятеля едва-едва 60 тысячъ человѣкъ, имѣя полумилліонное войско; въ турецкую войну мы пошли противъ турокъ и противъ явно стоящихъ за ихъ спиной нашихъ друзей-сосѣдей всего съ 8-мью дивизіями!

Нѣтъ, западный шовинизмъ не таковъ, онъ и не подумаетъ вести войну не обративъ всѣхъ силъ противъ непріятеля.

Да что ходить далеко—въ настоящее время, когда всѣ западныя державы, не имѣющія и сотой доли тѣхъ интересовъ, которые имѣемъ мы на востокѣ, успѣли собрать по близости театра войны очень внушительныя силы, когда таже „миролюбивая" Англія имѣетъ въ водахъ Желтаго моря до *сорока* первоклассныхъ вымпеловъ, подъ командой

опытнаго боеваго адмирала,—мы—шовинисты, имѣемъ тамъ, если считать съ большими натяжками, всего *восемь боевыхъ* судовъ и, какъ бы для вящаго доказательства нашего миролюбія, не думаемъ даже отказаться отъ вполнѣ мирнаго учрежденія,—морскаго ценза, этого воскресшаго въ концѣ XIX вѣка вида нашего исконнаго мѣстничества, по которому мѣста и команды давались не по талантамъ, а по заранѣе составленной „системѣ прохожденія службы", по количеству мирно проведенныхъ годовъ и по количеству „сухопутныхъ" кампаній... чѣмъ же иначе какъ не отсутствіемъ шовинизма, какъ не миролюбіемъ, объяснить то обстоятельство, что мы именно *теперь* замѣнили на нашей тихоокеанской эскадрѣ *боеваго* адмирала (г. Тыртова), *не боевымъ* (г. Алексѣевымъ), проведшимъ большую часть своей службы въ высшихъ чинахъ или въ сухопутныхъ командировкахъ, въ роли военно-морскаго агента нашего за границей—или въ штатныхъ должностяхъ.

Очевидно, мы надѣемся, что намъ не прійдется сражаться...

Нѣтъ, какъ хотите, а по моему намъ необходимо стать немножко шовинистами!..

II.

Не надо быть большимъ пророкомъ чтобы предсказать дальнѣйшій ходъ событій на востокѣ. Японія побѣдитъ Китай,—неподготовленный къ войнѣ, не имѣющій дѣльныхъ полководцевъ и офицеровъ.

Побѣдамъ Японцевъ мы помѣшать не можемъ не поднявъ на ноги всю „миролюбивую" Европу, да и едва ли надо, съ національной точки зрѣнія, мѣшать сосѣдямъ заниматься взаимными кровопусканіями... Но, можемъ ли мы допустить, чтобы Японія, говоря дипломатическимъ языкомъ, воспользовалась плодами своихъ побѣдъ, чтобы отъ Китая, въ пользу Японіи, былъ отторгнутъ хоть клочекъ территоріи, чтобы дальнѣйшая политика Китая пошла по указкѣ Японіи и стоящей за ея спиной Европы? Конечно нѣтъ, такъ какъ всякое такое присоединеніе и всякое такое увеличеніе Японско-Европейскаго вліянія явится прямымъ умаленіемъ, ущербомъ нашему вліянію на востокѣ и можно даже сказать, что разгромленный Китай, согласясь на эти условія, понесетъ не такое пораженіе, какъ нейтральная Россія.

Сонному Китаю, этому полуживому трупу, начавшему постепенно разлагаться, все равно,—будетъ ли у него однимъ клочкомъ береговой или островной земли больше или меньше, будетъ-ли отъ имени полу-

миѳическаго „сына неба“, правитъ Ли-хунъ-чанъ какой нибудь, или ставленникъ Японскаго Микадо, но намъ-то это далеко не все равно!

Если-бы Японія „присоединила“ къ своимъ владѣніямъ какую нибудь территорію Китая *по близости владѣній одной изъ западныхъ державъ*,—возлѣ англійской Индіи, напримѣръ,—тогда пожалуй намъ-бы было и все равно.

Но, Японія, подстрекаемая Европой,—зарится на Корею, на лежащіе *у нашихъ* тихоокеанскихъ береговъ острова, а это—равносильно допущенію создать и изъ тихоокеанскихъ береговъ нашихъ тоже самое, что мы *допустили* создать изъ нашихъ балтійскихъ и черноморскихъ побережій, т. е. запереть насъ и въ Тихомъ океанѣ, какъ мы заперты въ Балтикѣ—Зундомъ, а въ Черномъ морѣ—Босфоромъ.

Я сказалъ, что мы *допустили* запереть насъ въ Европѣ, и настаиваю на этомъ, такъ какъ не будь, въ этомъ столѣтіи, до воцаренія Александра III, наша политика *нѣмецкой*, мы, *распоряжаясь судьбами Европы* въ 1812—1815 годахъ и въ 1871 году,—всегда бы могли расторгнуть связывающіе наши руки оковы!

Про „уступку“ Швеціи нашихъ исконныхъ побережій въ Сѣверномъ океанѣ—я уже и не говорю...

III.

Съ другой стороны, на сколько выгодно намъ, что наши сосѣди,—гдѣ бы то ни было,—дерутся, на столько же *не выгодно* намъ самимъ вмѣшиваться въ ихъ борьбу, даже оставивъ въ сторонѣ матеріальныя потери отъ таковаго вмѣшательства и возможность обще-европейской войны.

Ибо, принявъ, положимъ, сторону Китая и не давъ Японіи удовлетворить свои разъигравшіеся аппетиты, — къ чему мы, положимъ, имѣемъ возможность,—мы тѣмъ самымъ наживемъ себѣ новаго непримиримаго врага, который, подобно Германіи, *никогда* не забудетъ, что *мы одни* помѣшали ему сокрушить своего постояннаго соперника, а очутиться *между двумя Германіями*—намъ не особенно будетъ пріятно.

Допустить, вопреки всему вышесказанному, Японію до полнаго разгрома Китая,—тоже немыслимо: это значило бы создать у себя подъ бокомъ вторую Германію, въ лицѣ Японіи, уже и теперь мечтающей о панмонголизмѣ подъ своимъ верховенствомъ, да сверхъ того на вѣка возстановить противъ себя Китай, который соприкасается съ нами на двухъ третяхъ нашей сухопутной границы.

Съ Китаемъ тогда и примириться,—какъ съ Франціей,—нельзя будетъ, потому что Франція и разбитая заключала въ себѣ столько жизненности, что скоро залѣчила свои раны и стала прежней Франціей; Китай же разгромленный теперь—не встанетъ больше и сдѣлается такимъ же игралищемъ въ рукахъ Европы, какъ наши „больные люди“ Турція и Персія, гдѣ наши друзья-пріятели такъ ловко и успѣшно умѣютъ совать намъ палки въ колеса... Словомъ—куда ни кинь все клинъ...

Таковы и должны быть послѣдствія нашего попустительства, допустившаго образоваться объединенной Германіи, завоевательной Японіи, *независимымъ* отъ насъ но *не отъ Европы* — Сербіямъ, Румыніямъ, Греціямъ, Болгаріямъ и т. д.*).

IV.

Что же, однако, дѣлать, нельзя же сидѣть буквально, у моря и ждать погоды?!

Нельзя же превратить великій сибирскій путь въ малодоходную „подъѣздную дорогу“—что съ нимъ неминуемо будетъ, разъ онъ потеряетъ свое великое *государственное* значеніе, кончаясь и начинаясь у *закрытыхъ морей*... **) Нельзя, тысячу разъ нельзя!..

А дѣлать что нибудь надо, жизнь не ждетъ, событія идутъ.

Я не дипломатъ, а посему и позволяю себѣ разсуждать такъ:

Положимъ Китай съ Японіей не воевалъ и не воюетъ, и наша жизнь идетъ также, какъ шла и до войны. Мы мирно, въ полной силѣ и съ сознаніемъ *своихъ* историческихъ задачъ, идемъ за своимъ Государомъ, *впервые* рѣшившимся заявить, что мы—не Европа, а Россія, и что она, Великая, должна быть *для русскихъ*.

Сибирскій путь строится, пустыни заселяются.

Что же намъ, въ этомъ случаѣ, надлежитъ дѣлать?

Очевидно, построивъ *государственную* дорогу, рѣшивъ заселить свою, русскую землю—русскимъ же народомъ и избавить ее отъ ежечасно растущаго мирнаго завоеванія тѣми же китайцами-манзами, — мы

---

*) По послѣднимъ свѣдѣніямъ Японцы объявили Корею независимой. Но и это для насъ ровно ничего не представляетъ хорошаго, такъ какъ даже сами англичане (Dayly News) говорятъ. что эта независимость» «будетъ меньше чѣмъ независимость египетская.

**) *Mare clausum* — закрытое море — мой одинъ знакомый переводитъ *море кляузъ*,—каковымъ, конечно, и станетъ Тихій Океанъ, утвердись тамъ Японія—Европа!..

должны были позаботиться, чтобы русское дѣло стояло здѣсь твердо и слово русское было вѣско и могуче.

Для всего же этого надо, что бы мы въ Сибири располагали *силой* не сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ, только и годныхъ, чтобы нести конвойную (при ссыльныхъ) и гарнизонную службы, а силой *дѣйствительной*, соотвѣтствующей нашимъ цѣлямъ и задачамъ.

Теперь, разъ это такъ, и все въ томъ же предположеніи, что войны у Китая съ Японіей нѣтъ, что намъ надлежитъ дѣлать?

Брать „изъ Россіи“ одинъ-два корпуса — едва ли удобно, они здѣсь размѣщены соотвѣтственно извѣстному плану мобилизаціи, нарушать который, безъ крайней нужды, не представляется надобности. Гораздо проще сформировать полки изъ запасныхъ и резервныхъ баталіоновъ, т. е. изъ тѣхъ людей, которые все равно, рано или поздно, при первой надобности, предназначены къ образованію новыхъ боевыхъ единицъ. Но, скажутъ мнѣ, на это нужны деньги, деньги и деньги.

Совершенно вѣрно; но кто же намъ мѣшаетъ *переселяя* деревенское населеніе, тратя на это милліоны, вмѣстѣ съ тѣмъ *предложить добровольно* тѣмъ же людямъ, которые составляютъ запасныя и резервныя части нашей арміи, *переселиться, такъ сказать*, съ тѣмъ, что по окончаніи срока ихъ службы они должны стать мужиками - хлѣбопашцами не какой нибудь Орловской или Курской губ., а Сибири, куда и доставить имъ семьи къ тому времени.

Я увѣренъ что согласится огромное количество народу, изъ котораго можно тотчасъ же сформировать цѣлый корпусъ, который и будетъ пополняться на тѣхъ же основаніяхъ, до тѣхъ поръ пока того будутъ требовать государственныя нужды наши въ Сибири. Остается придать сюда достаточное количество людей и офицеровъ постояннаго кадра— за чѣмъ тоже *добровольно* дѣло не станетъ.

Я въ *добровольности* увѣренъ, стоитъ кликнуть кличъ — отзовутся,— поселятся, да еще потомъ Господа Бога и начальство будутъ благодарить, что устроило народъ съ семьями на вольной землѣ!..

Я предвижу, что въ разныхъ канцеляріяхъ глаза вытаращутъ отъ предлагаемаго мною „нарушенія правилъ прохожденія службы“, но тѣмъ не менѣе я настаиваю, что такое *переселеніе* въ одно и тоже время *войска* и *народа*—вполнѣ возможно и постараюсь въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ доказать это, основываясь на дѣйствующихъ въ настоящее время инструкціяхъ и правилахъ, до комплектованія войскъ относящихся.

Если же мой планъ будетъ признанъ негоднымъ я все таки настаиваю на крайней необходимости немедленнаго передвиженія въ Сибирь по меньшей мѣрѣ одного корпуса, чего бы это ни стоило.

V.

Далѣе, все въ томъ же предположеніи временъ мирныхъ, разъ регулярное войско въ Сибири необходимо, его надо перевозить туда теперь же, *зимой*, пользуясь, сравнительно, малой загруженностію въ зимнее время уже выстроеннаго русско-сибирскаго участка желѣзной дороги, главное, тѣмъ, что на Руси Святой теперь дѣдка-морозъ вездѣ намостилъ гати и мосты и это даетъ намъ возможность по *проѣзжимъ* дорогамъ доставить войска до главныхъ пристаней сибирскихъ *водныхъ* путей, чтобы съ открытіемъ навигаціи двинуться дальше водою.

Это особенно важно: если намъ *придется* передвигать войска по Сибири лѣтомъ, то у насъ опять повторится исторія съ севастопольскими передвиженіями войска и запасовъ по нашимъ грунтовымъ дорогамъ, только съ тою ужасной разницей, которую представляетъ протяженіе Сибири, сравнительно съ путемъ, по которому должны были мучиться наши войска въ ту кампанію.

И такъ, какъ ни поверни дѣло, а времени терять не приходится и войска въ Сибири мобилизовать *надо*, безъ этого сибирская дорога не будетъ имѣть того смысла, который положенъ въ ея основаніи, а, напротивъ, можетъ быть, при безлюдьи, захвачена нашими врагами, если не силой, то хитростію, мирнымъ путемъ сплошного заселенія, подобнаго заселенію нѣмцами нашего юга и юго-запада.

Если же всѣ эти соображенія имѣютъ долю справедливости въ *мирное время*, то что же будетъ если мы *должны* будемъ начать войну съ кѣмъ бы то ни было?

Нѣтъ, повторяю, не будучи шовинистами и забывъ про войну, намъ необходимо имѣть въ Сибири надежную военную силу, а въ Тихомъ Океанѣ сильную эскадру, подъ командой боевого флагмана.

Черноморецъ.

Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ.

Александръ Ивановичъ Кошелевъ, дававшій средства на изданіе «Бесѣды» С. А. Юрьева, часто любилъ сравнивать время ея появленія съ временами «Русской Бесѣды» и условіями, среди которыхъ тогда приходилось работать. «Редактировать журналъ тогда было легко, говаривалъ онъ, потому что у «Русской Бесѣды» кромѣ такихъ могучихъ дышловиковъ, каковыми были Хомяковъ, Кирѣевскій и Аксаковъ, имѣлись еще и неутомимые, сильные пристяжные, какъ двое Бѣляевыхъ, т. е. извѣстный историкъ и юристъ Иванъ Дмитріевичъ и родственникъ его Илья Васильевичъ, бывшій, кажется, наставникомъ московской семинаріи. Не иначе относились къ трудамъ Ивана Дмитріевича и всѣ остальные соучастники перваго органа славянофиловъ. Всѣ они видѣли въ Иванѣ Дмитріевичѣ крупнаго и неутомимаго труженика, въ высшей степени полезную силу какъ для журнала, такъ и вообще для развитія мысли славянофильской. Сказаннымъ уже объясняется, почему возникающая «Русская Бесѣда» съ любовью останавливается на духовномъ обликѣ того скромнаго, но даровитаго, проницательнаго и живаго труженика-ученаго, котораго такъ цѣнили и чтили ея предшественники на славянофильской нивѣ. Охотно открываетъ она свои столбцы и для жизнеописанія И. Д. Бѣляева, и для критическаго обзора его трудовъ и заслуги. Передъ пишущимъ эти строки возстаетъ и теперь приземистая фигура Ивана Дмитріевича, всегда разумнаго, всегда скромнаго, всегда улыбающагося крайне добродушною, но въ тоже время тонкою и слегка даже саркастическою улыбкой. Вѣчно занятый Иванъ Дмитріевичъ кажется и самъ не находилъ досужаго времени, чтобы вполнѣ оцѣнить самого себя и свое значеніе, а вслѣдствіе того при жизни не достаточно цѣнили его и другіе. Для духовнаго подвига славянофильства, для постоянной борьбы, къ которой такъ примѣнимъ употребленный уже Хомяковымъ текстъ «нѣсть наша брань ко крови и плоти», для предпринятой имъ задачи освѣженія и выработки историческаго русскаго самосознанія врядъ-ли значеніе Ивана Дмитріевича можно уподоблять только значенію пристяжной. Иные ставили задачу шире и отчетливѣе, выражали ее сильнѣе, краснорѣчивѣе, рѣзче; Иванъ Дмитріевичъ давалъ почву и содержаніе обобщеніямъ, кропотливою работой проникалъ въ тайники русскаго духа, выслѣживалъ отраженіе его въ исторіи, въ мельчайшихъ слѣдахъ творчества, въ неказистыхъ по временамъ частностяхъ быта, изъ которыхъ исподволь создавалась общая, величественная картина. Онъ не былъ историкомъ героевъ, которыми и вообще не богата русская исторія или которые сглаживаются, стушовываются въ ней совершенно противуположно исторіи запада, гдѣ личность и личный элементъ преобладаютъ. Подобно типичнымъ русскимъ художникамъ— Гоголю и Достоевскому, онъ изучалъ и возстановлялъ сѣрую, будничную жизнь народа, съ любовью останавливался на самыхъ смиренныхъ, не-

казистыхъ и лишенныхъ блеска мелочахъ, среди которыхъ проходитъ жизнь и которыми совершаетъ она творческую свою работу. Можетъ быть оттого-то и останавливался онъ съ такою любовью на всѣхъ скромныхъ частностяхъ исторической жизни, что передъ нимъ ярче и отчетливѣе чѣмъ передъ другими историками вырисовывался величественный образъ главнаго героя русской исторіи—русскаго народа. Многое въ его рѣчахъ убѣждало слушающаго въ этомъ именно предположеніи. Эта-то именно особенность и содѣйствовала духовному его сближенію и родству съ славянофильствомъ, которому оказалъ онъ такую неоцѣнимую услугу. Если славянофильство стремилось, по выраженію Хомякова, «пробить брешь черезъ ту стѣну, за которую законопатили у насъ все земское начало», то Иванъ Дмитріевичъ подробнѣе, чѣмъ кто-либо, указывалъ слѣды этого земскаго начала въ исторіи отъ древнихъ вѣчевыхъ порядковъ до земскихъ соборовъ и Екатерининской коммиссіи, явившейся подражаніемъ имъ, хотя отчасти. Въ «Разсказахъ о русской исторіи» и въ лекціяхъ онъ живописуетъ намъ исторію отдѣльныхъ земствъ или земщинъ. Исторія въ его воображеніи пріобрѣтаетъ наряду съ государственнымъ и чисто-земскій характеръ. Полузабытые теперь «Русь сто лѣтъ до Рюрика» и «Русь сто лѣтъ послѣ Рюрика» уже носятъ этотъ отпечатокъ, вполнѣ выразившійся въ позднѣйшихъ только его трудахъ. Западникамъ И. Д. часто казался только смѣшенъ. Покойный Ѳ. М. Дмитріевъ разсказывалъ со смѣхомъ, какъ И. Д. сообщалъ ему о придуманномъ имъ новомъ методѣ разработки русской исторіи, сущность котораго заключается въ группированіи историческаго матеріала по областямъ, въ изслѣдованіи самостоятельной жизни отдѣльныхъ областныхъ единицъ. «Ну развѣ можно называть это методомъ? Какой-же это методъ»! А между тѣмъ только этимъ путемъ, только этимъ методомъ и разоблачалося «законопаченное» исторіографіей, какъ и администраціей послѣ-петровскихъ временъ земское начало въ исторической жизни Русскаго народа. Но земскимъ началомъ далеко не исчерпывалось сродство И. Д. Бѣляева съ первыми славянофилами и крупная заслуга въ ихъ дѣлѣ. Если славянофилы были по существу своему демократами и заговорили съ благоговѣніемъ не только о «мужахъ», но и о «мужикахъ», то И. Д. написалъ первую исторію русскаго крестьянства и далъ первый толчокъ къ новой исторической работѣ, съ тѣхъ поръ почти не прерывающейся. Общинное землевладѣніе и особенности въ характерѣ землевладѣнія вообще также вызвали самостоятельные труды И. Д., равно какъ и многіе изъ вопросовъ, существенно важныхъ для міровоззрѣнія славянофильства. Былъ-ли И. Д. вполнѣ самостоятеленъ или примѣнялъ только и приноравливалъ свою работу къ поставленной другими задачѣ? Мы думаемъ, что Иванъ Дмитріевичъ и самъ не могъ-бы отвѣтить на этотъ вопросъ, и врядъ-ли когда нибудь на немъ останавливался. Досугъ свой употреблялъ онъ на изученіе мелочей, по которымъ такъ любилъ онъ разбрасываться. Не разъ въ разговорахъ поднималъ онъ съ пола, имъ самимъ изготовленный списокъ «Стоглава», а стоило только упомянуть о митрополитѣ Даніилѣ, чтобы онъ доставалъ рукопись чуть-ли не изъ за голенища собственнаго своего сапога. Въ послѣдній уже годъ жизни онъ краснѣлъ, какъ школьникъ, когда его уличали въ томъ, что

онъ занимается изслѣдованіемъ о рѣчкѣ Самородинкѣ, вмѣсто другихъ болѣе капитальныхъ трудовъ.—«Да вѣдь рѣчка-то Самородинка, по моему, выходитъ Москва-рѣка», оправдывался онъ пишущему эти строки. Но все это были, такъ сказать, ученыя потѣхи Ивана Дмитріевича, утѣхи, которыми онъ баловалъ и вознаграждалъ себя; важныя, существенныя задачи никогда не выходили у него изъ головы, не забывались имъ. Въ тиши своего скромнаго кабинета онъ перекраивалъ будущее Россіи, возстановляя истинный строй и духъ ея исторіи. Съ любовью вспоминаютъ объ И. Д. Бѣляевѣ всѣ знавшіе его лично; съ интересомъ прочтетъ и новое поколѣніе предлагаемую статью о немъ С. А. Гадзяцкаго *).

Н. Аксаковъ.

Григорій Цамблакъ, митрополитъ кіевскій.

После кончины св. Кипріана, митрополита кіево-московскаго, великій князь литовскій Витовтъ послалъ въ Константинополь полоцкаго архіепископа Θеодосія для поставленія въ митрополита, съ тѣмъ, чтобы онъ жилъ въ Кіевѣ, но не въ Москвѣ. Патріархъ константинопольскій Матθей, отказался исполнить просьбу Витовта и отправилъ въ Москву св. Фотія, еще въ 1393 году, при жизни св. Кипріана, поставленнаго въ митрополита всея Руси. Тогда Витовтъ потребовалъ, чтобы св. Фотій навсегда остался въ Кіевѣ, но и здѣсь получилъ отказъ. Св. Фотій прибылъ въ Кіевъ въ 1409 году, а въ слѣдующемъ 1410 г. былъ уже въ Москвѣ; въ 1411—1412 гг. посѣтилъ западныя епархіи, былъ въ Галичѣ, Луцкѣ, Туровѣ и не мало прожилъ въ Кіевѣ. Оскорбленный отказомъ патріарха, Витовтъ собралъ въ Новогрудокъ, въ 1415 году, на соборъ епископовъ своихъ владѣній, которые послѣ долгаго и упорнаго сопротивленія, рѣшились наконецъ уступить волѣ Витовта и избрали ученаго и добраго Григорія Цамблака въ митрополита литовскаго или Западной Руси, съ званіемъ кіевскаго и всея Руси. 15 ноября того-же года Григорій Цамблакъ былъ поставленъ въ митрополита кіевскаго; ему подчинились архіепископъ полоцкій и епископы: черниговскій, смоленскій, туровско-пинскій, владиміро-волынскій, холмскій, перемышельскій и луцкій. Въ 1419 году, октября 14, Григорій скончался въ Новогрудкѣ, зимою, отъ моровой язвы, и подчинявшіеся ему епископы перешли снова подъ власть митрополита кіево-московскаго св. Фотія. Такъ говорятъ объ ученомъ западно-русскомъ митрополитѣ Григоріи русскіе церковные историки: Филаретъ, архіепископъ черниговскій, Макарій, митрополитъ московскій, также профессоръ Шевыревъ и другіе, заимствовавшіе свои свѣдѣнія изъ новгородской, густынской, никоновской и другихъ лѣтописей и историческихъ актовъ.

---

*) Статья эта начнется въ слѣдующей книжкѣ Р. Б.

До поставленія своего въ митрополита кіево-литовскаго Григорій былъ игуменомъ Дечанской лавры въ Сербіи, и извѣстенъ былъ какъ писатель и проповѣдникъ. Многія слова его напечатаны (см. словарь митрополита кіевскаго Евгенія). Въ Россію Григорій Цамблакъ прибылъ къ своему дядѣ св. Кипріану, митрополиту кіево-московскому, родомъ сербу, возстановителю просвѣщенія въ Россіи. Профессоръ Голубинскій считаетъ Григорія тырновскимъ болгариномъ, происходившаго изъ знатной фамиліи Цамблаковъ (см. краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей: болгарской, сербской и румынской, стр. 507—508); большая-же часть нашихъ древнихъ лѣтописей считаетъ Григорія Цамблака сербомъ, чего не отрицаютъ и сербы, въ странѣ которыхъ онъ трудился и проповѣдывалъ. Между тѣмъ, румынскіе источники отрицаютъ какъ сербское, такъ и болгарское происхожденіе Григорія Цамблака и считаютъ его чистымъ валахомъ. Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя имѣются о немъ въ Румыніи *). «Въ княженіе молдавскаго господаря Александра Добраго (1402—1432 гг.), Григорій Цамблакъ произносилъ свои проповѣди въ каѳедральномъ Сочавскомъ соборѣ; онъ произнесъ, говоритъ профессоръ букарештскаго университета В. А. Уреке, много проповѣдей на румынскомъ языкѣ, но такъ какъ языкъ этотъ былъ тогда далеко не книжный и не письменный, то онъ не могъ ихъ всѣ сохранить, такъ что за малымъ исключеніемъ слова и проповѣди Григорія на молдавскомъ языкѣ, погибли. Незначительное число сохранившихся до нынѣ молдавскихъ проповѣдей Григорія переведено имъ самимъ на сербскій языкъ, для передачи ихъ потомству, потому, что сербскій языкъ имѣлъ литературу и былъ языкомъ какъ церковнымъ, такъ и гражданскимъ румынскимъ книжникамъ»... Всѣхъ извѣстныхъ до настоящаго времени словъ митрополита Григорія на румынскомъ языкѣ восемь. Что всѣ эти слова произнесены Григоріемъ на румынскомъ, но не на сербскомъ языкѣ, котораго не знали молдаване, свидѣтельствуетъ самъ проповѣдникъ, когда говоритъ о любви, съ которою народъ слушалъ проповѣдника: «сколько разъ, говоритъ Григорій, я сѣялъ въ слухъ вамъ, отъ Божественнаго Писанія, вы, какъ земля хорошая и жирная, въ короткое время показали произростаніе тѣхъ сѣмянъ»... Цамблакъ—слово сокращенное изъ «Самвлахъ, т. е. истинный, чистый румынъ. («Bas. Al. Ureke: Istoria litteraturei Române», Bucurescu an. 1884, p., стр. 62 — 63). Нѣкоторые русскіе и сербскіе писатели зовутъ Григорія Цамблака «Семивлахъ», что значитъ полувлахъ, полуславянинъ, что будетъ правдивѣе, нежели приписывать ему болгарское происхожденіе.

Профессоръ Е. Голубинскій приводя въ «Краткомъ очеркѣ православныхъ церквей» и т. д. списокъ молдавлахійскихъ митрополитовъ, упоминаетъ о Григоріи (см. стр. 377), который былъ поставленъ въ митрополита молдавскаго до 1435 г., въ этомъ году онъ находился во Флоренціи у папы Евгенія, и здѣсь принявъ римско-католичество, получилъ отъ папы полномочіе идти проповѣдывать его между православнымъ населеніемъ Венгріи, Молдавіи, Валахіи и Болгаріи. Этотъ Григорій, по мнѣнію Голубинскаго, есть мнимый Григорій Цамблакъ. Профессоръ

*) Въ послѣдній разъ мы были въ Яссахъ и Букарештѣ въ 1891 и 1893 гг.

ясскаго университета Александръ Д. Ксенопулъ говоритъ слѣдующее: «Въ 1435 г. римскій папа ведетъ переписку съ митрополитомъ Молдавіи, каковымъ тогда былъ Григорій Самвлахъ (см. Sequien «Oriens christianus», tom I, p. 1252, тоже и у румынскаго историка Трансильваніи Шинкая (George Sincaiu, tom I, p. 393), который воспроизводитъ по Aloisius Guerra письмо папы. Этого Цамблака папа ищетъ тѣмъ болѣе привлечь къ себѣ, что уже имѣлъ случай лично познакомиться съ нимъ въ Италіи, на Констанцскомъ соборѣ въ 1418 году, когда онъ посланъ былъ Витовтомъ, сторонникомъ уніи съ Римомъ (см. между прочимъ у Филарета, архіеп. черниговскаго, ч. III, стр. 56). Молдавская митрополія, руководимая Григоріемъ Цамблакомъ, не исполнила ожиданій, выраженныхъ въ письмахъ папы. Византійскій императоръ Мануилъ II Палеологъ и вселенскій патріархъ Іосифъ II, недовольные Цамблакомъ, поставили на его мѣсто 27 ноября 1437 года Даміана, будто-бы архидіакона извѣстнаго митрополита ефесскаго Марка (см. Іерархія русской церкви отъ начала христіанства въ Россіи и до настоящаго времени, М. 1894, стр. 232), котораго и отправили на Флорентійскій соборъ. Его подпись значится на актахъ Флорентійскаго собора (см. Allatius: De perpetua concensione, стр. 1387: ὁ ταπεινὸς μητροπολίτης Μολδοβλαχίας Δαμιάνος). Тогда-же говоритъ румынскій лѣтописецъ XVII вѣка «князь Александръ, по волѣ страны, послалъ своихъ представителей, вмѣстѣ съ Григоріемъ Цамблакомъ, въ Константинополь, гдѣ они не нашли ни патріарха, ни императора: тогда они отправились въ Охриду, для изученія закона, нашли тамъ архіепископа, который далъ имъ священниковъ и книги сербскія для церковнаго употребленія (Michael Cogolniceanu: Chronicele Moldaviei et Valachieu, tom I; p. 106). Такъ какъ Григорій Цамблакъ былъ противникъ уніи и къ тому-же не лишенъ былъ дипломатическихъ способностей, то онъ, какъ можно полагать, нарочно опоздалъ прибытіемъ въ Византію, дабы воспользовавшись отсутствіемъ царя и патріарха, отправиться въ Охриду, которая тоже отклонила унію съ Римомъ. Такимъ образомъ молдавлахійская церковь вновь возобновила свои стародавнія сношенія съ автокефальною охридскою архіепископіею, и эти сношенія она дѣятельно поддерживала и при Стефанѣ Великомъ, скончавшемся въ 1503 году. Хотя во главѣ охридской архіепископіи стояли греки, тѣмъ не менѣе сама архіепископія была болѣе славянскою, нежели греческою, поэтому Григорій Цамблакъ принесъ изъ Охриды въ Молдавію богослужебныя книги не греческія, а сербскія. Образованность, насколько она въ то время существовала въ румынскихъ земляхъ, была славянская, и, какъ исключеніе, до XV вѣка, изрѣдка находимъ кое-что румынское по формѣ. До фанаріотовъ, т. е. до 1718 года, славянскій языкъ господствовалъ въ Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи; все высшее общество говорило по славянски, какъ во времена фанаріотовъ (1718—1821) по гречески, а нынѣ по французски. Поэтому можно допустить, что когда въ первый разъ прибылъ въ Молдавію митрополитъ Григорій Цамблакъ, какъ посланецъ или экзархъ вселенскаго патріарха Матоея (1397—1410), то онъ въ столичномъ городѣ Сочавѣ могъ говорить проповѣди на славянскомъ языкѣ, который понимали бояре, но что самъ народъ не зналъ по славянски, какъ говоритъ въ монографіи о Григоріи Цамблакѣ епи-

скопъ Романскій Мельхиседекъ Стефанеску (┼1892 г.), въ органѣ румынской академіи наукъ; Anale le Academiei Romȃna, 1884, part I, это совершенно понятно. Тоже говоритъ и Александръ Ксенополъ, въ своей Istoria Romȃnilor din Dacia Trajana, Iassi, 1889, tom II, p. 242, 246, 245, 246. «Чтобы быть понятнымъ, Григорій Цамблакъ долженъ былъ говорить по румынски». О Григоріи Цамблакѣ преосв. архіеписк. Романскій, Мельхиседекъ помѣстилъ обстоятельную статью въ букарештскомъ журналѣ «Revista archeologica», Bucar. 1884, tom II. Эта статья вышла и отдѣльною книжкою.

По нашимъ, т. е. русскимъ свѣдѣніямъ Григорій Цамблакъ, до избранія на митрополію кіево-литовскую, былъ игуменомъ сербской Дечанской лавры, но по общему мнѣнію румынскихъ писателей, онъ былъ игуменомъ Нямецкаго Пантократорова (т. е. Вседержителя) монастыря (въ которомъ главный соборный храмъ посвященъ Вознесенію Господню) въ Молдавіи, былъ истый румынъ и составилъ между прочимъ службу св. Іоанну Новому Сочавскому, мощи котораго почиваютъ открыто въ соборной церкви, въ Сочавѣ (память 2 іюня).

По каталогу слуцкаго архимандрита Михаила Козанчаскаго, Григорій Цамблакъ былъ митрополитомъ кіево-литовскимъ съ 1415 по 1438 годъ, т. е. 22 года (см. Ходыкевича: историко-критическое разсужденіе о кіевской и галицкой митрополіи), между тѣмъ въ спискахъ и каталогахъ молдовлахійскихъ митрополитовъ Григорій Цамблакъ упоминается на Сочавской каѳедрѣ еще въ 1432 г. (см. списокъ молдовлахійскихъ митрополитовъ, составленный игуменомъ Новонямецкаго монастыря архимандритомъ Андроникомъ (┼1893).

По румынскимъ источникамъ Григорій Цамблакъ оставилъ новогрудскую каѳедру въ 1419 году, а въ 1437 году возвратился въ нямецкую (Némtuliu) лавру, которою управлялъ 14 лѣтъ какъ ея игуменъ (см. между прочимъ Іерархія Всероссійской Церкви. М. 1894, стр. 232, томъ 2). По сказаніямъ русскихъ лѣтописцевъ Григорій Цамблакъ скончался въ 1419 году и погребенъ будто-бы въ Виленскомъ Пречистенскомъ соборѣ, бывшемъ митрополитально-престольномъ, а по другимъ въ Новогрудскомъ Борисоглѣбскомъ соборѣ, ибо литовскіе митрополиты съ 1316 по 1329, и съ 1354 по 1362 г., и съ 1415 по 1419 годъ имѣли мѣстопребываніе въ Новогрудкѣ, гдѣ скончались и погребены литовскіе митрополиты: Ѳеофилъ (┼1329) и Романъ (┼1362) *); по румынскимъже изслѣдованіямъ Григорій Цамблакъ скончался въ 1452 году въ Нямецкой лаврѣ, 84 лѣтъ отъ роду, при молдавлахійскомъ воеводѣ Александрѣ II (1451—1456) и погребенъ въ соборной церкви лавры. Былъли то Григорій Цамблакъ или какой-либо другой молдавлахійскій митрополитъ Григорій, упом. до 1437 г., трудно сказать и требуетъ новыхъ историческихъ изслѣдованій. Въ рукописномъ евангеліи Аѳонскаго Свято-Павлова монастыря есть отмѣтка, что Григорій Цамблакъ скончался въ 1420 году, что сходится съ сказаніями русскихъ лѣтописей.

Н. Д.

---

*) См. Іерархія Всероссійск. Церкви и т. д. М. 1894 г. Ч. 1, стр. 10, ч. 2, стр. 232, 323.

Памяти Димитрія Θеодоровича Масловскаго.

3-го Ноября 1894 года умеръ генералъ-маіоръ Димитрій Θеодоровичъ Масловскій.

Долгая и изнурительная болѣзнь, нажитая и быстро усилившаяся вслѣдствіе чрезмѣрныхъ трудовъ, не пощадила этого прекраснаго человѣка, всецѣло преданнаго русской военноисторической наукѣ, самоотверженно и неустанно работавшаго до послѣдняго дня своей жизни, человѣка, имя котораго навсегда должно остаться въ памяти для каждаго русскаго, которому дорога правда въ родной исторіи.

Д. Θ. Масловскій родился 20-го Сентября 1848 года. Воспитаніе онъ получилъ въ 1 кадетскомъ корпусѣ и въ Павловскомъ военномъ училищѣ, которое окончилъ въ 1866 году и, произведенный въ офицеры, началъ службу въ 4 стрѣлковомъ батальонѣ. Въ 1867 г. онъ перевелся въ артиллерію, а въ 1870 году поступилъ въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба. Переведенный въ Генеральный Штабъ, Масловскій служилъ въ Московскомъ, Казанскомъ и Одесскомъ округахъ. Въ 1878 году подполковникъ Масловскій назначенъ штабъ-офицеромъ при штабѣ Московскаго военнаго округа. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ преподавалъ тактику въ Александровскомъ военномъ училищѣ. Въ 1881 году Масловскій произведенъ въ полковники; въ 1884 назначенъ начальникомъ штаба 1-й пѣхотной дивизіи; въ 1889 назначенъ профессоромъ военнаго искусства въ Академіи Генеральнаго штаба; въ 1891 произведенъ въ генералъ-маіоры.

Кромѣ того, генералъ Масловскій состоялъ членомъ Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба, дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Общества Исторіи и древностей Россійскихъ, членомъ-корреспондентомъ Императорскаго общества любителей древней письменности.

Обладая чисто русской душой, горячимъ сердцемъ, обширнымъ, серьезнымъ и глубокимъ умомъ, Димитрій Θеодоровичъ не могъ не обратить особеннаго вниманія, когда онъ былъ еще слушателемъ въ Академіи Генеральнаго Штаба, на изученіе нашей отечественной военной исторіи и съ болью сердца видѣлъ, какъ, вслѣдствіе пренебреженія источниками и отсутствія необходимыхъ пособій, неполно и даже неправильно поставлено было преподаваніе и изученіе этой науки: безсмертные подвиги русскихъ войскъ и знаменательныя по своимъ существеннымъ послѣдствіямъ побѣды находили совершенно неудовлетворительныя объясненія даже у первѣйшихъ русскихъ историковъ, основывавшихъ свои выводы на источникахъ неполныхъ, по большей части иностранныхъ, или, если и русскихъ, то сильно подверженныхъ иностранному вліянію.

И вотъ, проживая съ 1878 года въ Москвѣ и получивъ возможность изъ драгоцѣнныхъ первоисточниковъ добиться истины, Д. Θ. всецѣло предался изученію и разработкѣ архивовъ, предался въ буквальномъ смыслѣ душой и тѣломъ, ибо и недугъ, безвременно сломившій его, былъ, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ его неустаннаго, до фанатизма

горячаго отношенія къ этому тяжелому, но любезному для него труду. И этотъ всегда скромный и безкорыстный человѣкъ успѣлъ при жизни своей, по крайней мѣрѣ самъ въ себѣ, получить лучшую награду: то, что онъ прежде только чуялъ, неопредѣленно сознавалъ, за что скорбѣлъ—въ томъ нынѣ онъ убѣдился воочію; онъ ясно увидѣлъ всю безосновательность такихъ обидныхъ для каждаго русскаго, любящаго свою родину, предположеній, какъ напримѣръ: «дѣйствія русскихъ (въ Семилѣтнюю войну) представляются въ какомъ-то чудовищномъ видѣ, это были какіе-то дикіе набѣги варваровъ, перенявшихъ военное искусство у турокъ...» *) и своими безупречными, по правдивости и основательности, изслѣдованіями, основанными лишь на несомнѣнныхъ историческихъ матерьялахъ, доказалъ всякому, незакрывающему глаза передъ правдой, что дѣйствія русской арміи, русскихъ полководцевъ, русскихъ военныхъ организаторовъ, многихъ русскихъ генераловъ представляются весьма часто образцовыми, а побѣды Петра I, побѣды Румянцева, Суворова, были естественнымъ и логическимъ слѣдствіемъ высокаго состоянія военнаго искусства въ Россіи. И при томъ уже неоспоримой истиной оказалось, что главной причиной временнаго упадка военнаго искусства (напримѣръ вскорѣ послѣ смерти Петра I) было то, что все военное дѣло въ Россіи переходило въ руки такихъ иностранцевъ, которые не понимали или не желали понять существенныхъ особенностей русскаго военнаго искусства, иностранцевъ, которые были чужды русскому воинству, русской жизни.

Отнынѣ-же, благодаря трудамъ Д. Ѳ. Масловскаго, мы, напр., «о Петрѣ вѣдаемъ», что онъ былъ искусный стратегъ и полководецъ, обладавшій обширными военными познаніями и обширнѣйшимъ военнымъ взглядомъ. И не заглохло здоровое сѣмя, брошенное имъ на здоровую русскую почву: въ послѣдующія эпохи имена Апраксина, Салтыкова, Потемкина и особенно Румянцева и Суворова много говорили, а теперь еще яснѣй и еще болѣе будутъ говорить русскому уму, русскому сердцу. Въ Академіи Генеральнаго Штаба своими «Записками по Исторіи Военнаго Искусства въ Россіи», своими дѣльными, увлекательными чтеніями, генералъ Масловскій направилъ и поставилъ свой предметъ на твердое основаніе, и теперь изученіе русской военной исторіи и исторіи военнаго искусства въ Россіи не будетъ сопровождаться горькимъ и обиднымъ чувствомъ, происходящимъ вслѣдствіе яко-бы невозможности или даже ненужности такого изученія.

Вотъ только слабый намекъ на плоды дѣятельности покойнаго Д. Ѳ. Масловскаго.

Первое его сочиненіе, вышедшее отдѣльной книгой, было «Строевая и полевая служба русскихъ войскъ временъ Императора Петра Великаго и Императрицы Елисаветы», напечатанное въ 1883 году.

Въ 1886—1890 гг. былъ выпущенъ въ трехъ томахъ капитальнѣйшій трудъ: «Русская армія въ Семилѣтнюю войну». Это изслѣдованіе

---

*) Масловскій: «Русская армія въ Семилѣтнюю войну». Вып. I. Приложенія, стр. 2.

заключаетъ въ себѣ обширный матерьялъ для исторіи русской арміи, русскаго военнаго искусства и явилось вмѣстѣ съ тѣмъ указателемъ истинно-національной, отрѣшенной отъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ, основанной съ одной стороны только на строго провѣренныхъ первоисточникахъ, съ другой же стороны на положительныхъ началахъ чистой науки,—указателемъ истинно-руской военно-исторической науки.

Затѣмъ появились слѣдующіе труды:

1887 г. Русско-Австрійскій союзъ 1759 г.

1888 г. Атака Гданска Минихомъ 1734 г.

— Реляція временно-главнокомандующаго русской арміей, генералъ-поручика Фролова-Багрѣеева 1759 г.

1889—1892 г.г. Матерьялы къ исторіи военнаго искусства въ Россіи. Три выпуска.

1890—1893 г. Изданъ каталогъ Московскаго Отдѣленія общаго архива Главнаго Штаба. Четыре выпуска.

1892—1893 г. Сборникъ военно-историческихъ матерьяловъ. Три выпуска.

1891—1894 г. Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи.

Въ журналѣ «Военный Сборникъ» въ 1881 году было напечатано первое изслѣдованіе генерала Масловскаго: «Опытъ критическаго разбора похода Димитрія Донского до Куликовской битвы включительно».

Затѣмъ появляется рядъ статей:

1883 г. Изъ исторіи военнаго искусства въ эпоху Петра Великаго.

1888 г. Роль графа Тотлебена при взятіи русскими Берлина.

1890 г. Помѣстныя войска русской арміи въ XVII столѣтіи.

1890 г. Первая боевая дѣятельность Петра I.

1891 г. Гольцинъ-Тальцигскій маршъ-маневръ графа Салтыкова. Сраженіе при Пальцигѣ 12 Іюля 1759 г.

1891 г. Русское военное дѣло при фельдмаршалѣ Минихѣ.

1892 г. Главнѣйшіе источники по русской военной администраціи XVII столѣтія.

1892 г. Русская армія Екатерины II.

— По поводу статьи: «Нарвская операція 1700 г.

1893 г. Ларго-Кагульская операція графа Румянцева 1769—1770 г.г.

1893 г. Сраженіе при Маціовицахъ и штурмъ Праги 1794 г.

1894 г. Оборона береговъ Суворовымъ и Кинбурнская операція 1787 г.

1894 г. Библіографическій обзоръ «Сборника военно-историческихъ матерьяловъ, выпускъ VII. Бумаги князя Потемкина-Таврическаго.

1894 г. Гродненская операція до сосредоточенія союзниковъ на Нѣманѣ.

Изъ одного этого перечня сочиненій генерала Масловскаго видно, сколько труда и усилій положилъ онъ на служеніе своей завѣтной идеѣ и родной наукѣ. Это самопожертвованіе, эта лихорадочная поспѣшность при сознаніи скораго своего конца,—какъ много говоритъ о его высокочестной, правдивой душѣ, о его любившемъ родину чистомъ сердцѣ.

Слабый тѣломъ, но сильный духомъ, Дмитрій Ѳеодоровичъ если и думалъ съ грустью о своей безпощадной болѣзни, то лишь въ сознаніи, что онъ еще не все сдѣлалъ и ему не удастся докончить всего предположеннаго. Да и какъ докончить, когда Д. Ѳ. никогда не пересталъ бы бороться за правду въ исторіи и никогда не сложилъ бы рукъ передъ наукой, лишь недавно пріобрѣтшей права самостоятельнаго существованія.

Какъ профессоръ, генералъ Масловскій не обладалъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе своей болѣзненности, тѣмъ, что обыкновенно принято считать выдающимся ораторскимъ талантомъ, но мы, ученики его въ Академіи, чувствовали на его замѣчательно увлекательныхъ лекціяхъ, что это было поистинѣ живое слово; мы, вмѣстѣ съ нимъ, переносились въ славныя, блестящія по успѣхамъ русскаго оружія времена Петра I, Елисаветы Петровны и Екатерины II.

Да, этотъ человѣкъ самъ жилъ прошлымъ и умѣлъ и другихъ заставить своимъ горячимъ словомъ пережить и перечувствовать тоже, что переживалъ и чувствовалъ онъ самъ. Онъ страстно и горячо любилъ свой предметъ и онъ былъ нашимъ любимымъ профессоромъ!

Говорятъ, что Д. Ѳ. предчувствовалъ свою кончину и даже говорилъ во время болѣзни покойнаго Государя, что онъ не переживетъ Его. На нашихъ глазахъ не стало Державнаго Русскаго Богатыря, смѣло развернувшаго русское знамя съ девизомъ: «Россія—для русскихъ». Своимъ высокимъ и дѣйствительнымъ покровительствомъ Онъ далъ возможность стать и русской военно-исторической наукѣ въ Его Царствованіе, наконецъ, на прочное основаніе и идти неуклонно и безостановочно далѣе впередъ по пути самостоятельнаго развитія. Первымъ положившимъ это основаніе и былъ генералъ Масловскій, который совершилъ по истинѣ подвиги и принесъ въ жертву самого себя священному долгу и горячо любимой наукѣ. Изъ 46-ти лѣтъ его жизни наиболѣе плодотворными были послѣднія 14, совпавшія по времени съ Царствованіемъ недавно почившаго Государя.

Предчувствіе не обмануло Д. Ѳ.—онъ пережилъ своего Императора лишь нѣсколькими днями.

Да будетъ вѣчная память этому замѣчательному, многопотрудившемуся, многоболѣвшему и горячо любившему свою родину человѣку и пусть онъ будетъ для насъ свѣточемъ, направляющимъ дѣятельность нашу къ правдѣ, а кто можетъ и хочетъ—къ продолженію начатаго имъ труднаго, но славнаго и святого дѣла.

А. Н. Д.

Нѣсколько мыслей по вопросу объ отношеніяхъ стратегіи къ политикѣ

По поводу рѣчи В. И. Ламанскаго въ общемъ собраніи членовъ Славянскаго Общества.

«Каждый важный историческій фактъ, подобно медали, имѣетъ двѣ стороны. Лицевая сторона этой медали (факта) скоро дѣлается общеизвѣстною... Оборотная сторона медали вообще мало кого интересуетъ». *Д. Масловскій.* Русская армія въ семилѣтнюю войну. Вып. III, стр. 59.

Чрезвычайное общее собраніе членовъ Славянскаго Благотворительнаго Общества 10 ноября было посвящено памяти преждевременно отошедшаго въ вѣчность Царя-Миротворца, Императора Александра III, горячо любившаго Россію и, по Его-же словамъ, служившаго ей и ея благоденствію. Собраніе это представляло посильную попытку Славянскаго Общества отдать должную дань справедливости въ Бозѣ почившему Государю и разобраться, на сколько это было возможно, въ томъ безпредѣльномъ горѣ, которое, какъ сказано въ Высочайшемъ Манифестѣ 20 октября, не можетъ быть выражено словами, но которое пойметъ каждое русское сердце. Посильныя попытки подвести итоги Царствованія, только что ставшаго достояніемъ исторіи, и имѣли цѣлью съ большей или меньшей полнотою выполнить указанную задачу, окончательное рѣшеніе которой, само собою разумѣется, выпадаетъ на долю будущихъ историковъ. Но изъ сказанныхъ въ собраніи рѣчей не могутъ быть оставлены безъ возраженій нѣкоторыя положенія *В. И. Ламанскаго,* главнымъ образомъ по отношенію къ разнымъ частностямъ славянскаго вопроса.

Вопросъ этотъ относится къ области *политики,* которая должна всегда оцѣнивать сколь возможно тщательнѣе *обстановку,* т. е. всѣ окружающія обстоятельства во всей ихъ совокупности, и согласовать съ ея требованіями свою программу и всѣ свои дѣйствія.

Война есть крайнее средство въ рукахъ политики, стремящейся къ достиженію входящихъ въ ея программу государственныхъ цѣлей; къ ней политика должна обращаться лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда война дѣйствительно необходима съ точки зрѣнія требованій „обстановки". Иначе говоря, политика должна рѣшать вопросъ о войнѣ съ точки зрѣнія ея *цѣлесообразности,* такъ же, какъ *стратегія* рѣшаетъ вопросъ о *боѣ.* Въ то же время рѣшеніе вопроса о войнѣ съ точки зрѣнія *планосообразности* находится въ такомъ же отношеніи къ области стратегіи, въ какомъ рѣшеніе вопроса о боѣ съ этой же точки зрѣнія къ области *тактики.*

Но если отношенія политики къ стратегіи таковы-же, какъ и отношенія стратегіи къ политикѣ, то въ дѣлѣ руководства операціями очевидно должно признать наилучшимъ объединеніе въ рукахъ одного и того-же геніальнаго дѣятеля и политики, и стратегіи, и тактики, какъ это и доказывается соотвѣтствующими періодами дѣятельности Александра Великаго, Густавава-Адольфа, Петра I, Фридриха Великаго и Наполеона I; если же это невозможно, то удовлетворительнымъ рѣшеніемъ можетъ быть признано соединеніе въ рукахъ одного и того-же, возможно болѣе талантливаго лица веденіе всѣхъ собственно-военныхъ операцій (стратегіи и тактики) при условіи сохраненія должной *связи и согласія между стратегіею и политикою*, какъ это доказывается примѣромъ дѣятельности пруссаковъ въ 1866—1871 г.г., когда король Вильгельмъ I нашелъ помощниковъ: геніальнаго въ области политики графа Бисмарка и высокоталантливаго въ области военнаго искусства (собственно въ области стратегіи генерала) Мольтке.

Хотя военная исторія представляетъ не мало примѣровъ отсутствія цѣлесообразныхъ отношеній между стратегіею и тактикою, тѣмъ не менѣе слишкомъ очевидная необходимость наличности ихъ не оспаривается никѣмъ, за исключеніемъ лишь немногихъ носителей парадоксальныхъ воззрѣній. Нельзя сказать того-же объ отношеніяхъ политики къ стратегіи, необходимость упорядоченія коихъ почти никѣмъ не сознается: военная исторія, отъ начала древнихъ вѣковъ до нашихъ дней, представляетъ почти сплошь и рядомъ одни лишь примѣры отрицательныхъ рѣшеній этого вопроса, а послѣ той или другой войны лишь немногіе, главнымъ образомъ спеціально-военные изслѣдователи доходятъ до уразумѣнія сущности даннаго вопроса; но и они приносятъ дѣлу весьма мало пользы вслѣдствіе своей односторонности; дипломаты же и даже ученые не военные, за рѣдкими исключеніями, въ общемъ, ни до войны, ни во время ея, ни послѣ ея, не выходятъ изъ заколдованнаго круга, центръ котораго, конечно, не совпадаетъ съ центромъ тяжести вопроса и который, мало того, даже его не касается вовсе. Причины этого явленія различны не только для каждаго изъ этихъ двухъ разрядовъ дѣятелей, взятыхъ порознь, но и для отдѣльныхъ категорій въ каждомъ разрядѣ (преимущественно во второмъ). *Дипломаты* чаще всего встрѣчаютъ и ощущаютъ непреодолимыя затрудненія и смущеніе, если только обстановка требуетъ, чтобы они покинули торный путь той или другой рутины. *Ученые не военные* большею частью относятся съ пренебреженіемъ къ военному дѣлу, котораго они не знаютъ и значенія котораго они не понимаютъ, а что всего хуже, оцѣниваютъ и значеніе самой войны не съ точки зрѣнія условій, существующихъ въ дѣйствительности на земномъ шарѣ,

а съ точки зрѣнія различныхъ идеаловъ, которые если и могутъ быть достигнуты, то развѣ только въ безконечности. Казалось-бы, отъ нихъ-то скорѣе всего можно было-бы ожидать всесторонняго изученія обстановки, соотвѣтствующаго освѣщенія фактовъ и ихъ связи и соотвѣтствующихъ обобщеній и заключеній. На дѣлѣ же замѣчается изученіе обстановки не только не всестороннее, но даже нерѣдко недостаточно многостороннее, а это отражается на освѣщеніи фактовъ и ихъ связи, и на обобщеніяхъ и заключеніяхъ.

Вслѣдствіе этого въ наукахъ, посвященныхъ изученію развитія народовъ и обществъ, все еще царитъ хаосъ, который и будетъ продолжать господствовать до тѣхъ поръ, пока не будетъ сознана необходимость для науки отрѣшиться отъ различныхъ предвзятыхъ идей и отъ идеаловъ, непригодныхъ для той планеты, на которыхъ живетъ человѣчество, и обратиться къ всестороннему изученію условій, при которыхъ совершается его жизнь, не пренебрегая ничѣмъ, существующимъ въ дѣйствительности, и не закрывая глазъ предъ этою дѣйствительностью, какъ бы она ни была неприглядна.

Съ этой точки зрѣнія для всѣхъ ученыхъ, какъ военныхъ, такъ и не военныхъ, одинаково обязательны: а) уразумѣніе недостаточности принятой до настоящаго времени программы и соотвѣтственнаго объема изученія, б) надлежащее дополненіе указанныхъ программы и объема и в) открытіе и упроченіе взаимной между собой связи и должнаго единенія на пользу общаго дѣла.

Если это когда-нибудь осуществится, то продолжающійся еще съ древнихъ вѣковъ до нашего времени между представителями ученаго міра споръ о значеніи войны въ ряду другихъ явленій въ жизни народовъ и обществъ если не прекратится вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, потеряетъ вредный для дѣла острый характеръ. Тогда только всѣ ученые не военные [1]), уразумѣютъ наконецъ, что война, какъ это ни печально,—явленіе неизбѣжное, перестанутъ смотрѣть на нее сквозь очки неумѣстной въ наукѣ фантазіи, какъ на нѣчто, происходящее какъ-бы по недоразумѣнію, и естественно не замедлятъ обратиться къ сколь возможно болѣе полному выясненію и точному опредѣленію ея значенія, а равно и отношеній политики къ стратегіи. Это будетъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если имъ пойдутъ навстрѣчу ученые военные, среди которыхъ уже теперь сознается необходимость рѣшенія той-же задачи съ обратной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія отношеній стратегіи къ по-

---

[1]) Изъ невоенныхъ представителей ученаго міра не всѣ были противниками войны: ея сторонниками были или высказывали соотвѣтствующіе взгляды Гераклитъ, Спиноза, Гоббезъ, Де-Местръ, Гегель, Лассонъ, Прудонъ, Трейчке и т. д.

литикѣ. Только тогда дружная работа всѣхъ дѣятелей науки дастъ должные результаты и приведетъ наконецъ къ тому, что уроки исторіи не будутъ пропадать даромъ для политики, которая, поддерживая всегда надлежащую связь съ стратегіею, будетъ въ состояніи рѣшать вопросъ о войнѣ съ точки зрѣнія ея цѣлесообразности, давая стратегіи задачи, отвѣчающія и силамъ и средствамъ, предоставляемымъ въ ея распоряженіе, и, само собою разумѣется, исполняя свои обязанности по отношенію къ той же стратегіи въ дѣлѣ подготовки къ войнѣ въ широкомъ смыслѣ.

Только тогда станетъ для всѣхъ яснымъ, что въ политикѣ, какъ и въ стратегіи, самую существенную часть операціи составляетъ выработка *основной* ея *идеи*, правильной отправной точки для рѣшенія всѣхъ частныхъ вопросовъ. Эта основная идея операціи обнимаетъ рѣшеніе вопроса о *направленіи* ея и о выборѣ той точки, куда слѣдуетъ бить (цѣли операціи), наиболѣе важнаго, наиболѣе чувствительнаго въ расположеніи непріятеля [1]) пункта, называемаго *предметомъ дѣйствій* (but objectif, Object) или *рѣшительнымъ пунктомъ* театра военныхъ дѣйствій [2]). Такимъ образомъ самыми важными вопросами въ стратегической операціи являются *постановка цѣли* и *выборъ направленія* операціи или, иначе говоря, *выборъ операціонной линіи*. Высшая, творческая часть стратегіи заключается собственно въ правильномъ разрѣшеніи этихъ двухъ вопросовъ; остальные же вопросы имѣютъ значеніе въ смыслѣ или подготовки, или дополненія къ рѣшенію двухъ указанныхъ капитальныхъ вопросовъ, а рѣшеніе ихъ самихъ выпадаетъ уже на долю стратегической техники, въ которую творческая работа входитъ лишь въ небольшихъ размѣрахъ [3]).

Такъ же точно и на долю *политической техники* должны быть относимы лишь соотвѣтствующіе ея силамъ вопросы, т. е. всѣ, кромѣ двухъ капитальныхъ: *постановки цѣли* и *выбора направленія* операціи (т. е. войны), сводящихся къ одному—къ *выбору операціонной линіи* въ смыслѣ политическомъ; въ правильномъ же рѣшеніи этого вопроса и заключается высшая, творческая часть политики, съ точки зрѣнія ея связи съ стратегіею.

Примѣняя къ этой главнѣйшей операціи тотъ-же масштабъ, который примѣняется къ ней стратегіею [4]), не трудно видѣть, что совокуп-

---

[1]) Въ примѣненіи къ политикѣ можно сказать: *наиболѣе чувствительнаго въ общей совокупности силъ и средствъ предполагаемаго противника, при извѣстномъ ихъ распредѣленіи.*

[2]) Въ примѣненіи къ политикѣ можно сказать: *рѣшительнымъ пунктамъ театра или сферы дѣйствій политики.*

[3]) *Лееръ.* Стратегія. Изданіе 5-е. Часть I. Главныя операціи. Стр. 27.

[4]) См. *Лееръ.* Стратегія, ч. I, стр. и т. д.

ность основныхъ условій, ложащаяся въ основу рѣшенія вопроса о выборѣ операціонной линіи (основной идеи войны по цѣли и направленію), сводится къ слѣдующимъ: операціонная линія должна: а) *вести къ достиженію важной цѣли* (рѣшающей судьбу войны); б) *быть удобнѣйшею* по отношенію ко всей обстановкѣ въ ея совокупности, наиболѣе богатою послѣдствіями, и в) *быть безопасною*. Въ этихъ трехъ основныхъ условіяхъ и заключается вся сущность вопроса, вся принципіальная сторона, весь теоретическій основной фондъ самаго главнаго вопроса политики, съ точки зрѣнія ея связи съ стратегіею.

Первое условіе—важность цѣли. Каждая война имѣетъ двѣ цѣли: политическую и военную. *Военная* цѣль войны неизмѣнна: она сводится къ истребленію и разрушенію непріятеля [1]), къ крайнему ослабленію его силы и воли съ тѣмъ, чтобы этимъ путемъ заставить его подчиниться извѣстнымъ требованіямъ. *Политическая* цѣль войны измѣнчива [2]), но чѣмъ ближе она подходитъ къ военной, тѣмъ обильнѣе плоды можетъ пожать политика въ случаѣ успѣха стратегіи. Это возможно въ достаточной мѣрѣ лишь въ томъ случаѣ, если *операціонная линія*, избираемая политикою, будетъ вести къ достиженію *цѣли* не только важной, говоря вообще, но безусловно важной и даже *важнѣйшей* при данной обстановкѣ, съ точки зрѣнія требованій той-же обстановки во всемъ ея объемѣ, иначе говоря, если предпринимаемая война будетъ безусловно цѣлесообразна. Иначе можетъ случиться, говоря въ духѣ извѣстнаго изрѣченія *Ллойда* [3]), что *и десять войнъ не послужатъ ни къ чему.*

По отношенію къ этому вопросу политика, въ большой части случаевъ [4]), находится въ положеніи, вынуждающемъ ее дѣйствовать по *внутреннимъ* операціоннымъ линіямъ [5]). Въ области стратегіи линіи эти оказываются выгодными: а) когда армія, находящаяся въ центральномъ положеніи, отличается *подвижностью* и особенною *энергіею въ дѣйствіяхъ*; б) когда внутреннія линіи будутъ *не слишкомъ длинны* и *не слишкомъ коротки*, такъ какъ при дѣйствіяхъ по этимъ линіямъ существуетъ только относительно короткій промежутокъ времени (правильнѣе—одинъ мигъ) для *перехода* отъ *пассивнаго выжиданія* къ *безпощадно-рѣшительному наступленію*; в) когда *силы* арміи, находящейся во внутреннемъ расположеніи, *не слишкомъ велики*, такъ какъ большія массы слишкомъ тяжелы и неповоротливы, а главная выгода внутреннихъ линій основана на подвижности.

---

[1]) «*Niederwerfing des Feindes*», по Клаузевицу. [2]) *Лееръ.* Стратегія, ч. I, стр. 47. [3]) *Ллойдъ*: «иначе и десять компаній не послужать ни къ чему». См. *Лееръ* Стратегія, ч. I, стр. 46. [4]) *Лееръ.* Стратегія, ч. I, стр. 317—324. [5]) Вѣрнѣе даже: *обыкновенно.*

Вводя соотвѣтствующія поправки, можно признать, что дѣйствія по внутреннимъ линіямъ приведутъ къ болѣе или менѣе полнымъ результатамъ: а) когда политика будетъ отличаться въ должной степени *дѣятельнымъ* характеромъ и неистощимою, несокрушимою, а въ случаѣ необходимости даже безпощадно-рѣшительною *энергіею*, и б) когда при этомъ она будетъ обладать умѣньемъ *вѣрно оріентироваться* и правильно *оцѣнивать* самую замысловатую *обстановку* [1]), соединяя съ этимъ (въ лицѣ своего руководителя) необыкновенную *силу воли* и способность *мгновенно рѣшаться*. Что касается *силъ* (и средствъ), находящихся въ распоряженіи политики, то чѣмъ эти силы *больше*, тѣмъ ея положеніе *лучше* вообще всегда, и съ этой точки зрѣнія не только большія силы никогда не могутъ ее стѣснить, но даже наоборотъ онѣ дадутъ ей возможность проявить большую рѣшимость и настойчивость, большую энергію въ дѣйствіяхъ. Подобно тому, какъ стратегіи приходится дѣйствовать противъ нѣсколькихъ непріятельскихъ *группъ*, такъ и политикѣ приходится считаться и дѣйствовать противъ нѣсколькихъ (а иногда даже многихъ) болѣе или менѣе враждебныхъ *политическихъ силъ* (государствъ и т. п.) Для стратегіи теорія внутреннихъ операціонныхъ линій, поставивъ вопросъ, противъ которой изъ отдѣльныхъ непріятельскихъ группъ ударъ долженъ быть направленъ прежде всего, рѣшаетъ его безъ колебанія—*противъ опаснѣйшей* (по характеру противника, численной его силѣ, положенію относительно операціонной линіи или предмета дѣйствій). Это же рѣшеніе указаннаго вопроса должно быть примѣнено (также безъ колебанія) и къ политикѣ, конечно, съ соотвѣтствующимъ расширеніемъ элементовъ обстановки, которые должны быть принимаемы ею въ соображеніе [2]).

И такъ первое условіе, ложащееся въ основу рѣшенія вопроса о выборѣ операціонной линіи политикою, приводитъ къ необходимости выбирать изъ представляющихся ей всегда нѣсколькихъ болѣе или менѣе важныхъ цѣлей—*важнѣйшую*, при чемъ главнымъ предметомъ дѣйствій должна являться *опаснѣйшая* политическая сила, самая же война должна логически вытекать изъ сущности условій обстановки, взятой во всемъ ея объемѣ, должна быть строго цѣлесообразною.

Вотъ необходимѣйшіе принципы, которые должно имѣть въ виду при разсмотрѣніи рѣчи Ламанскаго.

П. Гейсманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Для этого ей необходимъ *необыкновенный глазомѣръ*.

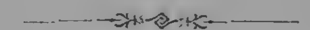
[2]) Какъ въ области стратегіи, такъ и въ области политики образцовыя рѣшенія подобныхъ задачъ принадлежатъ великимъ мастерамъ искусства.

Изъ Я. Верхлицкаго.

Дитя.

Кончался день. Съ прогулки оживленной
Шло общество веселое домой.
Хотя съ утра былъ вѣтеръ и туманъ,
Но къ вечеру погода разгулялась.
Прохладный воздухъ лица освѣжалъ;
Съ горы былъ чудный видъ, и путь обратный
Веселой болтовнею былъ наполненъ.
Заходятъ по дорогѣ освѣжиться
Въ гостиницу; садятся въ ней за карты.
Туда же въ залъ старикъ смиренно входитъ;
Онъ взялъ свободный стулъ, усѣлся въ уголъ
И тихо сталъ наигрывать на цитрѣ.
Несчастный музыкантъ! Мнѣ показалось,
Что онъ, подобно птицѣ перелетной,
Усталой и помятой, непогодой
Былъ загнанъ къ намъ. Онъ что-то пѣлъ подъ цитру.
Создатель только знаетъ, что онъ пѣлъ.
Но голубыя старческія очи,
Которыя изъ-подъ сѣдыхъ бровей
Смотрѣли, какъ фіалки изъ-подъ снѣга,
О золотомъ прошедшемъ говорили.
Онъ кончилъ наконецъ игру и пѣнье;

Но общество, болтавшее безпечно,
Казалось, не слыхало ничего;
И лишь дитя, сидѣвшее въ сторонкѣ
У няни на колѣняхъ, въ восхищеньи
Захлопало въ ладоши и вскричало:
«Еще! еще!» Никто того не видѣлъ,
А я подумалъ: вотъ какой пріемъ
Искусство иногда находитъ въ мірѣ!
Библейскій стихъ мнѣ вспомнился при этомъ:
Уста младенцевъ возвѣстятъ хвалу.
И далѣе подумалъ я: какъ часто
Инстинктомъ постигаетъ дѣтскій разумъ
Прекраснѣйшую мысль, межъ тѣмъ какъ свѣтъ
Даритъ ее презрѣніемъ холоднымъ!
Тутъ мѣсяцъ показался изъ за тучъ
И окружилъ серебрянымъ сіяньемъ
И старца, и дитя... И ночь настала.

Копіи спяти грамотокъ.

I.

Письмо Великаго князя Василія Іоановича къ женѣ.

отъ великого князя василья івановича всеа русіи, женѣ моей оленѣ, что меня недержишь безвести о своемъ здоровье ипото дѣлаешь гораздо и тыбъ и впредь недержала меня безвести о своемъ здоровье какъ тобя Богъ милуетъ да и оіване сынѣ ко мнѣ отпиши какъ его Богъ милуетъ а язъ здѣсе милостію Божіею и пречистые его матери и святыхъ чудотворцевъ молитвою и родительскою молитвою сѣми часы далъ Богъ живъ до Божьей воли и поздорову есми совсѣмъ. да писала еси комнѣ напередъ сего что противъ пятницы іванъ сынъ покрячѣлъ анынѣ писала еси комнѣ что у сына уівана явилось на шее подзатылкомъ мѣсто высоко да крѣпко. анапередъ сего отомъ еси комнѣ неписала, а нынѣ пишешь что утре въ недѣлю на первомъ часу то мѣсто на шее стало у него повыше да ичерленѣе. а гною нѣтъ. и то мѣсто у него поболаетъ. и ты комнѣ напередъ того чего дѣля отомъ не писала. анаписала еси что іванъ сынъ покрячѣлъ, и ты комнѣ нынѣ отписала какъ івана сына Богъ милуетъ. и что унего таково на шее явилося. и которымъ обычаемъ явилося и сколь давно. и каково ныне. исокнягинями бы еси, избоярынями поговорила что таково у івана сына явилося и живетъли таково у дѣтей умалыхъ, и будетъ живетъ ино счего таково слыветъ сродули или сыного счего о всемъ бы еси отомъ збоярынями поговорила, и ихъ выпросила да ко мнѣ о томъ отписала подлинно чтобъ то язъ вѣдалъ да ивпередъ да ивпередъ какъ чаютъ они макали то будетъ и что прото ихъ примыслъ что бы мнѣ ито вѣдомо было, и какъ нынѣ тобя Богъ милуетъ и сына івана какъ Богъ милуетъ овсемъ отомъ комнѣ отпиши. а писалъ умени сію грамоту діакъ мои меншыкъ путятинъ, изапечаталъ есми еѣ своимъ перстнемъ

на оборотѣ подпись: женѣ моей Оленѣ.

Года и числа неозначено.

Соощилъ В. И. Семенковичъ.

Забайкальскіе волки.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Семья Людмилы.

— Катенька!

— Волеша!

Дружески, съ радостію давно не видавшихся пріятелей привѣтствовали они другъ друга. Онъ молодой человѣкъ,—входя въ богато убранную спальню, гдѣ въ полумракѣ на широкой роскошной кровати лежала прикрытая розовымъ одѣяломъ, въ чепцѣ и кофтѣ, выздоравливающая отъ недавнихъ родовъ Катенька, родственница и большая пріятельница вошедшаго къ ней молодого человѣка, женщина лѣтъ тридцати съ хвостикомъ, необъятно раскормленная, съ грубыми, но пріятными чертами лица и слегка баспстымъ и вульгарнымъ, но молодымъ и свѣжимъ голосомъ.

— Ну что, какъ вы себя чувствуете, Катенька? Мнѣ Робертъ Александровичъ сказалъ, что къ вамъ можно войдти! осторожно ступая на цыпочкахъ, тихимъ голосомъ спросилъ молодой человѣкъ, приближаясь къ кровати.

— Да говорите громко, Волеша, вѣдь я почти совсѣмъ поправилась! Чего мнѣ лежать-то! Послѣ завтра обязательно встану! Да пожалуйста поднимите штору, тутъ такъ темно! И Катенька сама приподнялась повыше на постели. Берите кресло, присаживайтесь! Вонъ въ той коробкѣ тягучки ваши любимыя! Какъ я рада вамъ, скучища смертная и заботы пропасть! Ахъ, Волеша!..

— Какая вы молодецъ! перебилъ онъ ее. Что это? недѣли, кажется, не прошло, а вы ужь вставать готовы!

— Пятый день сегодня! Вотъ пустяки! Слава Богу, пятерыхъ ребятъ родила до этого, пора привыкнуть! Знаете, Волеша, продолжала она, видимо польщенная, — съ этимъ-то поросенкомъ вѣдь безъ акушерки обошлась! Пріѣхалъ Корытовъ (домашній врачъ), онъ и принималъ! Пока акушерка собралась, да пріѣхала, у насъ уже все кончено было!

— Дѣвочка, вѣдь кажется?

— Да, опять дѣвчонка... вдругъ упавшимъ голосомъ и сдѣлавъ недовольную гримасу отвѣчала купчиха. Ахъ, Волеша, не говорите мнѣ объ этомъ поросенкѣ!

Волеша зналъ, что новорожденная совсѣмъ не желанная и даже противная гостья въ семьѣ его родственницы, во-первыхъ, потому что она дѣвочка, а Катенькѣ, а въ особенности мужу ея, Роберту Александровичу, хотѣлось непремѣнно наслѣдника, а главнымъ образомъ потому, что появленіе ея на свѣтъ, задерживало переселеніе всей семьи въ другой городъ, очень далекій. Но его все таки покоробило нѣсколько отъ такого непріязненнаго отношенія родной матери къ своему новорожденному малюткѣ, хотя онъ и привыкъ къ сравнительной грубости мѣстныхъ нравовъ.

— Ну полно, Катенька, что вы глупости говорите! Ребенокъ-то чѣмъ вамъ помѣшалъ, словно отъ бѣдности воспитывать у васъ его не на что! дружески упрекнулъ онъ купчиху.

— Нѣтъ, Волеша, нѣтъ! запальчиво и съ разстроеннымъ лицомъ защищалась она. Поймите, вѣдь это шестой поросенокъ! Что же это? Всю жизнь что ли я буду маяться? Ни одного изъ своихъ ребятъ и не кормила сама, ни одному даже кормилицы не нанимала, и всѣ живы, и посмотрите какіе гладкіе! Мильда (пятилѣтняя дочка) вонъ по дюжинѣ пряжениковъ за утреннимъ чаемъ уплетаетъ! У другихъ какой уходъ, десять нянекъ, а умираютъ! А у насъ только прибавляются. прости Господи! А главное, Волеша, какъ намъ ѣхать теперь? Собрались, распродали, что нужно было, домъ въ аренду сдали. Въ этомъ мѣсяцѣ выѣхали бы, если бы не ребенокъ!..

— Ну подождите еще мѣсяцъ, тогда ребенокъ оправится и можно будетъ ѣхать съ нимъ! — попробовалъ онъ посовѣтовать, видя ея почти отчаяніе.

— Это съ пискомъ, да съ крикомъ шесть-то тысячъ верстъ ѣхать, да на каждой станціи останавливаться пеленки мыть да сушить! Покорно васъ благодарю! Тоже удовольствіе! Да и Робертъ съ ума сойдетъ отъ одной мысли такъ ѣхать. Знаете какой онъ чистюля!

— Ну какъ же быть-то? Ну тогда оставьте ребенка здѣсь на годъ, на два, у матери, или у кого другого!

— Мать! усмѣхнулась съ горечью Катенька, — она терпѣть не можетъ ребятъ, — не возьметъ никогда! Тоже была охота ей возиться съ нимъ! А постороннимъ отдать не ловко, что скажутъ? Вотъ дескать мать ребенка на чужія руки бросила! Знаете, разговоры кухонные поднимутся!

— А гдѣ онъ, «поросенокъ» то? спросилъ онъ. Я думалъ, что онъ здѣсь, съ вами!

— Чтобы его ароматами наслаждаться! Нѣтъ ужь спасибо! Онъ въ угловой, съ Абросимовной! Подите, посмотрите его, а я пока распоряжусь, чтобы намъ чаю принесли!

Онъ всталъ и, не имѣя никакого особеннаго желанія лицезрѣть новорожденную, пошелъ все таки розыскивать въ обширномъ домѣ комнату, гдѣ она была помѣщена, и прямо наткнулся на Абросимовну.

— Покажи-ка, няня, гдѣ у васъ тамъ ребенокъ; можно его посмотрѣть? обратился онъ къ старухѣ.

— Пожалуйте, Валерьянъ Валентиновичъ, пожалуйте! Почто нельзя-то? она подп сродственницей вамъ доводится, почто не посмотрѣть-то! Ужь такая-то, Валерьянъ Валентиновичъ, раскрасавица! ужь никогда же я такого ребеночка хорошенькаго,—тьфу! прости Господи, чтобы не сглазить!—и не видала!

— Я воображаю! подумалъ онъ на ея похвалы красотѣ ребенка, представляя себѣ, что увидитъ нѣчто въ родѣ краснаго куска мяса.

Такъ приговаривая, старуха провела его черезъ весь коррпдоръ и ввела въ угловую, гдѣ въ люлькѣ спокойно спалъ и, при ихъ шумномъ входѣ, проснулся ребенокъ.

Валерьянъ удивился: нянька была права. Передъ нимъ лежалъ крупный, полный, румяный, съ большими ясными и улыбающимися глазами ребенокъ, хорошенькій, какъ новорожденная Богородица на картинахъ Мурильо.

— Правда вѣдь, няня, хорошенькій ребеночекъ, а я думалъ, что кусокъ мяса увижу! замѣтилъ онъ.

— И что вы! какой же кусокъ мяса? Божіе-то подобіе! Правда-ль нѣть-ли,—вдругъ спросила она,—дѣвки вишь слышали, хозяинъ съ хозяйкой быдто-что разговаривали, что вы съ хозяйкиной сестрой крестными будете?

— Нѣтъ, няня, я наврядъ буду! Вѣрно тотъ же генералъ будетъ, что и Машу у нихъ крестилъ!

— Охъ! не знаю, вздохнула Абросимовна. Видишь ты! интимно обратилась она къ нему, оглянувшись на дверь.—Дитё-то не желанное! Видать вѣдь, сразу видать и по хозяину и по хозяйкѣ! Вотъ и не хотятъ генерала-то, значитъ, безпокоить, да обѣда ему дѣлать; какъ нибудь поскорѣй да по проще хотятъ!..

— Да, вотъ почему меня и приглашаютъ крестнымъ! подумалъ онъ, услышавъ эту новость отъ Абросимовны. Катёнькѣ и ея благовѣрному не хочется тратиться на обѣдъ генералу! Въ порядкѣ вещей!—рѣшилъ онъ.

Но у него проснулось чувство участія и жалости къ хорошенькому ребенку, ставшему поперекъ горла родителямъ.

— Машу-то генералъ крестилъ! — съ оживленіемъ между тѣмъ болтала ему Абросимовна. — Шаль мнѣ пожертвовалъ! Она вздохнула. — А знаете батюшка, Валерьянъ Валентиновичъ, кто Мильду-то у нихъ крестилъ?

— Нѣтъ! машинально отвѣчалъ онъ, нисколько не интересуясь этимъ, любуясь хорошенькимъ ребеночкомъ и думая о предстоящей ему печальной жизни нелюбимаго дитяти.

— Какъ же! удивилась няня. — Андрей Яковлевичъ Причиновъ, миленщикъ нашъ! Дай Богъ ему здоровья! платье мнѣ шерстяное синее подарилъ... И она опять вздохнула и подперла щеку рукою.

— О, няня! оторвался отъ своихъ мыслей онъ, понявъ ея тонкіе намеки и печальный видъ. Я тоже тебѣ шерстяное платье куплю, если буду крестить, не безпокойся! Только отчего это хрипитъ, какъ будто ребеночекъ?

— Много довольны вами, Валерьянъ Валентиновичъ! Много довольны! повеселѣвшимъ голосомъ благодарила его старуха. — Ужъ мнѣ, батюшка, и самой кое-когда кажется, озабоченно прибавила она,—что какъ будто хрипитъ! Да ничего—молочко хорошо кушаетъ! Богъ дастъ поправится завтра! Простудился должно маленечко, вишь наша комната на юру, одинъ хлопнетъ дверью, другой хлопнетъ, долго-ли тутъ простудиться!

Вошла горничная дѣвушка сказать, что хозяйка дожидается Валерьяна Валентиновича чай пить, и онъ, простившись съ Абросимовной, все кланявшейся и благодарившей его, возвратился къ Катенькѣ.

— Что вы тамъ пропали, Волеша? А я вамъ новость скажу! Робертъ рѣшилъ, что никакихъ мы генераловъ нынче не будемъ звать въ кумовья, а попросимъ васъ съ моей сестрой быть крестными, поскорѣй окрестимъ, да и на дачу переѣдемъ всѣ, вѣдь домъ Робертъ уже сдалъ въ аренду! Ахъ, подвелъ насъ этотъ поросенокъ, вотъ какъ подвелъ... Катенька провела рукой по шеѣ.—Знаете, Волеша, я право все надѣялась, что онъ мертвымъ родится...

— Отчего? спросилъ онъ, не подумавъ объ интимности вопроса.

— Ну, этого вамъ знать не полагается...

— А, какой ребеночекъ хорошенькій! Какъ вы его назовете? Опять по нѣмецки, какой-нибудь Эммой? поспѣшилъ онъ перемѣнить разговоръ.

— Людмилой назовемъ вашу крестницу! Да ну ее, не поминайте мнѣ про нее, Волеша! Такъ лучше поговоримъ, давайте! Вотъ, начала она жалобнымъ тономъ,—только одного, кажется, одного въ жизни я желаю и добиваюсь для себя—покоя! Чтобы не надоѣдали мнѣ, ни хозяйствомъ, ни присмотромъ за дѣтьми, ничѣмъ! Чтобы оставили меня въ покоѣ! Ни баловъ, ни вечеровъ не требую я, только одного покоя хочу! И не могу добиться! Такая ужъ судьба!

Собесѣдникъ Катеньки слушалъ улыбаясь жалобы разжирѣвшей и умирающей отъ лѣни и скуки своей пріятельницы и ея идеалы покоя и сна, находя, что она, по крайней мѣрѣ, откровенна и искренна, чѣмъ она и нравилась ему.

— Да чего вамъ, Катенька, больше надо? Проживаете вы, должно быть, въ годъ тысячъ двадцать, за дѣтьми у васъ и няньки и бонна смотрятъ... вамъ и такъ почти нечего дѣлать! Какого вамъ еще покоя?

— Вотъ и вы, какъ и всѣ, думаете, что я ничего не дѣлаю! слегка надулась Катенька.—А знаете ли вы, что я цѣлый день занята? Утромъ я беру уроки рисованія по форфору...

— Въ ваши годы-то! усмѣхнулся онъ.

— Учиться, Волеша, никогда не поздно! Ну, потомъ Робертъ заставляетъ меня по нѣмецки заниматься; потомъ фотографія у меня есть, ею занимаюсь, и музыку не бросаю! А кромѣ того каждый день, по совѣту Корытова, верхомъ ѣзжу: лечусь отъ ожиренія! Притомъ, вы знаете, я еще коллекцію марокъ составляю себѣ и коллекцію монетъ! Вы думаете это легко? Нѣтъ, вы попробуйте сначала! Да, у меня положительно весь день занятъ! съ убѣжденіемъ закончила Катенька. Ни дѣтьми, ни хозяйствомъ мнѣ рѣшительно некогда заниматься!

Она стала показывать ему обѣ свои коллекціи и разсказывать, съ какимъ трудомъ и издержками она добыла рѣдкія марки и старинныя монеты. Нѣсколько китайскихъ и японскихъ монетъ она подарила своему пріятелю, и онъ, просидѣвъ и проболтавъ съ ней до вечера, ушелъ довольный проведеннымъ временемъ, раздумывая дорогой, что Катенька во всякомъ случаѣ лучше всѣхъ его здѣшнихъ знакомыхъ, потомучто она по крайней мѣрѣ, проста, искренна и добра. Надъ нею онъ могъ сколько ему хотѣлось смѣяться, и она не сердилась, сравнивалъ ее съ верблюдомъ, когда она сидѣла на конѣ, и она ничего; тѣмъ и своимъ неизмѣннымъ расположеніемъ она и была мила ему.

Потомъ онъ вспомнилъ о своей будущей крестницѣ, Людмилѣ: какая она хорошенькая, зачѣмъ ее помѣстили въ такую дурную комнату «на юру», по выраженію Абросимовны? она тамъ уже кажется простудилась; ему бы, какъ будущему крестному, слѣдовало попросить Катеньку перевести Абросимовну съ Людмилой въ дѣтскую, а Мильду съ Машей въ угловую. А какъ худо относится Катенька къ своей новорожденной дочкѣ, слышать о ней не хочетъ!.. А что такое, что она ожидала мертворожденнаго ребенка?...

— Завтра, мысленно рѣшилъ онъ, докажу ей, что, какъ матери и хозяйкѣ, цѣна ей грошъ, и что всѣ ея занятія рисо-

ваніемъ, фотографіей, коллекціями—одинъ смѣхъ! Завтра Людмила будетъ переведена съ Абросимовной въ хорошую комнату. Онъ настоитъ на этомъ, онъ ея крестный отецъ... Никогда бы его, человѣка «безъ капитала», и не генерала, не пригласили быть крестнымъ, если бы новый членъ семьи явился желаннымъ гостемъ, а не бѣльмомъ, отъ котораго не знали какъ избавиться! Валерьянъ Валентиновичъ отлично сознавалъ это и чувствовалъ между собой и маленькой Людмилой что-то родственное, какую-то общую имъ обоимъ обиду и людскую несправедливость.

Съ этимъ горькимъ чувствомъ и заснулъ онъ, придя домой. Ему снилась его крошка крестница, хрипѣвшая и протягивающая къ нему свои ручки, съ такою нѣжностью, какъ къ своему спасителю.

На другой день его рано разбудили приглашеніемъ поскорѣй одѣваться, пить чай и ѣхать въ компаніи на охоту на цѣлый день въ степь, верхами. Быть цѣлый день на конѣ, весной, въ безграничной степи, окруженной горами на горизонтѣ и перерѣзанной огромной рѣкой съ безчисленными протоками и островами, это казалось ему, поклоннику природы, такимъ наслажденіемъ, что онъ мгновенно вскочилъ, все забылъ, не допилъ даже своей обычной порціи чая и уѣхалъ.

Поздно ночью вернулся онъ, полный впечатлѣній, усталый безъ конца, счастливый и довольный удачей, и проспалъ почти до полудня.

Только проснувшись вспомнилъ онъ про Людмилу.—Ну, авось она поправилась! утѣшалъ себя онъ. — Можетъ быть, ее уже перевели въ дѣтскую... Но онъ все-таки поторопился одѣться и пошелъ къ Катенькѣ. Противъ воли думалось ему дорогой, что навѣрное никто не позаботился о Людмилѣ, что она родилась сироткой въ семьѣ, что онъ одинъ могъ и долженъ былъ позаботиться о ней, а онъ на охоту уѣхалъ...

Катеньку онъ нашелъ уже на ногахъ, веселую, живую и страшно хлопотавшую за фотографическимъ приборомъ. Всѣ его печальныя мысли о Людмилѣ какъ рукой сняло.

— Катенька, Катенька! закричалъ онъ, увидя ее изъ коридора.—Слышали, я вѣдь дикаго гуся вчера застрѣлилъ!

— Ну! не можетъ быть!

— Да, да! Я вамъ принесу его, сами посмотрите! Да вѣдь какъ убилъ-то, съ коня! Подъѣзжаю я къ озеру и не думалъ, что тамъ есть что-нибудь, не видать ничего, такіе тамъ тростники сплошные... вдругъ... И онъ возбужденно и съ мельчайшими подробностями началъ ей разсказывать, какъ онъ удивительно, даже невѣроятно ловко подшибъ гуся.

Изъ любезности она дѣлала видъ, что ее это интересуетъ и не перебивала его, пока онъ не выложилъ ей всѣхъ своихъ охотничьихъ подвиговъ.

— А крестница ваша все квасится, кажется! сказала она ему, возясь съ фотографіей, когда онъ кончилъ.

— А что она больна? и ему стало стыдно за свою разсѣянность. Не дожидаясь отвѣта, онъ пошелъ посмотрѣть Людмилу. Она была въ той же комнатѣ «на юру», лежала въ люлькѣ такая же хорошенькая, только большіе глаза ея выражали страданіе и она гораздо сильнѣе хрипѣла. Очевидно, она была больна, и Абросимовна подтверждала это:

— Простудилась, какъ не простудиться-то въ такой-то комнатѣ, дуетъ отовсюду! Просила перевести меня въ дѣтскую!— конфиденціально сообщила она будущему крестному.—Самъ не приказалъ! Такъ и зарычалъ, батюшка ты мой! Пришелъ сюда, обругалъ меня! Дѣтская-то вишь рядомъ съ его кабинетомъ! «Пискомъ, говоритъ, вы тамъ мнѣ надоѣдите!» Наровитъ дитя-то свое со свѣту сжить, прости Господи, вишь—не желанное! ворчала Абросимовна, развѣшивая по комнатѣ для просушки бѣлые флаги.

Валерьянъ возвратился къ Катенькѣ.

— Людмила больна, хрипитъ, комната у ней скверная, въ дѣтскую Абросимовнѣ не позволяютъ перейти! Что же это, Катенька? Развѣ вы хотите, чтобы ребеночекъ умеръ? съ упрекомъ обратился онъ къ ней.

— Не возмущайтесь, Волеша, жива будетъ! отвѣтила ему Катенька, но увидѣвъ по лицу и голосу, что онъ дѣйствительно возмущается, крикнула горничной позвать Абросимовну.

— Ты, старая, набросилась на вошедшую Абросимовну Катенька,—какъ смѣла простудить Людмилу?

И-и, да что вы, хозяйка, Христосъ съ вами, да почто я простудила-то? Просто, значитъ, пахнуло на нее изъ двери, ну вотъ она хрипитъ! Да, завтра, Богъ дасть, поправится!

— То-то, ты смотри у меня! отпустила она няньку.—Ну вотъ видите, Волеша, нечего и возмущаться!

— Да вы сами отчего не хотите посмотрѣть, какъ она хрипитъ?

— А, подите вы! Ужъ Абросимовна лучше меня знаетъ! Пойдемте-ка вотъ группу снимать! Несите мнѣ фотографію, да захватите изъ моей комнаты конфекты!

— А можетъ и въ самомъ дѣлѣ нечего опасаться и завтра все пройдетъ! подумалъ онъ, глядя на спокойствіе Катеньки, и пошелъ исполнять ея порученія; затѣмъ помогалъ ей устанавливать и снимать группу и по окончаніи снимковъ распрощался.

На другой день, утромъ, придя къ Катенькѣ и увидавъ спѣшные сборы къ отъѣзду на дачу, онъ заглянулъ въ комнату ребенка, которому было очевидно хуже, хотя онъ и не кричалъ.

— Что же вы, Валерьянъ Валентиновичъ, насказали-то хозяйкѣ про меня! Вѣдь я мѣстомъ дорожу! встрѣтила его упреками Абросимовна.

— Да, конечно, больна дѣвочка! Ужели ты не замѣчаешь, няня? спросилъ онъ ее, не обращая вниманія на ея ворчанье.

— А что я подѣлаю? Еще приказали на дачу съ нею собираться, а на дворѣ-то глянь какой вѣтеръ!

— Только отчего же это не кричитъ она? поинтересовался онъ.

— Отчего, отчего! заворчала старуха,—у ней грудка, не видишь ты? простужена... вотъ у ней и силъ нѣту кричать-то!

— Нужно, няня, доктора позвать!

— Почто не позвать, да какъ хозяйка-то! Еще знать не вставали? Только ужъ вы, Валерьянъ Валентиновичъ, ужъ меня не выдавайте! Мы тоже мѣстомъ дорожимъ! Вѣдь видимое дѣло— дитя не желанное и заботы объ немъ нѣту! Мнѣ самой Людмилочку жалко, да ничего не подѣлаешь! Извѣстно, хозяйское дѣло....

Катенька еще не вставала. Валерьянъ пошелъ въ кабинетъ къ «самому» хлопотать о докторѣ для Людмилы. Онъ хорошо зналъ «самого», бывалаго, прожженнаго, верхоленскаго пріисковаго волка, съ темнымъ и тщательно скрываемымъ прошлымъ, и удивлялся, отчего онъ не милліонеръ до сихъ поръ? Онъ имѣлъ всѣ къ тому качества: былъ уменъ, сдержанъ, смѣлъ до наглости, когда нужно, и хотя былъ не чистъ на руку, но умѣлъ со всѣми ладить и хоронить концы въ воду. Съ Валерьяномъ, какъ и со всѣми, онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, хотя ухитрился даже его разъ надуть при какомъ-то разсчетѣ.

Робертъ Александровичъ по обыкновенію сидѣлъ, уткнувшись въ свои балансы и счета, когда вошелъ къ нему Валерьянъ.

— А, кумъ, или какъ? сватъ? какъ вы мнѣ приходитесь теперь? оторвался онъ отъ стола, здороваясь съ Валерьяномъ.

— Кумъ-то кумъ, только отчего вы свою дочку не бережете? Посмотрите она больна совсѣмъ! нужно доктора, нужно въ дѣтскую ее перевести!

— А..., ну что-жъ, коли больна, вотъ Катенька встанетъ, скажите ей! она распорядится за докторомъ послать или какъ тамъ! А я въ эти бабьи дѣла не вмѣшиваюсь!

Такъ Валерьянъ ничего и не добился отъ него.

Наконецъ встала Катенька и было послано за домашнимъ докторомъ Корытовымъ.

Корытовъ нашелъ у ребенка бронхитъ, прописалъ лекарство и посовѣтовалъ перевести въ дѣтскую.

— На дачу ребенка нельзя везти въ такомъ видѣ? спросилъ у доктора Валерьянъ.

Докторъ издалъ какое-то мычаніе, не говорилъ ни да, ни нѣтъ, но на настоятельные вопросы всетаки вынужденъ былъ сказать, что лучше подождать.

— Да вѣдь мы еще послѣ завтра на дачу ѣдемъ, къ тому времени Людмила поправится! замѣтила Катенька.

Но ребенокъ не поправлялся, несмотря на то, что его въ дѣтскую перевели и не смотря на пичканье его лекарствами.

Валерьянъ былъ увѣренъ, что на дачу, за тридцать верстъ отъ города, Людмилу не повезутъ и не повѣрилъ Абросимовнѣ, когда на другой день она подтвердила ему, что рѣшительно приказано собраться и ей съ Людмилой на дачу. Онъ бросился къ Катенькѣ.

— Вы, Катенька, съ ума сошли! Да развѣ можно по такой погодѣ везти Людмилу на дачу? Это значитъ на смерть застудить ее!

— Ахъ, Волеша, не разстраивайте меня этимъ поросенкомъ! Робертъ сказалъ, что необходимо завтра всѣмъ переѣхать и очистить домъ! Ну дадимъ Абросимовнѣ съ ребенкомъ закрытый тарантасъ, авось не помретъ! Вотъ уже не на радость-то родился! А-а-а! въ нѣсколько пріемовъ зазѣвала Катенька.

— Да вѣдь это невозможно, поймите вы!

— Ну подите Роберта уговорите, попробуйте!

Валерьянъ притащилъ «самого» въ ея комнату.

— Докторъ сказалъ, что нельзя Людмилу везти на дачу, а вы хотите везти ее больную, да еще бронхитомъ, тридцать верстъ, а погода-то какая! Отъ такихъ вѣтровъ и здоровому легко захворать!

— Во-первыхъ, Валерьянъ Валентиновичъ, докторъ сказалъ, что лучше обождать, а у васъ уже вышло, что нельзя везти! Вотъ логика! напяливъ пенснэ, возражалъ ему «самъ».

— Суконное ты рыло, изъ логики ты только одно это слово и знаешь, а больше ничего! Твоя спеціальность—плутологія, а тоже суешься съ логикой! подумалъ Валерьянъ, но сказалъ другое.

— А если вы съ вашей логикой совсѣмъ застудите и погубите ребенка?

Робертъ Александровичъ сдѣлалъ собачью физіономію:

— Вообще мнѣ кажется, Валерьянъ Валентиновичъ, что вы слишкомъ усердствуете, какъ крестный отецъ!

— А мнѣ того больше кажется, что вы и даже Катенька не прочь воспользоваться бронхитомъ Людмилы, чтобы отдѣлаться

поскорѣе отъ нея! Она задержала вашу поѣздку! подумалъ Валерьянъ, но сказать этого не рѣшился.

— Что-же Катенька? обратился затѣмъ «самъ» къ женѣ и голосъ его потерялъ столь свойственную ему сдержанность и зазвучалъ раздражительно и иронически. Дѣлайте какъ хотите! Ну не поѣдемъ завтра, ну совсѣмъ останемся, будемъ все стоять и смотрѣть на Людмилу, вмѣстѣ вотъ съ Валерьяномъ Валентиновичемъ! Ну никуда не поѣдемъ, будемъ здѣсь прокисать, пока не проживемъ послѣдней копѣйки! И схвативъ себя патетически руками за голову, «самъ» ушелъ къ себѣ, разсерженный и озлобленный.

Валерьянъ ожидалъ, что скажетъ Катенька.

— Ахъ, какъ вы, Волеша, мнѣ надоѣли съ вашей крестницей! откровенно заявила ему она.—Теперь онъ—она кивнула на дверь, куда ушелъ мужъ,—недѣлю цѣлую свирѣпѣть будетъ на меня! А все вы виноваты! Ну завтра ѣхать,—завтра и увидимъ: везти-ли ее, нѣтъ-ли! Мнѣ даже говорить тошно объ этомъ!

Валерьянъ, ни слова не говоря, ушелъ отъ нея. Судьба Людмилы казалась ему рѣшенной. Но можетъ быть она въ самомъ дѣлѣ, не такъ уже больна? Онъ зашелъ къ Абросимовнѣ. Людмила по-прежнему хрипѣла съ полуоткрытыми глазами. Абросимовна казалась очень сокрушенной, когда онъ разсказалъ ей, что Людмилу завтра, по всей вѣроятности, повезутъ на дачу.

— А ты, Валерьянъ Валентиновичъ, ты, батюшка, вотъ что! Шопотомъ и оглядываясь она посовѣтовала ему.—Ты дойди-ка къ ихней, хозяйкиной, мамашѣ, попроси, чтобы она, значитъ, усовѣстила и хозяйку-то и хозяина! Людмилочка, вишь и молочко перестала кушать! Куда-же? на смерть, чисто, батюшка, на смерть ее завтра везти!

Валерьянъ ухватился за этотъ совѣтъ и вечеромъ былъ у матери Катеньки. Онъ засталъ всю семью за чаемъ, кромѣ старика, отца-семейства, корпѣвшаго у себя въ конторѣ надъ балансомъ.

— Наденька, зареви-ка (мѣстное выраженіе, вмѣсто позови) Дашѣ! гостю стаканъ принести!—обратилась старуха, мать Катеньки, къ кудрявой дѣвочкѣ 14—15 лѣтъ, своей младшей дочкѣ, когда Валерьянъ вошелъ и поздоровался со всѣми.

— Дашка! э!—э! почти дѣйствительно заревѣла Надя, выйдя въ дѣвичью.—Мама зоветъ!

Валерьянъ усѣлся на диванъ рядомъ съ раскладывавшей пасьянсъ старухой, занялся чаемъ и началъ подробно объяснять своей сосѣдкѣ, какъ и чѣмъ больна Людмила, и какъ опасно и даже совершенно невозможно везти ее, какъ хочетъ Катенька на

дачу, въ такую даль и по такой погодѣ; это значитъ прямо на смерть везти, а Катенька этого не понимаетъ, нужно ее урезонить.

— Ну что-же, вотъ и урезонивайте!—вы крестный отецъ! не безъ скрытной ироніи замѣтила ему старуха, оторвавшись отъ картъ.

Но она—мать, попробовалъ убѣждать Валерьянъ,—Катенька скорѣе ее послушаетъ.

— Поди сама Катюха не маленька! чо мнѣ однако въ ея дѣла мѣшаться? На грѣхъ и родилась-то ваша крестница: людямъ вонъ каку даль ѣхать нужно, а тутъ съ ней возись! Коли больна, ужъ прибралъ-бы Господь, право лучше было-бы, чѣмъ этакъ-то мучиться съ ней, прости меня Господи!

Валерьянъ понялъ, что отъ старухи нечего ожидать ему пользы.

— Не даромъ старуху и здѣсь вѣдьмой зовутъ!—подумалъ онъ и рѣшилъ ждать старика, отца Катеньки. Скоро пришелъ изъ кабинета сѣдой и сгорбленный отецъ Катеньки, поздоровывался съ гостемъ и принялся за чай. Валерьянъ разсказалъ ему все и добавилъ, что докторъ сказалъ, что нельзя везти ребенка.

— А, чего? докторъ сказалъ?—старикъ не дослышалъ,—Ты-бы—обратился онъ къ своей старухѣ,—того-бы... пошла-бы, посмотрѣла!...

— Вотъ пристали вы оба ко мнѣ! раздраженно отвѣтила она,—у бабы цѣлыхъ пятеро ребятъ было, а я стану учить ее, совѣтовать, какъ съ ними водиться! Сама она лучше меня въ десять разъ знаетъ!

— Нѣжная мамаша отъ души желаетъ дочкѣ поскорѣе освободиться отъ Людмилы! подумалъ Валерьянъ и пожалѣлъ, что напрасно столько словъ потратилъ на убѣжденіе этой вѣдьмы.

Но старуха не унималась. Самыми колкими и язвительными замѣчаніями по адресу Валерьяна она стала пилить его, что вотъ нынѣшніе молодые люди, на мѣсто того, чтобы на стариковъ глядя и у нихъ учась, наживать капиталы, все только книжки читаютъ, и книжки самыя пустыя, не божественныя, что если человѣкъ съ капиталомъ, то онъ «стоющій», а если безъ капитала, то онъ «не стоющій» и проч. и пр.

Занятый своей заботой, какъ, какими средствами спасти больную, маленькую Людмилу, которую онъ чувствовалъ, что любитъ и жалѣетъ, какъ родную дочку, отъ вѣрной смерти, если завтра повезутъ ее на дачу, Валерьянъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на самыя ехидныя замѣчанія старухи, что еще болѣе ее подзадоривало. Только вставая и собираясь уже про-

щаться и уходить, онъ вспомнилъ вдругъ пришедшіе ему на умъ стихи Пушкина, и самымъ ровнымъ и безстрастнымъ тономъ громко продекламировалъ изъ «Царя Салтана»:

Гости умные молчатъ,
Спорить съ бабой не хотятъ!

Противуположность-ли его полнаго равнодушія и злобнаго и всѣмъ наскучившаго шипѣнія старухи, или къ мѣсту приведенное и складное двустишіе Пушкина, произвели неожиданный эффектъ: всѣ присутствовавшіе, кромѣ него и старухи, залились неудержимымъ хохотомъ. Добродушно, по старчески, съ кашлемъ и кряхтеньемъ, хохоталъ старикъ; гоготалъ басомъ его старшій сынъ, взрослый недоросль, съ тупымъ коровообразнымъ лицомъ и большимъ носомъ; звонко заливалась Надя, а маленькій сынъ, реалистъ, въ припрыжку побѣжалъ по комнатамъ повторяя: «Гости умные молчатъ, спорить съ бабой не хотятъ»! Улыбался и Валерьянъ произведенному стихами эффекту, глядя какъ старуха закипѣла отъ злобы и заскрипѣла зубами, но не нашлась ничего сказать, чтобы замять невыгодное для нея впечатлѣніе.

Валерьянъ распрощался и уходя, завернулъ въ дѣвичью, повидаться съ симпатичной ему старушкой, сестрой хозяина, Лукишной, человѣкомъ безконечной доброты и незлобія, но не нажившей себѣ капитала, поэтому жившей изъ милости въ семьѣ брата, завѣдывавшей всѣмъ хозяйствомъ, но въ качествѣ «не стоющей», т. е. бѣдной, не смѣвшей и не приглашаемой ни обѣдать, ни пить чай съ хозяевами, а имѣвшей столъ съ прислугой. Таковы были мѣстные нравы и мѣстная мораль, гласившая, что міръ есть деньги и человѣкъ есть деньги, и судъ и царь и Богъ есть деньги, что все дѣлается деньгами и безъ денегъ, такъ сказать, «ничто-же бысть, еже бысть».

Валерьянъ сталъ разсказывать и жаловаться Лукишнѣ на безсердечность Катеньки къ Людмилѣ.

— Слышала, голубчикъ, слышала все, какъ ты съ сестрицей-то (сестрицей она называла старуху, мать Катеньки) сражался! Вотъ какіе люди, вотъ какіе люди! Богъ съ ними совсѣмъ! Сживаютъ младенчика со свѣту! Сестрица-то чо-то будто сердится чо-ли на Катеньку!

— Что тамъ «сестрица», Лукишна! передразнилъ ее шутя Валерьянъ.—Да она готова-бы, кажется, сама петлю надъ Людмилой затянуть, еслибы все можно было шито-крыто устроить! А самабы она въ это время все крестилась, да молитвы нашептывала!

— Что ты, что ты, грѣховодникъ! и говорить-то такъ грѣхъ!

— Да ужъ это вѣрно, Лукишна, чего тамъ!..

Прощаясь съ нею Валерьянъ открылъ ей, что онъ попробуетъ завтра послѣднее средство: скажетъ Катенькѣ, что хочетъ послѣ пріѣхать на дачу съ Абросимовной и съ Людмилой, а когда они съ мужемъ уѣдутъ, онъ задержитъ хоть дня на три переѣздъ Абросимовны на дачу. Пусть тамъ Робертъ Александровичъ съ Катенькой разсвирѣпѣютъ на него; наплевать на нихъ, а Людмила можетъ быть за три-то дня поправится. Лукишна вполнѣ одобрила такой планъ.

— Подожди я тебѣ шептуги изъ казенки принесу!—провожала она его,—намъ свѣжей прислали! Ты вѣдь сластена! А можетъ не хочешь?

— Нѣтъ, Лукишна, хочу, очень хочу, только побольше! засмѣялся онъ.

Странные нравы! размышлялъ Валерьянъ дорогой, ублажаясь шептугой и припоминая сцену за чаемъ.—Вѣдь въ сущности я оскорбилъ ихъ мать, но вышло смѣшно, и вотъ дѣти и самъ старикъ подняли ее на смѣхъ и тѣмъ еще болѣе оскорбили. Поди клянетъ-то какъ меня теперь старуха, а сама крестится! улыбнулся онъ.

II.

Смерть Людмилы.

На утро онъ нарочно пошелъ рано къ Катенькѣ, надѣясь, что она еще спитъ и разсчитывая переговорить съ Абросимовной о своемъ планѣ. Катенька дѣйствительно еще нѣжилась въ постелѣ, когда онъ пришелъ. Но сборы на дачу были въ полномъ ходу. Выносили и укладывали мебель и ящики на возы; на дворѣ стояли приготовленные для отъѣзда всей семьи экипажи, толпились кучера, происходило мазанье колесъ и проч., что полагается при подобныхъ сборахъ.

Его встрѣтила Абросимовна.

— Ну что, Валерьянъ Валентиновичъ, какъ?

— Ничего, няня, не вышло! съ грустью отвѣтилъ онъ и разсказалъ свой новый планъ.—А какъ Людмила?

— Хуже, батюшка, видимо, что хуже.

Онъ вошелъ въ дѣтскую. Ребенокъ тяжело дышалъ, глазки его были совсѣмъ мутны.

— Няня, нужно сейчасъ разбудить Катеньку и послать за докторомъ! рѣшилъ онъ.

— Постой, батюшка! остановила его Абросимовна.—Ты погоди, не серди ты покамѣстъ ни хозяйку, ни хозяина. Вотъ они

уѣдутъ, тогда мы ужь по своему и распорядимся! Они утромъ поѣдутъ, а мнѣ съ Людмилочкой и съ горничными дѣвками велѣно послѣ обѣда подъ вечеръ собираться; намъ тарантасъ и тройка оставлены!

— Ну, хорошо! согласился онъ.—Вотъ мы дѣвокъ и отправимъ въ тарантасѣ а сами останемся дня на три, пока не поправится Людмила! Ты ужь не безпокойся, Абросимовна, за все я отвѣчаю! Такъ и скажи тогда, что молъ я не пустилъ тебя и только!

— То-то, то-то батюшка, чтобы мнѣ-то отъ хозяйки не попало!

— Ничего не будетъ! Вотъ увидишь! — и онъ ушелъ изъ комнаты, услышавъ громкій голосъ распекающей кого-то Катеньки. Она холодно поздоровалась съ нимъ, въ ожиданіи новыхъ надоѣданій и приставаній съ его стороны о Людмилѣ. Онъ понялъ это и рѣшилъ молчать до самаго отъѣзда.

Наскоро позавтракали, приказали запрягать и заторопились послѣдними приготовленіями къ отъѣзду. Наконецъ Катенька съ дѣтьми, ея мужъ, Валерьянъ, нѣсколько пришедшихъ провожать сосѣдей и вся прислуга вышли на крыльцо, и ѣдущіе приготовлялись размѣщаться въ экипажи.

— А гдѣ же ваши вещи, Волеша? обратилась къ нему Катенька. Развѣ вы ничего не берете съ собой? А кстати, знаете, Корытовъ вѣдь тоже завтра на дачу ѣдетъ съ Причиновыми! Вотъ и мы позовемъ его завтра же къ Людмилѣ, если ей хуже будетъ!

— Да я, Катенька, того... — нѣсколько запинаясь, сталъ ей объяснять Валерьянъ.—Я рѣшилъ, что лучше потомъ вмѣстѣ съ Абросимовной и съ Людмилой пріѣду къ вамъ на дачу! А теперь я не успѣлъ собраться!

— Ну вотъ! — протянула она съ недовольной гримасой. — Опять вы чудить что-то начинаете! А я думала, что вы со мной въ сидѣйкѣ на жеребцѣ поѣдете! править будете! Первыми бы мы пріѣхали на дачу!—Валерьянъ замялся отвѣтомъ.

— Катенька! — раздался во всеуслышаніе въ это время съ крыльца голосъ ея мужа. — Какая ты право не понятливая! Не понимаешь, что молодому человѣку съ горничными дѣвицами охота ѣхать, а ты его съ собой тащишь, да усаживаешь! Уважь ты его, сдѣлай милость, отпусти съ ними ѣхать! Чего тебѣ стоитъ?

Юмористическій тонъ этихъ словъ былъ такъ выдержанъ, смущеніе и нѣкоторая растерянность Валерьяна были такъ очевидны, что всѣ, бывшіе на дворѣ, разразились самымъ искреннимъ и неудержимымъ смѣхомъ и всѣ обратились къ Валерьяну.

Переконфуженный и готовый провалиться сквозь землю, обозленный совершенно несправедливымъ подозрѣніемъ, Валерьянъ

топтался на одномъ мѣстѣ, не зная, что сказать, да и не до того ему было.

— А почто не съ нами-то? — развязно, по праву любимой хозяйкиной горничной, заговорила, улыбаясь Валерьяну, толстомясая молодая Варвара. — Нѣшто мы какіе нибудь? Пожалуйте съ нами, Валерьянъ Валентинычъ! Старуху Абросимиху мы въ самый задъ въ тарантасъ запихнемъ, а васъ я промежъ собой и Клашей посажу, ужь мягко вамъ будетъ, тепло, и намъ весело!..

Эти, самымъ заигрывающимъ тономъ сказанныя слова и смущенное молчаніе на нихъ Валерьяна вызвали новый еще болѣе дружный взрывъ хохота; хохотали провожавшіе гости, хихикали горничныя, солидно улыбались кучера, хохотали даже дѣти и долго не могли уняться.

Окончательно обезкураженный и переконфуженный, Валерьянъ не выдержалъ, громко послалъ къ черту и Варвару и, больше всѣхъ хохотавшаго, Роберта Александровича и убѣжалъ домой.

— Глупо какъ я сдѣлалъ, убѣжавши словно школьникъ, котораго раздразнили!—разсуждалъ онъ дома заднимъ умомъ.

Часа черезъ два онъ совсѣмъ остылъ и возвратился въ домъ Катеньки, съ надеждой увидѣть Абросимовну и Людмилу и сейчасъ же распорядиться послать за докторомъ.

Ни Абросимовны съ Людмилой, ни тарантаса ихъ онъ не нашелъ.—Они съ собой ей велѣли ѣхать! Ужели Робертъ Александровичъ пронюхалъ своимъ волчьимъ чутьемъ его тайное намѣреніе задержать Людмилу въ городѣ? Или Абросимовна проболталась? Думалъ и гадалъ объ этомъ Валерьянъ съ тоской и отчаяніемъ и проклиналъ себя за то, что съ дуру убѣжалъ тогда домой, изъ одной амбиціи. — Ну теперь все кончено! Людмила умретъ!—говорилъ онъ себѣ, и въ глубинѣ своего сердца все таки питалъ надежду, что можетъ быть, авось какъ нибудь она останется жива.

А въ тотъ день холодный жесткій вѣтеръ особенно завывалъ, поднималъ и крутилъ пыль и къ вечеру не унимался, а еще больше разыгрывался. Оставшаяся въ домѣ Катеньки прислуга выпила на радостяхъ, проводивши хозяевъ. На дворѣ сильно пьяный поваръ-поселенецъ, мужчина богатырскаго роста, старикъ съ представительной осанкой, въ передникѣ и валенкахъ, объяснялся съ приказчикомъ, гораздо менѣе выпившимъ, маленькимъ, среднихъ лѣтъ и невзрачнымъ, въ чуйкѣ.

— Ты хто такой? Скажи мнѣ, что ты есть такое? — вопрошалъ поваръ смиренно стоявшаго передъ нимъ приказчика, попирая его въ грудь перстомъ. — Ты вѣдь селенгинскій мѣщанишка? Да? Такъ? Не болѣе!?

— Такъ-съ, Порфирій Сидорычъ!—скромно отвѣчалъ приказчикъ

— А я?—гордо поднявъ голову, торжественно провозглашалъ поваръ, отчеканивая каждый слогъ. — Я, по крайней мѣрѣ, ея сіятельства княгини Елены Дмитріевны Волконской бывшій дворовый человѣкъ! Послѣднія три слова произносилъ онъ скороговоркою. И селенгинскій мѣщанинишка, кажется, чувствовалъ и проникался неизмѣримою разницею своего низкаго происхожденія и знатностью бывшаго двороваго человѣка.

— Ну чтожъ, Порфирій Сидорычъ!—почтительно возражалъ онъ повару.—Вѣдь окончательно, какъ сказать, это значитъ, выходитъ, я думаю, отъ Бога, кѣмъ, то есть кому быть! А только вы, Порфирій Сидорычъ, не превозноситесь!

— Я и не превозношусь, голубчикъ, нѣтъ, нисколько! — великодушно и покровительственно отвѣчалъ ему поваръ. И они шли вмѣстѣ въ кабакъ.

Въ другое время сцена эта насмѣшила бы Валерьяна, но не теперь, когда призракъ умирающаго ребеночка не выходилъ у него изъ головы.

Незамѣтно подошелъ вечеръ. Валерьянъ дурно, почти безъ сна, провелъ ночь, стараясь не думать о Людмилѣ, и на утро нигдѣ не могъ найти себѣ ни мѣста, ни занятія. Такъ онъ промаялся часовъ до четырехъ дня, а дальше не могъ, осѣдлалъ свою лошадь и погналъ ее на дачу къ Катенькѣ.

Пріѣхалъ онъ туда поздно, отдалъ коня, вошелъ въ домъ и по царствовавшей тамъ тишинѣ и молчанію, при обиліи женской прислуги, догадался, что произошло что-то не доброе. — Знать умерла! — рѣшилъ онъ. Но Людмила была еще жива. Въ залѣ его встрѣтила Катенька, переставлявшая цвѣты. Она была разстроена.

— Ахъ, Волеша, а Людмила-то серьезно больна! у нея оказалось воспаленіе легкихъ; ужъ Богъ знаетъ, чѣмъ кончится! А что же вы не пріѣхали раньше? Вѣдь мы уже сегодня утромъ окрестили ее, боялись что умретъ!

Ничего не отвѣчая ей и машинально повидавшись, Валерьянъ пошелъ на верхъ, гдѣ лежала Людмила. Въ полумракѣ, освѣщаемая лампадкой передъ иконой, у дѣтской кровати сидѣла на сундукѣ, согнувшись и подперши голову рукой Абросимовна и казалась очень убитой. А на кроваткѣ, на подушкахъ лежало маленькое замученное человѣческое тѣльце, совсѣмъ не похожее на прежняго маленькаго ангела съ улыбающимися большими свѣтлыми глазками. Теперь глаза были стеклянные, полуоткрытые, лицо налилось и посинѣло, и слышалось только тихое, хриплое, глубокое дыханіе.

— Валерьянъ Валентиновичъ!—поднялась старуха, когда онъ подошелъ. — Безъ васъ, баринъ, окрестили, что поздно пожало-

вали? Вотъ батюшка, глянь!—указала она на Людмилу. Къ чему значитъ шли, къ тому и пришли!..

— Ужъ совсѣмъ теперь и надежды нѣтъ? спросилъ онъ.

— Почто надежда! когда сейчасъ докторъ былъ, сказалъ, что агонія начинается! До полночи наврядъ доживетъ! А сама-то! — тихонько обратилась къ нему Абросимовна, заслышавъ голосъ Катеньки снизу,—вишь, цвѣтами занялася! нашла время, а сюды и не заглянетъ, какъ будто чужое дите помираетъ, а не ейное! И почто они, голубчикъ, всѣ такіе безчувственные? «Самъ»-то слышь на охоту уѣхалъ!

Абросимовна подробно разсказала, какъ, послѣ его постыднаго бѣгства изъ городского дома Катеньки, «самъ» приказалъ ей одѣвать больного ребенка и ѣхать вмѣстѣ съ ними на дачу, какъ было худо ѣхать и нельзя было уберечь ребенка ни отъ вѣтру, ни отъ тряски, какъ Людмилу, почти полумертвую, довезли до дачи, а на утро поскорѣе послали за попомъ окрестить, и какія скучныя крестины были.

Онъ разсѣянно слушалъ ее и думалъ, какую онъ роль игралъ во всемъ этомъ.—Во всякомъ случаѣ, я не былъ соучастникомъ въ убійствѣ этого младенца! напротивъ, развѣ я мало хлопоталъ, чтобы Людмилу не увозили на дачу? да не удалось! — утѣшалъ онъ себя, но смутное сознаніе, что можетъ быть онъ не сдѣлалъ всего, что могъ бы сдѣлать для Людмилы, начинало уже грызть его.

Подъ утро Людмила умерла, а на другой день ее похоронили. Изъ церкви Валерьянъ не пошелъ домой, т. е. къ Катенькѣ на дачу, а пошелъ бродить по степи, чтобы разсѣяться, и только передъ вечеромъ вернулся домой.

Первымъ, что его поразило здѣсь, было слово «Богъ». Оно слышалось и въ гостиной, и въ столовой, и въ дѣвичьей, даже въ саду. Его съ видимымъ благоговѣніемъ и страхомъ произносили хозяева, горничныя, Абросимовна, даже дѣти, и всѣ пріурочивали это слово къ смерти Людмилы. Это на первый взглядъ было тѣмъ болѣе странно, что Катенька вовсе не была ни религіозной, ни, какъ ея мать, ханжой, и вообще совсѣмъ не нуждалась въ религіи, никогда даже не упоминала о Богѣ, и дѣти такъ у нихъ воспитывались; а «верхоленскому волку» имя Божіе требовалось единственно, когда, для надуванія кого-нибудь изъ своихъ покупателей, приходилось поклясться этимъ святымъ словомъ.

— Дядя!—пристала къ нему на крыльцѣ маленькая Лина.— Папа говоритъ: Людмилочку Богъ къ себѣ на небо возьметъ, а какъ возьметъ? какъ?

— Не знаю, дѣточка!

— Отчего же ты не знаешь?—ты большой!

— Да такъ, не знаю, не учили меня!—отвѣчалъ онъ и прошелъ въ домъ, не отвѣчая крикнувшей за нимъ Линѣ: — А отчего-жь тебя не учили?

Въ дѣвичьей его встрѣтила Абросимовна, выпившая на поминкахъ и отъ водки повеселѣвшая, только глаза у нея были красные отъ безсонныхъ ночей и она казалась утомленной и измученной.

— Прощайте, баринъ!—откланивалась она ему.—Въ деревню къ своимъ отдыхать иду! Очень довольны вами, и хозяйкой довольны и хозяиномъ довольны! Пенсію, голубчикъ ты мой, назначилъ «самъ»-то мнѣ, значитъ за Людмилочку—царство ей небесное! По два рубля на мѣсяцъ, по гробъ жизни! Ахъ, Валерьянъ Валентиновичъ, я ужь теперь думаю, видно правда, что хозяинъ-то мнѣ утресь говорилъ; пришелъ, значитъ, на верхъ, а я, значитъ, сижу на людмилочкиной постелькѣ: «Не плачь, говоритъ, Абросимовна! Не захотѣлъ бы Богъ, не взялъ бы Людмилу! Богъ, говоритъ, далъ, Богъ и взялъ, Его святая воля! А ты, говоритъ, Абросимовна, лишняго-то не болтай!» И тутъ же мнѣ десять рублей не въ зачетъ пожертвовалъ! дай Богъ ему здоровья! А мнѣ, миленькій, кому болтать, чего разсказывать? Извѣстно они тутъ мало виноваты. Все отъ Бога, все Господь милостивый устраиваетъ, а мы покоряться должны!..

Валерьянъ разстался съ наивно-продажной старухой и подивился, какъ ловко Робертъ Александровичъ возложилъ всю вину за убійство Людмилы на Бога и какъ дешево все это обошлось ему.

— Виновный значитъ найденъ и теперь всѣ успокоятся! — улыбнулся онъ про себя, но самъ чувствовалъ себя совсѣмъ разстроеннымъ и, войдя въ комнаты, избѣгалъ встрѣчаться и разговаривать съ Катенькой и ея мужемъ, которымъ кстати и не до него было. Они дѣятельно обсуждали предполагаемую поѣздку въ столицу. Зло разбирало Валерьяна на этихъ людей: не прошло еще сутокъ послѣ того, какъ они похоронили своего, мѣшавшаго имъ ѣхать, ребенка, сознательно доведеннаго ими до могилы, а они уже, какъ ни въ чемъ не бывало, рады, что освободились, и такъ нагло на Бога вину свою сложили. Онъ рѣшилъ уѣхать назадъ въ городъ тихонько, не простившись, въ тотъ же вечеръ, и пошелъ на верхъ послѣдній разъ посмотрѣть на комнату, гдѣ умерла его неудачная крестница.

Въ комнатѣ, гдѣ умерла Людмила, было почти темно и пахло ладаномъ и мертвымъ. На минуту присѣвъ на окно и окинувъ всю комнату глазами, Валерьянъ уже собирался назадъ уходить, когда лѣстница задрожала и заскрипѣла подъ тяжелыми, грузными шагами и, отворивъ дверь, въ комнату вошла Катенька.

— Кто тутъ?—испуганно вскрикнула она, не узнавъ его въ темнотѣ.

— Я!

— Ахъ, Волеша! Что вы тутъ дѣлаете? Пойдемте внизъ, скоро ужинать надо! Замѣтивъ, что онъ былъ печаленъ и что ему жалко Людмилу, Катенька, глубоко вздохнувъ, промолвила:—Что же печалиться-то, Волеша? Знаете, противъ Бога не пойдешь! Богъ далъ Богъ и взялъ! Робертъ правду говоритъ!—И она опять вздохнула.

Тутъ сдержанность и терпѣніе его лопнули.—Да развѣ я Абросимовна? Развѣ можно мнѣ въ глаза такъ лгать? Чтожъ она меня дуракомъ что ли считаетъ? промелькнуло у него въ головѣ и, едва сдерживая волненіе, онъ ей отвѣтилъ, усмѣхнувшись:

— Да вы, Катенька, зачѣмъ Бога-то обвиняете? Богъ не убивалъ Людмилу! Это люди...

— Кто же? Я? я? скажете вы убійца?—мгновенно измѣнившись въ лицѣ и, какъ подкошенная, опустившись на кроватку Людмилы, не сказала, а какъ-то злобно прохрипѣла Катенька и уставилась въ него неподвижно своими зелеными глазами, съ выраженіемъ и ужаса и такой злобы, что ему жутко стало. Передъ нимъ сидѣла не его прежняя лѣнивая, рыхлая, благодушная и простоватая пріятельница, а настоящая фурія, съ стиснутыми зубами и отвратительнымъ, искаженнымъ лицомъ. Онъ отступилъ.

— Да не вы одна, а всѣ! Что же это? Ребенокъ заболѣлъ, никто знать его не хотѣлъ! Даже Абросимовна, простая, наемная баба, возмущалась этимъ! Больного совсѣмъ ребенка повезли въ такую погоду за тридцать верстъ на дачу, прямо на смерть повезли! Ну вотъ и уходили!

— Нѣтъ!—вся трясясь, сжимая кулаки и скрипя зубами, прорычала ему въ отвѣтъ Катенька.—Нѣтъ, я по голосу вашему чувствую, по глазамъ вижу, что вы меня убійцею Людмилы считаете!

— Да вѣдь вы мать ея! а что вы для нея сдѣлали?—запальчиво возражалъ Валерьянъ.

Но не успѣлъ онъ договорить своихъ словъ, какъ Катенька захохотала, дико зарычала и зарыдала вмѣстѣ въ страшномъ припадкѣ истеріи.

Валерьянъ пришелъ въ ужасъ, видя, что онъ надѣлалъ, но не чувствовалъ ни малѣйшаго раскаянія за то, что у него вырвались эти слова. Шатаясь, сошелъ онъ внизъ, сказалъ встрѣтившейся горничной, что ея хозяйкѣ дурно и гдѣ она, а самъ вывелъ свою лошадь, осѣдлалъ ее и погналъ въ городъ, ни съ кѣмъ не простившись.

III.

Пейзажи сновидѣній.

Пріѣхавъ домой ночью и до крайности измученный, Валерьянъ проспалъ глубокимъ спокойнымъ сномъ до поздняго утра и, про-

снувшись бодрымъ и отдохнувшимъ, нашелъ у себя на столѣ письмо отъ Роберта Александровича, заключавшее выраженіе его негодованія за грубые, дерзкіе намеки и укоры, сдѣланные вчера Валерьяномъ Катенькѣ по поводу ея будто-бы безсердечности къ покойной Людмилѣ, что это довело Катеньку, и безъ того убитую кончиной Людмилы, до такого состоянія, что она заболѣла, былъ докторъ и пр. и пр., что наконецъ его, Роберта Александровича, поражаетъ такая невоспитанность человѣка съ университетскимъ образованіемъ. Письмо кончалось полнымъ разрывомъ.

Оно глубоко возмутило Валерьяна и онъ рѣшилъ отвѣтить на него «верхоленскому волку» такъ, чтобы тотъ остался доволенъ. Онъ долго ходилъ впередъ и взадъ по комнатѣ, обдумывая самый хорошій отвѣтъ, потомъ сталъ писать.

Первымъ долгомъ онъ приглашалъ въ письмѣ Роберта Александровича порадоваться вмѣстѣ съ нимъ, что у Катеньки не совсѣмъ еще заплыли жиромъ совѣсть и чувство раскаянія, которыми она мучится теперь, сознавая очевидно свою вину въ смерти Людмилы; а вотъ онъ, Робертъ Александровичъ, вѣроятно давно разстался съ совѣстью, судя по нахальному тону его письма, а между тѣмъ онъ-то и есть убійца Людмилы, потому-то и потому-то. По поводу укоровъ въ невоспитанности, Валерьянъ вкратцѣ напомнилъ Роберту Александровичу его біографію, какъ онъ, пришедши въ эти далекія мѣста скромно, за сосланнымъ отцомъ въ «партіи», началъ свою дѣятельность въ качествѣ «горничнаго» (лакей по мѣстному) у золотопромышленниковъ Престольниковыхъ, какъ и чѣмъ умѣлъ онъ выслужиться, и сталъ заниматься наемкой рабочихъ на пріиска, и за что получилъ, на всю жизнь оставшееся за нимъ, прозваніе «верхоленскаго волка» и пр. и пр., доказывая Роберту Александровичу, что кому-кому, а только не ему, волку, трактовать о воспитанности.

— Дай-ка я пропишу ему въ заключеніе, какое ему и Катенькѣ наказаніе по закону слѣдовало-бы (Валерьянъ былъ юристъ), если бы возможно было разоблачить ихъ участіе въ смерти Людмилы. Валерьянъ вспомнилъ, что онъ привезъ съ собой «Уложеніе» и «Курсъ уголовнаго права» проф. Таганцева, розыскалъ ихъ и засѣлъ за нихъ. Онъ и самъ не зналъ, зачѣмъ собственно онъ привезъ съ собой въ такую даль эти книги.

Онъ наскоро пообѣдалъ и напился вечерняго чаю, и поздно вечеромъ доканчивалъ уже свое письмо къ Роберту Александровичу, когда ему пришло въ голову: ну а самъ онъ по уложенію и курсу проф. Таганцева, не можетъ ли считаться прикосновеннымъ къ этому преступленію? Вѣдь онъ все таки видѣлъ и понималъ, что дѣлаютъ съ Людмилой! И Валерьянъ снова усерднѣйшимъ образомъ сталъ перечитывать курсъ и уложеніе, и послѣ долгой, внимательной ра-

боты вздохнулъ съ облегченіемъ: выходило все такъ, какъ онъ желалъ, что не только участникомъ, сообщникомъ или пособникомъ, но даже и попустителемъ или укрывателемъ его въ этомъ дѣлѣ, ни въ какомъ случаѣ, нельзя считать. Убѣдившись въ этомъ и утомленный, онъ бросилъ книги и сталъ раздѣваться и ложиться спать—было уже далеко за полночь.

Недолго онъ спалъ. Знакомое, досадное, больше чѣмъ пугавшее его, ощущеніе, ощущеніе кошмара, разбудило его и возвратило ему сознаніе. Съ нимъ не рѣдко бывалъ кошмаръ. Онъ зналъ и какъ отдѣлываться отъ него: стоило только сдѣлать быстрое движеніе рукой или ногой, тогда способность владѣть членами возвращалась, онъ совсѣмъ просыпался и клалъ повыше свалившуюся подушку, во избѣжаніе повторенія кошмара. Онъ уже готовился и теперь тоже сдѣлать, но вдругъ пріостановился. Его удержало любопытство, самая большая черта его характера. Да и какъ было не интересоваться! Вмѣсто такъ хорошо извѣстнаго ему отвратительнаго ощущенія отъ кошмара,—какъ будто его кто-то душитъ и хочетъ удавить,—Валерьяну было легко и свободно, и предъ его умственными очами понемногу, какъ бы изъ тумана, къ его величайшему изумленію, открывалась картина глубокой долины, среди высочайшихъ хребтовъ, съ лазурными вершинами. Долина была усѣяна крестами и надгробными памятниками. Онъ понялъ, что это кладбище. Но вотъ кресты и памятники задвигались, могилы заколебались, и одинъ за другимъ изъ нѣдръ ихъ безшумно стали вставать на поверхность земли люди въ саванахъ, съ мертвыми лицами, съ стиснутыми зубами, и собираться вмѣстѣ.

— Ого! — подумалъ Валерьянъ съ насмѣшкой. — Да вѣдь это нѣчто вродѣ воскресенія мертвыхъ! Какіе чудные пейзажи! Любопытно! Посмотримъ! — Его ни мало не смутило это, открывшееся передъ нимъ, видѣніе, во первыхъ потому, что онъ чувствовалъ себя въ полномъ сознаніи, хорошо понималъ, что все это не болѣе, какъ сонъ и кошмаръ; во вторыхъ потому, что къ религіи онъ еще со студенчества былъ совершенно равнодушенъ и въ воскресеніе мертвыхъ не вѣрилъ. Онъ любилъ повторять, какъ свой принципъ, слова И. С. Тургенева: «Все ортодоксальное мнѣ чуждо; всего больше люблю я свободу!» Поэтому совершенно объективно, какъ посторонній, какъ туристъ, какъ страстный любитель природы, онъ жадно, всей душою отдался наслажденію открывшагося передъ нимъ зрѣлища.

И пропустилъ онъ счастливыя мгновенія, когда могъ еще сильнымъ и быстрымъ движеніемъ совсѣмъ проснуться и освободить себя отъ власти проклятаго кошмара. А кошмаръ, какъ злой, волшебный духъ, тяжело придавилъ и отуманилъ голову Валерьяна, сковалъ и словно заморозилъ его члены, и Валерьянъ не властенъ

и безсиленъ уже былъ сдѣлать ими хотя малѣйшее движеніе и сознавалъ это, но нисколько не раскаявался, что пропустилъ удобныя мгновенія сбросить съ себя кошмаръ.

— По крайней мѣрѣ посмотрю! А завтра утромъ останется маленькая головная боль—это пустякъ! — разсуждалъ онъ, гордый своимъ самосознаніемъ, и любовался съ высокимъ наслажденіемъ дивными, дикими, какими-то первозданными горными хребтами, какихъ никогда не видалъ онъ ни въ Монголіи, ни у Байкала, ни въ Швейцаріи и Италіи. Память подсказала ему лубочныя изображенія страшнаго суда. По ассоціаціи идей ему вспомнились также торжественные звуки «dies irae, dies illa»... изъ Фауста. Одно мгновеніе — и предъ его очарованными очами уже предстали эти картины; но не въ лубочномъ видѣ, а въ несказанно прекрасныхъ и реальныхъ очертаніяхъ: рядами по обоимъ хребтамъ, поднимаясь къ лазурнымъ вершинамъ, величественно и медленно, какъ въ похоронныхъ процессіяхъ, шелъ на судъ разный народъ: знатные вельможи, блиставшіе золотомъ и алмазами, и простые смертные въ ветхихъ и бѣдныхъ одеждахъ. И тѣ и другіе достигали лазурныхъ вершинъ и оттуда съ гуломъ и шумомъ, подобными землетрясенію, низвергались въ бездну, а надъ ними и, казалось по всему міру, раздавалось могучее, но мелодичное пѣніе: «dies irae, dies illa»...

Валерьянъ сталъ присматриваться, и скоро у него вырвалось восклицаніе. Онъ узналъ въ толпѣ идущихъ старуху, мать Катеньки.

— Ахъ! съ чувствомъ удовольствія и удовлетворенія воскликнулъ онъ въ душѣ, не безъ злорадства. — Вотъ это есть настоящее божественное правосудіе! Что старая вѣдьма? — не утерпѣлъ онъ, когда призракъ медленно, какъ бы плывя, проходилъ съ другими мимо него. — Что, попалась! Не спасли тебя ни ладанъ, ни свѣчки, ни аѳонскіе монахи, ни всѣ твои милліоны? Говорилъ я тебѣ!... А вотъ еслибъ ты была доброй...

Тутъ онъ опомнился, что увлекся, принимая сонъ за дѣйствительность и, признаться, пожалѣлъ, что это сонъ и что «старая вѣдьма», какъ величалъ онъ мамашу Катеньки, была не настоящая и не могла слышать его язвительныхъ словъ.

И снова сталъ онъ присматриваться къ медленно проносящейся, какъ бы плывущей, мимо него толпѣ мертвецовъ съ надеждой, въ которой онъ совѣстился себѣ признаться, не увидитъ ли онъ между ними кого нибудь еще изъ противныхъ ему людей. Онъ уже начиналъ терять свое гордое объективное отношеніе къ происходившему передъ его глазами и сталъ подчиняться сердечнымъ чувствамъ. Не успѣлъ онъ подумать о противныхъ ему людяхъ, какъ тотчасъ замѣтилъ въ толпѣ Роберта Александровича, мужа Катеньки.

— Туда тебѣ и дорога, «верхоленскій волкъ», убійца своего родного ребенка! не утерпѣлъ и тутъ Валерьянъ и напутствовалъ Роберта Александровича.

Онъ теперь сталъ серьезенъ, не наслаждался болѣе ни дивными, величественными картинами, ни чуднымъ, неземнымъ пѣніемъ. Не до того ему было. Вся душа его была полна высокимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ къ справедливости и строгости суда, и въ тоже время къ нему въ сердце закрадывалась какая-то тревога и робость, и эти чувства боролись съ его самосознаніемъ. Снова, но уже безъ всякаго любопытства, окинулъ онъ глазами толпу людскую: посреди нея, далеко отъ него, двигалась Катенька. Сердце у него сжалось. Но вѣдь она тоже виновата, она тоже убійца Людмилы! — печально соглашался онъ съ приговоромъ суда, и тяжело ему было смотрѣть на Катеньку, какъ тяжело бываетъ всякому смотрѣть на самаго преступнаго человѣка, всходящаго на эшафотъ... Вспомнилъ онъ, какое множество коробокъ съ сладкими тягучками съѣлъ онъ у ней, какъ часто любилъ всячески дразнить ее и сравнивать съ верблюдомъ, а она—ничего, и теперь въ немъ проснулась жалость къ ней.

— Катенька, Катенька! — хотѣлъ онъ закричать и протянулъ ей обѣ свои руки для ея спасенія, но почувствовалъ, что и голосъ, и руки, и всѣ члены его парализованы, и, сохраняя еще все болѣе покидающее его самосознаніе, онъ проклялъ свое любопытство, соблазнившее его не противиться кошмару и теперь заставившее такъ страдать. Почувствовавъ себя совершенно безсильнымъ и безпомощнымъ, Валерьянъ сталъ близокъ къ полному отчаянію и не хотѣлъ смотрѣть на мертвецовъ, опасаясь увидѣть опять кого нибудь изъ близкихъ ему людей. Но глаза его противъ воли впились снова въ людскую толпу и передъ нимъ одинъ за другимъ стали проходить старикъ, отецъ Катеньки, съ балансовой книгой подъ мышкой, его старшій гнилой сынъ съ больнымъ носомъ, Абросимовна, кудрявая Надя, высокородный поваръ Порфирій Сидорычъ, селенгинскій мѣщанинишка и всѣ люди, которыхъ онъ встрѣчалъ въ послѣдніе дни.

— За что же ихъ-то? — въ страхѣ подумалъ онъ. — Вѣдь этакъ всѣхъ пожалуй можно засудить! — пробовалъ онъ храбриться, но чувствовалъ, что и послѣ этихъ дерзкихъ думъ волосы встаютъ у него дыбомъ. Но когда онъ увидалъ въ толпѣ профессора, «курсъ» котораго такъ успокоилъ его относительно неприкосновенности его къ смерти Людмилы, на него напалъ просто ужасъ.

— Вѣдь и до меня могутъ добраться! — мелькнуло у него въ головѣ. Съ послѣдней искрой окончательно покидавшаго его самосознанія, сдѣлалъ онъ отчаянную и безполезную попытку какъ нибудь освободиться отъ кошмара, но остался безъ движенія и почув-

ствовалъ себя въ положеніи заживо-погребеннаго, который, проснувшись и увидѣвъ себя задыхающимся подъ саженнымъ пластомъ земли въ своемъ тѣсномъ гробу, дѣлаетъ безумную попытку вырваться изъ могилы на свѣтъ Божій, на землю, и послѣ долгой агоніи умираетъ, впившись глубоко зубами въ гробъ или въ свое собственное тѣло, съ выраженіемъ на лицѣ нечеловѣческихъ мукъ. Онъ болѣе уже ничего не видѣлъ, чувствовалъ только, что, смѣшавшись съ толпой мертвецовъ, восходитъ и онъ съ ними медленно къ лазурнымъ вершинамъ хребтовъ.

Вотъ онъ пріостановился.—Достигъ до вершинъ!—промелькнуло у него въ мысляхъ, и почти обезумѣвшій отъ ужаса и остолбенѣвшій Валерьянъ замеръ, каждое мгновеніе ожидая чего-то ужаснаго и своей послѣдней минуты,—когда явственно услышалъ голосъ и слова, обращенныя несомнѣнно къ нему одному: «Соучастникъ въ убіеніи младенца!» Ничего не было въ этомъ голосѣ ни сверхъестественнаго, ни необыкновеннаго, хотя онъ удивительно походилъ на тотъ желѣзный и мертвый голосъ, которымъ умѣютъ говорить нѣкоторые предсѣдатели окружныхъ судовъ: «Подсудимый, встаньте! Вы обвиняетесь въ такомъ-то преступленіи, признаете ли себя виновнымъ?»

Но убійственный, проникшій все существо Валерьяна, смыслъ услышанныхъ имъ словъ, предъявленіе ему никогда нежданнаго имъ и ужаснѣйшаго обвиненія, сначала совершенно ошеломило его, но чрезъ мгновеніе возвратило ему всѣ его душевныя силы. Его ужасъ смѣшался съ негодованіемъ на чудовищно несправедливое въ его глазахъ обвиненіе.

— Что?! Какъ! Я—соучастникъ!! Да вы съ ума... Прочтите у Таганцева, кого должно почитать соучастникомъ преступленія? И Валерьянъ съ запальчивостью и дерзостію отчаянія уже готовъ былъ ясно, какъ дважды два—четыре, доказать по «курсу» Таганцева, что обвинять его въ соучастіи въ убійствѣ Людмилы—значитъ не имѣть самыхъ элементарныхъ научныхъ понятій о соучастіи, значитъ быть полнымъ невѣждою въ этомъ вопросѣ и пр. и пр. Но внезапно пришедшая ему на умъ быстрая, какъ молнія, мысль сначала удержала его, а въ слѣдующее мгновеніе побудила и совсѣмъ отбросить такой способъ защиты, какъ совершенно никуда негодный.—Вѣдь «курсъ», сообразилъ онъ,—только для земли, да и то для одной лишь Россіи. А здѣсь-то конечно онъ никакого авторитета и значенія не имѣетъ и ссылаться на него значитъ нечего! Кромѣ того, самъ-то профессоръ? Вѣдь онъ же впереди Валерьяна прошолъ и значитъ осужденъ!.. Какъ же можно на него ссылаться здѣсь! Понятно, здѣсь юриспруденціей ничего не возьмешь, а нужны доказательства чисто нравственныя! Черезъ мгновеніе, при крайнемъ напряженіи душевныхъ силъ предъ лицомъ

смерти, передъ страхомъ бездны, у него явился цѣлый рядъ такихъ нравственныхъ доказательствъ, и со всею силой краснорѣчія и убѣдительности началъ онъ излагать ихъ. — Положимъ, онъ видѣлъ и понималъ, что отъ ребенка хотятъ отдѣлаться, хотятъ нарочно застудить и тѣмъ убить его! Но развѣ онъ не возмущался этимъ? И не только возмущался, развѣ, приглашенный быть крестнымъ отцомъ, онъ не сдѣлалъ всѣхъ попытокъ спасти и сохранить Людмилу отъ смерти? И подробно, прикрашивая мелочи, преувеличивая свои усилія, объяснялъ онъ, какъ тщетно убѣждалъ онъ Катеньку и ея звѣря—мужа, какъ ходилъ къ ея матери, какъ наконецъ пустился на хитрость и хотѣлъ остаться съ Людмилой и ея нянькой въ городѣ, выпроводивъ Катеньку съ другими на дачу, и какъ все это не удалось, благодаря проницательности «верхоленскаго волка», пронюхавшаго его планъ, публично осмѣявшаго и оскорбившаго его, такъ что, не вынесши грубыхъ насмѣшекъ, онъ принужденъ былъ уйдти, а въ это время ребенка увезли. И такъ, развѣ онъ не правъ во всѣхъ отношеніяхъ? — съ убѣжденіемъ и нѣсколько вызывающимъ образомъ закончилъ онъ.

— «Ушолъ изъ одной амбиціи и покинулъ ребенка, котораго взялся спасать!» явственно разслышалъ онъ простую и краткую оцѣнку и отвѣтъ, произнесенный тѣмъ же мертвымъ и желѣзнымъ голосомъ, голосомъ его совѣсти; но онъ давно потерялъ самосознаніе и думалъ лишь о судѣ, о своей гибели и о своемъ оправданіи. Онъ могъ бы многое возразить противъ такого страшнаго своею простотою и правдою отвѣта, но зачѣмъ? Когда онъ ясно понялъ послѣ этого отвѣта, что со всѣми своими нравственными доказательствами онъ провалился и никого уже ими не убѣдитъ. Полное отчаяніе и смертельный страхъ овладѣли имъ. Всю силу ума напрягъ тогда Валерьянъ въ послѣдній разъ, и лучезарная мысль осѣнила его; за нее, какъ утопающій за соломинку, крѣпко ухватился онъ. Вспомнилъ онъ, что вѣдь онъ и не былъ въ сущности крестнымъ отцомъ Людмилы, опоздалъ пріѣхать на дачу, такъ что онъ ей посторонній, а не крестный отецъ. Собственно для него-то это конечно безразлично и съ его точки зрѣнія такому оправданію цѣна—грошъ: вѣдь Людмила и онъ—люди, она маленькая, безпомощная и погибающая, а онъ сильный и здоровый, и ничто ему не угрожало. Но это—нравственная точка зрѣнія, а здѣсь не земля, здѣсь, натурально, на первомъ планѣ должна быть «ортодоксальная» точка зрѣнія! Какъ онъ раньше объ этомъ не догадался? И съ отчаяніемъ и поспѣшностью школьника, ежеминутно ожидающаго, что вотъ-вотъ безапелляціонно прикажутъ ему раздѣваться и ложиться подъ розги и потому спѣшащаго прерывающимъ голосомъ высказать на удачу послѣднія оправданія, сталъ и Валерьянъ излагать, спѣша отъ волненія, повторяясь, запутываясь и напрягая всѣ силы

ума, свои послѣднія оправданія съ «ортодоксальной» точки зрѣнія.— Онъ самаго главнаго-то не сказалъ! Вѣдь онъ и не былъ крестнымъ отцомъ Людмилы! Да! Это можно провѣрить, конечно! Онъ опоздалъ пріѣхать на дачу. Онъ понимаетъ и знаетъ, какой религіозный долгъ лежалъ бы на немъ, если бы онъ былъ крестный отецъ! О, тогда бы онъ не отступилъ ни передъ чѣмъ, чтобы спасти осужденнаго людьми—звѣрями ребеночка! Пожертвовалъ бы и своей амбиціей и всѣмъ на свѣтѣ, пошолъ бы на скандалъ и на все и никогда не пустилъ бы Людмилу на дачу! Однимъ словомъ исполнилъ бы свой религіозный долгъ крестнаго отца! — Какой я идіотъ,—подумалъ онъ тутъ съ досадою,—что ни разу не посѣщалъ лекціи профессора богословія въ университетѣ! Знай я эту науку, пригодилась бы она мнѣ теперь для доказательствъ! — Но сожалѣть было поздно и Валерьянъ, сосредоточивши всю силу своего разума на «ортодоксальности», продолжалъ выдумывать и излагать свои оправдательные доводы, какіе могъ.

— О, да! онъ не хуже другихъ исполнилъ бы свой долгъ крестнаго отца! Но онъ повторяетъ, что никогда онъ крестнымъ отцомъ Людмилы не былъ и проситъ провѣрить это. А потому и религіознаго долга на немъ никакого не лежало! Онъ тутъ совсѣмъ посторонній, и единственно по добротѣ своей вмѣшался въ это дѣло! Жалко по человѣчеству стало ему ребенка, и онъ попробовалъ его спасти и сдѣлалъ все, что могъ, а чего нельзя и не въ силахъ былъ онъ, или хотя не умѣлъ сдѣлать, за это нельзя и винить его и ни въ чемъ онъ здѣсь не виноватъ, а вотъ «верхоленскій волкъ» и Катенька кругомъ виноваты, имъ нѣтъ никакого оправданія! — Валерьяну показалось особенно удачнымъ, что онъ умѣлъ свалить всю вину на другихъ.—Вотъ ихъ-то по всей справедлисти и слѣдуетъ засудить!

Ослабѣвая и вновь оживляясь, запинаясь, путаясь и повторяясь, Валерьянъ оправдывался долго, до полнаго изнеможенія, и въ результатѣ увидалъ и понялъ и сознаалъ ясно, какъ день, что по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, вся его неискренность, его наружное уваженіе и истинное пренебреженіе къ «ортодоксальности» всѣ его тайныя, самыя лукавыя мысли и поползновенія выѣхать на формальной ортодоксальности и замять и замолчать, что онъ «изъ одной амбиціи» и по недостатку мужества, не принялъ всѣхъ какія могъ принять, средствъ къ спасенію Людмилы,— открыты и разоблачены до конца, до малѣйшихъ его ухищреній и надеждъ, и что чѣмъ больше говоритъ онъ, тѣмъ яснѣе все это, всѣ его дурныя стороны обнаруживаются и разоблачаются.

Пораженный и убитый такимъ результатомъ своихъ не человѣческихъ усилій, онъ сразу оборвалъ свою рѣчь и замеръ въ ожиданіи приговора.

———

Онъ почувствовалъ, что почва подъ нимъ колеблется и онъ съ гуломъ и землетрясеніемъ проваливается въ бездну. Послѣдняя мысль, озарившая Валерьяна, никогда не умѣвшаго быть вполнѣ серьезнымъ, была мысль о томъ, что по крайней мѣрѣ онъ встрѣтится «тамъ» съ своимъ профессоромъ уголовнаго права, уже устроившимся тамъ; но эта мысль только озарила, а не утѣшила его. И онъ проснулся.

Бѣлый, яркій солнечный день давно стоялъ на дворѣ. Земные звуки раздавались кругомъ. Валерьяну трудно было повернуть и поднять свою отяжелѣвшую и болѣвшую голову, но его всего охватило чувство безпредѣльной, дѣтской, земной, животной радости и счастья, что живъ еще онъ, а не умеръ, и не осужденъ, не осужденъ несправедливо.

Годы прошли, много воды утекло. Валерьянъ давно забылъ про все и примирился съ убійцами, т. е. не то что примирился, а такъ: и онъ ничего и они ничего....

Влад. Вельскій.

ГОДЪ 7-й. # АРТИСТЪ ГОДЪ 7-й.

ЖУРНАЛЪ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ и ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ 1895 году «АРТИСТЪ» будетъ по прежнему выходить ежемѣсячно

по той-же программѣ.

Въ 1895 году въ журналѣ будутъ помѣщаться статьи по всѣмъ искусствамъ (живопись, архитектура, скульптура, музыка и театръ), романы, повѣсти и разсказы, преимущественно оригинальные, монографіи о русскихъ писателяхъ, композиторахъ и художникахъ (со снимками съ ихъ произведеній), критическія статьи, статьи по разнымъ вопросамъ русской и иностранной литературы, мемуары и письма писателей, художниковъ и артистовъ, періодическіе обзоры литературной и художественной жизни всей Европы, драматическія произведенія, преимущественно современнаго репертуара, музыкальныя произведенія, корреспонденціи, хроника, рисунки постановокъ пьесъ, портреты и снимки съ картинъ и рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, исполненные офортомъ, геліогравюрою, фототипіей, фототипіей въ краскахъ, фототипіей на мѣди, автотипіей и хромографіей.

Въ 1895 году въ беллетристическомъ отдѣлѣ будутъ напечатаны романы и повѣсти гг. А. П. Чехова, Г. А. Мачтета, П. П. Гнѣдича, И. Н. Потапенко, Вас. И. и Влад. И. Немировичъ-Данченко, М. Н. Альбова, А. А. Луговового, Е. П. Гославскаго, И. Л. Щеглова-Леонтьева, В. М. Михеева, А. А. Вербицкой, Н. А. д'Ессаръ, А. М. Васнецова и др.

Въ журналѣ попрежнему будутъ принимать участіе:

проф. Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскій и гг. Вл. Александровъ, Н. Ф. Арбенинъ, А. С. Аренскій, А. Ф. Арендсъ, К. Д. Бальмонтъ, Н. В. Баскинъ, Ю. Безродная, В. А. Беклемишевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. А. П. Боголюбовъ, К. М. Быковскій, В. М. и А. М. Васнецовы, П. П. Веймарнъ, В. Л. Величко, В. В. Верещагинъ, П. П. Викторовъ, проф. М. Я. Вилліе, Е. Е. Волковъ, бар. В. Г. Врангель, А. Ѳ. Гельцеръ, А. К. Глазуновъ, П. П. Гнѣдичъ, В. А. Гольцевъ, Е. П. Гославскій, А. О. Гунстъ, М. А. Давыдовъ, В. И. Далматовъ, М. М. Далькевичъ, Н. В. Досѣкинъ, Л. М. Жемчужниковъ, П. В. Жуковскій, проф. Д. Н. Зерновъ, Н. И. Ивановъ, М. М. Ипполитовъ-Ивановъ, А. И. Ильинскій, Н. В. Казанцевъ, Е. П. Карповъ, Н. Д. Кашкинъ, А. А. Киселевъ. Г. Конюсъ, В. Г. Короленко, Н. А. Касаткинъ, К. А. Коровинъ, М. П. Клодтъ, Н. Р. Кочетовъ, С. Н. Кругликовъ, Т. Л. Куперникъ-Щепкина, Ц. А. Кюи, Л Ф. Лагоріо, К. В. Лемохъ, К. В. Лебедевъ, А. П. Ленскій, В. С. Лихачевъ, проф. П. А. Линченко, А. А. Луговой, В. Е. и К. Е. Маковскіе, В. М. Максимовъ, Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), Э. Э. Матернъ, В. В. Матэ, Г. А. Мачтетъ, Д. С. Мережковскій, В. М. Михеевъ, проф. Милюковъ, Г. Г. Мясоѣдовъ, Э. Ф. Направникъ, П. М. Нежинъ, П. А. Нилусъ, Е. С. Некрасова, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. П. Новицкій, Л. О. Пастернакъ, В. В. Переплетчиковъ, В. В. Подкольскій, В. Д. Полѣновъ, И. Н. Потапенко, В. И. Ребиковъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, А. А. Рицциони, И. Е. Рѣпинъ, Г. С. Рыбаковъ, К. А. Савицкій, М. П. Садовскій, И. А. Саловъ, В. Я. Свѣтловъ, А. Ю. Симонъ, А. Н. Сиротининъ, В. Д. Соколовъ, К. М. Станюковичъ, В. В. Стасовъ, А. И. Сомовъ, С. С. Соломко, А. С. Степановъ, В. Я. Суреньянцъ, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), В. С. Сѣрова, Н. И. Тимковскій, С. Н. Филипповъ, проф. И. В. Цвѣтаевъ, М. И. Чайковскій, А. П. Чеховъ, Вс. и Вас. Чешихины, В. А. Чечоттъ, О. Н. Чюмина, В. И. Шенрокъ, А. Н. Шильдеръ, И. И. Шишкинъ, И. В. Шпажинскій, И. Л. Щегловъ-Леонтьевъ, В. Р. Щигровъ, Н. А. Ярошенко, А. А. Ярцевъ, А. Ф. и А. А. Ѳедотовы и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА остается прежняя: безъ доставки въ Москвѣ 10 р., на полгода 6 р.; съ пересылкой и доставкой 12 р., на полгода 7 р.; съ пересылкой за границу на годъ 14 р., на полгода 8 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: При подпискѣ 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р. до уплаты полной подписной суммы.

Редакція и главная контора: Москва, у Арбатскихъ воротъ, д. Шмитъ.

Отдѣленіе конторы: Петровскія линіи № 15—16, магазинъ бывш. П. К. Прянишникова.

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ"

въ 1895 году.

Изданіе журнала „ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ" въ 1895 году, *тридцать шестомъ* съ начала его изданія, будетъ продолжаться на прежнихъ основаніяхъ. При благословеніи высокопреосвященнѣйшаго Сергія, митрополита Московскаго и Коломенскаго, давняго сотрудника „*Душеполезнаго Чтенія*", и преосвященнѣйшаго Виссаріона, епископа Костромскаго и Галичскаго, несшаго труды по редакціи „*Душеполезнаго Чтенія*" ровно тридцать лѣтъ, и при ихъ полномъ и постоянномъ содѣйствіи, новая редакція и въ слѣдующемъ (теперь уже шестомъ) году будетъ продолжать то же святое дѣло—служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности *общеназидательнаго и общепонятнаго* духовнаго чтенія.

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА ВХОДЯТЪ: 1) Труды, относящіеся къ изученію Св. Писанія. 2) Статьи вѣроучительнаго и правоучительнаго содержанія съ обращеніемъ особеннаго вниманія на *современныя явленія въ общественной и частной жизни*, согласныя или несогласныя съ ученіемъ и установленіями православной Церкви. Обсужденію этихъ явленій посвящаются особыя статьи. 3) Церковно-историческіе разсказы. 4) Воспоминанія о лицахъ замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни. 5) Статьи, относящіяся къ православному Богослуженію. 6) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 7) Слова, поученія, и преимущественно *внебогослужебныя чтенія*, отличающіяся особенною назидательностію. 8) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ. 9) Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ. 10) По возможности документальныя и въ тоже время *общепонятныя* свѣдѣнія о западныхъ исповѣданіяхъ: римско-католическомъ, лютеранскомъ, реформатскомъ и другихъ сектахъ и разборъ ихъ ученій и обрядовъ. По тому самому, что редакторъ журнала долгое время преподавалъ о западныхъ исповѣданіяхъ въ Московской Духовной Академіи и три раза отправлялся за-границу, чтобы лучше ознакомиться съ ними на мѣстѣ, — на этотъ отдѣлъ будетъ обращено его особенное вниманіе. Къ этому же побуждаетъ и усиленіе сектъ въ нашемъ отечествѣ. 11) Имѣющія руководственное для пастырей и мірянъ значеніе резолюціи, мнѣнія и письма Моск. митрополита Филарета. 12) Разныя извѣстія и замѣтки.

Въ дополненіе къ этой основной программѣ, за послѣднее время въ нашемъ журналѣ обращено особенное вниманіе на выдающееся служеніе въ Бозѣ почившихъ оптинскаго «старца» іеросхимонаха отца **АМВРОСІЯ** и преосвященнаго **ѲЕОФАНА** затворника. Редакція *Душеполезнаго Чтенія* полагаетъ, что ихъ жизнь, письма и «статьи» представляютъ вполнѣ авторитетное и самое удобопонятное чтеніе для всѣхъ званій и состояній во всей православной Россіи—чтеніе не праздное и тщетное, а отвѣчающее на самые насущные и жизненные вопросы и на всевозможные случаи, по поводу которыхъ русскій народъ обращался и къ «батюшкѣ **АМВРОСІЮ**», и къ преосвященному **ѲЕОФАНУ**-затворнику за тысячи верстъ и со всѣхъ концовъ Россіи.

Въ нашемъ же журналѣ печатаются и **УРОКИ** благодатной жизни по руководству отца **ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.**

Начиная съ 1891 года въ «**ДУШЕПОЛЕЗНОМЪ ЧТЕНІИ**» помѣщаются время отъ времени, по мѣрѣ надобности, **РИСУНКИ** и **ПОРТРЕТЫ.**

«ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ» въ 1895 г. по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно.

При общепонятности журнала и цѣна его общедоступна: за 12 книжекъ безъ доставки 3 р. 50 коп., съ доставкой и пересылной въ Россіи 4 р., за границей 5 руб.

На тѣхъ же условіяхъ можно пріобрѣтать полные экземпляры (въ 12 книжекъ) «ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ» за 1892, 1893 и 1894 годы. Въ нихъ уже много напечатано данныхъ и объ отцѣ **АМВРОСІИ** и о преосвященномъ **ѲЕОФАНѢ** и объ отцѣ **ІОАННѢ КРОНШТАДСКОМЪ**, съ приложеніемъ ихъ портретовъ.

Подписка на «ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ» принимается: въ Москвѣ, въ редакціи (новый домъ церкви святителя Николая, что въ Толмачахъ, рядомъ съ прежнимъ), и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы, въ Петербургѣ у книгопродавца И. Л. Тузова, Гостиный дворъ, № 45.

Иногородные благоволятъ относиться для подписки такъ:

Москва. Въ редакцію журнала «ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ».

Редакторъ-издатель заслуж. проф. прот. **Дим. Ѳеод. КАСИЦЫНЪ.**

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ РЕЛИГІОЗНО-НРАВСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

КОРМЧІЙ

(VIII годъ изданія).

«КОРМЧІЙ» одобренъ: Его Императорскимъ Высочествомъ, Государемъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, какъ полезное чтеніе для солдатъ, Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Сѵнодѣ и Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія

Адресъ редакціи: Москва, Ордынка, д. Бажановой, (квартира Протоіерея Скорбященской церкви).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: I. Календарныя свѣдѣнія. II. Объясненіе Евангелія или Апостола. III. Объясненіе главнѣйшихъ истинъ Христіанскаго вѣроученія. IV. Объясненіе Церковнаго Богослуженія, обрядовъ при таинствахъ и др. церковн. службахъ, молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній. V. Объясненіе заповѣдей; поученія Св. Отцевъ и Учителей Церкви и современныхъ проповѣдниковъ; духовныя размышленія; поучительные разсказы изъ Пролога, Четіихъ-Миней и т. п.; сказанія о различныхъ явленіяхъ Вѣры благодатной и дивныхъ знаменіяхъ милости Божіей. VI. Разсказы изъ Свящ. Исторіи Ветхаго и Нов. Завѣта; изъ Церковной исторіи и преимущественно Русской; описанія Московскихъ и Россійскихъ святынь. VII. Обличенія заблужденій современныхъ сектъ и лжеученій. VIII. Разсказы изъ быта: народнаго, военнаго, школьнаго, миссіонерскаго, изъ быта раскольниковъ и сектантовъ. IX. Духовно-нравственныя стихотворенія. X. Извѣстія и замѣтки и объявленія.

№№ журнала будутъ украшаться **рисунками или изъ событій Ветхаго и Новаго Завѣта, или видами замѣчательныхъ святынь и различныхъ достопамятностей съ соотвѣтствующими поясненіями въ текстѣ.**

Обязательный объемъ каждаго номера 12 стр., т. е. $1\frac{1}{2}$ печатныхъ листа средняго убористаго шрифта. Но редакція, по примѣру прежнихъ л... будетъ выпускать въ два листа. Форматъ журнала будетъ увел...

Въ 1895 году въ журналѣ „**КОРМЧІЙ**“ по прежнему будетъ ... своими литературными трудами

Извѣстный Кронштадтскій Пастырь Отец...

Въ 1895 г. Редакція «КОРМЧАГО» дастъ своимъ подписчика... ное приложеніе—листокъ подъ заглавіемъ: **«Нравственный обзо... современной жизни».**

Въ редакціи имѣются экземпляры «КОРМЧАГО» за 1889, 90... вые три года не въ полномъ видѣ (не достаетъ въ каждомъ ок... каждому 1 р. 50 к., съ перес.; послѣдніе года, полные, цѣна 1892 г. 2 р., а 18... (сброшюрованъ) 2 р. 50 к., съ перес. Налож. платежемъ не высылается.

Редакторы-Издатели: Протоіерей **С. П. Ляпидевскій.**
Священники { **І. Н. Бухаревъ.** **В. П. Гурьевъ.**

„СЪВѢТНИКЪ“

Газета „Съвѣтникъ“, — единственный православный церковно-общественный вѣстникъ, издаваемый въ Княжествѣ Болгаріи.

Вступая въ 10-й годъ своего существованія „СЪВѢТНИКЪ“ и въ текущемъ году будетъ выходить еженедѣльно. **Подписная цѣна газеты въ Княжествѣ: на годъ 8 левовъ (франковъ). — Подписка принимается въ гор. Софіи, въ Княжестсѣ Болгаріи, въ редакціи газеты.**

Редакторъ-издатель *Игнатій Рыльскій.*

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Января 1895 года.

Типографія Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. № 18.

Приложеніе **БЛАГОВѢСТЪ**. Январь 1895 г.

Содержаніе: „Древнехристіанскіе церковные писатели объ изученіи греческихъ классиковъ". Статья *Е. Апостолиди.*

„РУССКАЯ БЕСѢДА“

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Статьи политическія по выдающимся событіямъ въ Россіи и заграницей. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія. 3) Церковный отдѣлъ. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки; монографіи, воспоминанія, путешествія, жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера. 5) Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и народныя пѣсни. 6) Правительственныя распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 7) Внутренняя и внѣшняя хроника разныхъ событій; извѣстія и письма внутреннія и заграничныя. 8) Обозрѣніе газетъ и журналовъ 9) Библіографія и критика. 10) Извѣстія и разныя новости. 11) Рисунки, соотвѣтствующіе содержанію статей. 12) Справочный отдѣлъ и объявленія.

Приложеніе: БЛАГОВѢСТЪ. Статьи богословскаго и церковно-историческаго содержанія.

Условія подписки на 1895 годъ:

Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи и заграницу:

На годъ **6** руб. | На полгода **3** руб.

Допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ до полной уплаты подписной цѣны.

Можно требовать высылки изданія съ наложеннымъ съ платежемъ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ—**одинъ рубль**.

Подписка принимается:

Въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 18, въ СПБ. Славянскомъ Обществѣ, площадь Александринскаго театра д. 9, а также въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени», въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ; Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Варшавѣ и Москвѣ, и во всѣхъ другихъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Плата за объявленія: за цѣлую страницу 20 рублей, за полстраницы—10 р., за ¼ 5 р.

Адресъ Редакціи „РУССКОЙ БЕСѢДЫ“; С.-Петербургъ. Гороховая ул., д. 15.

Издатели: А. В. Васильева. Е. А. Евдокимовъ. В. С Драгомірецкій.

Редакторъ: *В. Драгомірецкій.*

...орiи, въ

...й.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 января 1895 г.